

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I

**Ареал памятников,
археологическая
картография
и типология**

ГЛАВА II

**Раскопки
поселения
могильни
IV в. до н.э.**

и
ий, городищ,
иков
н. э. VI в. н. э.

ГЛАВА III

**Арысская
археологическая
культура
Южного Казахстана**

ГЛАВА IV

**Периодизация
и хронология
арынской
культуры**

**АРЫССКАЯ
КУЛЬТУРА**

**ЮЖНОГО
КАЗАХСТАНА**

*Милочисленному Королевству
Трейбери от автора.*

Август 2012.

А. Подгун

Қ.А. ЯССАУИ АТЫНДАҒЫ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ
ҚАЗАҚ - ТҮРІК УНИВЕРСИТЕТІ
AHMED YASAWI KAZAK-TURKISH
INTERNATIONAL UNIVERSITY

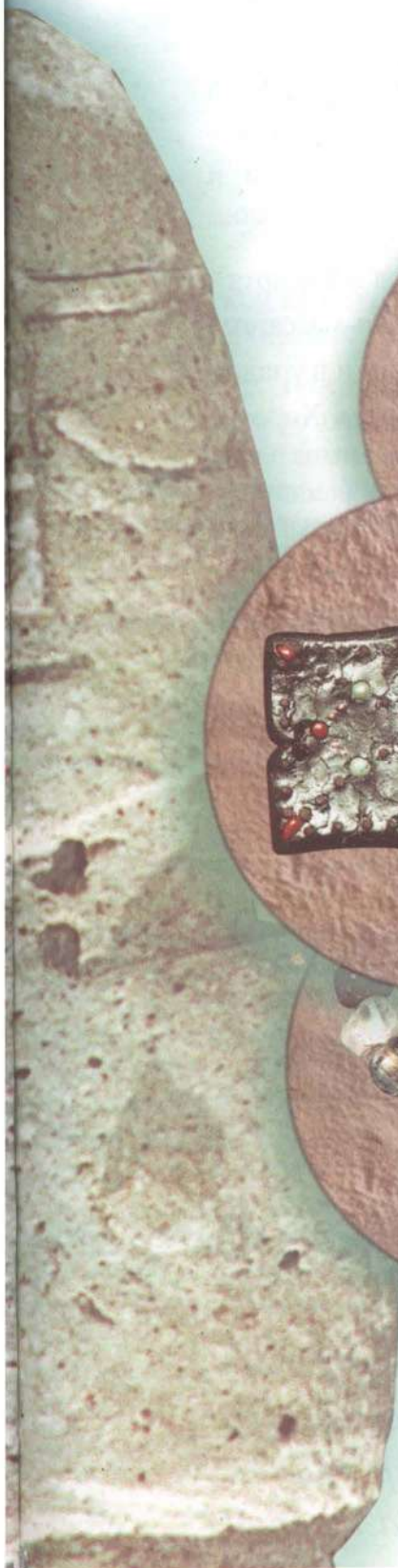
HOCA AHMET YESEVI
ULUSLARARASI
TÜRK - KAZAK ÜNİVERSİTESİ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАЗАХСКО
ТУРЕЦКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им.Х.А.Ясави

А.Н. Подушкин.
Арысская культура Южного
Казахстана.

© А.Н. Подушкин. 2000
© Д.В. Гончаров, Р.Ф. Потехин.
Художественное оформление. 2000
© Издательский центр МКТУ им.
Х.А.Яссави, Туркестан. 2000

Древние цивилизации

А.Н. Подушкин

**АРЫССКАЯ
КУЛЬТУРА
ЮЖНОГО
КАЗАХСТАНА
IV в. до н.э. - VI в. н.э.**

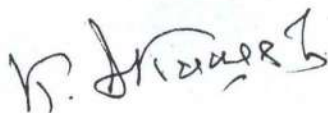
От ответственного редактора

Данная монография - обобщающий труд, посвященный древностям Великого пояса степей Восточной Евразии. Особое положение в ней занимает Сыр-Дарья с её правым притоком - рекой Арысь - как родина яркой древней и средневековой культуры, во многом самобытной, но и впитавшей в себя лучшие достижения городской и кочевой цивилизаций Востока.

В междуречье двух великих центральноазиатских рек Окса и Яксарта - Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи - жили и исчезали племена и народы: саки-массагеты и кангюй, хунны и аланы, огузы и тюрки; возникали и приходили в упадок государственные объединения: Греко-Бактрия, Великие Кушаны, Хорезм, Согдиана и Парфия...

На месте исчезнувших племен и государств оставались руины городов всё ещё с грозными крепостными стенами и сторожевыми башнями, безмолвные курганы, хранящие тайну веков. Все они, как и другие многочисленные памятники, - немые свидетели былого величия ушедших цивилизаций оседлых и кочевых народов, говоривших на разных языках, исповедующих различную религиозную веру. Но принадлежность их к единому роду человеческому была гарантом их взаимодействия, интеграции культур и созидательной деятельности.

Автор настоящей книги - казахстанский археолог А.Н. Подушкин, наследуя творчество своего отца, известного ученого Н.П. Подушкина, на мой взгляд, удачно пытается прочитать книгу мертвых городов и раскрыть тайну курганов- древних гробниц. Выражаю уверенность, что монография будет с интересом встречена всеми, кого интересует прошлое своей страны и кому дорого будущее своей Родины.

К.А. Акишев

*доктор исторических наук,
Лауреат Государственной премии РК,
Заслуженный деятель науки Республики Казахстан.*

От автора

Дорогой читатель!

Лежащая перед Вами книга — логическое завершение моих многолетних усилий по изучению археологических памятников Южного Казахстана.

Она посвящена исследованию оригинальных систем традиций культурно-генетического характера в материальной сфере племен, населявших регион в IV в. до н. э. - VI в. н. э.

В археологической науке такие системы традиций, выявленные на большой группе памятников, называются археологической культурой.

Раскрыть, показать в полном объеме роль этих традиций в рамках арысской культуры - вот главная задача, которую я поставил перед собой фактом написания этой книги.

В ней вы многое сможете открыть для себя: помимо материалов цветной аэрофотосъемки и подземной съемки в полых погребальных конструкциях, перед вами раскроется целый ряд уникальных артефактов, демонстрирующих замечательные достижения земледельческо-скотоводческой цивилизации древнего населения Южного Казахстана.

Книга очень хорошо иллюстрирована. Насыщенность иллюстративным материалом объясняется не только тем, что археология — достаточно конкретная, “вещественная” наука. Это оказалось крайне необходимым при характеристике таких обязательных для археологической культуры составляющих как признак, специфический комплекс признаков и наглядный образ.

Замечу также, что иллюстративный материал готовился многие годы, поэтому качество некоторых цветных позитивов, сделанных двадцать — пятнадцать лет назад, оставляет желать лучшего.

В завершение хочется сказать следующее: материальные системы традиций арысской культуры чрезвычайно масштабны и существенны. То, что мне удалось выявить и зафиксировать на исследовательском уровне в отношении её памятников — это верхушка айсберга. Основная масса объектов арысской культуры — а их сотни - пока остаётся неизученной.

По этой причине научные построения, фигурирующие в книге, объективно обозначили только общую канву зарождения, развития и трансформации культурных традиций древних народов Южного Казахстана, которые как реалии существовали на протяжении почти тысячелетия.

Если мне удалось посредством этой книги высветить или подчеркнуть эту канву для Читателя, буду считать свою миссию выполненной.

С уважением

А. Подушкин.

Благодарности

Совершенно очевидно, что создание любой книги, особенно монографии высокого качества, насыщенной большим научно-информативным содержанием и иллюстративным материалом, есть нелегкий труд и результат не только интеллектуального индивидуального творчества автора.

Как правило, подобные издания являются сферой приложения профессиональных усилий целого коллектива, объединенного идеей рождения книги.

Не исключение в этом плане и данный труд, который представляет собой результат коллегиального деяния многих людей, непосредственно причастных к археологии Южного Казахстана или весьма далеких от неё. В той или иной степени они содействовали появлению на свет этой книги, внося на разных этапах работы над ней свою персональную лепту.

В таком контексте особенно приятно будет выразить огромную благодарность всем тем, кто помог подготовить и издать монографию в виде этой отличной книги.

Прежде всего, я хочу выразить свою глубочайшую признательность моей главной научной наставнице, человеку огромного обаяния и эрудиции, неординарному исследователю и просто замечательной женщине Ларисе Михайловне Левиной. Являясь одной из ярких представительниц школы археологических традиций Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, она щедро и бескорыстно делилась со мной своим богатейшим опытом археолога-профессионала. Это фактически предопределило моё становление как учёного и помогло впоследствии правильно ориентироваться в сложных течениях археологической науки.

Огромную благодарность я выражаю другому моему наставнику Кималю Акишевичу Акишеву. Под его руководством в составе Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в уже далеком 1969 году я начал свой путь как археолог. Здесь под стенами древнего Отрара, в течение десяти сезонов я познавал азы полевой археологии, учился у Кималья Акишевича честности и бескорыстности отстаивания научных концепций, которые он свято хранил как последователь ленинградской археологической школы А.Н. Бернштама и М.П. Грязнова.

В деле написания книги не обходится без издержек содержательного, практичес-

кого и структурного характера. В этой связи я искренне благодарен К.М. Байпакову, Е.А. Смагулову, З.С. Самашеву и другим за конструктивную критику и советы, которые помогли изданию приобрести достойный для читательского восприятия вид.

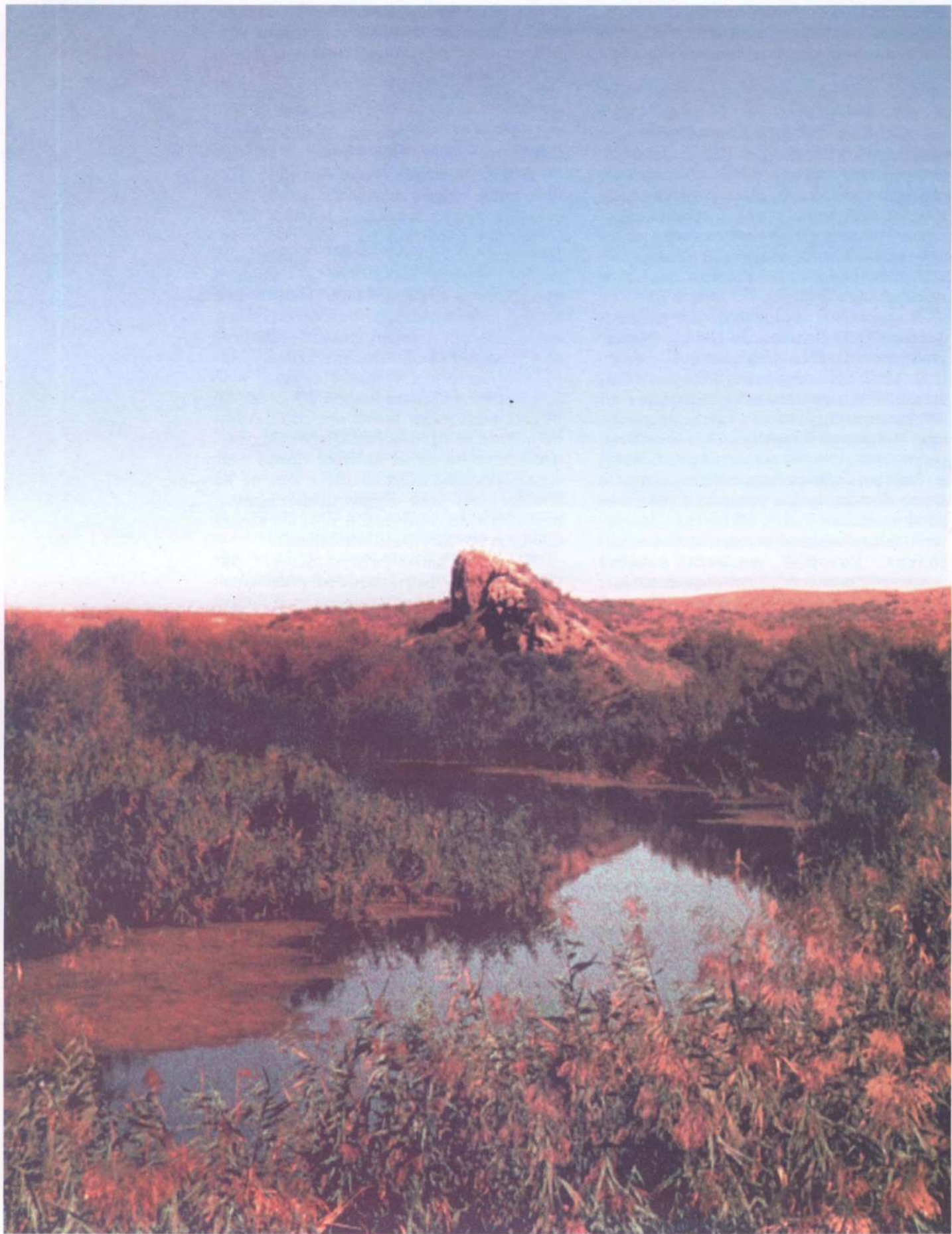
Я должен сказать слова благодарности в адрес моих соратников по экспедициям, с которыми приходилось делить в течении многих лет все сложности полевой жизни С.К. Дудникову, А.А. Рустемову, А.Г. Донец, С.А. Павленко, А.А. Гончарову, И.С. Савину, В.М. Кривоконову, А.Н. Грищенко, М.Е. Дикань, П.Г. Опружак, М. Орманчину, С.Н. Подушкину и другим. Они прямо причастны к открытию и изучению ранних памятников Южного Казахстана, благодаря их профессионализму мы имеем возможность видеть и исследовать многие артефакты арысской культуры, часть которых своей уникальностью по праву войдёт в фонд национального культурного достояния Республики Казахстан.

Отдельно я искренне благодарю моего большого друга, участника многих совместных археологических проектов, Зиятдина Исабекова. Его организаторские способности и финансовая поддержка значительно ускорили появление издания на свет. Он так же имел причастность к написанию главы второй данной книги.

Необходимо выразить большую благодарность директорам сельских школ Ордабасинского района Южно-Казахстанской области Н. Абдрасилову и Р. Шабденову за предоставление археологических коллекций из школьных музеев.

Я выражаю признательность за практическую помощь многочисленным студентам исторического факультета Чимкентского педагогического института и Международного казахско-турецкого университета, которые в течении многих лет участвовали в работах археологического отряда или работали на объектах по программе археологической практики.

Хочется также выразить признательность за понимание и поддержку руководству и педагогическому коллективу Чимкентского отделения Международного Казахско-Турецкого Университета им. Х.А. Яссави, где автор трудится начиная с 1993 года. В частности, следует отметить большой вклад президента университета академика М.Ж. Журьнова, директора Ч.О.

МКТУ Л.Т. Ташимова, профессора А.М. Аширова, которые создали мне условия для написания книги и приняли участие в её издании.

Кроме всего я искренне благодарю представителей турецкой стороны МКТУ им. Х.А. Яссави в лице Главы Уполномоченного Совета Намык Кемал Зейбека, доверенного лица (первого заместителя) ректора профессора, доктора Абдукадыр Ювалы, доверенного лица (первого заместителя) директора Шымкентского отделения профессора, доктора Сабри Хизметли, которые прямо содействовали изданию моей книги в Турции.

Я также от души благодарю профессора О.С. Балабекова (Южно-Казахстанское отделение Академии Наук), С.К. Алибаеву (областной историко-краеведческий музей) за помощь в деле осуществления совместных проектов в рамках научной программы Ордабасы, результаты которой вошли в текст книги.

Хотелось бы сказать добрые слова в адрес Ж. Мынбаева, экипажа и командира экипажа вертолёта МИ-8 А.Г. Милютина за организацию аэрофотосъемки, благодаря которой читатель имеет возможность видеть сверху выразительные памятники арысской культуры.

Я должен выразить глубокую признательность президенту международного университета "Мирас" Б.А. Мирзалиеву за материальную поддержку по изданию монографии.

Процесс подготовки книги к изданию — высокое искусство, связанное с творческими усилиями дизайнеров, художников, фотографов и других профессионалов, имеющих отношение к полиграфическим работам. Их труд, в конечном счете, определяет суть, общий облик издания, и каким образом последний соответствует основному содержанию книги. И тот факт, что лежащая перед читателями книга состоялась именно в таком замечательном виде, во многом заслуга главных исполнителей компьютерных верстальных работ Романа Фёдоровича Потехина и Дмитрия Васильевича Гончарова. Им я от души выражаю глубокую благодарность.

Очень большую работу проделала также творческая группа в составе художника-графика А.Г. Донец, фотографа С. Хайкина и К. Подушкина. Именно на них легла ответственность за оформление огромного иллюстративного материала к книге, за что я приношу свои слова признательности и благодарности.

Немаловажным фактором в деле рож-

дения на свет книги является издательский коллектив, который творческие устремления автора и конкретные усилия других людей превращает в реальный полиграфический продукт. Я глубоко признателен главному издателю Владимиру Татаркину за согласие издать мой скромный труд.

Издать качественную, добротную книгу в наше время — дело сложное, особенно в контексте заключительной фазы, связанной с финансовым обеспечением. Понятно, что одному автору, который всю жизнь трудится на ниве образования и просвещения, его не поднять. Поэтому мне особенно приятно сказать слова огромной благодарности Альжану Шомаеву, Жанторе Султанову за понимание, оценку научного и интеллектуального труда и личное участие в издании данной монографии. Без их поддержки появление этой книги на свет было бы невозможным. Подлинными казахстанскими меценатами в самом прямом и хорошем смысле слова, они не на словах, а на деле осуществляют вклад в развитие археологической науки в Казахстане, за что им — большое спасибо!

Я хочу поблагодарить также А.Н. Лукьянова, Б.А. Байтанаева за посильный частный вклад в дело издания этой книги.

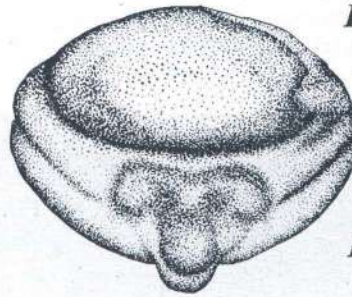
В заключение я выражаю признательность своей семье за поддержку и понимание очень специфичного труда археолога. Это относится в первую очередь к моей матери, Раисе Игнатьевне Подушкиной, и жене, Татьяне Михайловне Подушкиной, которые волей судьбы оказались вовлечены в археологический мир. Пусть появление этой книги хоть в какой-то степени компенсирует бесконечное отсутствие в родных стенах сына и мужа.

Наконец, я должен сказать слова самой глубокой благодарности моему отцу, археологу и педагогу Николаю Павловичу Подушкину. Последователь археологической школы А.Н. Бернштама, А.Х. Маргулана, Е.И. Агеевой, Г.И. Пацевич, он стоял у истоков изучения арысской культуры. Ему первому довелось исследовать её памятники и обратить внимание на те выраженные закономерности культурно-генетического порядка, которые впоследствии стали характеризовать блок признаков этой культуры. Он приобщил меня к Археологии, и фактически ему я обязан написанием книги.

*С огромным уважением
и признательностью
Автор*

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения ранних памятников является актуальной для современной археологии Казахстана

Археология IV в. до н. э. - VI в. н. э. Южного Казахстана и прилегающих регионов на данном этапе развития остается существенным «белым пятном» в казахстанской науке.

Это связано с рядом факторов научно-практического характера, а также со стратегическим направлением развития археологии Казахстана пятидесятих-шестидесятих годов при котором изучение объектов этого времени на территории региона оказалось неприоритетным. Отсутствовал системный подход к решению данной проблемы, а спорадические усилия археологов сводились в основном к топографическим, картографическим, рекогносцировочным исследованиям и реже - к стратиграфическим и стационарным раскопкам (ЮКАЭ, 50, с.58-89; с.97-98; 6, с.18-20; 31, с.16-29).

Ограниченными были масштабы стационарного обследования объектов IV в. до н. э. - VI в. н. э. Южного Казахстана, в том числе погребальных сооружений (51, с. 8-12; 226, с. 108-120; 227, с. 106-115; 188-189, с. 193-240).

Ситуация в корне не менялась и когда в целом было завершено картографирование памятников археологии Южного Казахстана (Археологическая карта Казахстана, 1960) и в регионе приступила к работе Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ). В деятельности ЮККАЭ изучение памятников IV в. до н. э. - VI в. н. э.

Отрарского оазиса занимало небольшое место, особенно - на фоне работ по вскрытию огромных площадей на раннесредневековых, средневековых и позднесредневековых объектах (31, с. 223-236; городища Костобе Южное, Северное; могильник Мардан; 228).

Факт массового присутствия памятников IV в. до н. э. - VI в. н. э. на территории региона и малая степень изученности последних ярко проявился в ходе масштабных работ над сводом памятников истории и культуры Казахстана (269, с. 9-42). Внесённые коррективы реально воплотились в десятки, сотни новых открытых могильников, поселений, городищ. На фоне сотен объектов этого периода усилился археологов, получивших артефакты с двух-трёх десятков памятников, выглядели более чем скромно.

Эти причины способствовали тому, что в регионе отсутствовали долговременные комплексные программы, предусматривающие параллельное стационарное изучение групп объектов раннего периода в микро-оазисах (городище-поселение-могильник).

Погребение в кургане 1
могильника
Султанрабат

Таким образом, практическое состояние проблемы изучения памятников IV в. до н. э. - VI в. н. э. Южного Казахстана не может компенсировать недостаток археологической информации в решении спектра вопросов древней истории края.

Как следствие такого положения, за незначительным исключением, вне сферы научных интересов казахстанских археологов-исследователей остались большие периоды истории региона середины I тыс. до н.

э - VI в. н. э.

В условиях дефицита письменных источников для Южного Казахстана этого времени, трудно переоценить негативные последствия отсутствия информации, касающейся материальной культуры таких племенных объединений (этносов) как саки, сармато-аланы, сюнну, да-юэчжи, канцзюй и других. Все они присутствовали в регионе в качестве либо автохтонного населения, либо мигрантов и во многом определяли этнополитическую ситуацию на территории Южного Казахстана почти тысячелетие, вплоть до прихода сюда поздних кочевников (51, 59-80).

В контексте изложенного представляется актуальным комплексное изучение памятников археологии на территории региона путём систематизации и научной интерпретации нового археологического материала с многочисленных объектов IV в. до н. э. - VI в. н. э. Южного Казахстана.

Исследование ставит главной своей целью систематизацию накопленного автором за последние двадцать пять лет масштабного археологического материала по памятникам региона IV в. до - VI в. н. э. и выделение на его основе арысской археологической культуры как системы устойчивых традиций культурно-генетического порядка со всеми сопровождающими и вытекающими из этого факта научными построениями.

К ним относятся:

формирование наглядного образа культуры;

обозначение качественных и количественных параметров её признаков и специфического комплекса признаков (далее - СКП);

градация СКП в хронологическом и территориальном аспектах, а также в контексте интенсивности проявления;

периодизация и хронология культуры;

этнологическая идентификация арысской культуры.

Исследование включает также исторические, социально-экономические и культурные интерпретации в общих вопросах генезиса арысской культуры.

На этой основе решаются задачи этнокультурного и политического характера, которые определяли динамику развития древних обществ и государственных объединений на территории района в IV в. до н. э. - VI в. н. э. В их числе:

генезис древней культуры Южного Казахстана;

характер и особенности её становления;

степень интегрированности и взаимосвязанности с другими культурами Сред-

ней Азии и Казахстана (сакской, каунчинской, джетыясарской);

специфика материальной культуры, способов хозяйствования, быта, идеологических представлений древних насельников региона.

Ключевой задачей исследования является комплексное археологическое изучение большой группы памятников с середины I тыс. до н. э. по VI в. н. э. на территории Южного Казахстана и прилегающих районов. Ареал исследования охватывает памятники бассейнов рек Арысь - Бадам - Келес, гор Каржантау - Каратау, а также аналогичные по археологическим признакам и синхронные по времени объекты прилегающих районов Ташкентского оазиса, нижней Сыр-Дарьи и бассейна реки Талас.

Параллельно с ключевой задачей решается блок проблем этнокультурного порядка. В контексте с письменными источниками и новыми археологическими реалиями он позволяет автору выразить свою точку зрения на одну из наиболее сложных проблем в археологии Средней Азии и Казахстана - канцзюйскую.

Историография проблемы в плане изучения археологических объектов всех эпох на территории Южного Казахстана и прилегающих зон освещена в многочисленных публикациях достаточно полно (6, с. 12-61; 31, с. 12-25; 245, с. 11-32; 251, с. 8-14; и др.). Между тем только незначительная часть этих публикаций касается собственно памятников IV в. до н. э. - VI в. н. э. Поэтому, в свете новой археологической литературы по тематике, остановимся на кратком историографическом обзоре.

Первоначальные шаги по выявлению и первичному археологическому обследованию объектов IV в. до н. э. - VI в. н. э. на территории Южного Казахстана можно связывать с деятельностью П. П. Остроумова, который в 1893 году осуществил раскопки на цитадели, валу городища Жуантобе (бассейн р. Арысь), а также предпринял попытку вскрыть несколько курганов расположенного рядом Борижарского могильника. Малозначительные результаты работ (фрагменты толстостенной неполивной керамики, мелкие предметы из меди, бронзы и проч.) были опубликованы в «Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии» и отнесены к «монгольскому» времени (239, с. 118-130). Между тем Жуантобе и могильник Борижарский, согласно последним археологическим данным, - эталонные объекты земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана, археологические материалы которых в нижней

своей границе связаны с первыми веками н. э. (251, с. 176-177; 269, с. 109).

Другой дореволюционный автор, И.А. Кастанье, в своей работе «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» также приводит сведения о ранних памятниках региона. В частности, он кратко описывает курганы в окрестностях станции Арысь (135, с. 182).

Современная информация о могильниках близ ст. Арысь, которая включает данные топографии, материалы раскопок, однозначно свидетельствует о причастности этих погребальных сооружений к

Рекогносцировочная траншея. Могильник Чимкентский

Городище Кокмардан. Вид сверху

А.Н. Бернштам нетрадиционным способом форсирует ров городища Кокмардан

сако-усуньскому, сармато-сюннускому и канцзюйскому времени (269, с. 100, 132).

Более планомерному и системному обследованию археологические объекты IV в. до - VI в. н. э. на территории региона подверглись в тридцатые - сороковые годы двадцатого столетия. В частности, Г.И. Пацевич

была осуществлена разведка по бассейнам рек Арысь, Талас, а также составлена археологическая карта Арысь-Таласского междуречья, что нашло воплощение в публикации «Памятники междуречья Талас-Арысь». В числе последних - значительное количество ранних поселений, могильников рубежа - первых веков н. э. (240, с. 147-170).

Определённую роль сыграли и работы Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, чьи полевые научные исследо-

проблемам древней истории Южного Казахстана, в числе которых «Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана», «Древний Отрар» и другие (50, с. 59-99; 55, с. 8-97). В этих трудах раскрывается роль различных племенных объединений в этногенетических процессах на территории региона, затрагиваются проблемы исторической топографии, локализации древних городов. Освещаются также вопросы развития материальной культуры, хронологии и датировки большой массы археологического материала.

Как итоговую публикацию, подводящую черту всей многоплановой деятельности ЮКАЭ, можно рассматривать обобщающий труд Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевич «Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана» (6). Привлекая обширный археологический материал большой истори-

Горы Каратау

*Е.И. Агеева
и Г.И. Пацевич.
Чимкент, 1950 г.*

вания распространились на зону северных склонов Каратау и низовья рек Талас, Чу. Здесь были открыты и обследованы памятники, относящиеся к земледельческо-скотоводческой культуре I - IV в.в. (200, с. 109-115; 201, с. 100-122).

Масштабные изыскания на ранних па-

*Е.И. Агеева,
А.Н. Бернштам
и Г.И. Пацевич.
Чимкент, 1950 год
(Бостандыкский район
Узбекистана, р. Пожем)*

мятниках региона связаны с деятельностью Южно-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Н. Бернштама в 1946 - 1951 г.г. Результатом явилась серия публикаций, посвящённая ключевым

ко-культурной зоны (Отрарский оазис, горы Каратау, левобережье р. Сыр-Дарья, междуречье р. р. Арысь - Талас и Келес), авторы систематизировали его по основным проблемам археологии края.

В частности, была предложена типология поселений и городищ, дана хронологическая классификация керамики, в которой выделено шесть периодов: сакский (VII-IV в.в. до н. э.), раннекангюйский (III в. до н. э. - I в. н. э.), позднекангюйский (I - IV в.в.), кенгересский (V-VIII в.в.), карлукский (VIII-XII в.в.), восточно-кыпчакский

(XIII-XV в.в.). Освещены также вопросы локализации городищ и проблемы пролегания караванных путей через территорию Южного Казахстана (6, с. 158-159; 203-210).

Позитивным вкладом на этом этапе археологического исследования ранних объек-

Археологический лагерь на р. Сыр-Дарья. 1949 г.

тов региона следует считать выделение т.н. «кангюйско-каратауской» археологической культуры, которую авторы связывают с культурой древнего Канцзюя (Кангюя) II в. до н. э. - IV в. н. э. и локализуют на Средней Сыр-Дарье и зоне гор Каратау (55, с. 81-97; 6, с. 210-211).

Важными следует считать усилия и результаты ЮКАЭ по изучению ранних памятников северных склонов Каратау, в особенности поселения Актобе и близлежащих могильников. Впервые был получен археологический материал с почти полностью раскопанного раннего объекта, который иллюстрирует процесс возникновения и развития памятника начиная с IV в. до н. э. по IV в. н. э. (270, с. 97-81; 212, с. 83-87; 186, с. 97-116).

Большим вкладом в изучение памятников археологии региона в целом явилось издание «Археологической карты Казахстана». В ней в концентрированном виде дана информация об известных на конец пятидесятых годов объектах (местонахождение, топография, анализ подъёмного керамического материала, историко-библиографическая справка; 15, листы 35, 40).

Начало шестидесятых годов в археологии края ознаменовывается крупными охранными работами Чардаринской археологической экспедиции в зоне затопления одноимённого водохранилища (ЧАЭ). Комплексному археологическому обследованию подверглась большая группа ранних памятников: поселение Актобе 2 I-IV в.в., городище Шаушукумтобе III-VIII в.в., курганные могильники Актобе, Шаушукум, Жамантагай, Торейбай-Тумсык III в. до н. э. - IV в. н. э.

Результатом работ стала книга «Древности Чардары», подведшая итоги научно-практической деятельности ЧАЭ. В ней интерпретирован богатейший материал, значительно расширивший наши представления о быте, хозяйстве, материальной и духовной культуре древних племён региона, отмечена преемственность в археологических материалах поселений и могильников. Авторы делают вывод о генетической связи всего археологического комплекса Актобе 2 с каунчинской культурой Таш-

Южно-Казахстанская Археологическая экспедиция. 1950 г. На зачистке погребения могильника Борижарский К.А. Акишев

кентского оазиса (190).

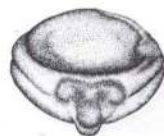
С середины шестидесятых годов развивается научно-изыскательскую деятельность археологической отряд Чимкентского пединститута (руководитель Н.П. Подушкин). Главными объектами работы отряда стала группа ранних оседлых поселений в бассейне верхней, средней Арыси и

Река Арысь и городище Культобе. Вид сверху

зоне гор Каратау-Каржантау.

Первоначальные разведочные, стратиграфические, стационарные работы по выявлению и археологическому обследованию ранних поселений позволили уже тогда говорить об изучаемом регионе как о центре

зарождения древнеземледельческой культуры, истоки которой уходят в первые века до н. э. - первые века н. э.

Был получен и научно обработан археологический материал с почти полностью раскопанного поселения Караултобе I - IV в.в., а также городища Торткультобе IV-VIII в.в., осуществлены рекогносцировочные и стратиграфические раскопки на десятках новых для того времени ранних объектах.

Городище Тулебайтобе

Практическим результатом перечисленных работ АО ЧПИ стала серия статей в ежегодных сборниках ИИАЭ им. Ч. Валиханова, а также диссертация «Ранние оседлые поселения долины Арысы I-VIII в.в.» (243; 244; 245; 246; 247; 248).

Большое значение для археологии региона имели работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции ИИАЭ им. Ч. Валиханова (ЮККАЭ) под руководством К.А. Акишева, которая развернула свои изыскания начиная с 1969 г. на территории Отрарского оазиса и в зоне гор Каратау. Археологическому обследованию подверглась большая группа объектов, в том числе - ранние поселения, городища и могильники (поселения Костобе Северное и Южное; городище Пшукмардан, могильник Мардан и другие).

Итогом работы ЮККАЭ в первые годы исследований стала книга «Древний Отрар». В ней на основе письменных источников, результатов археологической разведки, стратиграфических, стационарных раскопок освещены вопросы исторической топографии, хронологии, этнической атрибуции памятников Отрарского оазиса с первых веков н.э. и по XVIII в. н. э. (31).

Параллельно с названными изыскани-

ями один из отрядов ЮККАЭ под руководством Б.Н. Нурмуханбетова изучал погребальные памятники зоны Арысь - Сыр-Дарья, в том числе Борижарский могильник, на котором были открыты несколько ранних погребальных комплексов (226, с. 108-120; 227, с. 106-115; 228, с. 130-136).

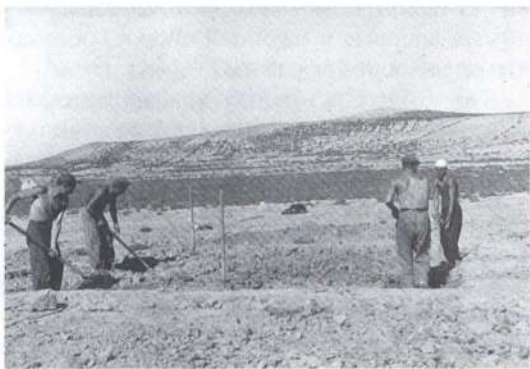
С конца семидесятых годов на территории региона активизирует свою изыскательскую и научно-практическую деятельность археологический отряд ЧПИ (руководитель А.Н. Подушкин). В рамках паспортизации археологических памятников Чимкентской области была осуществлена широкомасштабная разведка с полным охватом всех районов. В её ходе были выявлены, зафиксированы и археологически обследованы десятки и сотни новых объектов (городищ, поселений, могильников). Разведка позволила внести существенные коррективы в археологическую картографию Южного Казахстана, выявить новые виды и типы объектов, обозначить локальные микро-оазисы (городище-поселения-могильники).

Одновременно начались планомерные стратиграфические и стационарные исследования на серии ранних объектов бассейна р. Арысь-Бадам и южных склонов гор Каратау-Каржантау. Приоритет отдавался комплексному археологическому обследованию одновременно нескольких компактно расположенных объектов (поселение - могильник; городище - поселение - могильник).

В результате получен археологический материал, который был обобщён в диссертации А.Н. Подушкина «Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана I - IV в.в. (бассейн р. Арысь, южные склоны Каратау - Каржантау)», а также в монографии «Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана I тыс. н. э.» (251-252; 39). Определённым вкладом упомянутых публикаций в археологию IV в. до н. э. - VI в. н. э. Южного Казахстана можно считать выделение арысского локального варианта отрарско-каратауской культуры (251, с. 176).

В контексте историко-культурной связи археологических культур Средней и Нижней Сыр-Дарьи (каунчинской и джетыясарской) остановимся на обзоре исследований, проводившихся на территории Ташкентского оазиса и Приаралья. В этой связи важны работы Г. В. Григорьева, который начал изучать ранние памятники Чачского оазиса, и в частности Каунчитепа: «Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.)», «Келесская степь в археологическом отношении (к истории культуры древних саков)» и другие (94-97).

Отметим исследования А.И. Тереножкина., воплотившиеся в публикации «Согд и Чач», «Холм Ак-тепе близ Ташкента», (290-291), а также М.Э. Воронец и Т.Г. Обол-

дуевой, обследовавших курганные могильники первых веков н.э. на территории Ташкентского оазиса (78; 236-237). Перечисленные публикации прямо связаны с выделенной Г.В. Григорьевым каунчинской археологической культурой средней Сыр-Дарьи (каунчинско-джунской; 236, с. 201-204; 173, с. 29-37).

Последующие исследования в этом районе связаны с генезисом городской культуры Ташкентского оазиса, а также изучением погребальных памятников региона. Это нашло отражение в ряде публикаций узбекских археологов (67; 4-5; 66; 301).

В 1945 году в низовьях Сыр-Дарьи начала свою изыскательскую деятельность Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР под руководством С.П. Толстова. В результате работ ХАЭЭ были открыты и обследованы десятки объектов джетыясарской археологической культуры. Ряд публикаций был посвящен и ранним погребальным памятникам (294-296).

Продолжил работы в этом направлении джетыясарский археологический отряд ХАЭЭ под руководством Л.М. Левиной. В семидесятые - восьмидесятые годы он приступил к широкомасштабным археологическим изысканиям на большой группе городищ и погребальных объектов джетыясарского урочища (городища Томпакасар, Бидаикасар, Алтынасар, Косасар; могильник Косасар, Томпакасар, Алтынасар и другие).

Результатом деятельности джетыясарского отряда ХАЭЭ стал выход в свет нескольких блоков публикаций, посвященных изучению всех аспектов возникновения, развития и упадка джетыясарской культуры: «Новые открытия в Приаралье», вып. 1 - 2; «Низовья Сыр-Дарьи в древности», вып.

1 - 5, «Аральский кризис», «Приаралье в древности и средневековье» и другие. Венцом научно-изыскательской работы отряда следует считать основополагающие труды Л.М. Левиной, в числе которых - итоговая монография «Этнокультурная история Восточного Приаралья» (156-170).

Отметим также важные для изучаемой

*Раскопки городища
Марданкуик.
ЮКАЭ 1950 г.
Крайний справа
Н.П. Подушкин*

*Перед аэрофотосъемкой
Отрара. Справа налево:
К.М. Байтаков, К.А.
Акишев, крайний слева
Н.П. Подушкин*

проблематики работы исследователей в Таласской долине. Начало изучения ранних памятников здесь было положено А.Н. Бернштамом раскопками Кенкольского могильника, а также - Берккаринского и Тамдинского могильников (48-49). Работы в последующее время были продолжены И.К. Кожомбердиевым, что нашло отражение в публикациях, посвященных генезису древней кочевой культуры Таласской долины и Тяньшане-Алая. (146-149).

Назовём также труды Б.А. Литвинского, Г.А. Брыкиной и других, изучавших ранние памятники Ферганской долины; последние некоторыми аспектами связаны с памятниками Южного Казахстана (171-183 и др.; 70; 75-89).

Необходимо отметить и публикации по среднеазиатской и казахстанской археологии, имеющие отношение к нашей теме, в

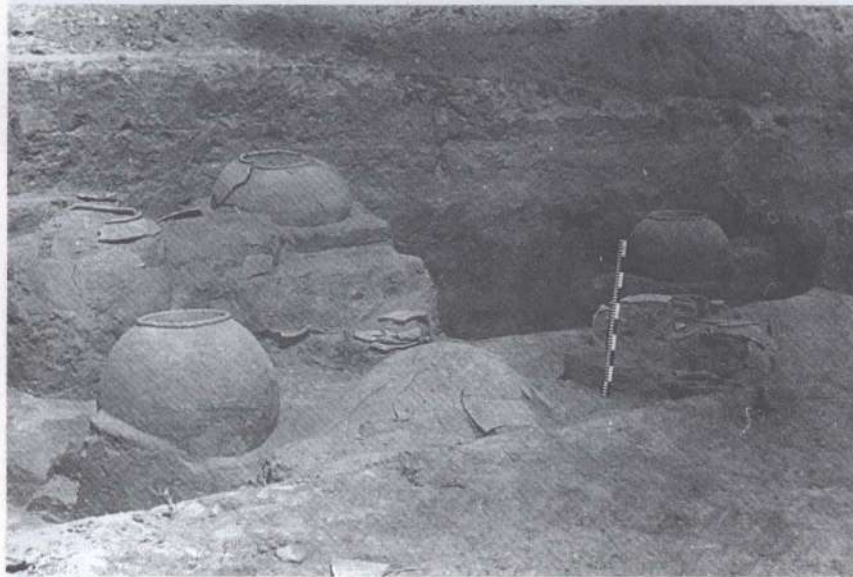

*Раскопки Караултобе.
1966 г.*

журнале «Советская археология», сборнике «Археологические открытия» Института археологии АН СССР, в тематических сборниках Института этнографии АН СССР.

В числе изданий фундаментального характера, посвящённых древней истории Южного Казахстана и близлежащих регионов Средней Азии в первой половине I тыс. до н. э. - VI в. н. э., следует назвать тома «Древнейшие государства Кавказа и Сред-

Городище
Торткультобе.
Помещение с хумами.
1968г.

ней Азии», «Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время». Отдельные разделы данных томов прямо связаны с нашей тематикой и в концентрированном виде освещают вопросы археологического изучения памятников IV в. до н. э. - VI в. н. э. (69; с. 297-315; 116, с. 101-107;). Здесь же обозначены основные проблемы в изучении ранних памятников Средней Азии и Казахстана и приведена наиболее полная историко-библиографическая справка относительно всего блока исследований, осуществленных археологами на середину девяностых годов (77, с. 21-30).

Для Казахстана и региона Южного Казахстана в частности отметим выход в свет фундаментального труда «Свод памятников истории и культуры Казахстана» (том 1, Южно-Казахстанская область), в котором приведены наиболее полные сведения о всех известных к середине девяностых годов памятниках археологии (269).

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Многолетние усилия автора по изучению археологических объектов IV в. до н. э. - VI в. н. э. на территории Южно-Казах-

станской области (1977 - 1998 годы) позволили создать обширный фактологический и источниковый базис, на основе которого решаются поставленные настоящим исследованием задачи.

В целом круг новых источников, вводимых впервые в научный оборот, обозначен следующим образом:

а) - блок основных археологических источников, полученных автором в ходе рекогносцировочных, стратиграфических и стационарных изысканий;

б) - блок привлеченных источников, связанных с материалами работ других археологов на ранних памятниках региона, осуществленных в шестидесятые и восьмидесятые годы;

в) - фондовые и экспозиционные археологические коллекции музея археологии АН Республики Казахстан, Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея и его филиалов;

г) - материалы кабинета-музея Чимкентского отделения Международного казахско-турецкого Университета им. Х.А. Яссави;

д) научные публикации (диссертации, монографии, статьи, тематические сборники), посвящённые археологии Средней Азии и Казахстана эпохи раннего железного века и раннего средневековья, в которых присутствует информация о памятниках, типологически и хронологически близких изучаемым, и фигурируют сведения, имеющие прямое или косвенное отношение к исследуемой проблематике.

Блок основных археологических источников включает:

новые данные археологической разведки (1986-1994 г.г.), осуществлённой в рамках работы над Сводом памятников истории и культуры на территории региона (картографический, топографический и подъёмный материал с ранних памятников бассейна рек Келес, Курук-Келес и северных склонов гор Каратау);

материалы рекогносцировочных и стратиграфических раскопок 1986-1998 г.г., осуществлённых на городищах Караспантобе (рабад; стратиграфический шурф), Чимкентское (комплекс ранней керамики).

К этому блоку также относятся материалы стационарных археологических раскопок 1986-1998 годов, полученные на следующей группе памятников Южного Казахстана:

- городище Тулебайтобе, I-IV в.в.;
- городище Культобе, IV-IV в.в.;
- поселение Костобе, I-IV в.в.;
- поселение Каратобе, Iв. до н.э.-IVв. н.э.;

поселение Алтынтобе, IV-VI в.в.;
 поселение Шукурбулактобе I-IV в.в.;
 могильник Тулебайтобе 1, Пв. до-IV в.н.э.;
 могильник Тулебайтобе 2, Ив. до-IV в. н.э.;
 могильник Сулпанрабад, Ив. до-IV в. н. э.;
 могильник Культобе, Пв. до-IV в. н.э.;

могильник Чимкентский, Пв. до н. э., («царский» курган);
 могильник Каратобе, Пв. до н.э.-IV в.н.э.;

могильник Ордабасы, IV в. до-IV в. н.э.;

могильник у с. Панфилово, Пв. до-рубеж н.э.;

могильник Алтынтобе, II в. до - IV в. н. э. (материалы раскопок полевых сезонов 1996-1998 г.г.);

одиночный курган «царского» типа у с. Косагаш, II в. до - рубеж н. э.

Перечисленные объекты в основной своей массе концентрируются в бассейне рек Донгустай - Бадам - Арысь (см. приложение 1, 151; 178; 176; 94; 164; 150; 150а; 202; 179-180; 95; 174; 175; 165; 73а).

Блок привлечённых археологических источников состоит из следующих материалов:

археологический комплекс поселения Караултобе IV в. до н. э. - IV в. в. н.э. (раскопки Н.П. Подушкина, 1964-1966 г.г.);

археологический комплекс городища Торткультобе IV-VIII в.в. (раскопки Н.П. Подушкина, 1967-1968 г.г.);

археологические материалы раннего железного века, полученные в ходе работ на объектах, находящихся в зоне затопления Бугуньского водохранилища (раскопки А.Н. Подушкина и археологического отряда Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, 1993-1997 г.г.);

керамические материалы нижних слоёв рабада городища Жуантобе I-IV в.в. (работы К.М. Байпакова, 1989 г.);

археологические материалы раскопок курганов близ Кенсайского могильника II в. до - IV в. н. э. (работы Н.П. Подушкина, 1978 г.);

Кроме того, критическому анализу подверглись археологические комплексы изученных поселений Актобе Чайнское I-IV в.в., Алтынтобе IV-VI в.в. (39, с. 78-83).

Блок источников, определяемый работой с фондовыми археологическими коллекциями музеев, включает в себя:

материалы могильника Борижарский I-IV в.в. (раскопки отряда ЮККАЭ под руководством К.А. Акишева, 1969-1970 г.г.);

материалы могильника Мардан I-VI в.в. (музей археологии института археологии АН Республики Казахстан);

керамические материалы поселения Актобе 2, городища Шаушукумтобе I-VIII в.в. (музей археологии Института археологии АН Республики Казахстан);

случайные находки керамики, вещевого материала с объектов IV в. до н. э - VI в. н. э. (областной Южно-Казахстанский историко-краеведческий музей).

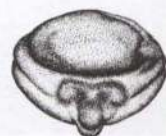
Блок привлекаемых по проблематике научных публикаций охватывает более трёхсот наименований монографий, статей, диссертаций и другой литературы, обращение к которой диктовалось решением задач, освещаемых в соответ-

Могильник Ордабасы.
 Вид сверху

ствующим разделам данного научного труда (см. список литературы).

Исследование опирается также на другие источники специфического характера. Это краниологический материал с серии катакомбных погребений нескольких могильников Южного Казахстана III в. до - IV в. н. э. и палеолингвистический материал с городища Культобе I - IV в. в.

**Ареал памятников,
археологическая
картография
и типологическая
классификация**

ГЛАВА I

*В результате работ
археологического
отряда ЧПИ были
открыты и
обследованы сотни
новых объектов
археологии*

Многочисленные археологические объекты различных эпох подтверждают тезис о том, что регион Южного Казахстана активно обжился в древности.

Ареал изучаемых памятников IV в. до н. э. - VI в. н. э. Южного Казахстана охватывает следующие географические и ландшафтные зоны:

бассейн реки Сыр-Дарья в среднем её течении (от Чардаринского водохранилища до Отрарского оазиса включительно - равнинная зона);

бассейны рек Келес, Курук-Келес, Бадам, Боралдай и реки Арысь в верхнем и среднем течении последней - предгорная и горная зоны;

горный массив Каратау, южные и северные склоны - предгорная и горная зоны;

бассейн реки Талас в среднем и нижнем течении - равнинная и предгорная зоны;

горные и предгорные массивы хребтов Каржантау и Казыгурт.

Общая площадь изучаемой территории составляет свыше шестидесяти тысяч квадратных километров (подробная физико-географическая, ландшафтная, гидрологическая, климатическая характеристика см.: 36, с. 7-10; 39, с. 5-6; 251, с. 2-4).

Многочисленные археологические объекты различных эпох подтверждают тезис о том, что регион активно обжился

ся в древности (55; 6; 186; 31, с. 123-170). На обилие памятников археологии в Южном Казахстане указывали в сороковых-пятидесятых годах первые исследователи края А.Н. Бернштам, Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич. С их именами связан и опыт первоначального археолого-топографического картографирования названных памятников (55, с. 85-93; 6, с. 3-19, рис. 114).

В результате работ ЮКАЭ, ЦКАЭ, Джамбульского археологического пункта были археологически обследованы и картографически зафиксированы памятники Таласской, Чуйской долин, северных склонов Каратау, Отрарского оазиса и междуречья Талас-Арысь (6, с. 18-20). Это явилось крупным вкладом в археологическую науку Казахстана.

По ряду причин на этом этапе развития археологической науки в Казахста-

Городище Культобе и поселение Костобе. Вид сверху

не сплошное археологическое картографирование и топографические исследования не являлись приоритетными в деятельности учёных. Как второстепенные, археолого-картографические вопросы решались параллельно с главными задачами экспедиций по выявлению, стратиграфическому и стационарному обследованию памятников археологии, лежащих на конкретном маршруте.

Поэтому, несмотря на широкий территориальный охват исследований, исчерпывающая археолого-картографическая и топографическая информация касалась только нескольких локальных районов и микро-оазисов, где изыскания осуществлялись особенно интенсивно. Это Отрарск-

кий оазис, среднее течение р. Талас, северные склоны Каратау (6, с. 19-20; рис. 114).

Систематизация разрозненной археолого-картографической и топографической информации в Казахстане была успешно реализована изданием фундаментальной "Археологической карты Казахстана" в 1960 году. Практически она представляет собой реестр всех известных на конец шестидесятых годов памятников археологии (около пяти тысяч объектов), привязанных к общей административной карте Казахстана того времени.

Карта подводит итог археологическим работам, проведённым на территории республики, и своим содержанием отражает степень изученности древностей Казахстана с дореволюционного периода до конца 1958 г. (15, с. 6-7).

Подчёркивая большое значение карты для археологии Казахстана, заметим, что её составители (руководитель К.А. Акишев) пользовались в основном опубликованной к тому времени научной, справочной и другой дореволюционной и советской археологической литературой. То есть специальных археолого-картографических и топографических работ, основанных на принципе сплошной фиксации всех памятников археологии, не проводилось. В связи с этим значительное количество археологических объектов осталось вне сферы внимания исследователей, а информация по большинству памятников носит предельно лаконичный характер (15, с. 241-253 и след.).

Важным шагом в контексте археолого-картографического и топографического исследования памятников археологии Южного Казахстана следует считать многолетние комплексные работы по выявлению, обследованию и фиксации последних в рамках поисковой экспедиции по паспортизации памятников истории и культуры Чимкентской (Южно-Казахстанской) области в 1979-1985 годах.

Впервые на территории региона была осуществлена масштабная археологическая разведка по принципу сплошного обследования местности (руководитель по Чардаринскому, Ленинскому, Келесскому и Сузакскому районам Н.П. Подушкин, руководитель по Алгабасскому, Тюлькубасскому, Ленгерскому, Бугуньскому и Сайрамскому районам А.Н. Подушкин, руководитель по Кызылкумскому, Туркестанскому районам К.М. Байпаков).

В результате были открыты и обследованы сотни новых объектов археологии, существенно изменившие и дополнившие наши представления о характере заселения региона в древности (249, с. 440).

В частности, только памятников земледельческо-скотоводческой культуры IV в. до н. э. - VI в. н. э. отмечено свыше 250. Из них более половины не были известны науке ранее. Кроме того, была основательно дополнена новыми данными общая археолого-картографическая картина региона, произведена соответствующая корреляция с данными "Археологической карты Казахстана".

Перечисленные изыскания воплотились в серию научных публикаций (252, с. 16-22; 39, с. 11-27), и составили основу труда "Свод памятников истории и культуры Казахстана" (т. 1, Южно-Казахстанская область). В нём максимально полно приведена информация картографического, топографического, археологического, библиографического и справочного порядка о всех известных на середину девяностых годов памятниках археологии Южного Казахстана (20, с. 80-82; 269, с. 9-42).

Параллельно с изысканиями археолого-картографического характера, в регионе велись широкие топографические работы на многочисленных объектах эпохи железного века и раннего средневековья, которые создали предпосылки для различных типологических классификаций.

Первые шаги в этом направлении были предприняты А.Н. Бернштамом, Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевич. Опираясь на данные в основном Отрарского оазиса (топография, подъёмный материал, резе - стратиграфия и результаты стационарных раскопок), исследователи предложили свою типологию. В ней выделено восемь типов памятников, из которых генетически связаны "округлые и овальные тепе", "тепе с площадкой" и раннесредневековые городища с трёхчаст-

ным делением (цитадель, шахристан, рабад). Типология давала общее представление об исторической топографии памятников Южного Казахстана на этапе исследования пятидесятых годов и, по мнению авторов, «не является исчерпывающей, но даёт представление об общей картине» (6, с. 210-211).

Продолжением работ на гораздо большей фактологической базе в этом направлении можно считать типологическую классификацию ранних памятников региона I в. до - VI в. н. э., предложенную А.Н. Подушкиным и К.М. Байпаковым (39, с. 11-27).

Типологической классификации подверглись сотни поселений, городищ, а также погребальные сооружения (курганские могильники; 251, с. 16-37; с. 63-68). В основу этой классификации был положен ряд характерных признаков, в частности:

местонахождение (с учётом ландшафта, рельефа местности и наличия водных источников);

особенности топографии;

фортификация;

время функционирования объектов на заключительном этапе.

Унификация перечисленных признаков в сочетании с данными рекогносцировочных, стратиграфических и стационарных работ, полученных с эталонных объектов, позволили уточнить, скорректировать типологическую классификацию Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевич, а также выделить несколько новых типов памятников, характерных для региона Южного Казахстана.

В окончательном варианте указанная типологическая классификация включает следующие виды и типы ранних объектов, которые предварительно идентифицированы с социально-экономической функцией памятника в период его жизнедеятельности:

круглые, овальные в плане тобе (неукреплённые поселения или поселения с зачаточными элементами фортификации);

тобе овальные, вытянутые по оси (поселения-крепости);

тобе с площадкой (укреплённые двухчастные поселения);

тобе подпрямоугольные, подквадратные на надпойменной террасе (поселения-убежища);

городища двухчастные с кольцевым «рабадом» (ранне-урбанистические центры);

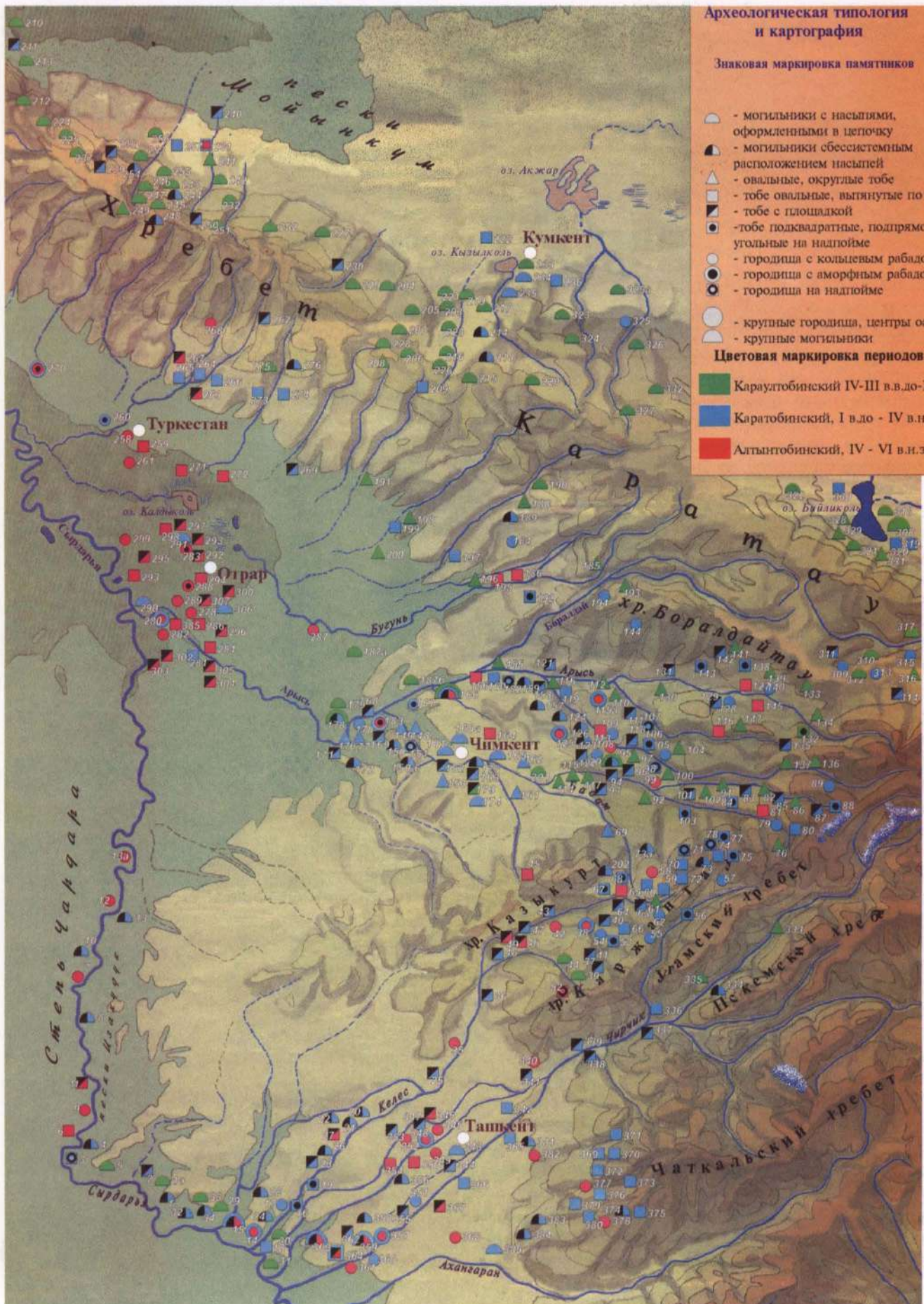
Археологическая типология и картография

Знаковая маркировка памятников

- ▲ - могильники с насыпями, оформленными в цепочку
- ▲ - могильники сбессистемным расположением насыпей
- ▲ - овалы, округлые тобе
- - тобе овальные, вытянутые по оси
- - тобе с площадкой
- - тобе подквадратные, подпрямо-угольные на надпойме
- - городища с кольцевым рабдом
- - городища с аморфным рабдом
- - городища на надпойме

Цветовая маркировка периодов

- Караултобинский IV-III в.в.до-IV н.э.
- Каратобинский, I в.до - IV в.н.э.
- Алтынтабинский, IV - VI в.н.э.

городища с «рабадом» ломаного периметра (ранне-урбанистические центры);

городища подпрямоугольные, подквдратные на надпойменной террасе (городища-убежища);

могильники с курганами, оформленными в цепочку (погребальные сооружения IV в. до н. э. - I в. н. э.);

могильники с бессистемным расположением насыпей (погребальные сооружения II в. до н. э. - VI в. н. э.).

Данная типологическая классификация на сегодняшний день наиболее аргументированна (39, с. 11-26; с. 90-96; 251, с. 16-37; с. 63-79). Между тем на окончательную завершённость она не претендует, поскольку процесс накопления новой информации в этой области продолжается. Это позволит апеллировать к ещё более широкому кругу источников и уточнить отдельные моменты в предложенном научном построении.

В этом разделе, привлекая дополнительный картографический, топографический и археологический материалы из районов бассейна р.р. Келес, Курук-Келес, зоны гор Каратау (северные, южные склоны), приведём сведения об эталонных объектах IV в. до н.э. - VI в. н. э. Южного Казахстана. Они будут увязаны с максимально точной на конец девяностых годов археологической картографией региона.

Общая картина археологического картографирования памятников Южного Казахстана отражена в приложении 1. В нём фиксируется и типологическая принадлежность объекта.

Комплексному картографированию и типологическому обследованию подверглось 386 памятников, принадлежность которых ко времени IV в. до н. э. - VI в. н. э. подтверждается материалами археологических изысканий (топография, подъёмный материал, рекогносцировочные, стратиграфические и стационарные раскопки).

Кроме того, аналогичное обследование было осуществлено к группам памятников сопредельных с Южным Казахстаном территорий Ташкентского оазиса, зоны северных склонов Каратау и низовий р. Талас. В последнем случае анализ базировался на опубликованных работах картографического и реестрового характера, причём внимание уделялось только тем объектам, о которых в публикации имелась достоверная археологическая информация (памятники, у которых «описание, обмеры, датировка отсутствуют» или на которых «обследование

раскопками не проводилось», во внимание не принимались. См: 67, с. 51-53 и др.; 10, с. 62-64; 15).

В таком контексте региональная статистика выглядит так (карта 1):

по Ташкентской области и городу - 53 объекта (№ 338-385);

по Джамбульской области - 25 объектов (№ 308-332);

по Южно-Казахстанской области - 307 объектов (№ 1-307).

Ландшафтная статистика характеризуется следующими основными выкладками:

зона средней Сыр-Дарьи, от Чардаринского водохранилища до Отрарского оазиса - 15 объектов;

бассейн р. Келес и Куруккелес от верхнего течения до нижнего - 42 объекта;

бассейн р. Бадам, верхнего и среднего течения р. Арысь - 128 объектов;

южные склоны гор Каратау, бассейн р.р. Боролдай, Бугунь, Арыстанды, Карачик, Туркестанский оазис - 39 объектов;

северные склоны Каратау, бассейн р. Асса, Терс, Шабакты, Баба - Атинский, Кумкентский и Сузакский оазисы - 81 объект;

зона нижнего течения р. Арысь, Отрарский оазис - 30 объектов;

бассейн р. Чирчик, Чачский оазис - 53 объекта.

Общая статистико-типологическая картина объектов IV в. до н. э. - VI в. н. э. в рамках археологической картографии Южного Казахстана и прилегающих регионов характеризуется следующими данными:

всего поселений (тобе) I типа - 48;

Карта 1 (слева):
археологическая
картография
Южного Казахстана

тобе 2 типа - 54;
тобе 3 типа - 78;
тобе 4 типа - 19;
городищ 1 типа - 7;
городищ 2 типа - 55;
городищ 3 типа - 7;

Поселение Алтынтобе.
Вид сверху

могильников 1 типа - 67;
могильников 2 типа - 51;
итого - 386 объектов (смотри реестр к
карте 1).

Остановимся на научной интерпретации картографического материала.

Он иллюстрирует большую степень неравномерности распределения археологических объектов IV в. до н. э. - VI в. н. э. на изучаемой территории. Чётко выражена тенденция локальной концентрации памятников в рамках микро-оазисов, чьи границы определяют физико-географический и ландшафтный факторы. Это наличие, в первую очередь, многочисленных водных источников, а также присутствие горных,

предгорных долин, урочищ с богатыми лесовыми почвами, удобными для развития любых форм производящего хозяйства.

Именно здесь, в горной и предгорной ландшафтных зонах, в долинах средних и малых рек, сосредоточена основная масса археологических памятников, которые концентрируются в оазисы. В роли естественных разъединительных барьеров между такими оазисами выступают горные хребты или обширные безводные пространства. Это убедительно показывают орография и гидрография региона (карта 1).

Выделяются следующие оазисы:

Чачский (долина р. Чирчик);

Келесский (долина р. Келес);

Арыско-бадамский (р. Арысь в верхнем, среднем течении; р. Бадам);

Отрарский, Туркестанский (р. Арысь в нижнем течении; р. Карачик, р. Сыр-Дарья и южные склоны Каратау);

Бабаатинско-Кумкентский, Сузакский, Ассинский оазисы (северные склоны Каратау, реки Асса, Ушбас).

Типологическое разнообразие, количественный состав памятников названных оазисов также определяют физико-географический и ландшафтные факторы.

Например, в зоне северных склонов Каратау, где водные источники редки, малы по размерам и спорадически разбросаны на больших расстояниях вдоль хребта, соответствующим образом наблюдается и концентрация археологических объектов. Они немногочисленны (в сравнении с другими оазисами), однообразны типологически (один - два типа, иные отсутствуют совершенно, например, городища и поселения на надпойме), и представлены преимущественно могильниками (см. карту 1).

Напротив, присутствие большого количества водных источников в бассейнах р.р. Чирчик, Келес, Арысь-Бадам определяет соответствующее количество и типологическое разнообразие археологических объектов: десятки, сотни памятников всех типов сосредоточены здесь плотными большими группами.

Между тем не всегда водные артерии являются фактором, обязательным для присутствия здесь памятников археологии. Яркий тому пример - полное отсутствие последних на большом участке р. Арысь между её средним течением и низовьем (Отрарско-Туркестанский оазис). Почти такая же картина наблюдается и в Келесском оазисе, где группы ранних археоло-

гических объектов в верхнем и нижнем течении реки разделены участком в среднем течении, на котором почти не отмечены памятники археологии (карта 1).

На фоне массовой концентрации памятников в предгорной, горной зонах Каратау-Каржантау, в бассейне средних, малых рек, контрастом выглядит ситуация в среднем течении р. Сыр-Дарья. Здесь на большом участке от низовий Чирчика, Келеса до впадения р. Арысь отмечены единичные объекты (карта 1).

Исключением в ландшафтно-гидрологическом контексте можно назвать и компактную, чрезвычайно насыщенную группу ранних памятников различных типов Отрарского оазиса (карта 1).

Типологическая характеристика археологических объектов IV в. до н. э. – VI в. н. э. Южного Казахстана будет неполной без описания характерных эталонных памятников. Подобный опыт исследования отмечен в казахстанской науке (39, с. 11-27). Между тем новый материал, значительное расширение круга источников позволяют вновь обратиться к этому вопросу, особенно в свете масштабных стационарных археологических изысканий последних лет.

Такие изыскания интенсивно проводились на памятниках арыско-бадамского оазиса. Он приоритетно выделяется среди упомянутых оазисов масштабом территории, количеством ранних объектов, их типологическим разнообразием. На примере эталонных объектов этого оазиса рассмотрим характеристики ключевых объектов, иллюстрирующих основные параметры конкретных типов памятников в рамках предложенной классификации. Параллельно приведём информацию об аналогичных памятниках других оазисов.

ОКРУГЛЫЕ, ОВАЛЬНЫЕ ТОБЕ.

Выделены Е.И. Агеевой, Г.И. Пацевич на основе изучения памятников Отрарского оазиса (6, с. 210). Распространены на всей территории Южного Казахстана и Ташкентского оазиса (97, с. 11 и др.; 251, с. 18-20).

На территории изучаемого региона и оазисов отмечено 48 подобных объектов. Из них 33 приходится на Арыско-бадамский оазис (карта 1).

Овальные, округлые тобе располагаются обычно в пойме реки, на её берегу, или у родников. Топографически представляют собой овальные в плане холмы высотой до 6 м с пологими склонами. Средние размеры: диаметр основания 40-50 м, диаметр верхней площадки 15-20 м. Внешние признаки фортификации отсутствуют.

Наиболее характерными тобе этого типа, на которых произведены раскопки, следует считать Костобе I Бадамское (работы Б.Н. Нурмуханбетова, 1966 г.; 269, с. 99, 123) и Костобе I Культобинское (работы А.Н. Подушкина, 1991 г.; карта 1, 161; 176). Материалы этих объектов, а также полностью

*Поселение
Токболаттобе.
Виды с земли и с воздуха.*

раскопанное овальное поселение Актобе Чаянское (251, с. 39-42), иллюстрируют многослойность подобных объектов, сложность их генезиса и позволяют трактовать эту группу памятников как неукрепленные поселе-

ния с зачаточными элементами фортификации (39, с. 22-25).

В частности, стратиграфия и археологический комплекс поселения Актобе Чаянское демонстрируют эволюционирование памятника от сезонного стойбища (временной стоянки) - к стационарному поселению с жилыми комплексами (251, с. 48-49). Кроме того, есть все основания говорить об овальных тобе как о самых ранних памят-

Поселение Чубаровское.
Вид с воздуха

Поселение
Торткултобе
Карамуртское.
Внешний вид.

никах оседлой культуры в регионе Южного Казахстана, которые складываются в первых веках до н. э. и функционируют вплоть до VI в. н. э. (6, с. 20; 251, с. 47).

ТОБЕ ОВАЛЬНЫЕ, ВЫПЯНУТЫЕ ПО ОСИ.

Как тип памятника выделен в восьмидесятих годах на основе изучения объектов арыско-каратаусского района (39, с. 14-16). В Южном Казахстане и прилегающей зоне Ташкентского оазиса таковых отмечено 54. Из них 16 находятся в арыско-бадамском оазисе.

Овальные тобе располагаются преимущественно в поймах небольших рек, у роднико-

вых источников. Топографически представляют объекты овальной, вытянутой планировки с крутыми склонами высотой от 10 до 16 метров. Имеют "седловидный" в разрезе профиль. Средние размеры: нижнее основание 100-120 на 50-60, верхняя площадка 30-40 на 60-70 м. Эталонным объектом этого типа следует считать поселение Алтынтобе, которое раскопано стационарно и стратиграфически (карта 1, 164; 251, с. 42-44).

Тобе овальное, вытянутое по оси имеет развитую систему фортификации. Она читается визуально и включает:

сложноконструктивный стилобат из пахсы и кирпича сырца;

рвы, опоясывающие объект со всех сторон и связанные рукавами с руслом реки (водного источника);

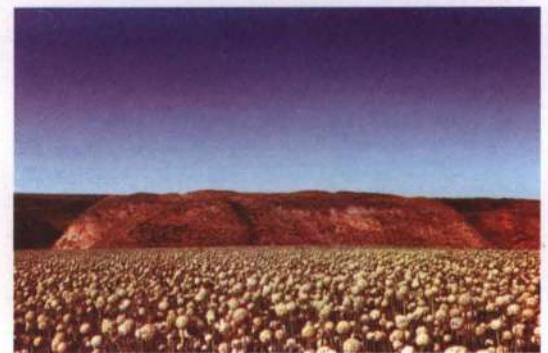
крепостную стену из пахсы по верхнему периметру памятника (251, с. 52).

Археологические материалы Алтынтобе позволяют видеть в подобных объектах т.н. поселения - крепости (термин предложен: 31, с. 205). Они появляются в районе на рубеже н. э. и существуют вплоть до VII в. как однослойные, сильно укрепленные форпосты оседлой культуры (39, с. 25).

Поселения-крепости находят некоторые аналогии в группе памятников смежных с Южным Казахстаном областей периода I - IV вв., имеющих топографически близкий облик и по-разному трактуемых исследователями: укрепленные замки (86, с. 110); кешки (52, с. 20); укрепленные усадьбы (294, с. 128).

ТОБЕ С ПЛОЩАДКОЙ.

Предложенное А.Н. Бернштамом название удачно отражает топографию этого типа памятников. Конструктивно они состоят из

двух частей: т.н. тобе (округлого холма) и площадки. Такая двухчастность определяет своеобразный облик объекта, имеющего в разрезе "уступчатый" профиль.

Распространенность тобе с площадкой в

Южном Казахстане и Ташкентском оазисе очевидна, где их отмечено 78. Из них в арыско-бадамском регионе находится 23 (карта 1).

Факт топографического своеобразия тобе с площадкой зафиксирован и в археологической топонимике: “тюлькетобе”, “тюлькубас” (дословно с казахского: холм лисьей головы, лисья морда). Тобе с площадкой исследовались в Южном Казахстане и за его пределами, где они также известны (50, с. 87-88; 31, с. 123; 137, с. 27; 86, с. 111-112).

Эталонным объектом для арыско-бадамского оазиса является тобе с площадкой Ка-

раултобе, почти полностью раскопанное Н.П. Подушкиным (карта 1, 129, табл. I, 3; 243, с. 71-75), а также поселение Каратобе (карта 1, 94; 251, с. 44-46).

Поселения этого типа представляют собой центральный округлый в плане бугор, к которому с одной стороны примыкает вытянутая прямоугольная, или близкая по планировке, площадка. Иногда главный холм поселения отделён от площадки. Средние размеры памятника: центральный холм - нижнее основание 50 на 60 м, верхняя часть 20 на 30 м, высота 7-8 м; площадка-основание 50 на 80 м, верхняя часть 35 на 40 м, высота 3-4 м.

Тобе с площадкой располагаются в поймах средних, малых рек, в редких случаях отмечены на надпойменной террасе. Они однозначно трактуются как укрепленные поселения земледельцев (6, с. 210).

Мнения исследователей расходятся по вопросам генезиса таких памятников и времени их появления на территории Южного Казахстана (50, с. 87-88; 86, с. 111; 243, с. 71). Точка зрения на генезис тобе с площадкой, опирающаяся на материалы раскопок Караултобе, в настоящее время нуждается в серьёзной корректировке (243, с. 33-40). Особенно это касается начальных этапов становления подобных объектов, которые, как показыва-

Городище Жуантобе.
Вид с земли и с воздуха.

ют новые данные, возникли значительно раньше, нежели первые века н.э.

ТОБЕ ПОДПРЯМОУГОЛЬНЫЕ НА НАДПОЙМЕННОЙ ТЕРРАСЕ.

Как тип памятника, характерный только для Южного Казахстана, выделен А.Н. Подушкиным (251, с. 54-55). В изучаемом регионе зафиксировано 19 таких объектов, из них 14 в арыско-бадамском оазисе (карта 1). Располагаются исключительно на лёссовых надпойменных террасах средних и малых рек.

Поселения представляют собой подпрямоугольной (подквадратной) планировки холм высотой от 2,5 до 6 м, находящийся на надпойме и окружённый с трёх сторон рвами или естественными оврагами. Четвёртая сторона объекта, наиболее пологая, имеет высоту от 25 до 30 м при крутизне склона 45-60 градусов. При определённой изрезанности надпоймы, когда она принимает форму мыса, у расположенного на нём тобе рвы отсутствовали. Иногда объект имеет понижение к центру или выраженные валы по верхнему периметру. Средние размеры памятников такого типа: 20 на 30; 30 на 50; 35 на 60 м.

Из эталонных тобе на надпойме для арыско-бадамского оазиса отметим поселения Джататобе, Кулантобе (карта 1, 77; 138, табл. I, 4; 251, с. 25-28).

Археологические материалы и стратиграфия подобных памятников указывают на эпизодичность и кратковременность их функционирования. Это позволяет исследователям соотнести тобе на надпойме с поселениями - убежищами (поселениями “скрытого” типа), которые как раннесредневековые образования

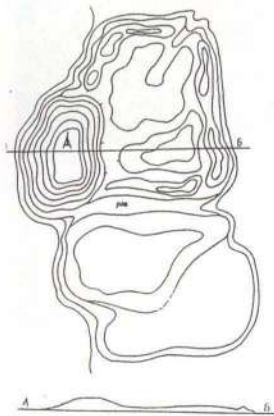
возникли в III - IV в. в. (39, с. 26).

Прямых аналогий подобные памятники Южного Казахстана не имеют. Между тем использование защитных свойств предгорного (горного) ландшафта в фортификационных целях практиковалось оседлым (полуоседлым) населением в древности на территории других

Городище Культиобе.
Вид с воздуха.

План городища
с аморфным рабадом

регионов (50, с. 88-89, "стойбища на увалах"; 70, с. 13; укрепленные поселения... чья "топография подчинена рельефу местности"; 86, с. 113; поселения и крепости на скалах и мысах).

Появление поселений-убежищ в Южном Казахстане связывается с крупными социально-экономическими и особенно политическими изменениями в регионе (приход кочевников как военной опасности), что определило процессы миграции некоторых групп населения в скрытые, удаленные ландшафты (251, с. 55).

ГОРОДИЩА ДВУХЧАСТНЫЕ С КОЛЬЦЕВЫМ РАБАДОМ.

Отмечены исследователями как тип памятника в связи со сплошным археолого-картографическим и топографическим обследованием Южного Казахстана в восьмидесятые годы (39, с. 19; 269, с. 108). Группа немногочисленна, включает семь объектов (карта 1, 167; 183; 187; 283; 288; 260; 270).

Эталонными городищами такого типа в арыско-бадамском оазисе, на которых были осуществлены археологические изыскания, являются Караспантобе (раскопки АО ЧПИ под руководством А.Н. Подушкина, 1991 г.), Жу-

антобе (раскопки Института археологии РК под руководством К.М. Байпакова, 1993-1997 г.г.).

Следует отметить также городище Сыргесалдытобе, чье название как археологический топоним точно отражает кольцевую топографию памятников этого типа (дословно с казахского: "холм круглой серги"; "круглая серга, положенная на холм").

Городища с кольцевым рабадом располагаются в поймах крупных, средних рек, имеют сложную систему фортификации и по своим масштабам среди ранних городищ являются самыми большими. Топография памятников определяется следующими моментами:

а) центральным овальным в плане бугром высотой от 10 до 20 м при средних размерах: нижнее основание 100 на 120 м, верхняя площадка 40 на 60 м (цитадель);

б) площадкой в форме почти правильного кольца (или двух полуколец), которая окружает со всех сторон цитадель; ширина последней варьирует от 20 до 60 м при высоте 3 - 6 м (рабад);

в) наличием между цитаделью и рабадом значительного пониженного пространства, которое не носит следов застройки и выступает в роли рва шириной от 30 до 45 м.

Работы на Караспантобе и Жуантобе позволили уточнить фортификацию (наличие крепостных стен на цитадели и вокруг рабадов), а также определить время функционирования памятников на ранних этапах (рубеж н. э. - первые века н. э.; табл. XII).

Вопросы генезиса памятников с кольцевой топографией в Южном Казахстане пока остаются открытыми по причине малодостаточной археологической изученности таких городищ, на которых широких археологических изысканий не проводилось.

Между тем масштабность объектов, развитая фортификация, характер местонахождения (в местах максимальной концентрации памятников - поселений, могильников), а также археологический материал, позволяют рассматривать двухчастные городища с кольцевым рабадом как первые городские образования с соответствующими урбанистическими и социально - экономическими функциями (251, с. 56).

ГОРОДИЩА ДВУХЧАСТНЫЕ, С РАБАДОМ ЛОМАНОГО ПЕРИМЕТРА.

Как тип раннего городища выделены на основе комплексного археологического изучения памятников арыско - каратауского региона (39, с. 19-20).

Самая многочисленная группа. Включает 55 объектов, из которых 13 располагаются в арыско-бадамском оазисе. Классическим вариантом памятников такого типа являются городища Торткультобе (245, с. 41-52), Культобе (работы АО ЧПИ, 1991-1994 г.г.; карта 1; 125, 178).

Городища с аморфным рабадом находятся в поймах крупных и средних рек. Их топография характеризуется:

а) главным овальным в плане холмом размерами: диаметр основания 100-130 м, верхняя площадка 50 на 60 м, высота 10-15 м (цитадель); холм может иметь понижение в центре;

б) неопределённой формы площадкой (рабад), которая может примыкать к цитадели с различной стороны.

Иногда цитадель отделена от рабада рвом шириной до 20 м (отмечены прямоугольные, сегментовидные, подковообразные и аморфные рабады, площадь которых варьирует от одного до нескольких гектаров). Памятники этого типа также имеют развитую систему фортификации (крепостные стены цитадели, рабада; рвы вокруг цитадели и рабада), а время их появления в регионе Южного Казахстана и Ташкентского оазиса - IV в. н. э. (39, с. 19-20; 245, с. 41-42).

Генезис городищ с аморфным рабадом пока не выяснен. Однако многие аспекты археолого-топографического и стратиграфического характера позволяют говорить о них как о ранних городских центрах, или центрах, несущих определённые урбанистические функции (251, с. 56).

ГОРОДИЩА ДВУХЧАСТНЫЕ, С ПРЯМОУГОЛЬНЫМ РАБАДОМ.

Впервые отмечены исследователями как отдельный тип раннего городища на основе изучения памятников арыско-карататауского региона в восьмидесятые годы (39, с. 21-22). В Южном Казахстане отмечено 7 объектов, из них в арыско-бадамском оазисе расположены 5. Эталонным городищем, на котором осуществлены комплексные стационарные археологические изыскания, является Тулебайтобе (работы АО ЧПИ, 1989-1993 г.г., карта 1, 151).

Объекты этого типа расположены на высоких надпойменных террасах больших и средних рек, причём основание городища, как правило, дублирует отдельные мысовидные выступы надпоймы. В таком варианте топография городища максимально использует естественные защитные

возможности высокой надпоймы, которая доминирует над долиной и руслом реки.

В целом городища имеют прямоугольную планировку и округлую (овальную) цитадель, объединённую с рабадом. Средние размеры: цитадель 40 на 50 м, рабад 40 на 80 м. Как правило, с трёх сторон памятник имеет "рвы", в качестве которых выступают овраги. Наиболее крутой склон - обращённый к реке (до 70 градусов). Противоположный склон обычно искусственно образован за счёт "подравнивания" оврага и превращения последнего в ров; здесь же фиксируется переход-перемычка, связывающая объект с собственно надпоймой. С учётом высоты надпой-

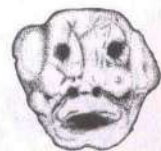

*Городище Тулебайтобе.
План*

*Городище Тулебайтобе
Вид с воздуха*

менной террасы и высоты самого городища (до 8 м), памятник может достигать общей высоты свыше 35 м от уровня поймы реки. При этом объект выглядит как неприступная крепость. Внушительную естественную фортификацию дополняют не менее внушительные искусственные защитные сооружения.

Раскопки Тулебайтобе выявили мощную систему крепостных стен из пахсы и кирпича - сырца (вокруг верхнего периметра памятника и цитадели); боевые башни (в том числе парные башни-пилонны) в различных частях городища: на стенах, вблизи перемычки - перехода; специальное защитное сооружение - донжон; и, наконец, т.н. "длинную" стену, характеризующуюся собственно пахсовой стеной и рвом, которая протянулась более чем на 12 км от Тулебайтобе к городищам Караспантобе и Культобе.

Могильник Ордабасы.
Вид сверху

Страпиграфия, археологический комплекс городища иллюстрируют многослойность объекта, эпизодичность жизни на нём и дают возможность определить время его функционирования с рубежа н. э. по IV в. н. э.

Всё перечисленное позволяет трактовать подобные объекты как города-убежища (крепости), которые как сильные форпосты могли выполнять урбанистические функции.

Характеристику типологического ряда памятников IV в. до н.э. - VI в. н. э. Южного Казахстана и прилегающей территории завершают курганные могильники.

Могильник Ордабасы.
«Царский» курган.

Отметим, что опыт топографической классификации подобных объектов в регионе имеется.

В частности, опираясь преимущественно на топографический, планиграфический материалы большой группы погребальных памятников зоны Арысь-Каратау, а также - археологические данные могильников Альтынтобе, Актобе, была предложена типология могильников, в основу которой легли следующие критерии:

местонахождение объекта в связи с ландшафтом и наличием водных источников;

особенности топографии и общей планировки;

численность насыпей, их плотность на единицу площади;

особенности конструкции, формы и профилировки насыпей.

В результате была предложена классификация могильников, которая включала две группы погребальных объектов: сако-усуньские и могильники первых веков до н. э. - IV в. н. э., дана развернутая характеристика и обозначены ключевые признаки обеих групп.

Для сако-усуньской группы: расположение насыпей цепочкой или параллельными цепочками (обряд - трупоположение на спине в грунтовой яме).

Для группы, условно названной канцзойской: бессистемное расположение насыпей (обряд - трупоположение на спине в катакомбах различного типа; 39, с. 90-92).

Отмечена особенность формирования крупных могильников Южного Казахстана, которые складывались в течение длительного времени и включали разновременные погребения II пол. I тыс. до - I пол. I тыс. н. э. Также была предпринята попытка на основе топографического, планиграфического анализа насыпей сделать обобщение этнокультурного характера (39, с. 93).

Приведённая типологическая классификация и некоторые этнокультурные заключения по погребальным памятникам арыско-каратауского региона отражали уровень археологических знаний об этих объектах десятилетие назад. Между тем она может быть принята за основу в последующих типологических построениях. Поэтому, опираясь на эту типологию и привлекая новый картографический, топографический материалы, а также данные раскопок нескольких могильников III в. до - IV в. н. э., остановимся на типологической характеристике погребальных объектов.

МОГИЛЬНИКИ I ТИПА

Насыпи оформлены в цепочку или в параллельные цепочки. Как тип могильника отмечен К.А. Акишевым, Г.А. Кушаевым на примере погребальных объектов Семиречья (30, с. 16; 233-256; 281). Подобные могильники расположены также в Таласской, Чуйской, Ферганской, Чаткальской долинах (1, 1963, с. 17-20; 52, с. 106-110; 56, с. 28-35; 138, с. 63-70).

В Южном Казахстане и Чачском оазисе таковых могильников отмечено 67. Из них основная масса (44) находятся в зоне гор Каратау (северные скло-

ны) и 6 могильников в арыско-бадамском оазисе. Эталонными объектами, на которых проводились долговременные археологические раскопки, являются могильники Ордабасы, Культобе (карта 1, 174; 179).

Для могильников этого типа характерны:

местонахождение на гребневидных аллювиальных лёссовых и скальных водоразделах, на видном месте, вдали от водных источников;

расположение насыпей по гребню и вдоль гребня водораздела в одну, две и более цепочек, которые могут пересекаться;

наличие от пяти до трёх - шести десятков курганов, располагающихся на расстоянии 10, 15 и более метров друг от друга;

конструктивно однородные, реже - смешанные насыпи (в основном камень, иногда лёсс-камень), имеющие выраженный профиль;

наличие у отдельных курганов по нижнему основанию кольцевых каменных выкладок.

Подкурганная погребальная конструкция могильников I типа проста и традиционно устойчива: это грунтовая прямоугольная яма с поперечным перекрытием каменными плитами. Обряд погребения - труположение на спине, как правило, одиночное.

Анализ инвентаря, ряд других факторов позволяют исследователям трак-

Могильник
Борижарский.
Вид с земли и с воздуха.

товать погребения в могильниках 1 типа как сако-усуньские, и отнести их ко времени VI - III до н. э. (30, с. 17; 52, с. 108-110; 255, с. 73-78). Между тем последние результаты раскопок могильника 1 типа Культобе показали, что в подобных могильниках могут иметь место погребения в катакомбах более позднего времени (II в. до - IV в. н. э.; 255, с. 78-79).

МОГИЛЬНИКИ 2 ТИПА

С бессистемным расположением насыпей. Отмечены исследователями в семидесятые-восемидесятые годы в связи с обследованием памятников зоны Средняя Сыр-Дарья, Арысь-Каратау (226, с. 108; 227, с. 112-113; 251, с. 67-68). Распространены как в Южном Казахстане, так и в сопредельных регионах (97, с. 59; 67, с. 55-56).

В изучаемом регионе зафиксирован 51 могильник этого типа, из них 16 находятся в арыскобадамском оазисе. Стационарные археологические изыскания велись на могильниках Борижарский, Алтынтобе, Тулебайтобе, Караспанский, Культобинский (карта 1, 166; 165; 150-150а; 170; 180).

Объекты расположены в основном на склонах надпойменных террас, реже отмечены в поймах больших и средних рек, вблизи водных источников. Они характеризуются:

значительным количеством бессистемно расположенных насыпей, тянувшихся полосой на один - пять и более километров вдоль кромки и на склонах надпойменных террас (от десятков до сотен и тысяч курганов);

высокой концентрацией насыпей, перекрывающих иногда друг друга;

наличием однородной по составу лёссовой насыпи с пологими склонами и слабовыразительной профилировкой.

Как показывают материалы стационарных исследований могильников 2

типа, в большинстве случаев ранние подкурганые конструкции здесь связаны с различного вида катакомбами ("Т"-образными, "Г"-образными, с длинным узкотраншейным дромосом, дромосом с "запличиками" и т.п.). Обряд погребения в катакомбах - труположение на спине, причём доминируют коллективные одновременные погребения в одной погребальной камере. Время существования катакомбных погребальных сооружений и могильников 2 типа в Южном Казахстане III в. до - IV в. н. э. (227, с. 108-113; 187, с. 174-175; 188,

Поселение
Токболаттобе.
Аэрофото

с. 193; 189, с. 202-203; 251, с. 79-97). Существует точка зрения на принадлежность погребений в катакомбах могильников 2 типа к этногосударственному объединению Канцзюй (251, с. 177).

В заключение археолого-картографической и типологической характеристики поселений, городищ и погребальных объектов Южного Казахстана IV в. до н. э. - VI в. н. э. подчеркнём следующий ключевой аспект: *налицо оазисный вариант концентрации и сосуществования в один временный период большой группы различных типов памятников.*

Судя по всему, они представляют собой различные части единого этнокультурного организма. В крупных оазисах типа Чачского, Арыско-бадам-

ского, Отрарского, Келесского в обязательном порядке почти всегда присутствует полный типологический ряд "городища-поселения-могильники". При этом чем крупнее по размерам городище, тем масштабнее по численности курганов близлежащие могильники.

Например, в арыско-бадамском оазисе это городища Караспантобе, Жуантобе, Тулебайтобе; поселения Караспанское, Костобе 1, 2, Бадамское; могильники Караспанский, Борижарский (карта 1, 183; 167; 151; 169; 148-149; 168; 166; 170). В Келесском оазисе это городище Культобе, поселение Культобе, могильник Мынтобе (карта 1, 14; 18; 15). В Отрарском оазисе - городища Кокмардан, Пшукмардан; поселения Костобе Южное, Северное, могильники Мардан и Марданкуик (карта 1, 280; 281; 282; 284; 290; 291).

Более того, некоторые из типологически различных объектов путём фортификационных сооружений типа упомянутой "длинной стены" объединяются в своеобразные укрепленные районы (фортпосты). Таким может считаться связка памятников "Тулебайтобе-Караспантобе-Культобе". В сочетании с реками Арысь и Бадам, представляющими определённую преграду как водные препятствия, такая связка являет собой отдельный микрооазис как хозяйственно-культурную, и возможно, политическую единицу. В неё вошли несколько городищ, поселений и самые крупные в арыско-бадамском регионе могильники (карта 1, 151-152, 150, 149, 150а, 170, 177, 178, 169, 148, 168, 183, 180, 179, 176; карта 5).

Иначе складывается ситуация в зоне гор Каратау. Зафиксированные здесь Ассинско-Бийликольский, Кумкентско-Бабаатинский и Сузакский оазисы значительно уступают количеством и типологическим разнообразием памятников вышеотмеченным оазисам. Они преимущественно включают могильники как объекты кочевой культуры. Однако принцип оазисной концентрации памятников наблюдается и здесь, только в ограниченном виде (поселения - могильники; карта 1, 319-320, 321, 328-329 и др.).

Таким образом, подтверждается те-

зис о том, что типологическое многообразие (или единообразие) археологических объектов на компактной территории прямо связано с конкретной формой хозяйственно-культурной деятельности, которую практиковали древние насельники Южного Казахстана. В первом случае (арыско-бадамский оазис) полный типологический спектр иллюстрирует комплексность хозяйственно-культурной деятельности (земледелие, скотоводство с доминированием земледелия), во втором показывает известное единообразие с уклоном в нómадизм.

Отметим существенный факт местонахождения оазисов в стратегически важных районах, через которые либо протекают крупные водные источники, либо проходят караванные пути локального или международного значения (Великий Шёлковый путь, северная ветвь; 38, с. 39-70). В таком контексте оазисы демонстрируют известную автохтонность, выполняя роль посредников в мировой торговле.

В целом оазисный фактор концентрации археологических объектов чрезвычайно важен для последующих культурологических и этнополитических реконструкций.

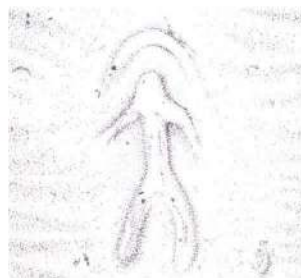
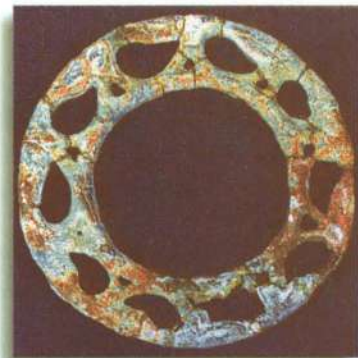

Городище
Караспантобе
Вид с воздуха

**Раскопки поселений,
городищ, могильников
IV в. до - VI вв. н. э.**

ГЛАВА II

Работы на катакомбных могильниках позволили открыть новую страницу в археологии Южного Казахстана

Особенно активно памятники археологии Южного Казахстана IV в. до н.э. - VI в. н.э. начали изучаться в 80-е годы

В течение шестидесятих-девяностых годов на территории Южного Казахстана подверглись стационарным раскопкам более тридцати ранних объектов. Из них одна треть - поселения, городища, остальные - курганные могильники и крупные одиночные курганы т. н. «царского» типа. Остановимся на результатах работ и археологической характеристике наиболее значимых памятников из этого ряда.

ПОСЕЛЕНИЕ КАРАУЛТОБЕ

Эталонный объект памятника типа тобе с площадкой (карта 1, 129). Имеет фор-

му округлого четырехугольника, ориентированного по сторонам света. Размеры сторон: северная - 23 м, западная - 38 м, восточная - 36 м, южная - 32 м. Общая высота колеблется в пределах 6,5-7 м. Площадка имеет трапециевидную форму с длиною сторон: северной и южной - 35-37 м, западной и восточной - 60-65 м, высота площадки 3-3,5 м. В ее крайней северной части по углам имеются небольшие возвышения. Между тобе и площадкой находится пятиметровой ширины ров,

разделяющий их.

Раскопки на Караултобе проводились в течение полевых сезонов 1964, 1966, 1967 гг. На главном тобе было заложено 3 раскопа общей площадью более 600 кв.м.; на площадке, примыкающей к тобе, 2 раскопа площадью 150 кв. м.

В ходе работ на основе стратиграфии, остатков стро-

Поселение Караултобе.
Раскопки
и вид с воздуха.
1966 г.

ительных конструкций выявлено два культурных горизонта.

Характерной особенностью стратиграфии верхнего культурного слоя, глубина которого составляет 1,5-1,6 м, является наличие различных по мощности и

Караултобе.
Архаичная керамика

однородных по структуре зольников, а также остатков строительных конструкций верхнего горизонта. В частности, были открыты остатки стен прямоугольных (квадратных) помещений в виде частей паховых

блоков, лежащих на плотном однородном грунте. Из интерьера зафиксированы округлые напольные очаги открытого типа и тандыры; на внутренних стенках последних отмечен геометрический орнамент в виде наклонных параллельных насечек. Помимо пахсы, в строительной технике использовали камень, дерево и глиняную штукатурку, которой обмазывали пол и стены жилищ.

Второй культурный горизонт вскрыт на несколько меньшей площади. Его верхняя граница, лежащая на глубине 1,6-1,8 м, обозначена линией зольников и основанием строительных остатков верхнего горизонта; нижняя лежит на глубинных отметках от 3,5 до 4 м и обозначена строительной платформой (стилобат) мощностью 0,9-1,2 м. В ходе работ удалось открыть остатки двух помещений, части коридора и площадки двора.

Помещение 1 представляет собой остатки прямоугольной комнаты с выходом в коридор, стены которой сложены из пахсы. Сохранились остатки пола со следами обмазки, очаг открытого типа в северо-восточном углу помещения. В восточной стене имеется ниша. Стена коридора также сложена из пахсы и обмазана глиной; коридор имеет дверной проем, ведущий в прямоугольное помещение 2 размерами 2,5x1,7 м. Здесь были обнаружены остатки обгоревших частей плоского перекрытия из дерева. На уровне нижнего культурного горизонта отмечены также остатки паховых стен и открыта часть площадки двора, на которой зафиксирован слой охры и керамический шлак - судя по всему, площадка двора использовалась для нужд керамического производства.

Последующие работы показали, что культурный слой второго (нижнего) горизонта основного бугра покоится на платформе-стилобате мощностью более метра, которая, в свою очередь, лежит на материковом лессе.

Помимо цитадели, раскопкам подверглась и прилегающая к ней площадка. Мощность культурных нагластований площадки сравнительно невелика: 1,2-1,4 м. Характерной особенностью стратиграфии является наличие в разрезе и по всей площади раскопа плотного однородного темно-коричневого цвета гумуса.

Следы зольников незначительны. Лишь в юго-западной части площадки отмечены мощные зольники и вскрыта однокамерная керамическая печь овальной формы.

Учитывая особенности планировки площадки, подступы к которой защищены с трех сторон родниками, а с юга прикрыты поселением, она, помимо других хозяйственных нужд, могла использоваться и в качестве загона для домашних животных (245, с. 33-38, план N 24-25).

ПОСЕЛЕНИЕ АКТОБЕ

ЧАЯНСКОЕ

Эталонный вариант овального в плане неукрепленного поселения (карта 1, 188). Представляет собой округлый холм высотой 6 м, размерами 40x35 м в основании и 20x30 м по верху. Стационарными и стратиграфическими раскопками была охвачена вся площадь объекта.

Стратиграфия памятника включает два строительных горизонта. Нижний культурный горизонт (XII-VI ярусы) характеризуется мощными гумусно-зольниковыми горизонтальными слоями толщиной от 0,2 до 1 м. Иногда зольники разделены светло-серыми глинистыми прослойками с

песком; ближе к поверхности отмечены галечные выкладки и отдельные пахсовые блоки. Нижний строительный горизонт (VI-II ярусы) отличают бессистемные завалы из пахсы. Кое-где их подстилают тонкие горизонтальные зольниковые напластования. В центр разреза северной стены попала мусорная яма, забутованная пахсой вперемешку с керамикой и камнем. Фиксируются также единичные галечные выкладки.

Верхний строительный горизонт отделен от нижнего зольниковой прослойкой и галечной выкладкой. По всей площади и в разрезе шурфа отмечены пахсовые завалы, стены, каменные выкладки и полы. Отчетливо читаются пахсовые стены, ниша, выложенная камнем, галечные выкладки. Шурф частично охватил 2 помещения и коридор, пол которых покоился на зольнике и галечной выкладке.

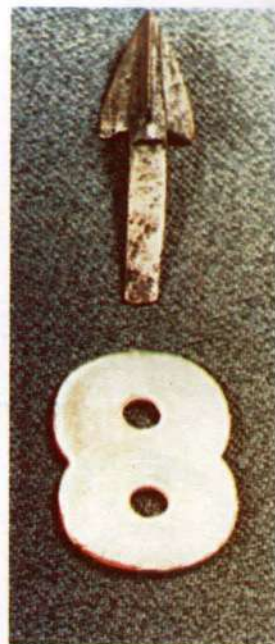
Керамический материал верхнего строительного горизонта в основном фрагментарен и представлен венчиками и боковинами хумов. Венчики квадратные в разрезе, с пальцевыми вдавлениями на внешней плоскости и потеками ангоба темно-коричневого цвета по светловатому фону. Найдены фрагменты кухонных горшков с петлеобразными вертикальными ручками, верхний конец которых крепился к закраине, а от нижнего в обе стороны расходились выпуклые рельефные валики.

Выявлена также общая жилая застройка Актобе на уровне верхнего (второго) строительного горизонта. Она характеризуется как сплошная, включает 8 помещений, объединенных по характерным признакам (функциональность, особенности планировки и интерьера, взаимосвязанность) в два жилых комплекса, соединенных переходными коридорами.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС I включает три помещения.

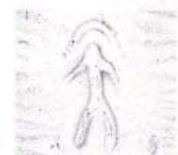
Помещение 1 прямоугольное в плане имеет пахсовые стены толщиной 0,8-1,3 м со следами обмазки; в восточной части находился очаг открытого типа в виде округлого зольникового углубления в полу; выложенного по периметру камнем.

Помещение 3 размерами примыкает к помещению 1 с севера и связано с последним дверным проемом, заваленным остатками пахсовых блоков. Имеет прямоуголь-

Бронзовый наконечник стрелы и перламутровая пряжка. Караултобе.

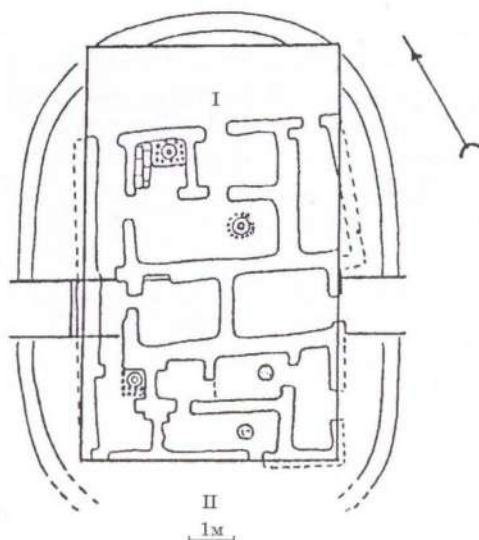
Зооморфный артефакт. Караултобе

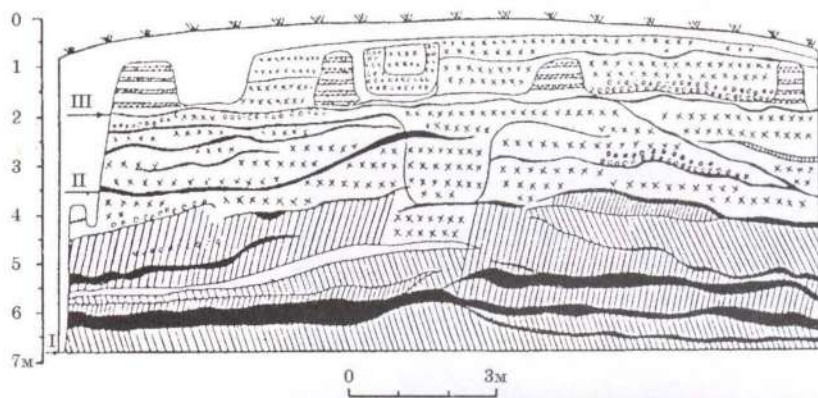
ные контуры, мазанный пол, дверной проем в северной стене.

Помещение 2 квадратной конфигурации расположено западнее помещения 3; стены сложены из пахсы и кирпича-сырца размерами 50x52x10 см. Из аналогичного кирпича выполнена суфа вдоль северо-западной стены помещения.

Северо-восточный угол помещения 2

Поселение Актобе
Чаянское.
План жилых
комплексов и
стратиграфия

Фрагмент керамики
со знаком

заят пахсовой платформой в которой отмечен округлый очаг открытого типа, выложенный камнем. Помещение 2 связано широким проемом с помещением 1 и имеет дверной проем в коридор.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС II состоит из четырех помещений и переходного коридора. Стены всех помещений выполнены из пахсы, имеют следы внутренней и внешней обмазки, неровный мазанный пол.

Помещение 4 неправильной прямоугольной планировки имеет дверные проемы в северо-восточной и юго-западной стенах, связывающие его с коридорами; в восточном углу отмечен очаг открытого типа.

Помещение 5 квадратное, связано дверным проемом в южной стене с помещением 6.

Помещение 5/1 неправильной прямоугольной планировки связано дверным проемом в восточной стене с коридором; на уровне пола имеет очаг открытого типа.

Помещение 6 прямоугольное в плане имеет в южной стене проем - выход, вблизи которого на полу зафиксирован округлый зольник. Жилые комплексы I и II разделяют прямоугольные помещения 7 и 8.

В северной стене помещения 7 фиксируется ниша размерами 1,5x0,5 м. Ниша углублена до 0,3 м, ее поверхность проложена тонким слоем камня - плитняка и галькой. Переходные коридоры огибают жилые комплексы с северо-запада и юго-востока.

При последующих работах по контуру помещения 5/1 жилого комплекса II на глубине 3,6 м от дневной поверхности открыто помещение 5/2 первого строительного горизонта. Планировка указанного помещения в основном повторяла контуры помещения 5/1 второго (верхнего) строительного горизонта. Стены помещения 5/2 сложены из пахсы и обмазаны глиной; обмазка носит следы пожара. На уровне пола отмечен очаг открытого типа.

Общая жилищная застройка неукрепленного поселения Актобе на уровне верхнего строительного горизонта характеризуется как сплошная с преобладанием неправильных квадратных и прямоугольных помещений, стены которых сложены из пахсы (реже кирпича-сырца). В интерьере отмечено наличие суф вдоль одной из стен, очагов в пах-

совой (кирпичной) платформе, ниш, очагов открытого типа, каменные выкладки.

Археологический материал и особенности интерьера отдельных помещений позволяют предварительно дифференцировать последние по функциональному признаку: помещения кухонные, складские и жилые. Несколько взаимосвязанных дверными проемами или переходными коридорами помещений представляли собой жилые комплексы, которые по периметру окружались обходными коридорами с глухой наружной стеной.

ПОСЕЛЕНИЕ КАРАТОБЕ

Памятник типа тобе с площадкой (карта 1, 94). Размер центрального бугра в основании 65x70 м, диаметр по верху 20 м. Площадка огибала центральный холм с юга, запада и севера в виде подковы шириной от 5 до 10 м, высотой 4,5-5 м.

Раскопы были заложены в центральной части холма (3x4 м), в восточной (5x4 м) и вдоль западного среза площадки (20x3,5 м). Раскоп I доведен до глубины 1 м от дневной поверхности. Получен фрагментарный керамический материал, предварительно датированный I - IV вв. Раскоп II углублен на

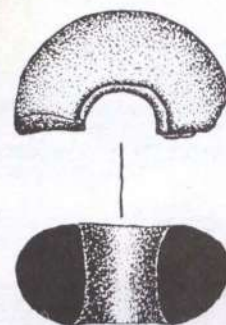
1,5 м. В разрезе северной бровки шурфа до отметки 1,2 м шли пахсовые завалы в сочетании с гумусно-зольными прослойками: эти слои подстилали зольники различной мощности.

Раскоп III вскрыл конструкции верхнего строительного горизонта. В его площадь попали четыре жилых помещения полностью и несколько помещений частично.

Помещение 1, прямоугольное в плане, вытянуто с севера на юг. Стены его толщиной 0,5-0,6 м выполнены из пахсы. В юж-

Археологический материал поселения Актобе Чаянское

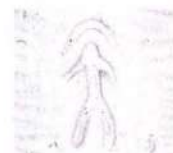

ной части находился дверной проем. У западной стены зафиксирован напольный очаг открытого типа диаметром 0,5 м.

Помещение 2 прямоугольное, размером 2,2x3,7 м со стенами из пахсы. Очевидно, дверной проем находился в западной стене. Среди деталей интерьера отмечена суфа размером 1,7x0,5 м высотой 0,25 м; в юго-восточном углу зафиксирован овальный очаг. На уровне пола найдены три хума, две хумчи, три водоносных кувшина, фляга и два кухонных горшка с горизонтальными петлевыми ручками.

Помещение 3 примыкало к помещению 2 с севера. Прямоугольное в плане, размером 2x2,5 м, оно имело у восточной стены пахсовую суфу раз-

Поселение Каратобе. Внешний вид

мером 1,7x0,6 м и высотой 0,2 м. На полу помещения 4 размером 2x1,7 м зафиксированы зольники, фрагменты керамики. К востоку от помещений 1 и 2 на небольшой площадке под углом стыкуются пахсовые стены и части помещений 5 и 6. В углах стояли три хума.

ПОСЕЛЕНИЕ АЛТЫНТОБЕ

Эталонный вариант поселения-крепости (карта 1, 164). Представляет собой овальный, вытянутый по линии север-юг холм размером 120x60 м по основанию и 70x32 м поверху, высотой 16 м. С северной и южной сторон поселения отмечены рвы шириной 8-10 м.

Раскоп в северной, наиболее высокой части, площадью около 630 кв. м выявил общую планировку, некоторые особенности фортификации, стратиграфию верхнего строительного горизонта.

В разрезе южной бровки шурфа на глубине 0,8-1 м от поверхности зафиксированы пахсовые завалы, горизонтальная кладка из прямоугольного сырцового кирпича раз-

линзовидные гумусные заполнения и прослойки серой глины. Далее до отметки 1-1,2 м идут горизонтальные гумусно-зольниковые наслоения в сочетании с единичными кирпичами и пахсовыми завалами.

Начиная с глубины 1,2 м по всей площади шурфа открылась мощная платформа-стилобат, прослеженная до отметки 5,5 м. Она представляет собой монолитную горизонтальную выкладку толщиной 0,3-0,4 м из сырцового кирпича размером 48x26x10 см. Кирпич положен вертикально на ребро с наклоном поочередно в одну и другую сторону. Скрепляющим раствором служила пахса.

На поселении Алтынтобе выявлены общая застройка, интерьер помещений на уровне верхнего строительного горизонта (0,8-1 м от дневной поверхности). В площади раскопов шурфа (более 630 кв. м) открыты 21 помещение и связывающие коридоры. По характерным признакам (взаимосвязанность, функциональность) несколько помещений объединяются в жилые комплексы, разделяемые или связываемые коридорами. Таких комплексов 6.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС I включает три помещения, стены которых выполнены из пахсы толщиной 0,6-0,8 м.

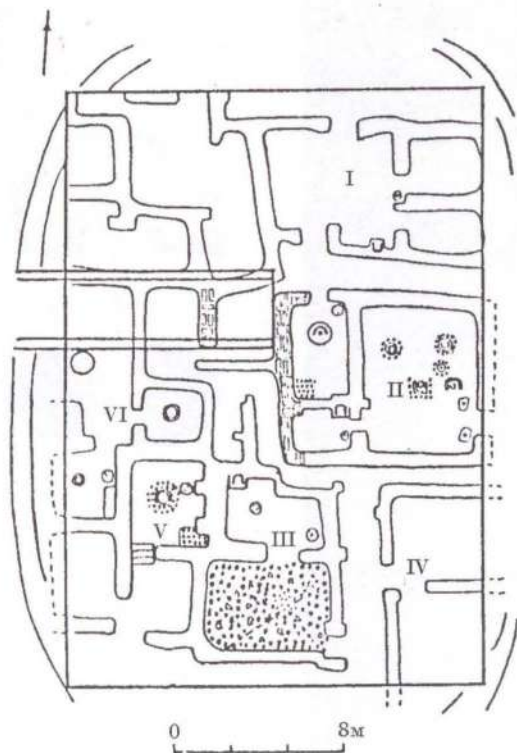
Помещение I прямоугольной формы имеет два дверных проема в северной и южной стенах, связывающих помещение с двумя коридорами. В южной стене открыт очаг-камин на небольшой пахсовой платформе; пол мазанный, неровный.

Помещение II прямоугольное, связано дверным проемом в западной стене с помещением I; у дверного проема найден подпечный камень.

Помещение III также прямоугольное, дверной проем - в западной стене.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС II (центральный) состоит из 3 помещений.

Помещение I прямоугольное, неправильной формы, вытянуто с севера на юг. Стены пахсовые, толщиной 0,7-0,8 м несут следы обмазки с примесью соломы; пол также мазанный. В северной части помещения найдены три хума, вкопанные по горловину и выложенные вокруг на уровне пола каменной кладкой. В центральной ча-

Поселение Алтынтобе.
Жилая планиграфия и
вид с земли

мером 46-48x26-28x8-10 см. Очевидно, это разрушенные крепостная стена и жилые конструкции верхнего строительного горизонта. Отмечены также

сти помещения фиксируются два очага открытого типа, один из которых по периметру также имеет каменную выкладку. Дверной проем располагался в восточной стене; вблизи последнего найдены два крупных подпяточных камня.

Помещение 2 примыкает к помещению 1 с востока, и связано с последним дверным проемом. Оно прямоугольное. Стены, за исключением западной, пахсовые. Западная стена сложена комбинированной кладкой из пахсы и прямоугольного кирпича-сырца размерами 45-48x25-28x8-10 см, изготовленного в форме; кирпичи имеют пальцевые полосы, отпечатки растительной присыпки. В северной части помещения имелся очаг-камин; у дверного проема найден подпяточный камень.

Помещение 3 неправильной вытянутой формы, не связано с описанными выше помещениями, хотя имеет с помещением 2 общую стену из пахсы и кирпича-сырца упомянутых размеров (западная стенка). Дверной проем, очевидно, располагался в западном углу. В восточной стене отмечен очаг открытого типа; в южной части помещения имеется каменная выкладка. Центральный жилой комплекс имеет переходные коридоры, которые огибают его с юга, частично с запада и севера, отделяя тем самым от других жилых комплексов.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС III включает два помещения, соединенных дверным проемом.

Помещение 1 прямоугольное в плане имеет в восточной части очаг открытого типа и такой же очаг - в центре.

Помещение 2 неправильной формы; пол неровен, имеет понижение к центру порядка 25-30 см и сплошным порядком выложен мелкой и средней галькой, кусками керамического шлака, крупными фрагментами керамики. В центре помещения отмечены следы зольников. Стены упомянутых двух помещений выполнены из пахсы, носят следы обмазки; толщина стен 0,5-0,8 м.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС IV представлен двумя связанными дверным проемом помещениями; имеет выход в коридор, который отделяет его от жилого комплекса III.

Помещение 1 (вскрыто частично). Размеры пахсовых стен (западной и северной) соответственно 4 и 5 м, толщина 0,8 м. Пол мазаный, неровный. В южной стене - двер-

ной проем.

Помещение 2 (вскрыто частично), очевидно, квадратной или прямоугольной формы; стены пахсовые, носят следы обмазки, дверной проем - в северной стене.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС V состоит из 3 помещений.

Помещение 1 квадратное, имеет в южной стене дверной проем, выводящий, очевидно, в коридор. Стены пахсовые со следами обмазки.

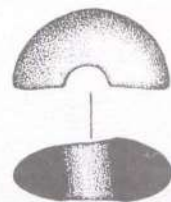
Помещение 2 (вскрыто частично) прямоугольное, дверной проем в восточной стене.

Помещение 3 прямоугольной формы, в центре располагался вкопанный по горловину хум, вокруг которого на уровне пола отмечена кольцевая каменная выкладка; в юго-восточном углу помещения также имеется каменная выкладка. Вблизи хума - очаг открытого типа в виде небольшого округлого углубления в полу. В южной части помещения располагался дверной проем; вход осуществлялся через ступенчатый пандус. Среди других элементов интерьера отметим две ниши в восточной стене.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС VI включает 3 помещения.

Помещение 1 (вскрыто частично) имеет пахсовые стены, которые носят следы обмазки с примесями растительности. В центре помещения - хумчи грушевидной

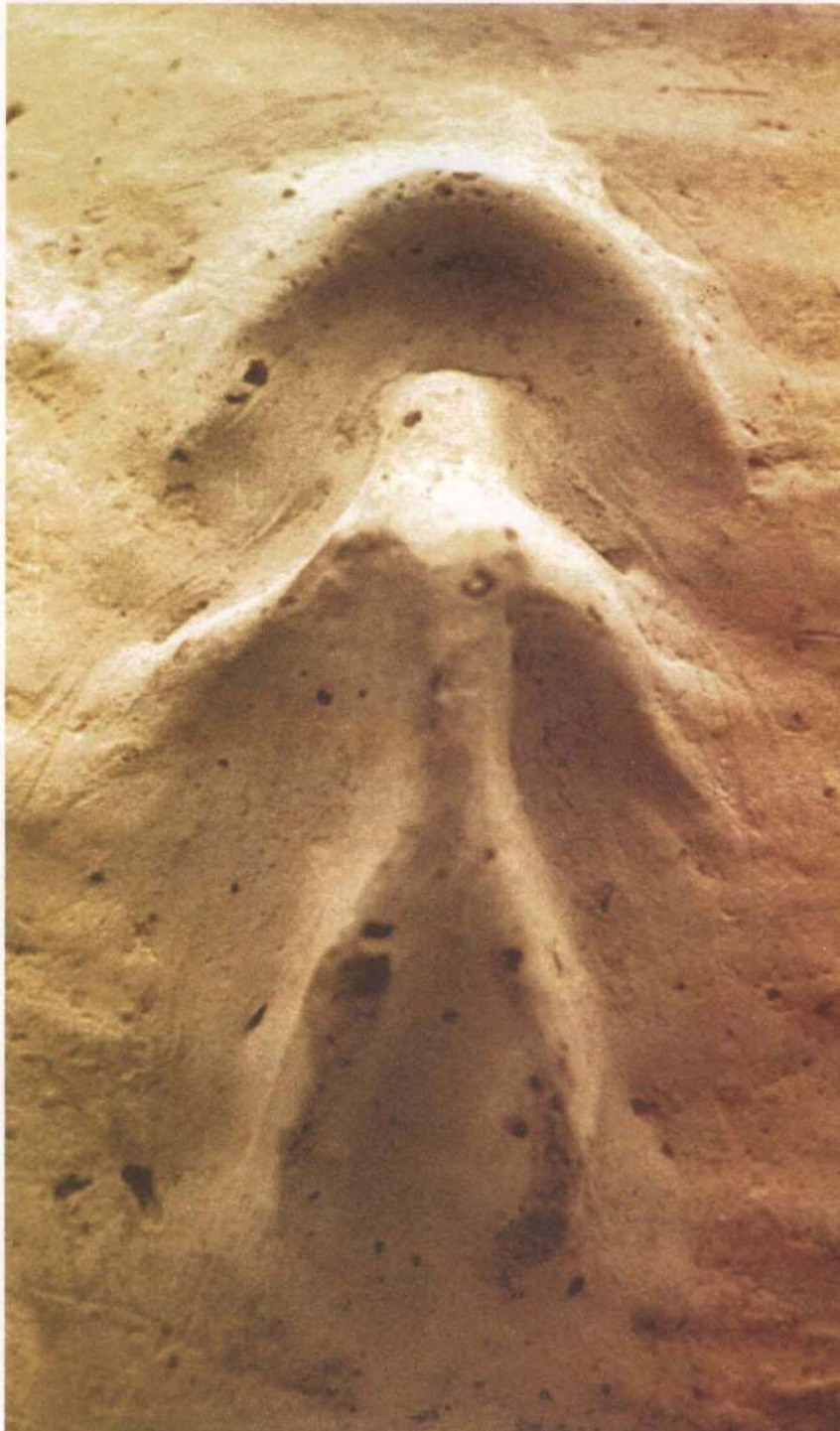
*Поселение Алтынтобе.
Раскопки*

формы, вкопанный в пол по горловину; к восточной стене примыкала невысокая 0,2 м суфа из пахсы размерами 1,8x0,4 м; у северного окончания суфы отмечен очаг открытого типа, расположенный вблизи дверного проема.

Помещение 2 связано с помещением 1 дверным проемом в южной стене. Стены пахсовые, в северо-западном углу отмечена округлая выгребная яма.

Алтынтобе.
Антропоморфный
артефакт

Помещение 3 прямоугольное, в центре обнаружен вкопанный ниже горловины хум грушевидной формы. В западной стене помещение имеет дверной проем.

В раскопе III отмечены три помещения, не связанные между собой и имеющие весьма аморфную конструкцию (помещения 1, 2, 3). Помещения 1 и 2 открыты частично - предположительно они были прямоугольными.

Аналогичным было помещение 3. Стены упомянутых помещений пахсовые, элементы интерьера обнаружить не удалось. В стратиграфическом шурфе верхнего строительного горизонта удалось выявить два помещения (4 и 5).

Помещение 4 квадратное, имело западную и восточную стены из кирпича-сырца (размеры 46x25x9 см). Остальные стены пахсовые, дверной проем - в западной стене.

Помещение 5 прямоугольное, стены пахсовые (за исключением восточной, выполненной из кирпича-сырца указанных размеров). Дверной проем - в южной стене.

Жилая застройка Алтынтобе также характеризуется как сплошная, она имеет свои особенности, среди которых:

а) наличие центрального коридора, пролегающего с юга на север и разделяющего памятник на две части; к указанному коридору под прямым углом с двух сторон примыкают боковые коридоры;

б) сосредоточение нескольких взаимосвязанных помещений в комплексы; среди них размерами, богатством интерьера и археологического материала выделяется центральный (II) комплекс, чью обособленность подчеркивают обходные коридоры, отделяющие его от остальных построек;

в) доминирование неправильной планировки квадратных и прямоугольных помещений со стенами из пахсы и реже - из кирпича-сырца.

Среди элементов интерьера выделяются пахсовые суфы, очаги-камины в глиняной платформе, очаги открытого типа, каменные выкладки. Отмечены вращающиеся двери, ступенчатые пандусы. Фиксируется выраженная функциональность отдельных помещений (кухонные, хозяйственно-бытовые, жилые).

Последующие работы на Алтынтобе в

1997-1998 гг. позволили открыть специализированные помещения (керамическая мастерская) и зафиксировать своды, выполненные из кирпича-сырца в виде аркообразного перекрытия.

Кроме того, на Алтынтобе получен выразительный археологический комплекс IV-VI в. в.

ПОСЕЛЕНИЕ КОСТОБЕ - 1

АРЫССКОЕ

Памятник типа тобе с площадкой (карта 1, 176). Тобе в виде округлого холма размерами: основание 45x50 м, верхняя площадка 10x12 м, высота 8 м, незначительно вытянуто по оси север-юг; с юга к тобе примыкает небольшая площадка 40x17 м, высотой 2 м.

В ходе работ была выяснена стратиграфия поселения и открыты жилые конструкции верхнего строительного горизонта. Стратиграфическая траншея размерами 1,8x9,6 м была заложена на восточном склоне поселения Костобе. В результате работ удалось проследить культурные напластования на глубину 2,5 м, а также выявить уровни двух строительных горизонтов поселения Костобе I.

Стратиграфия памятника зафиксирована в разрезе южной бровки траншеи. Значительную часть разреза занимают стерильные лессовые массы с незначительными эпизодическими вкраплениями горизонтальных зольников. На уровне 2,5 м и ниже от дневной поверхности отмечены:

- а) пахсовые завалы I строительного горизонта оплывшей формы, которые примыкают к мощной пахсовой платформе высотой 1,5 м (стилобат);
- б) внешняя пахсовая стена II строительного горизонта около 0,7 м высотой, в которой зафиксированы фраг-

Жилое помещение и керамика Алтынтобе

Зооморфный артефакт Алтынтобе

Зооморфный артефакт поселения Шукурбулактобе

Шумек. Поселение Шукурбулактобе

менты керамики и зольники.

В площадь основного раскопа попали части стен двух прямоугольных в плане помещений, внешняя стена всего

жилого комплекса и часть коридора. Стены сделаны из пахсы, в разрезе трапецевидные, носят следы обмазки жидкой глиной с растительной примесью (солома).

Помещение 1 подпрямоугольное размерами 2х2,5х3,2х3м; в южной части фиксируется мазанный глиняный пол. На уровне пола верхнего строительного горизонта (1,3-1,5 м от уровня дневной поверхности) найдены фрагменты от сосудов ручной лепки типа хума, горшка, кувшина, кухонной посуды. В декоре керамики отмечены покрытие ангобами серого, светло-коричневого, коричневого цветов; потеки ангобные, лощение по ангобу, пальцевые вдавления, рифление.

Помещение 2 вскрыто частично, его размеры: 3,2х2 м. В северной части раскопа зафиксирована стена длиной 3,8 м, за которой по всей длине открыта часть коридора. Археологический материал в помещении 2 и в коридоре представлен керамикой, которая соответствует керамике помещения 1. Из интерьера отмечены напольные выкладки из камня, очаги открытого типа.

ПОСЕЛЕНИЕ ШУКУРБУЛАКТОБЕ

Представляет собой прямоугольный в плане холм размерами: в основании 60х80 м, верхняя часть 20х30 м, высота 6 м (карта 1, 173). Наиболее круглый склон — северный, южный более покатый. Верхняя площадка прямоугольной

формы имеет небольшое понижение к центру; в северо-западной её части, ближе к склону, был заложен рекогносцировочный раскоп размерами 5х4. Раскоп доведён по всей площади на глубину 1,8 м.

В ходе работ удалось обнаружить части жилых конструкций верхнего строительного горизонта и получить выразительный археологический материал. В частности, в площадь раскопа попали пахсовая стена жилого помещения 1 и пахсовые завалы другой, более мощной стены. Средние размеры пахсовых стен: ширина 0,5-0,6 м, сохранившаяся часть по высоте 0,4 м. Стены помещения 1 имеют следы глиняной обмазки. На полу помещений 1 и 2 фиксируются мощные зольники, содержащие гумус, костные останки от домашних животных, археологические артефакты.

Судя по открытым частям жилых помещений, они были прямоугольными. Археологический материал характеризуется керамикой, орудиями труда из камня, изделиями из кости. Это:

а) в основном фрагментарный керамический комплекс, включающий: столовые сосуды типа горшка, кувшина, кружки с характерным декором в виде станкового рифления, концентрических волнистых линий, рельефного рубчика, лощения по вишнево-коричневому ангобу;

б) части каменных ладьевидных зернотёрок, а также пестов и тёрочек к ним;

в) костяное приспособление типа шумек.

Завершим описание археологического материала поселения Шукурбулактобе уникальной находкой объёмной головы змеи, которая как навершие венчала какой-то ритуальный предмет.

Голова змеи сделана из керамики. С большим искусством и реалистичностью исполнены все характерные детали: профиль, подчёркнута пасть, глаза. Не вызывает сомнения и творческий источник древнего мастера: с большой долей уверенности можно говорить о том, что воспроизведена голова неядовитой змеи — степного удавчика (удава), который является аборигеном среди земноводных Южно - Казахской фауны.

В целом весь археологический комплекс поселения Шукурбулактобе датируется II в. до - I в. н. э.

ГОРОДИЩЕ ТОРКУЛЬТОБЕ

Эталонный объект двухчастного городища с аморфным рабадом (карта 1, 125). Па-

мятник состоит из двух частей: центрального бугра, расположенного на крутом уступе холма, выдвинутого в пойму реки, и подковообразной площадки, прилегающей к центральному бугру с юго-востока площадью около 3 га.

Центральный холм округлый в плане, диаметром 90-95 м и высотой 10-12 м. На периферии холма хорошо прослеживается мощный вал (стена) шириной 8-10 м и высотой 4-5 м, окружающий обширную внутреннюю площадку. Внешних следов построек на этой территории не прослеживается. Представляется, что широкий внутренний двор был свободен от застройки, которая, очевидно, примыкала изнутри к валу.

На центральном бугре было заложено три раскопа площадью 350 кв. м, объединенных траншеей размером 100х2 м, которая разрезала бугор по всей длине с севера на юг. Вал с южной стороны бугра на протяжении 8 м и шестиметровый участок в центре двора вскрыты траншеей до основания культурного слоя. Небольшой раскоп был заложен в восточной части бугра (раскоп 2).

Раскопки позволили выявить ряд архитектурных особенностей центральной части памятника. Основание крепостной стены лежит на плотной глинобитной платформе-стилобате. Вскрытая траншеей часть стены представляет собой монолит из пахсовых блоков и чередующихся прослоек в 1-3 ряда кирпича-сырца размером 40х40х12 см. Высота стены более 6 м, толщина в выявленной части около 8 м.

Внешние контуры стены точно определить не удалось, она не была строго вертикальной, а сужалась в верхней части. Зафиксированы две оборонительные площадки в верхней части стены, которые относятся к первоначальному периоду ее сооружения, так как впоследствии были забутованы строительным мусором и перекрыты новой пахсовой кладкой с прокладками кирпича-сырца. Пол площадок на 2 м ниже современного уровня вала.

Площадки представляют собой квадратные в плане сооружения размером 2,1х2,4 м и сохранившейся высотой 80-90 см, соединен-

ные между собой узким проходом шириной 1,1 м. Их разделяет массив из блоков. Пол коридора, соединяющего площадки, выложен из квадратного кирпича - сырца размерами 42х42х12 см. На стенах местами сохранился тонкий слой обмазки. Видимо, подобные площадки были расположены по всей поверхности оборонительной стены, так как никаких признаков башенных сооружений не обнаружено.

Стратиграфически хорошо прослеживаются участки ремонта верхней части стены, где разрушенные проемы закладывались кирпичом-сырцом посредством горизонтальной

*Городище
Торткультобе.
Обжигательная
камера гончарной печи*

и вертикальной кладки.

Таким образом, хорошо выделяются два периода в сооружении стены, которые принципиально не

изменили ее конструкцию. Характер кладки оборонительной стены и прилегающих к ней сооружений, как удалось выяснить, однотипен. Это подтверждают материалы раскопок в восточной части центрального бугра, где частично вскрыт угол жилого помещения, сооруженного также из пахсы и кирпича - сырца размером 40х40х12 см. В

*Городище
Торткультобе.
Вид с воздуха и
раскопки помещения
с хумами*

углу помещения, на уровне глинобитного пола, находился очаг открытого типа. Материалы, полученные при вскрытии внутренней площадки двора, указывают на то, что она использовалась для всякого рода хозяйственных нужд, так как следов конструкций здесь обнаружено не было.

Стратиграфически для этого участка характерны зольники различной мощности, чередующиеся с прослойками светло-желтой и светло-коричневой глины. Мощность культурных отложений площадки составляет 2,7-3 м; ниже идет естественный грунт. В культурном слое участка двора на разной глубине были найдены керамические и металлические шлаки, крупные ладьевидные зернотерки, отлитые слитки меди и различные поделки из железа, камня, керамики, кости. Весь материал указывает на интенсивное использование двора в хозяйственных целях.

Представляют интерес вскрытые траншеи в центральной части основного бугра городища остатки сооружения из жже-

Керамика Алтынтобе

ного кирпича размерами 30x20x2 см неизвестного предназначения. Это вытянутый по направлению север-юг узкий желоб, головное сооружение которого в виде площадки находится в южной части. Западная стенка желоба сложена из 3-6 рядов кирпичей, положенных плашмя, восточная - из одного ряда кирпичей, поставленных

на ребро, рядом с которыми положен ряд кирпичей, уложенных также плашмя. Отметим, что в северном конце сооружения найдена крупная плоскобокая водоносная фляга с круглым отверстием, расположенным против горловины сосуда, рядом с которой лежал двухкилограммовый слиток меди.

На площадке-рабаде Торткультобе также было заложено несколько раскопов и стратиграфический разрез общей площадью более 400 кв. м. В ходе работ удалось открыть остатки большого хозяйственного помещения - хранилища, где располагались десятки крупных сосудов типа хумов, выявить и обследовать гончарные печи, а также уточнить фортификацию и стратиграфию этой части памятника.

Как показали исследования, площадка-рабад не имела внешних укреплений. Их роль выполняли естественные крутые склоны надпойменной террасы реки Кумуш, линия которых была искусно использована древними насельниками в качестве естественной фортификации. Мощность культурных отложений здесь составляет 2,7-3,2 м, т. е. такая же, как двора центрального бугра. Весь комплекс предметов материальной культуры (керамические изделия, поделки из камня и кости и т. д.) также идентичен археологическим материалам центрального бугра. Это позволяет сделать заключение о одновременности функционирования двух частей городища.

Данные стратиграфической траншеи и стационарных раскопов обозначили два культурных горизонта. Первый характеризуется наличием остатков жилого здания с очагом, площадкой двора с выгребной ямой и хранилищем хумов (1,3-1,5 м от уровня дневной поверхности); второй, лежащий ниже до глубины 3-3,2 м, представлен преимущественно зольниками и слабыми признаками конструкций (плотные комья пахсы и следы завала кирпичной кладки).

Остатки жилого здания верхнего (первого) горизонта обнаружены в северной части раскопа. Представляют собой части пахсовых стен, сохранившихся на высоту 30-40 см толщиной 50-60 см, лежащие на плотном грунте, являющемся площадкой пола. В углу одного из помещений, на небольшом возвышении отмечен очаг, округлый в плане диаметром 45 см. Ввиду слабой сохранности пахсовых стен планировка здания не определена, но площадка пола и двора прослежива-

ется по всей площади раскопа на одинаковом уровне, включая и хозяйственное помещение-хранилище, где пол четко определен стоящими хумами. Во внутренних проемах помещений найдены сгоревшие остатки деревянных перекрытий, хвороста, в плотных кусках глины - отпечатки камыша, что свидетельствует о широком его применении в строительстве.

Хозяйственное помещение, стены которого сложены из пахсы и прослеживаются лишь в южном углу здания на высоту 30-40 см, имеют толщину 45-50 см. Следов обмазки нет. Площадка пола также не имеет обмазки и представляет собой плотный утрамбованный грунт. В нём сохранились два округлых диаметром 17-20 см углубления, являвшихся, по-видимому, остатками оснований деревянных столбов, поддерживающих перекрытия.

В помещении находилось 12 крупных хумов грушевидной формы, которые для устойчивости были врыты в пол. Один из хумов располагался вне помещения и стоял ниже отметки пола.

Сохранившиеся части стен помещения, пол, расположение стоящих хумов позволяют установить размеры помещения. Оно имело прямоугольную планировку с длинной стороной приблизительно 10х6 м. В середине помещения стояли опорные столбы, поддерживавшие балки перекрытий. Следов отопительной системы не обнаружено.

В северной части площадки - рабада были открыты три обжигательные керамические печи, из которых две - парные, а одна одиночная. Эти двухкамерные сооружения устраивались непосредственно в склоне надпойменной лессовой террасы путем выборки грунта и создания полых сводчатых, округлых в плане полостей. Обжигательная и отопительная камеры разделялись перегородкой-пространством, имеющей систему отверстий-продухов. Они располагались концентрически между специальными «ребрами», поддерживающими пол-перегородку. Отопительная камера располагалась топочным отверстием, обжигательная - разбирающимся пространством в нижней части, через которое в печь ставили предназначенную для обжига продукцию. Размеры парных печей внушительны: общая высота около 4,5-5 м; диаметр обжигательной камеры 2,5-3 м (245, с. 40-50).

ГОРОДИЩЕ ТУЛЕБАЙТОБЕ

Классический вариант двухчастного го-

*Городище Тулебайтобе.
Вид с воздуха на
цитадель*

родища-убежища (карта 1., 151). Главный холм городища расположен на мысовидном прямоугольной формы выступе левой надпойменной террасы р. Бадам размерами в основании 150х120 м. Он ориентирован по оси север-юг, с восточной и западной стороны имеет глубокие естественные овраги.

В целом памятник дублирует контуры этой части надпойменной террасы и представляет собой цитадель со сложной системой фортификации, читаемой визуальнo (стены, рвы, башни). Северная сторона цитадели круто, под углом 65-70°, обрывается в пойму р. Бадам, южная сторона имеет переход-перемычку, связывающую цитадель с другой частью городища. Последняя представляет бессистемные всхолмления на аморфной площади около 1,5-2 га, среди которых читаются планировка двух предвратных башен, рвов и крепостной стены, начинающейся от одной из башен. Настоящая стена (вал) прослежена по всей длине, составляющей 12 км, причем в некоторых местах

*Городище Тулебайтобе.
Внешняя
оборонительная стена
и башни-тылоны*

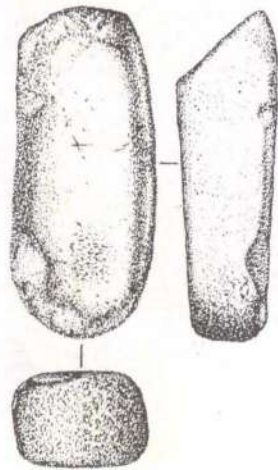

отмечено наличие рва (карта 5).

На цитадели городища были заложены раскоп 1 площадью 250 кв. м в северо-западной оконечности; раскоп 2 площадью 160 кв. м на крепостной западной стене в ее срединной части; раскоп 3 площадью 180 кв. м в южной части, на возвышении. Раскоп 4 площадью 30 кв. м разрезал восточный склон городища.

Раскоп 1 позволил открыть прямоугольное в плане крупное помещение размерами 14x16 м, стены которого толщиной 1,3-1,4 м сложены из кирпича-сырца 45x24x9 см. В центральной части помещения разделяется аналогичной стеной, имеющей дверной проем шириной 1,6 м. Отмечены обрушившиеся сводчатые пере-

Тулбайтобе.
Фортификационные
сооружения

Тулбайтобе.
Каменные зернотерки

крытия, выполненные из кирпича-сырца. Внешние стены прекрасной сохранности до 2,3 м высотой покоились на мощных зольниках и своими окончаниями примыкали к крепостной стене. Толщина стен, масштабность открытых конструкций указывают на то, что данное помещение функционировало как фортификационный объект (укрепление типа донжон).

Раскоп 2 открыл часть крепостной стены, где обнаружены сегментовидные парные башни - пилюны, пристроенные к основной стене из кирпича-сырца размерами 46x29x10 см. Высота открытых башен и прямого участка стены 5,5-6 м, общая длина открытой крепостной стены 16 м.

Раскоп 3 по всей площади позволил вскрыть жилые конструкции верхнего строительного горизонта (1,5-1,8 м от уровня древней поверхности). В площади раскопа

оказались четыре помещения из которых два открыты полностью, а остальные - частично. Все помещения прямоугольной планировки, имеют пахсовые и выполненные из кирпича-сырца размерами 43x28x12 см стены толщиной 0,5-0,7 м, которые обмазаны штукатуркой; пол помещений также мазанный. Помещения имеют дверные проемы шириной 0,8-1,2 м. В числе элементов интерьера: очаги-камины в одной из стен; небольшие ниши в стенах суфы; напольные очаги открытого типа. Во всех помещениях на уровне полов найдены фрагменты керамики от сосудов различного функционального назначения (хум, горшки, кувшины), а также орудия труда из камня (ладьевидные зернотерки, песты).

В северо-западной части раскопа 3, на площади помещения 4 были продолжены работы вглубь с целью выявления стратиграфии памятника. Глубина стратиграфического раскопа доведена до отметки 4,5-6,5 м. Выявлены три строительных горизонта, которые хорошо фиксируются на примере северной бровки раскопа.

Это: верхний строительный горизонт (1,5-1,8 м от уровня дневной поверхности). Он включает жилые конструкции четырех помещений основания стен которых покоятся на пахсовой заливке которая, в свою очередь, базируется на мощных зольниках и гумусах;

первый строительный горизонт (2,2-2,3 м от уровня дневной поверхности). Включает пахсовую стену в восточной части раскопа; данная стена также покоится на пахсовой заливке;

второй строительный горизонт (3,7 м от уровня дневной поверхности). Включает две стены (пахсовую и кирпичную) в восточной и западной частях раскопа. Ос-

Тулбайтобе.
Кухонное помещение

нования этих стен опираются на мощные напластования зольников.

Раскоп 4 разрезал восточный склон городища с целью выявления элементов фортификации. Южная бровка этого раскопа позволила зафиксировать следующие напластования:

а) нижнее лессовое основание (надпойменная терраса р. Бадам) - 4,5-5 м от уровня дневной поверхности;

б) напластования чередующихся гумусов и зольников различной мощности (0,8-1,2 м);

в) насыпной стерильный в культурном плане слой (0,5-0,6 м);

г) пахсовая заливка линзовидной в разрезе формы (0,6-0,2 м).

Как показали раскопки, в этой части памятник не имел крепостной стены, ее заменял, судя по стратиграфии, земляной вал, укрепленный по верху пахсой.

Отдельно производились работы на фортификационных сооружениях Тулебайтобе. Помимо вскрытия внешней части крепостной стены и парных башен-пилонов, были осуществлены раскопки внутренней стены главного сооружения цитадели, а также работы на предвратных сооружениях (башня, перемышка, «длинная стена»). В частности, была открыта значительная часть стены главного сооружения цитадели, которая представляла собой пахсовую заливку блоками по 0,6-0,8 м в шесть ярусов.

Получены данные о конструкции оборонительной башни 2, прикрывающей переход-перемышку. Она представляла собой квадратное сооружение размерами 6х6 м, стены которого толщиной около 1 м были сложены из кирпича-сырца 35х20х6 см. Разрез «длинной стены», которая начинается от башни 2, выявил факт сооружения пахсовой трапе-

циевидной в разрезе стены шириной в основании 2,5-3 м при высоте 1,2-1,5 м.

ГОРОДИЩЕ КУЛЬТОБЕ

Вариант двухчастного городища с аморфным рабадом (карта 1, 178). Цитадель памятника практически уничтожена паводковыми водами реки Арысь. Оставшаяся часть представляет собой сегмент высотой 7,5 м площадью около 150 кв. м с обрывистым западным склоном. В разрезе склона отмечены строительные конструкции из пахсы, прямоугольного кирпича-сырца размерами 32х20х10 см (части кладки стены).

Рабад Культобе имеет неправильную трапециевидную планировку с размерами сторон около 210х150х100х180 м. Наиболее крутые склоны - в западной части памятника; в центральной и северной частях рабада фиксируется понижение, которое придает рабаду «П»-образный вид. В южной части рабада отмечены округлые возвышения - судя по всему, оборонительные башни. Средняя высота рабада Культобе 5-6 м. Между цитаделью и рабадом отмечена площадка-понижение 40х30 м и ров шириной 20 м; в северо-восточной части рабада фиксируются также остатки рва около 3 м шириной.

На цитадели Культобе ввиду ограниченности сохранившейся площади памятника и крутизны его склонов работ не проводилось. На рабаде городища было заложено три раскопа: в южной, северной и северо-восточной части.

Раскоп 1 размерами 6,5х5,5 м прямоугольный в плане был углублен по всей площади на 1,2-1,5 м. Верхние слои мощностью 0,5-0,7

Тулебайтобе.
Зооморфный атефакт

Культобе.
Вид с воздуха и
палеолингвистический
материал

м оказались почти стерильными и практически не включали культурные напластования. На глубине около 1-1,2 м от внешней поверхности были открыты строительные конструкции верхнего строительного горизонта.

В площадь раскопа попали: часть мощной стены, сложенной из пахсы и прямоугольного кирпича-сырца размерами 27x18x8 см. Здесь же зафиксированы фрагменты жженого кирпича размерами 30x25x5 см. Параметры открытой стены: длина по всей бровке раскопа 6,5 м; ширина 1 м, сохранившаяся высота кладки 0,5x0,7 м. На внутренней (северной) поверхности стены отмечены следы глиняной обмазки; в разрезе стена трапециевидная. Параллельно открытой стене отмечена пахсовая платформа размерами 4x1,3 м, на которой покоится кирпичная стена. Перпендикулярно описанной платформе примыкает сложенная также из пахсы стена толщиной 0,6 м. В сочетании с платформой прослеживается планировка части прямоугольного в плане помещения, в котором фиксируется и мазаный жидкой глиной пол.

Раскоп 2 размерами 6x4 м также прямоугольный, доведен до глубины 2,3 м. Срезы всех трех бровок (восточной, северной, западной) носят почти стерильные слои лесса, пес-

чаных вкраплений и тонких гумусных слоев. Собственно культурные слои, как таковые, отсутствуют; исключение составляют мелкие фрагменты керамики, датируемые I-IV в. в.

Раскоп 3 размерами 5,5x4,8 м прямоугольный в плане. После снятия стерильно лессового слоя мощностью около 1,2 м открылись строительные конструкции верхнего строительного горизонта. В северной части раскопа были вскрыты угловые соединения пахсовых стен толщиной 0,4-0,5 м, а на уровне пола, на невысокой платформе из пахсы, зафиксирован круглый в плане очаг диаметром 0,5 м с прокаленными стенками и зольником. Помимо выразительного археологического материала, полученного с городища Культобе (керамика, орудия труда из камня и т. п.), отметим факт находки в нижних культурных напластованиях I-IV в. в. палеолингвистического материала в виде двух текстов, выполненных на массивных жженных кирпичах.

ГОРОДИЩЕ КАРАСПАНТОБЕ

Вариант городища с кольцевым рабадом (карта 1, 183). Топографию объекта определяют:

а) центральный мощный холм овальной конфигурации размерами: основание около 130-160 м, верхняя площадка 50-65 м, высота 22-24 м. Холм слегка вытянут по оси запад-восток;

б) кольцевой рабад, опоясывающий центральный холм вокруг и представляющий собой связанные всхолмления, имеющие «разрывы»-выезды. Ширина пояса рабада колеблется от 30 до 100 м, высота - 4-6 м, диаметр кольца рабада - от 300 до 450 м; наибольшая по площади и мощности часть кольца-рабада находится в южной от центрального холма стороне;

в) внутренняя площадка, располагающаяся между центральным холмом (цитаделью) и кольцевым рабадом. Ширина этой площадки колеблется от 35 до 70 м.

Ввиду масштабности Караспантобе (самое крупное городище среднего и верхнего течения р. Арьсь) археологические изыскания на нем ограничились стратиграфическими и рекогносцировочными работами. С целью выяснения фортификации кольцевого рабада, особенностей стратиграфии памятника, в южной части рабада была заложена рекогносцировочная траншея размерами 11,5

Городище
Караспантобе.
Вид с воздуха

на 1,2 м, которая была углублена до 4,5 м.

Стратиграфия памятника включает:

а) верхние культурные напластования в виде горизонтальных зольников мощностью до 1,2 м; здесь же зафиксирована яма-бадраб, где найдены фрагменты керамики караханидского времени (три поливные чаши, части от хумов, столовых горшков);

б) средние культурные напластования, связанные с крепостной стеной, сложенной из кирпича - сырца размерами 22x37x10 см. Стена шириной 2,3 м имела трапециевидный в разрезе профиль, высота стены около 3 м. В ее основании были найдены фрагменты неполивной посуды, а также части роговидной подставки под сосуд и целая курильница времени этапа Каунчи II (IV-VI в. в.);

в) нижние культурные напластования, характеризующиеся почти стерильными лес-

Курганы северной группы оформлены в относительно правильную цепочку, протянувшуюся с севера на юг; расстояние между насыпями от 10 до 30 м.

Курганы южной группы по отношению друг к другу располагаются бессистемно, некоторые из них составляют видимость цепочки. Размеры насыпей: диаметр основания 5-7 м, высота 0,5-0,7 м. По форме курганы округлые, со слабо выраженными склонами, сложены из аморфного камня средней величины, гальки, щебня, с небольшими включениями лесса. Первоначальный осмотр

могильника Актобе не выявил следов грабительских раскопок, за исключением кургана 1 (раскопан полностью). Этот курган, судя по размерам, был самым большим в могильнике (диаметр основания около 20 м).

Стационарному археологическому исследованию на могильнике Актобе подверглись курганы: 3 (северная группа); 43, 48, 49, 51 (южная группа); 55 (одиночный курган северной группы).

Курган 3 размерами: диаметр основания 8 м, высота 0,6 м. После снятия насыпи в центре кургана на глубине 1-1,1 м обозначились контуры могильной ямы, по краям которой поставлен на ребро камень-плитняк. Здесь же зафиксированы перекрывающие плиты из аналогичного камня. Ориентировка камеры по линии север-юг, размеры 2x1,2 м, глубина 1,5 м.

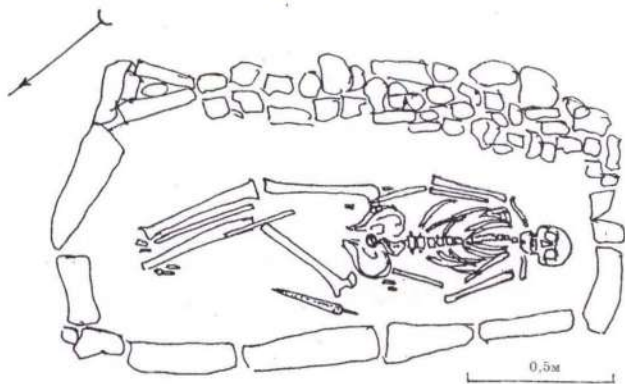
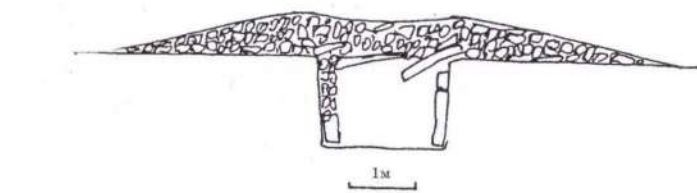
На полу камеры, кроме плохо сохранившихся тазовых и бедренных костей, ничего не найдено. Предположительная ориентировка костяка - изголовьем на север. Размеры кургана 48: диаметр основания 6 м, высота 0,4 м. При снятии насыпи на глубине 0,8-1 м слабо обозначились контуры прямоугольной могильной ямы, ориентированной с севера на юг. Перекрывающие плиты отсутствовали. Дальнейшие работы показали полную разрушенность погребения (разбро-

Караспантобе.
Керамика

Могильник Актобе
Чаянский.
План

совыми массами, где эпизодически встречаются фрагменты керамики грубой ручной лепки (4-4,5 м от уровня дневной поверхности).

МОГИЛЬНИК АКТОБЕ ЧАЯНСКИЙ

Состоит из двух групп курганов: северной (19 насыпей) и южной (33 насыпи), а также одиночных насыпей на останцах к северо-западу и востоку от основных групп (курганы 1, 30, 55, 56; карта 1, 189-190)

санный костяк, отсутствие погребально-го инвентаря).

Размеры кургана 49: диаметр основания 6 м, высота 0,6 м. На глубине 0,4 м от верхней точки кургана, после снятия насыпи, в ее центре выявлены следы костра (куски древесного угля и обгоревшие кости животных). Несколько ниже, до 0,5 м, по всей кольцевой площади насыпи фиксируется каменная выкладка из галечника средней величины; в центре открыты 4 плиты из камня-плитняка, лежащие плашмя (толщина плит 10-13 см). Плиты перекрывали погребальную камеру, прямоугольную в плане, размерами 2,2x1,3 м, вытянутую с севера на юг. Стенки укреплены поставленными на ребро каменными плитами.

При последующих работах на дне погребальной камеры (глубина 1,7 м) обнаружены костные останки взрослого мужчины; ориентировка костяка трудноопределима. Из погребального инвентаря найдена бронзовая спиралевидная подвеска.

Размеры кургана 51: диаметр основания 10 м, высота 0,8 м. На уровне поверхности кургана, в его центральной части вскрыты перекрывающие камеру плиты из камня-плитняка. Погребальная камера размерами 2,3x1,2 м вытянута с севера на юг, контуры ее также выложены каменными плитами. На глубине 1,6 м на дне камеры обнаружен хорошо сохранившийся костяк взрослого мужчины (длина 1,6 м). Обряд погребения - труположение на спине, головой на север. Погребальный инвентарь отсут-

Могильник Каратобе.
Курган 1. Погребение и
археологический
материал

ствует.

Курган 55 размерами: диаметр основания 6 м, высота 0,8 м. На глубине 1,1 м от уровня дневной поверхности после снятия насыпи выявлена погребальная камера. Она прямоугольная в плане, размерами 1,9x0,9 м, вытянута по оси северо-запад - юго-восток. Северо-западная, восточная, юго-восточная стенки камеры креплены поставленным на ребро камнем-плитняком; юго-западная стенка сложена из камня среднего размера.

На дне камеры обнаружен костяк мужчины удовлетворительной сохранности. Обряд погребения - труположение на спине, изголовьем на северо-запад. Из инвентаря рядом с тазовыми костями и фалангами кисти левой руки найден обоюдоострый железный черешковый кинжал без перекрестия (длина 23 см, длина черешка 5 см, максимальная ширина лезвия 3,4 см); на тазовых костях - круглая железная пряжка диаметром 3 см с бегающим язычком, здесь же - бронзовый концевой зажим сегментовидной вытянутой формы от поясного ремня (длина 1,5 см).

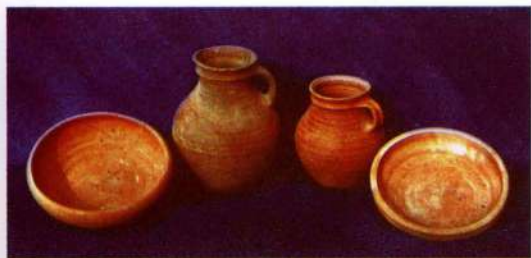
МОГИЛЬНИК КАРАТОБЕ

Могильник с бессистемным расположением насыпей (карта 1, 95).

Находится на длинном выступе правой надпойменной террасы р. Сайрамсу, вытянутом с востока на запад вдоль поймы реки. Размеры останца: ширина 0,3-9,7 км, длина более 2 км, высота над поймой 15-20 м. Верхняя площадка указанного выступа имеет поперечные саи, разделяющие последний на несколько частей.

Могильник включает свыше 100 курганов диаметром в основном от 10-15 м до 20-25 м при высоте 0,5-1,5-2 м. Раскопкам подверглась крайняя юго-западная группа, в которой зафиксировано 7 курганов. Погребения открыты в курганах 1, 2, 3 и 4.

Курган 1. (в основании 11,5 м, высота 0,4 м). Овальная прямоугольная сводчатая камера размерами 2,7x1,6 м открыта в юго-западном секторе под насыпью на глубине 2,8 м. Перпендикулярно длинной оси камеры, в центре, к ней примыкает траншейного типа дромос с «заплечиками» размерами 2,6x1,4 м. Место соединения камеры и дромоса в виде трапециевидного в разрезе лаза заложено кладкой из прямоугольного

кирпича - сырца размерами 40x20x9 см (целые формы и фрагменты).

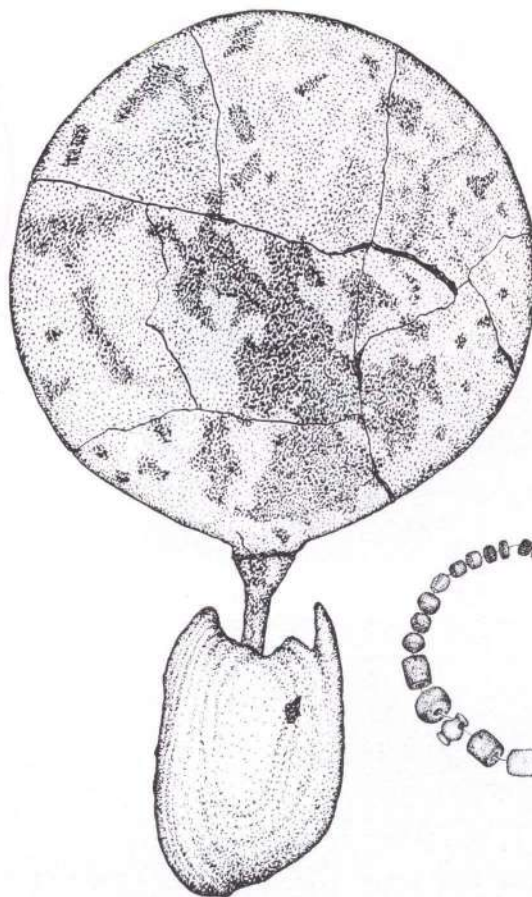
На дне камеры, носящей следы плетеной тростниковой циновки, найдено два костяка (мужской, женский). Они лежали в вытянутом положении на спине изголовьем на северо-восток.

Погребальная атрибутика представлена керамической посудой, поясной пряжкой и бусинами-подвесками из гагата. Керамика включает сосуды столового и культового назначения (чаша, кувшин, кружка и курильница). Они располагались соответственно в изголовье, вблизи таза и в ногах костяка 1. Каменная круглая с отверстием поясная пряжка найдена в районе тазовых костей костяка 1, а бусины (височная подвеска) - под черепной подвеской костяка 2.

Курган 2 (в основании 9,3 м, высота 0,4 м). Неправильная овальная в плане сводчатая камера размерами 2,2x1,6 м открыта на глубине 2,4 м в северо-западном секторе под насыпью. Траншейного типа прямоугольный дромос с «запличиками» размерами 2,4x1,5 м примыкает перпендикулярно к длинной оси камеры с юга. Место соединения камеры и дромоса заложено кирпичом-сырцом размерами 48x26x10 см. Высота свода камеры 1,3 м.

На уровне пола камеры найдены 4 костяка, один из которых лежит в анатомическом порядке (2 мужских, 1 женский и младенческий). Ориентация костяка 1 - изголовьем на восток; кости других костяков разбросаны в северной части камеры бессистемно. Погребальный инвентарь представлен керамикой столового назначения (две чаши, кувшин и кружка-кувшин), а также частью железного однолезвийного ножа.

Курган 3 (в основании 14 м, высота 1,2 м). Сводчатая овальная в плане погребальная камера размерами 2,2x1,6 м открыта под центром насыпи на глубине 2,7 м. Ближе к

Могильник Каратобе.
Курган 2. Керамика

Могильник Каратобе.
Погребальный инвентарь кургана 3

северной ее оконечности, почти перпендикулярно к ней примыкает прямоугольный дромос траншейного типа с «запличиками» размерами 2,4x1,7 м. Место соединения камеры и дромоса заложено квадратным (38x38x11 см) и прямоугольным (40x30x10 см) кирпичем-сырцом в 6 рядов; высота кладки 1,2 м.

На уровне пола камеры, ближе к северной стенке, обнаружен костяк молодой девушки (труположение на спине изголовьем на восток).

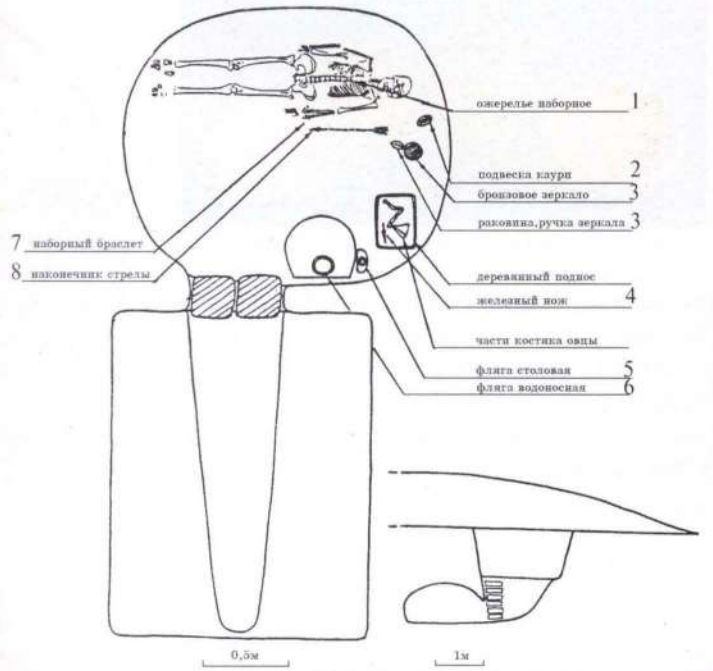
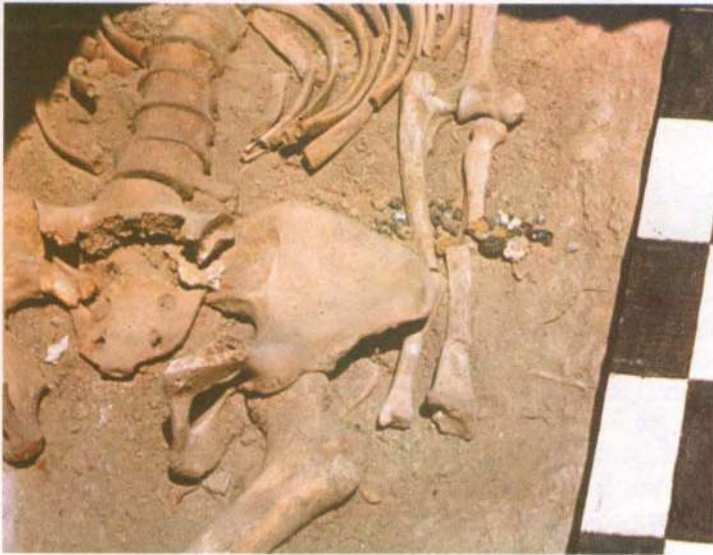
Погребальный инвентарь представлен: а) крупной флягой хозяйственно-бытового назначения, столовой флягой;

б) деревянным прямоугольным с невысокими бортиками подносом на четырех ножках размерами 40x30 см, на котором находились часть туши овцы и небольшой однолезвийный без перекрестия разделочный нож;

в) предметами быта и украшениями: бронзовым круглым зеркалом, ручка которого крепилась в створке речной раковины-устрицы; бусинами различных форм и

На развороте:
экспликация археологического материала кургана 3 могильника Каратобе

8. Наконечник стрелы

4. Железный нож

2. Раковина-каури (подвеска)

5, 6. Фляги водоносная и столовая

1. Ожерелье наборное

7. Наборный браслет

3. Бронзовое зеркало

Могильник Каратобе.
Курган 4. Погребение и
археологический
материал

размеров из керамики, горного хрусталя, янтаря, стекловидной пасты с подглазурным напылением золотом.

Основная масса бус концентрировалась в районе запястья левой руки, а десять самых крупных, в числе которых четыре голубые прозрачные бусины с подглазурным золотом, найдены на грудной клетке. Здесь же находилась бронзовая подвеска, выполненная в виде объемной фигурки петуха-фазана с длинным хвостом, а в изголовье - подвеска из большой раковины-каури.

Курган 4 (в основании 10,5 м, высота 0,5 м). Овальная в плане сводчатая погребальная камера размерами 2,5x1,4 м при высоте свода 1,1 м обнаружена в юго-западном секторе под насыпью кургана на глубине 2,8 м. Прямоугольный дромос с «запличиками» 1,2x1 м перпендикулярно примыкает к центру длинной оси камеры; на правом «запличике» перед входом в камеру найдена стоящая курительница на высоком поддоне. Место соединения дромоса и камеры заложено четырьмя рядами кирпичной сырцово-й кладки, (размер

Могильник Алтынтобе.
Курган 1. Погребение и
археологический
материал

кирпича 44x25x8 см) и прикрыто несколькими вертикально поставленными кирпичами.

В камере на уровне пола вскрыты 4 костяка (два женских, два мужских). Один из них лежал в анатомическом порядке изголовьем на восток, а кости других в беспорядке сдвинуты к северной стене камеры.

Погребальная атрибуция представлена столовой керамикой в числе которой: горшок без ручек; кувшин; три грушевидной и одна цилиндрической формы кружки; чаша. Сосуды располагались в изголовье, у таза, в ногах костяка.

МОГИЛЬНИК АЛТЫНТОБЕ

Эталонный вариант могильника с бессистемным расположением насыпей (карта 1, 165). Могильник протянулся вдоль края левой надпойменной террасы р. Акбулак более чем на 3 км и включает около 250-300 насыпей. Состоит из 4 курганных групп: северо-западной (более 30 насыпей), центральной (120-130 насыпей), северо-восточной (около 60 насыпей) и южной (40-50 насыпей). Расстояние между насыпями от 5 до 30 м, средние размеры в основании - 10-15 м, высота 1-1,5 м. Некоторые курганы центральной группы больших размеров: диаметр основания 20-35 м, высота 2-3 м.

Стационарному обследованию подверглись более 20 курганов северо-западной и центральной групп. Из них в 13 открыты погребения. В научном плане существенны материалы курганов 1-3, 8, 10-11, 14-17.

Курган 1. Открыто коллективное погребение в «Т»-образной катакомбе. В погребальной сводчатой камере размерами 2,7x2,2 м обнаружены три костяка, ориентированных на юго-восток, причем два костяка перекрывали друг друга; третий костяк, находившийся частично в дромосе и частично в камере, ориентирован по отношению к основной группе костяков перпендикулярно.

Погребальная атрибуция представлена: банкообразной кружкой с двойной ручкой; кружкой-кувшином на боковине которой прочерчено по сырой глине изображение вставшего на дыбы кулана (лошади); цилиндричес-

кой курильницей, имеющей выступающие «ребра» между которыми имеются сквозные отверстия.

Курган 2. Под северо-восточной частью насыпи открыта «Т»-образная кама, в которой зафиксированы два костяка, ориентированных изголовьем на юг.

Костяк 1 принадлежал мужчине средних лет с выраженной патологической деформацией позвоночника («горбун»). Длина костяка 1,35 м. У изголовья костяка 1 найдены стоящими три сосуда: чаша, фляга, кружка.

Костяк 2 (женский) длиной 1,75 м не имел погребальной атрибуции. Общая сохранность костяков удовлетворительная. Одним из моментов следует отметить переплетение фаланг пальцев правой руки «горбуна» и левой - его «супруги». При разборке костяков непосредственно у деформированного позвоночника «горбуна» был найден обломок тонкой иглы (1 см длиной, 0,1 мм в диаметре; обломок полностью коррозирован). При осмотре черепной коробки «супруги» выявилась патологическая деформация ее черепа (асимметричное расположение челюстных ямок).

Курган 3. Диаметр основания 13 м, высота 1,2 м. Состав насыпи - однородный лесс; при снятии последней и северо-западном от центра кургана секторе на уровне древней поверхности была найдена часть ладьевидной зернотерки. В этом же секторе, на глубине 3,4 м была обнаружена погребальная камера овальной формы размерами 2,5x1,5 м, высотой около 1,2 м, вытянутая по оси северо-восток - юго-запад.

Дромос начинался в центральной части кургана, и примыкал к камере с юго-востока. Место соединения дромоса с камерой забутовано двумя разделенными между собой прослойками пахсы.

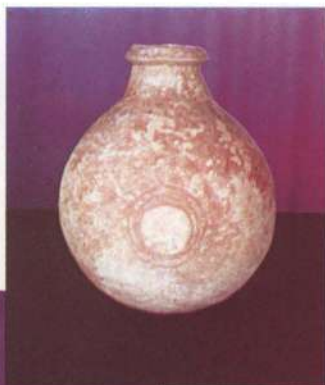
В камере найдено два костяка, мужской и детский. Обряд погребения - трупо-

положение на спине с ориентировкой изголовьем на юго-запад. Длина взрослого костяка 1,65 м, детского - 0,75 м.

Погребальная атрибуция представлена семью сосудами, черешковым железным ножом, бусиной и игральными костями-астралами. Основная группа сосудов располагалась в ногах костяков. Кружка с игральными костями находилась у таза ребенка, на правом запястье - бусина и в изголовье - фляжка. У взрослого костяка в районе таза и правой кисти руки был обнаружен железный нож (длина лезвия 15,5 см; максимальная ширина у перекрестия 2,9 см; длина черешка 5 см). На ноже фиксируются части коррозированных ножен.

Керамика кургана 3 включает:

горшок столовый банкообразной формы, со слабовыраженной горловиной и двумя желобчатыми ручками на плечиках. Покрит ангобом светло-коричневого оттенка. На дне сосуда - остатки погребальной пищи (вываренные кости овцы);

Могильник Алтынтобе.
Курган 2. Керамика

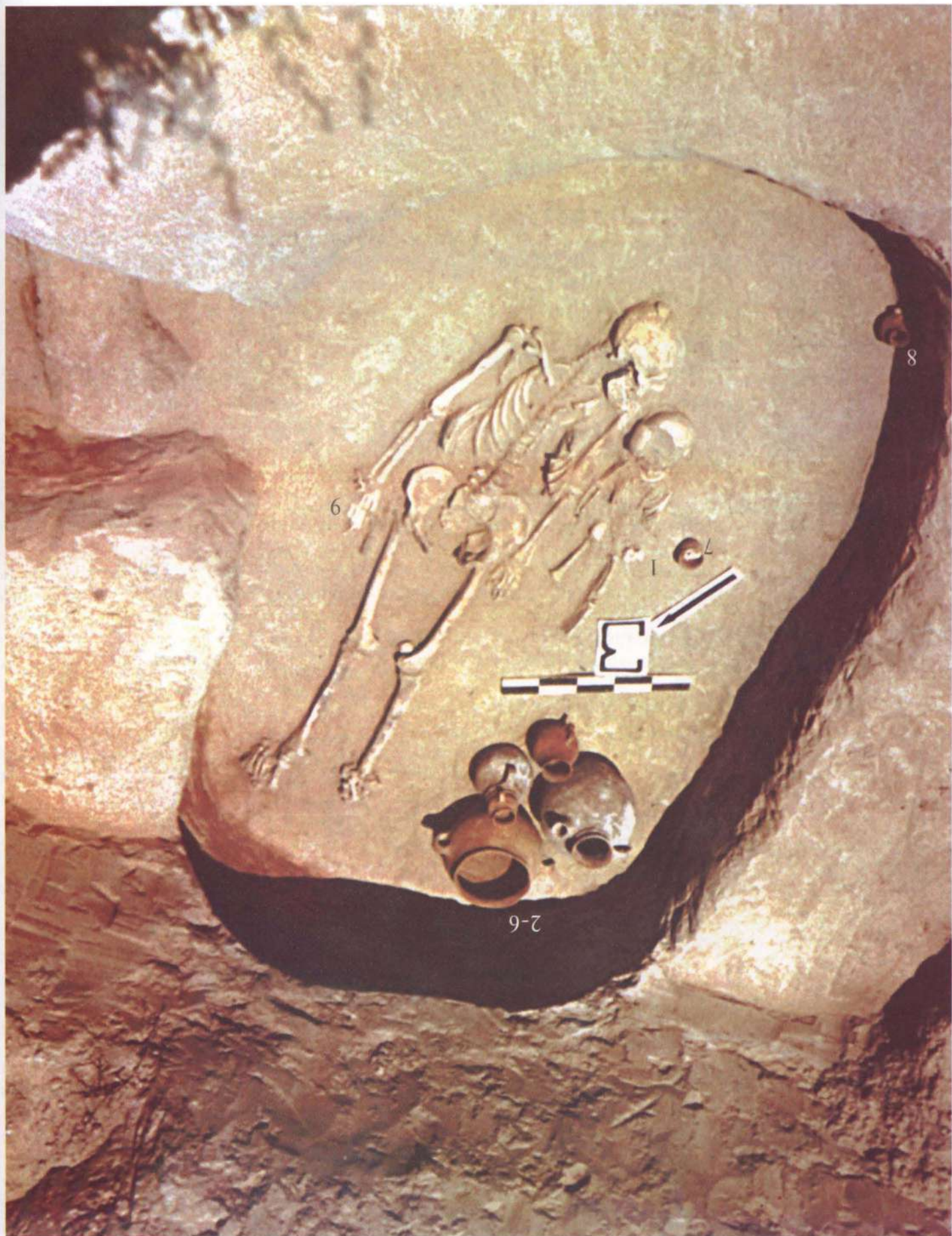

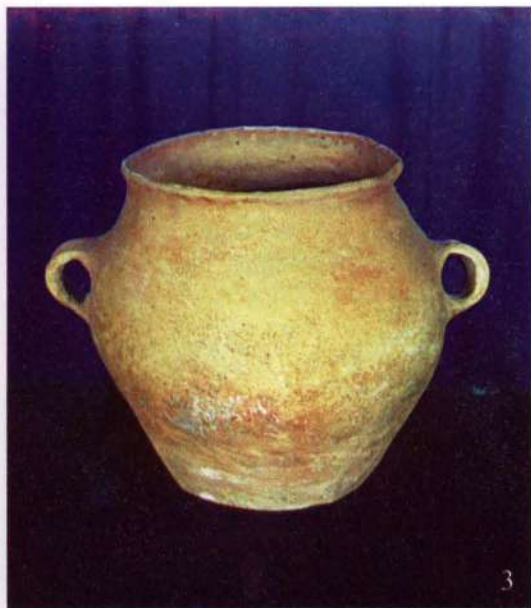
Могильник Алтынтобе.
Курган 6. Погребение и
археологический
материал

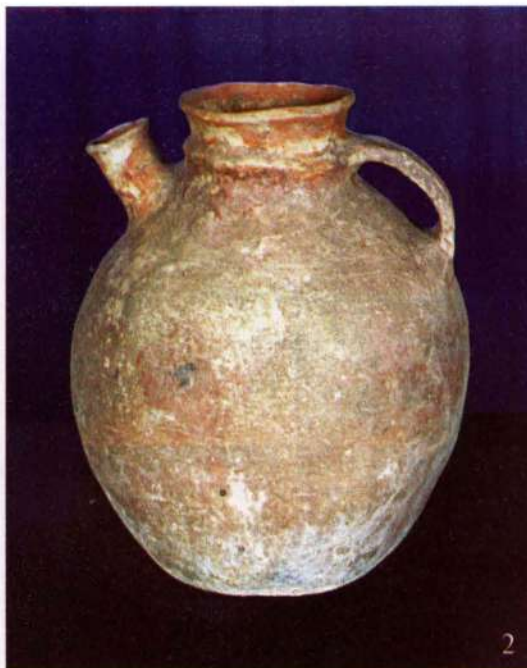
На развороте:
экспликация
археологического
материала кургана 3
могильника Алтынтобе

3

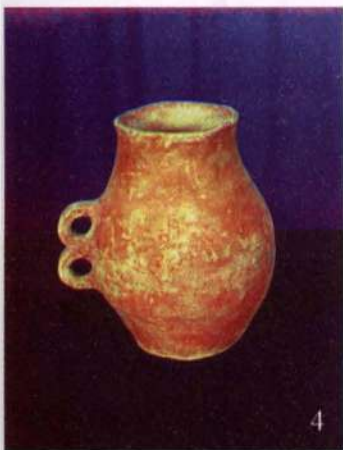

2

1

1. Кости перчаточные

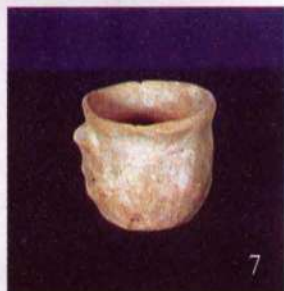

4

9. Железный нож

9

7

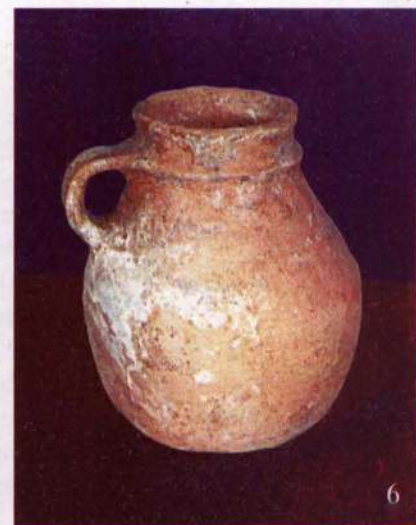
2-8. Керамика

8

5

6

кувшин водоносный с цилиндрическим носиком-сливом. Формы грушевидной, имеет петлевидную желобчатую ручку, верхнее основание которой переходит в рельефно-выпуклый валик, располагающийся парал-

лельно венчику; в районе нижнего основания ручки - две насечки. Покрыт ангобом желтоватого оттенка и украшен потеками коричневого ангоба;

кувшин столовый, аналогичный по форме и декору вышеописанному сосуду, только без носика-слива и несколько меньших размеров;

кружка с двойной ручкой (правильной грушевидной формы, украшена ангобом вишневого цвета и залощена);

кружка шаровидная, с выраженной горловиной и желобчатой ручкой на ту-

лове (покрыта ангобом светло-коричневого цвета);

кружка цилиндрическая с отбитой ручкой (украшена ангобом светло-коричневого оттенка; в кружке - четыре игральные астрагала, одно из них имеет высверленное отверстие, другое - специально подправленную плоскость);

фляжка классической формы с имитированным носиком-сливом (украшена темно-вишневым ангобом и залощена; у края венчика - отверстие).

каменная бусина; имеет вытянутую цилиндрическую форму и сквозное отверстие.

Курган 6 имеет размеры: диаметр основания 12 м, высота 1,5 м. Насыпь сложена из однородного лесса, имеет слегка каплевидную форму; наиболее крутой склон - северный, обращенный к руслу реки Акбулак.

В ходе работ под насыпью, почти в центре, была открыта катакомбная погребальная конструкция, характеризующаяся:

а) дромосом-корридорм длиной 5,3 м, шириной у начала 0,45 м, у устья лаза - 0,85 м, максимальной глубиной от уровня дневной поверхности 2,9-3 м;

б) сводчатым аркообразным лазом длиной 0,5 м при высоте свода 0,6 м;

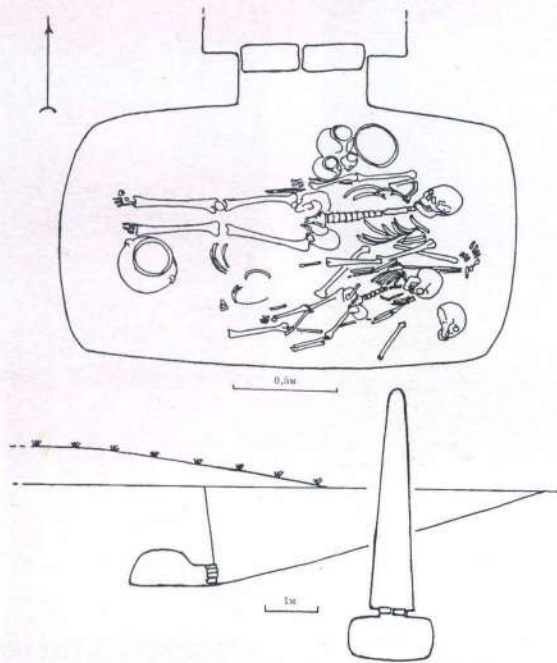
в) погребальной сводчатой овальной - прямоугольной в плане камерой размерами: длина 2,4 м, ширина 1,3 м, высота свода 0,85-0,9 м, глубина от дневной поверхности 3 м.

Погребальная конструкция имеет «Т»-образную форму (дромос перпендикулярен длинной оси камеры). Место соединения камеры и дромоса заложено пятью рядами сырцового кирпича на глиняном растворе; размеры кирпича: 40x20x12 см. Длинная ось погребальной камеры точно совпадает с направлением запад-восток.

В погребальной камере, на ее дне было открыто непо потревоженное одиночное погребение. Костяк мужчины лежал в анатомическом порядке на спине изголовьем на восток.

Погребальная атрибуция представлена: керамическим кувшином (поставлен вблизи изголовья);

костяными парными срединными накладками на лук (найжены на фалан-

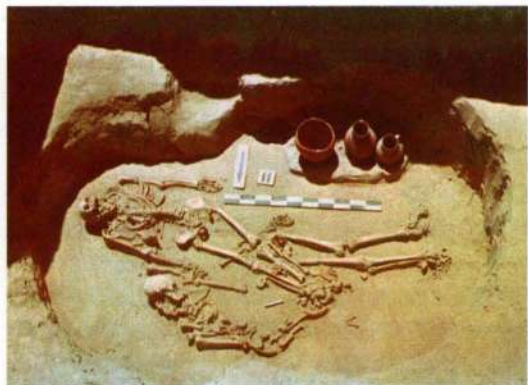
Могильник Алтынтобе.
Планиграфия
погребения кургана 8.

Могильник Алтынтобе.
Курган 8.
Керамика

Могильник Алтынтобе.
Погребение
в кургане 10

гах пальцев правой руки);

железными черешковыми наконечниками стрел, которые находились в мягком колчане (располагались вблизи правой бедренной кости);

железной пряжкой (найдена на тазовых костях);

железным черешковым ножом в ножнах (обнаружен у тазовых костей).

Кроме того, рядом с сосудом найдены кости овцы (жертвенное мясо).

Керамика кургана 6 представлена кувшином без ручек, сделанном на круге из достаточно грубого теста с большими примесями шамота, растительности. Сосуд имеет высокую горловину, широко развернутый венчик. Декор отсутствует, однако на тулове отмечены следы копоти от кострища.

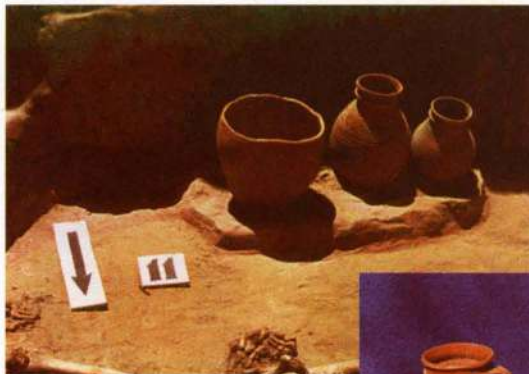
Костяные срединные накладки на лук классической вытянутой трапециевидной формы; одна из поверхностей (внутренняя) носит следы обработки. Основные размеры: длина 25 см, ширина 3,7 см, толщина 1,5-2 мм.

Железные черешковые наконечники стрел представлены следующими типами: трехлопастные, с тонкой острой ударной частью и сильно опущенными жальцами (первый тип); трехлопастные, с округлой боевой частью и слабовыраженными жальцами (второй тип). Общее количество наконечников 6, из них первого типа 4, второго 2.

Железная пряжка круглая, бесщитковая, с бегающим язычком. Размеры: диаметр пряжки 3,4 см, толщина металла 0,35 см. Железный черешковый однолезвийный нож имеет размеры: длина

лезвия 9 см, максимальная ширина лезвия 1,7 см, длина черешка 4,3 см.

Курган 8. Диаметр основания 10 м, высота 0,6 м. На глубине 3,2 м от уровня древней поверхности в центре под курганом открыто в «Т»-образной катакомбе групповое погребение из трех ко-

*Могильник Алтынтобе.
Погребение и
инвентарь кургана 11*

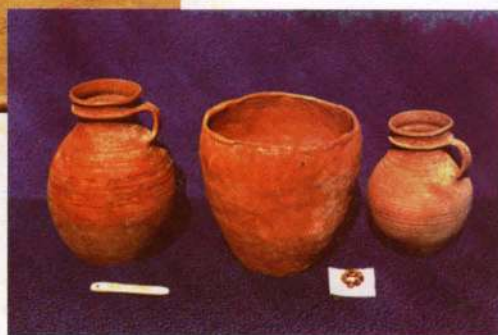
стяков. Погребальная камера размерами 2,5x1,7 м вытянута с востока на запад; аналогична ориентировка всех костяков (изголовьем на восток). Вход в дромос осуществлялся с западной стороны, где начинался склон надпоймы; обряд погребения - труположение на спине.

Костяк 1 («мужчина»). Длина 1,90 см, черепная коробка наклонена вправо, руки вытянуты вдоль туловища. Погребальная атрибуция: у таза с правой стороны - группа сосудов (кувшин, кувшинчик, кружечка и чаша); под фалангами правой руки обнаружены части железного ножа (однолезвийный, без перекрестия); на тазовых костях - круглая железная пряжка с бегающим язычком; в ногах - крупный сосуд типа горшка.

Костяк 2 («женщина»). Атрибуция отсутствует, лицевая часть черепа обращена на юг.

Между костяками 1 и 2, как бы перекрывая их, располагается костяк 3 («девочка»). Погребальная атрибуция: бусина ребристая из стекловидной пасты и медная эллипсовидная серьга (найдена под правой стороной черепной коробки).

Следует отметить также наличие жертвенного мяса, которое располагалось у ко-

Могильник Алтынтобе.
Погребение и
инвентарь кургана 14

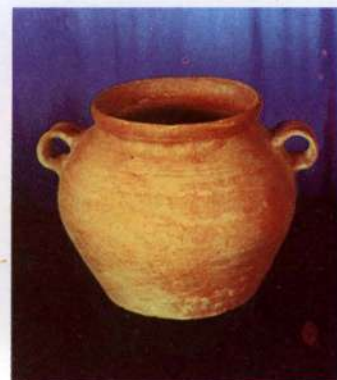
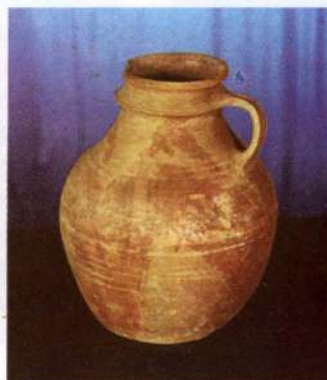
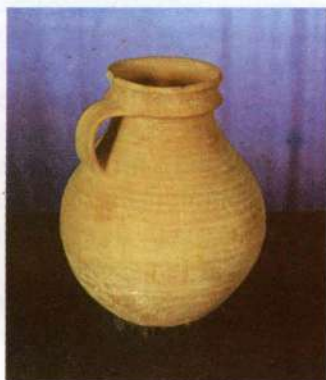
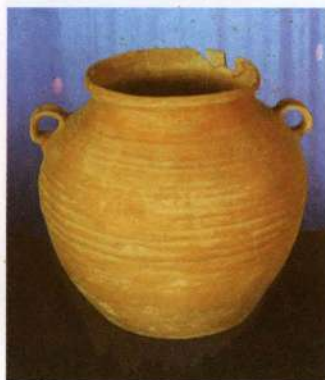
Бусина-подвеска

Наконечник стрелы и
поясная пряжка

Керамика

ствяков 1 и 2 (части туши лошади).

Керамика включает пять сосудов:
банкообразный горшок с двумя
петлевыми желобчатыми ручками
на плечиках, украшенный станковым
рифлением, лощением по красно-виш-
невому ангобу, выступами-шишечками
у донца;

кувшин грушевидный с выраженной
горловиной и желобчатой ручкой, перехо-
дящей в верхнем креплении в валик;

кружку-кувшинчик аналогичной по
форме кувшину (украшена коричневым
ангобом, рифлением);

кружку миниатюрную шаровидную, с
желобчатой ручкой на боковине (декориро-
вана ярко-красным ангобом и залощена);

чашу классической формы с заг-
нутой внутрь закраиной.

Курган 10. Насыпь однородная, лессо-
вая, с включением незначительных фраг-
ментов керамики. Диаметр насыпи 12 м,
высота 0,9 м. На глубине 2,4 м, почти
в центре кургана, была открыта «Т»-
образная катакомба. Она включает
овальную в плане погребальную каме-
ру размерами 2,15x1,7 м высотой око-
ло 1,1 м, вытянутую по оси восток-за-
пад и примыкающий к ней с юга
дромос, начинающийся у южной кром-
ки насыпи. Место соединения дромоса
с камерой заложено пятью рядами
кирпича-сырца размерами 44x22x10 см,
причем отдельные кирпичи имеют обо-
женные поверхности.

В камере находились два костяка, ори-
ентированных изголовьем на восток (ко-
стяк 1 - северный, костяк 2 - южный). По-
гребальная атрибуция костяка 1
представлена тремя сосудами, стоящими в
изголовье (два) и у таза (1), а также желе-
зным кольцом, найденным в районе фаланг
кисти правой руки. Костяк 2 не имеет по-
гребальной атрибуции.

Керамика представлена столовым
кувшином, кружкой-кувшином, столо-
вой кружечкой; кольцо железное диа-
метром 1,5 см, овальное в сечении.

Курган 11. Насыпь диаметром 12 м
и высотой 0,9 м. В ходе работ в юго -
западном от центра кургана секторе,
почти у кромки насыпи, на глубине
3,3 м от уровня дневной поверхности
была открыта погребальная камера
«Т»-образной катакомбы. Она оваль-
ная в плане, размерами 2,7x1,9 м и вы-
сотой около 1,2 м, вытянута по оси
запад - восток. С юга к ней примыкал
дромос траншейного типа, начинаю-

шийся за пределами насыпи. Место соединения дромоса и камеры заложено кирпичом-сырцом размерами 40x25x8 см.

В камере найдены два костяка (труположение на спине с ориентировкой изголовья на восток), причем один из них потревожен.

Погребальная атрибуция представлена тремя сосудами, оселком и пряжкой. Сосуды располагались вдоль стенок камеры группой, в ногах костяка 1. В районе тазовых костей указанного костяка найдена железная круглая пряжка, а у таза костяка 2 - оселок.

Керамическая посуда вся столового назначения. Включает два кувшина грушевидной формы с характерным декором в виде станкового рифления, лощения по коричнево-ангобу, а также - горшок усеченно - конической формы без ручек, украшенный светло-коричневым ангобом. Оселок традиционной формы с отверстием в утолщенной части и выраженными рабочими поверхностями выполнен из песчаника зеленоватого цвета.

Курган 14 имеет параметры: диаметр основания 16 м, высота 1,5-1,6 м; внешние признаки ограбления в прошлом отсутствуют. После работ по удалению насыпи (сложена из однородного лесса), на глубине 5-5,5 м от уровня древней поверхности была обнаружена катакомба. Она включает в себя: сводчатую трапециевидную в плане погребальную камеру размерами 3x1,8 м при высоте свода 0,9-1,1 м; аркообразный лаз длиной 0,63 м, шириной 0,53 м и высоте 0,8 м; дромос-коридор шириной 1,2 м и длиной около 10 м, который под наклоном вел в погребальную камеру. Вся конструкция имеет «Т»-образную планировку, причем длинная ось камеры совпадает с направлением север - юг.

В погребальной камере были обнаружены три костяка в следующем порядке: костяки 1 и 2 находились вблизи восточной стенки камеры и представляли собой бессистемный набор костей, сдвинутых в одно место; костяк 3, напротив, занимал центральную часть погребальной камеры и располагался в полном анатомическом порядке изголовьем на юг. С этим костяком связана основная погребальная атрибуция.

Погребальный инвентарь кургана 14 представлен:

а) керамическими сосудами (располагались в ногах костяка 3 группой из трех сосудов; еще один сосуд находился у места соединения лаза с погребальной камерой). Это столовые горшки, один из которых очень крупный, и столовые кувшины. Горшки имеют шаровидное тулово, крутые плечики, венчик, отогнутый наружу и две вертикальные петлевидные желобчатые ручки, крепящиеся на плечиках. Они украшены ангобом красновато-коричневого оттенка, залощены. Основная часть тулова декорирована станковым рифлением между рифами которого прочерчена по сырой глине концентрически располагающаяся «змейка» (волнистая линия). Кувшины грушевидной формы, с выраженной горловиной, плавными плечиками, имеют одну желобчатую вертикальную ручку верхний конец которой крепится к горловине ниже венчика и переходит в кольцевой «рубчик». По аналогии с горшками, украшены лощением по красно-коричнево-ангобу и станковым рифлением; в районе донца отмечен вариант заглаживания сосуда по сырой глине лопаткой;

б) предметами быта и оружием из железа (располагались в районе тазовых костей и правой бедренной кости). В их числе: однолезвийный черешковый нож; поясная

Могильник Алтынтобе.
Погребение и
инвентарь кургана 15

Бронзовое зеркало со
стемной железной
ручкой

щитковая с бегающим язычком круглая пряжка; трехгранный черешковый без жалец наконечник стрелы;

в) бытовыми предметами из камня (оселком из камня-песчаника характерной удлиненной формы с отверстием для подвешивания к поясу);

г) астрагалом овцы, который выполнял роль игрального предмета и также имел отверстие для подвешивания;

д) украшением в виде крупной круглой серьги-подвески из обсидиана (находилась вблизи черепной коробки костяка 3).

Предварительный антропологический анализ погребенных свидетельствует о том, что в катакомбах было осуществлено групповое одновременное погребение в такой последовательности: вначале костяки 1 и 2, принадлежащие подросткам 10-12 лет, затем костяк 3 взрослого мужчины средних

лет. Кроме всего, разрушенная забутовка лаза, вблизи которого найден камень, а также лежащий на боку один из сосудов говорят о том, что погребение посетили древние грабители.

КУРГАН 15. Диаметр основания 8 м, высота 1,1 м, насыпь однородная, лессо-

вая. При ее снятии в западном секторе, на уровне древней поверхности, зафиксированы следы тризны в виде зольникового пятна, мелких частей костей от овцы и стоящей рядом небольшой кружки-кувшина кухонного назначения без ручек. В центре кургана на глубине 3,8 м была открыта классическая катакомба «Т»-образной планировки с полным набором характерных конструктивных элементов: дромосом длиной 6,5 м и шириной от 0,8 до 1,2 м; аркообразным лазом длиной 1,4 м шириной 1 м; сводчатой овальной в плане погребальной камерой размерами 2,5x2,1 м, ориентированной длинной осью в направлении восток-запад

при высоте свода 1,65 м.

В катакомбе обнаружено два разновременных погребения: костяк 1 (потревожен грабителями; его части сконцентрированы у восточной стенки камеры) и костяк 2 (в анатомическом порядке под сильным наклоном положен в дромос изголовьем на юг).

Погребальная атрибуция связана только с костяком 1. Она включает:

части наборного ожерелья (или браслета) в виде бус из стекла, стекловидной пасты (отмечены бусы двухслойные с подглазурным напылением золотом а также бусы-подвески, выполненные в виде миниатюрных сосудов);

части керамического сосуда типа столового кувшина (украшены станковым рифлением, покрыты коричневым ангобом);

круглое бронзовое дисковидное зеркало диаметром 10 см (поверхность зеркала носит следы ритуальной порчи);

изделие из железа в виде зажимного пинцета с отверстием для подвешивания.

Судя по местонахождению (вблизи зеркала), это изделие можно рассматривать как съемную ручку к упомянутому зеркалу.

Отметим также факт находки в насыпи мелких фрагментов керамики, в том числе часть ручки с нанесенным на ней знаком (прочерченная полоса).

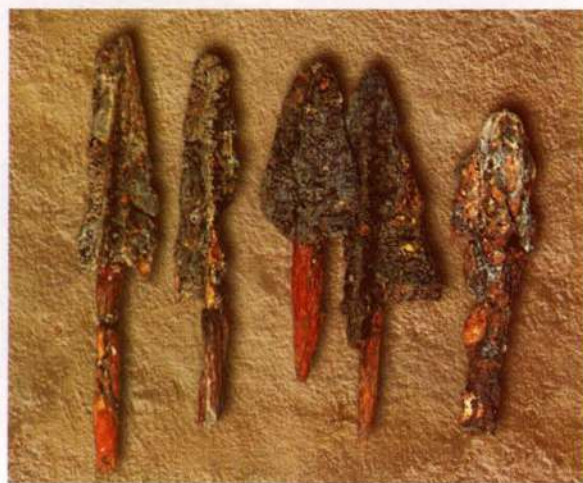
КУРГАН 16. Диаметр основания 15 м, высота 1,4 м. В северо-восточном секторе лесовой насыпи, у кромки, открыто впускное погребение в грунтовой прямоугольной яме размерами 2,2x1,8 м.

Здесь зафиксирован костяк подростка, ориентированный изголовьем на северо-восток. Вблизи изголовья отмечены два стоящих сосуда: водоносный крупный кувшин грушевидной формы с вертикальной петлевидной ручкой (покрыт светло-серым ангобом, на боковине имеет прочерченный по сырой глине «S»-образный знак и высверленное в древности отверстие как факт ритуальной порчи сосуда); кухонный грушевидный горшок без ручек, имеющий на поверхности следы использования на огне.

МОГИЛЬНИК ОРДАБАСЫ

Вариант могильника с насыпями, оформленными в цепочку (карта 1, 174). Расположен на скальных возвышеннос-

Могильник Ордабасы.
Наконечники стрел из кургана 4

Могильник у с.
Панфилово.
Железные удила и
пряжки из кургана 1

тых крупного останца, состоит из нескольких групп курганов.

Раскопкам подверглись 4 кургана центральной группы, которая включает т.н. «царский» курган и около 15 более мелких насыпей.

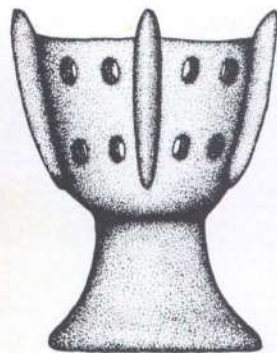
Заслуживает внимание курган 4, одиночный (в 200 м к северо-востоку от центральной группы). Представляет собой лессовонасыпанный округлой формы объект размерами: диаметр основания 8 м, высота 1,8 м, с выраженными следами ограбления в древности. Под центральной частью кургана, на глубине 1,8 м была открыта катакомбная погребальная конструкция. Последняя представлена собой т. н. «Т»-образную катакомбу, состоящую из овальной сводчатой камеры размерами 2,6x1,2 м при высоте свода 0,9 м и примыкающего к ней перпендикулярно траншейного типа дромоса размерами 3,5x0,8м.

В катакомбе на уровне камеры и дромоса в беспорядке найдены части человеческого костяка, а также железные наконечники стрел (более 10), двуколычатые удила и псалии из железа; части обоюдоострого кинжала.

В числе особенностей погребальной конструкции отметим факт полуметрового выбивания контура камеры в скальном грунте. Кроме того, как в насыпи, так в камере и дромосе найдены мелкие части по крайней мере трех керамических сосудов: столового кувшина, кружки и горшка. Археологический материал кургана 4 включает:

а) наконечники стрел (трехперые, черешковые, с прямыми жальцами). Общее количество наконечников стрел 12. Они располагались в колчане из красной кожи, внутренняя полость которого была обтянута тонкой, скорее всего, хлопчатобумажной (или шелковой) тканью. Черешки наконечников носят следы деревянной (или тростниковой) основы стрелы.

б) кинжал железный. Представляет собой обоюдоострый клинок с черешковой ручкой без перекрестия. Основные размеры: длина 32-34 см, максимальная ширина лезвия (в районе крепления черешка) - 5 см. Кинжал находился в деревянных ножнах, внутренняя полость которых имела тонкую хлопчатобумажную (или шел-

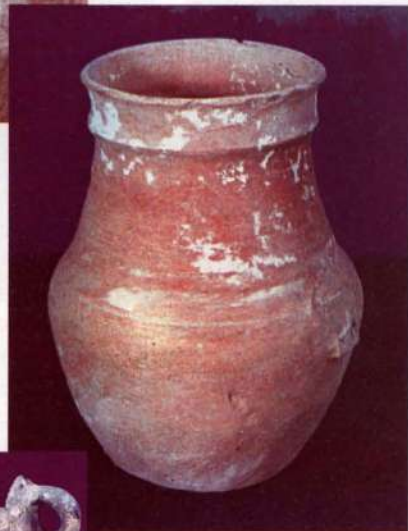

Погребение и инвентарь кургана 1 могильника Султанрабат

ковую) ткань. Сверху ножны были обтянуты тонкой кожей, окрашенной в ярко-красный цвет.

в) конское снаряжение. Представлено кольцевым железным псалием и частью удила; диаметр кольца - 5 см, его толщина - 0,8 см.

г) фрагменты керамики от кувшина столового назначения. Они декорированы рельефно-выпуклым валиком и станковым рифлением.

МОГИЛЬНИК У С. ПАНФИЛОВО

Вариант могильника с расположением насыпей в цепочку (карта 1, 165а). Занимает гребень водораздела рек Акбулак-Бадам. Протянулся одной-двумя цепочками курганов в направлении восток-запад. Включает более 50 насыпей средними размерами: в основании 10-20 м, высота 1-1,6 м. Раскопкам подверглись курганы 1 и 2.

Курган 1 имеет лессовую насыпь размерами 20x15 м в основании, высотой 1,2 м, которая носит следы ограбления в древности. Форма насыпи каплевидная, наиболее крутой

склон северо-западный, обращенный к пойме р. Акбулак.

Курган располагается на кромке левой надпойменной террасы одноименной реки. В ходе работ, почти в центре кургана, на глубине 4,5 м от уровня дневной поверхности, была открыта катакомба «Т»-образного типа. Она включает:

а) погребальную овальную в плане сводчатую камеру размерами: 3,3х2,5 м при высоте свода 1,9 м;

б) лаз с аркообразным проходом длиной 0,5 м при высоте арки 1,2 м;

в) дромос с «запличиками» размерами: длина 6 м, ширина у камеры 2 м, у начала 0,5 м («запличики» шириной 0,5 м). При соединении лаза с камерой фиксируется ступень глубиной 0,5 м.

По всей площади камеры, на ее дне, бессистемно была обнаружена следующая погребальная атрибуция:

а) керамическая фляга и раздавленный кухонный сосуд типа горшка без ручек;

б) элементы конской узда с двумя кольцевыми псалями, удилами и распределительным кольцом;

в) железные наконечники стрел (9), которые находились в колчане из кожи;

г) круглые железные пряжки бесшпиговые и «сердцевидные»; железное кольцо;

д) бронзовое круглое кольцо и три бронзовых гвоздя, два из них в железной «рубашке»;

е) изделие из кости неизвестного назначения с отверстием.

Курган 2 размерами: диаметр основания 20 м, высота 2,2 м. Насыпь лессовая, однородная, носит следы ограбления в древности. При работах на кургане 2, почти в центре под насыпью, обнаружено погребение

в «Т»-образной катакомбе. Она представляет собой:

а) погребальную сводчатую овальную в плане камеру размерами 2,2х1,46 м высотой 1,1 м;

б) аркообразный лаз длиной 0,5 м, шириной 0,8 м;

в) дромос траншейного типа длиной более 6 м.

На дне погребальной камеры открыт одиночный костяк в анатомическом порядке, лежащий изголовьем на юго-восток (труположение на спине). Атрибуция представлена: керамической кружкой-кувшином (горизонтальное концентрическое станковое рифление, ангоб коричневого цвета); керамическим круглым напряслом, сделанным из стенки крупного сосуда типа хума; бусинами каменными и янтарными.

Она располагалась следующим образом: кружка-кувшин вблизи изголовья; напрясло у северо-восточной стенки погребальной камеры; бусы в районе грудной клетки костяка.

МОГИЛЬНИК СУЛТАНРАБАТ

Находится на левой надпойменной террасе р. Бадам, на выступающем гребневидном лессовом останце (карта 1, 202). Вариант могильника с насыпями, оформленными в цепочку.

Курганы расположены двойной цепочкой, вытянутой с северо-востока на юго-запад. Включает свыше 30 курганов. Раскопкам подверглись четыре кургана, из которых погребения найдены в курганах 1 и 2.

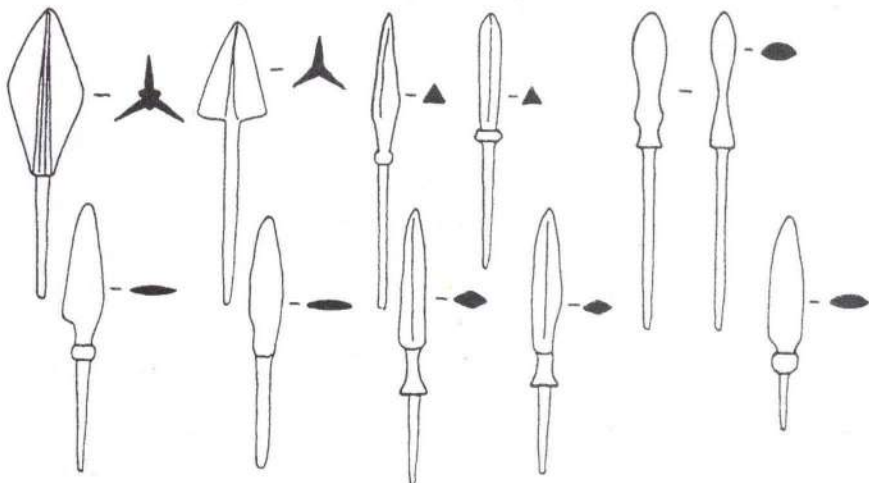
Курган 1 имеет лессовую насыпь диаметром в основании 8 м, высотой 1 м. В центре кургана на глубине 2,8 м от древней поверхности, открыта «Т»-образная катакомба с традиционным набором конструктивных элементов. Это узкотраншейный дромос (длина 2,9 м, максимальная ширина 0,9 м); лаз длиной 0,8 м прямоугольного в разрезе профиля; погребальная сводчатая камера овально-прямоугольной планировки (2,2х1,4 м, высота свода 1,3 м).

В число конструктивных особенностей катакомбы следует отнести наличие в противоположной стенке камеры еще одного короткого дромоса, который заканчивается тупиком. Место соединения главного дромоса с лазом заложено пятью рядами прямоугольного сырцового кирпича 42х20х8 см, положенного на глинянный раствор; конец

Могильник
Султанрабат. Курган
2. Части деревянного
гробовища.

Могильник
Султанрабат.
Курган 2.
Наконечники стрел

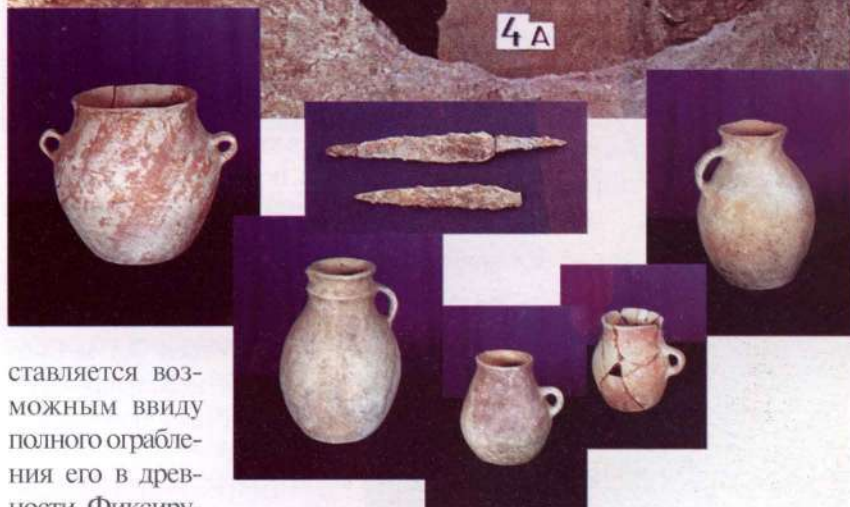

восток): костяк 1 с сильно деформированным позвоночником («горбун») и костяк 2 (женский).

Погребальная атрибуция располагалась в изголовье обоих костяков. Она включает: часть боковины кухонного горшка-котла, на которой находилась квадратная в плане курильница (углы курильницы оформлены как выступающие «ребра», в стенках сосуда имеются сквозные отверстия); круглую железную подпружную пряжку и каменное напярало.

Вблизи костяка 2 найдены также столовый кувшин-кружка с характерным декором в виде станкового рифления и курильница на высокой ножке-поддоне. Кроме того, в месте соединения тупикового дромоса и погребальной камеры обнаружен кухонный сосуд типа кружки, венчик которого был подработан для использования в качестве светильника-чиррага.

Курган 2 диаметром в основании 9 м, высотой 0,8 м. В центре кургана на глубине 2,8-3,0 м была обнаружена «Т»-образная катакомба с узкотраншейным длинным дромосом (длина 5,5 м, максимальная ширина 1,2 м), аркообразным лазом (длина 1 м, высота свода 0,8 м) и прямоугольной сводчатой камерой размерами 2,8x1,9 м при высоте свода 1,2 м. Судить о характере погребения не пред-

ставляется возможным ввиду полного ограбления его в древности. Фиксируются следующие особенности погребальной конструкции и обряда:

а) пол камеры сплошным порядком имеет подсыпку из мелкой речной гальки и белого зернистого песка (обнаружена и каменная выкладка в северной части);

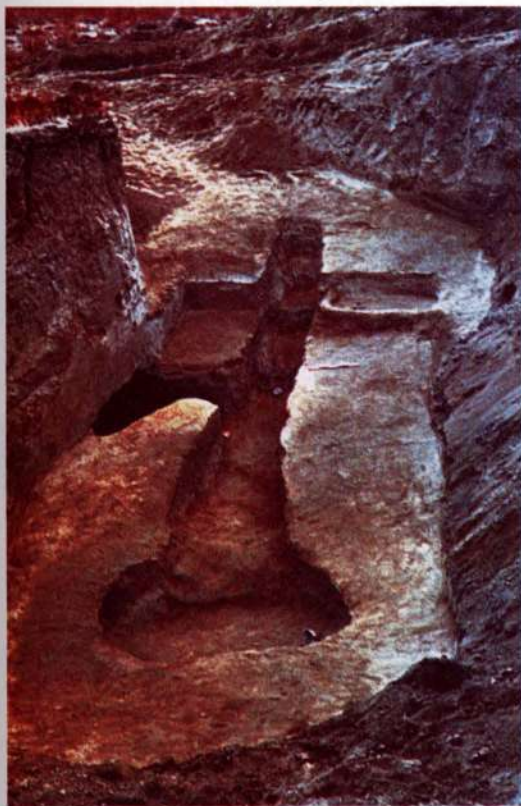
б) на дне камеры отмечены контуры прямоугольно - овального гробовища 2,3x1 м, выполненного из плетеных тонких деревянных прутьев. Вся конструкция была обтянута кожей и зафиксирована по бортику железными скобами;

в) свод и углы погребальной камеры носят следы двух орудий, которыми изготавливалась полость самой катакомбы. Это тесла с шириной лезвия 3 и 8 см.

Из погребальной атрибуции отмечены только железные черешковые трехлопастные наконечники стрел с острой ударной головкой, длинными лопастями и опущенными жальцами.

Могильник Тулебайтобе 1. Курган 4. Погребение и инвентарь катакомбы 4а

Могильник Тулебайтобе 1. Погребальная конструкция кургана 2

МОГИЛЬНИК ТУЛЕБАЙТОБЕ 1

Вариант могильника с бессистемным расположением насыпей (карта 1, 150). Расположен на гребневидном лессовом останце левой надпойменной террасы р. Бадам, включает 18 курганов один из них крупный (курган 1). Могильник раскопан полностью. Представляют интерес погребения и инвентарь, найденные в курганах 1, 2, 4, 5, 9.

Курган 1 каплевидной конфигурации имеет размеры: нижнее основание 50х42 м, высота 3,5 м. Наиболее крутой склон насыпи северный, обращенный к пойме реки. Насыпь однородная, лессовая.

В результате работ в северном секторе под курганом открыто катакомбное сооружение,

которое включает вертикальный ствольного типа дромос, боковой сводчатый лаз, погребальную овальную в плане камеру. Основные размеры: глубина ствола дромоса от уровня древней поверхности 5,5 м, длина бокового лаза 2,3 м (лаз имеет две небольшие ступеньки и идет под наклоном вниз).

Погребальная камера неправильной трапециевидной планировки имеет размеры: 2,5х1,7х2,8х3 м и заглубленность от пола бокового лаза 1 м. Погребение в кургане 1 оказалось ограбленным

в древности. На дне камеры найден крупный астрагал и два фрагмента керамики (от кувшина и кружки). Керамика характеризуется декором в виде рифления, лощением по красному ангобу.

Курган 2 имеет размеры: в основании 12,5 м, высота 2,5 м. Планировка насыпи правильная, овальная. Конструктивно насыпь однородная, лессовая. В ходе работ в юго-западном секторе под курганом, вблизи кромки насыпи, на глубине 3,4 м открыта катакомба. Она включает:

а) основной дромос траншейного типа со ступеньками, наклонно спускающийся к центральной погребальной камере; длина дромоса 5,8 м, ширина 0,6-0,8 м;

б) центральную погребальную камеру 1 (представляет собой овальное в плане сводчатое сооружение, сделанное в материковом лесе). Основные размеры: длина 2,2 м, ширина 1,7 м, высота 0,9-1,2 м;

в) боковой дромос длиной 0,8 м;

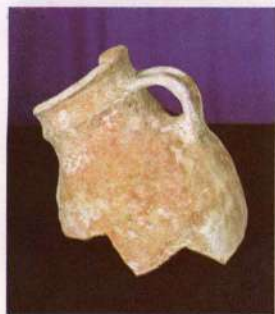
в) боковую погребальную камеру, аналогичную по устройству центральной, размерами: длина 1,9 м, ширина 1,1 м, высота 0,9 м;

г) впускное погребение в грунтовой яме у западной кромки насыпи размерами: 0,8х0,5 м.

Основной дромос катакомбы, ориентированный по линии север-юг, перпендикулярно примыкает к центральной камере, а боковое впускное погребение расположено к востоку от дромоса; его длинная ось параллельна оси главного дромоса. Всё сооружение практически не перекрывается насыпью кургана.

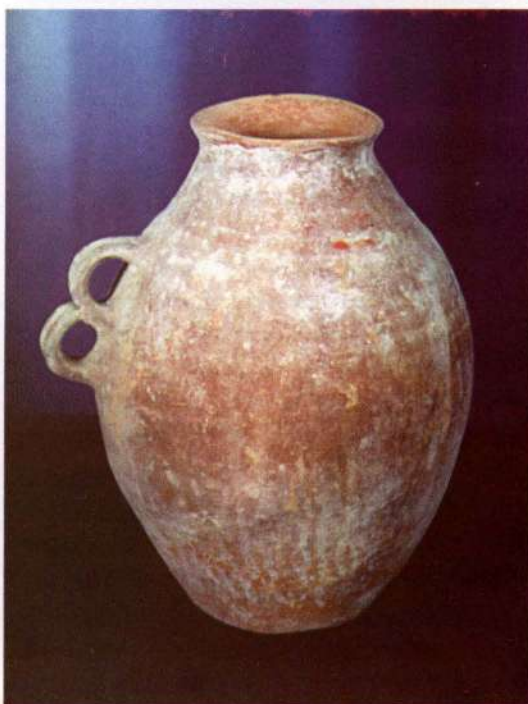
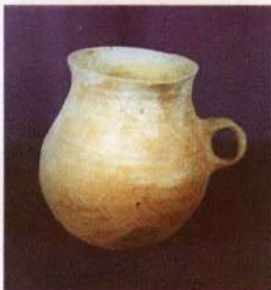
Центральное погребение оказалось ограбленным в древности, никакого погребального инвентаря не найдено. Судя по костным останкам, здесь находилось два костяка (мужской и женский): большая часть разрушенных костяков сконцентрирована в западном углу погребальной камеры и разбросана по всему дромосу.

В боковом погребении было также два одновременных костяка, положенных один на другой. Верхний костяк был полностью разрушен; из инвентаря найдены кружка, наконечник стрелы и камень-оселок. Нижний костяк, ориентированный изголовьем на юг, оказался неповрежденным. При нём с правой стороны тазовых костей найдены два рядом стоящих сосуда: кув-

Могильник
Тулебайтобе 1.
Погребение собаки в
катакомбе кургана 5б

Могильник
Тулебайтобе 1.
Инвентарь кургана 9.
Железный колокольчик
и керамика

шин и чаша на высоком поддоне. Кувшин украшен станковым рифлением, рубчиком под венчиком и залощен; чаша на поддоне покрыта красно-вишневым ангобом и также залощена.

Курган 4. Диаметр основания 17 м, высота 2,4 м. Под насыпью кургана, сложенной из однородного лесса, открыты два катакомбных сооружения.

Катакомба 4а имеет узкотраншейный ступенчатый дромос размерами: длина 7,6 м, ширина 0,7-1 м. Он перпендикулярно примыкает к овальной сводчатой камере размерами: длина 2,4 м, ширина 1,8 м, высота 1,35 м.

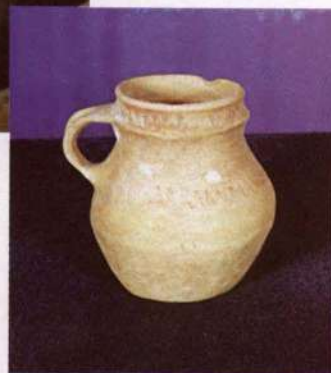
В северо-восточной части, на дне камеры, в беспорядке найдены остатки шести костяков, один из которых детский. Здесь же в центре погребальной камеры найдены четыре столовых сосуда: горшок, три кувшина. Кроме того, небольшого размера кружка была разбита и черепки разбросаны по камере и дромосу. Из инвентаря отмечены два однолезвийных черешковых железных ножа, наконечник стрелы, круглая поясная пряжка с бегающим язычком. Вся посуда имеет характерный набор декора в виде станкового рифления, лошения по ангобу.

Катакомба 4б расположена в 0,9 м севернее от погребальной камеры 4а. Конструктивно представляет собой вертикальный дромос ствольного типа размерами 1,4х0,8 м, который переходит в сводчатую камеру-галерею, имеющую по обе стороны боковые ниши, а в торцевой стенке - еще одну небольшую нишу. Размеры камеры-галереи: длина 3,6 м, ширина 1 м, высота свода 1,85 м. В катакомбе не найдено погребения и инвентаря - судя по всему, это культовое сооружение, предназначение которого неизвестно.

Курган 5 диаметром основания 17 м, высотой 2,6 м. В центре и южном секторе под насыпью кургана вскрыты две катакомбы.

Катакомба 5а включает узкотраншейный ступенчатый дромос размерами: длина 6,3 м, ширина 0,67-1 м. Он перпендикулярно примыкает к овальной сводчатой камере размерами: длина 2,7 м, ширина 2 м, высота 1,2 м.

В западной части, на дне погребальной камеры, найдены разбросанные в беспоряд-

ке остатки четырех костяков (факт ограбления в древности). Из погребального инвентаря найдены: в дромосе - разбитый столовый кувшин, в камере - столовая кружка; на дне камеры - более двух десятков бусин из камня, стекла и стекловидной пасты, в том числе две раковины-каури.

Катакомба 5б находится в 0,9 м к северу от погребальной камеры катакомбы 5а. Представляет собой вертикальный дромос-ствол размерами 1,36х1 м в нижней части которого, а также - в восточной и южной стенках, сделаны сводчатые ниши.

В нише 1 (восточная) осуществлено ритуальное погребение собаки с частью туши овцы; в нише 2 (южная) поставлен сосуд типа кувшина. Глубина катакомбы 5б от уровня древней поверхности 4,5 м; глубина катакомбы 5а - 3,3 м. Сосуд из катакомбы 5б украшен станковым рифлением, ангобом светло-коричневого цвета, имеет выраженный рубчик под венчиком.

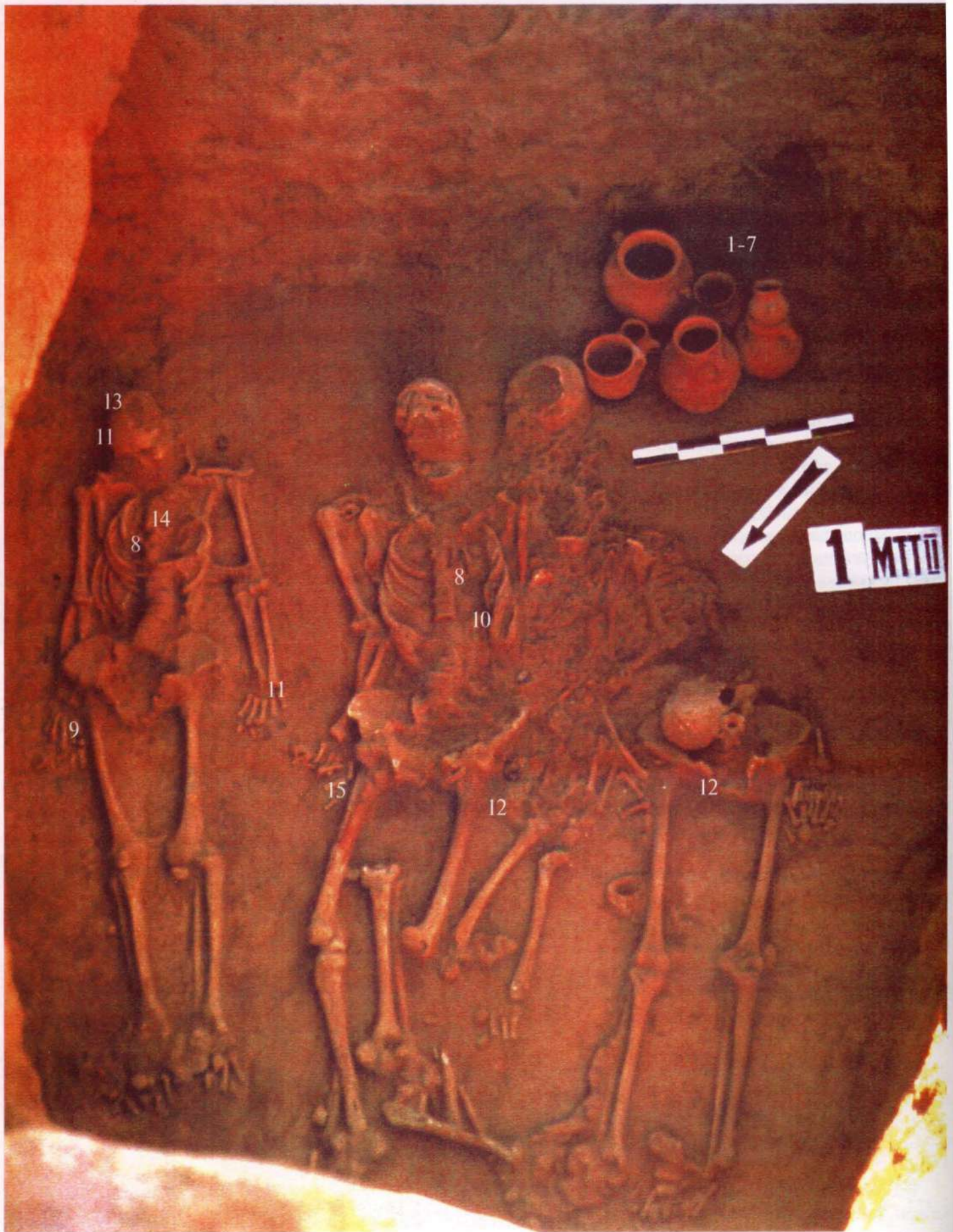
Курган 6 диаметром основания 15 м, высотой 1,8 м. Внешний вид кургана свидетельствует об ограблении; насыпь лессовая, однородная. Под насыпью, в юго-западном секторе, на глубине 3,5 м открыта катакомба «Т»-образной планировки, состоящая из ступенчатого узкотраншейного дромоса размерами: длина 4,3 м, ширина 0,7-0,85 м, который примыкает к овальной сводчатой камере размерами: длина 2,8 м, ширина 1,8 м, высота свода 1,3 м.

В восточной части камеры, на полу, най-

Могильник
Тулебайтобе 2.
Погребение и
инвентарь кургана 2

На развороте:
экспликация
археологического
материала кургана 1
могильника
Тулебайтобе 2

15

15. Железный нож

14

14. Амулет

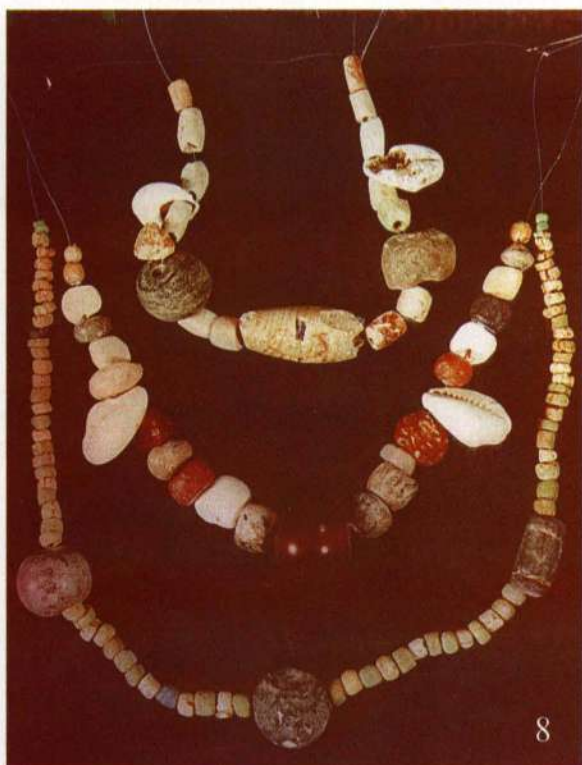
13

13. Наконечники стрел

12

12. Пряжки

8

8. Ожерелья

11

11. Кольца и колокольчик

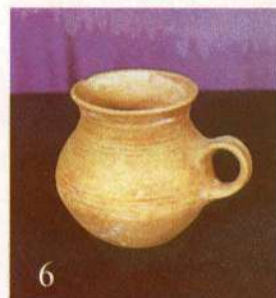
9

9. Перстень зооморфный

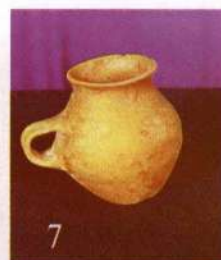

10

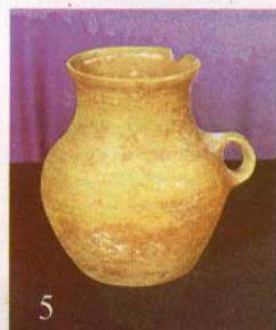
10. Сурматаш

6

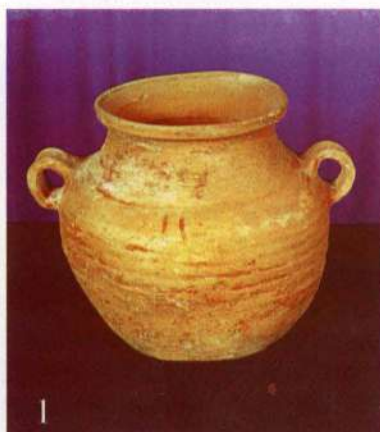

7

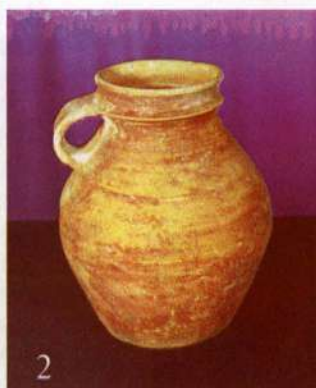

5

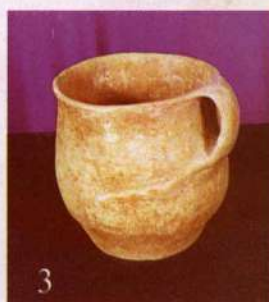
1-7. Керамика

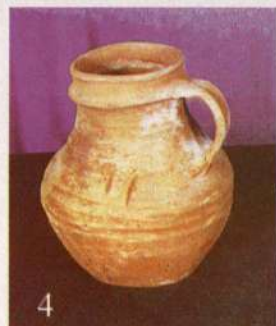
1

2

3

4

дены лежащие в беспорядке остатки одного костяка. Здесь же обнаружены части разбитой кухонной кружки, железный черешковый наконечник стрелы, а также железный цилиндрический колокольчик и части конских железных удил.

Курган 9 диаметром основания 9 м, высотой 1 м. В южной части насыпи, ближе к кромке, открыта «Т»-образная катакомба размерами: дромос длиной 6 м, шириной 0,6–0,8 м; лаз длиной 0,4, шириной 0,5 м, высотой 0,6 м. Погребальная камера имеет размеры: длина 2,5 м, ширина 2,2 м, высота свода 1,3 м. Общая глубина погребения 2,6 м от уровня дневной поверхности.

Погребение было потревожено грабителями в древности. В центре камеры в беспорядке обнаружены остатки трёх костяков, а также два сосуда (кувшин и кружка). Сосуды украшены станковым рифлением, покрыты ангобом темно-коричневого цвета и залощены; кувшин имеет т. н. двойную ручку.

МОГИЛЬНИК ТУЛЕБАЙТОБЕ II

Могильник с бессистемным расположением насыпей (карта 1, 150а). Находится на гребневидном лессовом останце левой надпойменной террасы р. Бадам, включает 28 курганов из которых 23 подверглись стационарным раскопкам. Большая часть курганов была ограблена в древности. Значимыми в научном плане можно считать погребения и археологические комплексы, открытые в курганах 1, 2, 6, 15, 16, 18, 20 и 21.

Курган 1 диаметром основания 15 м, высотой 1,8 м. Насыпь по составу однородная,

лессовая. В западном секторе, под насыпью кургана была открыта «Т»-образная катакомба, включающая узкотраншейный ступенчатый дромос размерами: длина 6

м, ширина 0,6 – 0,8 м, который перпендикулярно примыкал к трапециевидной в плане сводчатой погребальной камере размерами: длина 2,8 м, ширина 2,3 м, высота свода 1,3 м.

В камере находились четыре костяка. Два из них распола-

гались в анатомическом порядке изголовьем на юго-восток, два других, в том числе детский, частично разрушены.

Костяк 1 (женский). В районе черепной коробки найден железный цилиндрический колокольчик, в области груди - масса бисера из стекловидной пасты, а также крупные бусины из камня и амулет в виде кристалла горного хрусталя; на левой руке - два железных кольца; на правой - медный перстень с зооморфной объемной печаткой.

Костяк 2 (мужской). В районе груди найден каменный сурьматаш; у правого бедра - однолезвийный черешковый железный нож с костяной ручкой; в районе берцовых костей - две железные пряжки с длинным щитком и бегающим язычком. Обнаружены также железные кольца, два черешковых трехперых наконечника стрелы с опущенными жалыцами, один из которых вошел в кость позвоночника, две крупные щитковые пряжки с бегающим язычком.

Костяк 3 (мужской, нарушенный). В районе тазовых костей найдена круглая железная пряжка; аналогичная пряжка отмечена у берцовых костей.

Костяк 4 (детский). Вблизи черепной коробки костяка находилась группа столовых сосудов, в числе которых: горшок, три кувшина, одна большая кружка и две малые. Одна из малых кружек была поставлена на венчик кувшина. Вся посуда украшена станковым рифлением, ангобом вишневого цвета и залощена. Два сосуда имеют прочерченные по сырой глине знаки (параллельные линии на ручках).

Курган 2. Диаметр основания 18 м, высота 2 м. Насыпь однородная по составу (лесс).

В южном секторе, под насыпью кургана на глубине 4,5 м, открыта «Т»-образная катакомба. Она состоит из узкотраншейного ступенчатого дромоса размерами: длина 7,4, ширина 0,6–0,9 м, перпендикулярно примыкающего к овальной сводчатой камере размерами: длина 3,1 м, ширина 2,4 м, высота свода 2 м.

На дне камеры располагались два костяка с ориентировкой изголовья на восток, а в западной части камеры обнаружены остатки детского костяка.

Погребальный инвентарь представлен двумя круглыми массивными железными подпружными бесщитковыми пряжками с бегающим язычком и двумя черешковыми железными однолезвийными ножами. Кроме того, в изголовье костяка 1 (мужской) отмечена столовая кружка. Аналогичная кружка найдена вблизи детского костяка. Здесь же

Курильница из кургана
16 могильника
Тулбайтобе 2

Могильник Тулбайтобе
2. Курган 15. Подземная
съемка в полости
погребальной камере

отмечены две бусины из камня и стекловидной пасты.

Курган 6 диаметром основания 17,5 м, высотой 1,5 м. В южном секторе под насыпью кургана открыта «Т»-образная катакомба, ограбленная в древности. Представляет собой дромос траншейного типа размерами: длина 2,2 м, ширина 0,7-0,9 м, который перпендикулярно примыкает к трапециевидной в плане погребальной камере размерами: длина 3 м, ширина 2,2 м, высота свода 1,4 м.

По дну камеры и дромоса в беспорядке были разбросаны остатки четырех костяков и фрагменты битой керамики столового назначения: горшок, два кувшина, чаша на поддоне, две кружки. Найдены также шесть железных черешковых наконечников стрел. Керамика из кургана 6 украшена станковым рифлением, покрыта ангобом коричневого и вишневого цвета, залощена.

Курган 15 диаметром 9-10 м, высотой 0,9 м. В южном секторе кургана, под насыпью вблизи бровки, открыта катакомба «Т»-образной планировки. Ее основные размеры: длина дромоса 4,1, ширина 0,5-0,8 м; длина лаза 1 м, ширина 0,7 м, высота свода лаза 0,5; длина погребальной камеры 2,4 м, ширина 2,1 м, высота свода 1,2 м; глубина погребения 2,5 м. Устье лаза заложено кирпичесырцом на растворе в 4 ряда. Размеры кирпича 34x22x6 см, толщина раствора 3-5 см.

В сводчатой полой погребальной камере, ближе к северной стенке, был обнаружен костяк взрослого мужчины, лежащий на спине изголовьем на восток. Большая часть костяка (по бедренные кости включительно) располагалась на фрагментах крупного раздавленного сосуда типа хума. На нем зафиксирован прочерченный по сырой глине соляренный знак.

Вблизи изголовья, справа, на полу камеры найдены 11 черешковых железных наконечников стрел с частично сохранившимися тростниковыми древками. В районе правого бедра и фаланг пальцев правой руки находился черешковый нож. На тазовых костях обнаружена щитковая железная пряжка с бегающим язычком; здесь же сохранились остатки истлевшего кожаного пояса шириной 5-6 см. На берцовых костях правой и левой ног, ближе к пяточным костям, найдены две небольшие железные пряжки, аналогичные конструктивно поясной.

В южном углу погребальной камеры зафиксированы на полу двукольчатые железные удила и крупная бесщитковая железная подпружная пряжка. Перед входом в каме-

ру, справа, располагался керамический сосуд типа горшка с ушковидными ручками; сосуд украшен станковым рифлением, покрыт темно-красным ангобом и залощен. Сверху на горшке стояла деревянная кружка грушевидной формы с петлевидной ручкой (см. экспликацию на с.100-101)

Курган 16 диаметром основания 10-12 м, высотой 1,1 м. В юго-западном секторе кургана, ближе к кромке, под насыпью была открыта «Т»-образная катакомба. Ее размеры: дромос длиной 4,1 м, шириной 0,6-0,8 м; лаз длиной 0,7 м, шириной 0,5-0,6 м, высота свода 0,5 м. Погребальная камера имеет размеры: длина 2,3 м, ширина 1,2 м, высота 0,8 м. Общая глубина погребальной конструкции 2,1 м.

Погребение было ограблено в древности, при работах в дромосе в беспорядке найдены части одного костяка, а также разбитая керамическая курильница на высокой ножке-поддоне, декорированная четырьмя ребрами.

Курган 18 диаметром основания 15-18 м, высотой 1,5-1,6 м. В южном секторе кургана была открыта «Т»-образная катакомба, включающая дромос длиной 6,5 и шириной 0,6-0,9 м; лаз длиной 1 м, шириной 0,5 м при высоте свода 1,1 м; погребальную камеру длиной 2,3 м, шириной 1,8 м; высота свода 1,5 м. Погребение в древности было потревожено грабителями.

В ходе работ, ближе к северной стенке камеры, на полу был обнаружен одиночный костяк, лежащий на спине изголовьем на восток. В районе лучевых костей правой руки костяка находился крупный обломок от обоюдоострого железного кинжала, вблизи берцовых костей обнаружен железный черешковый нож длиной 15 см.

К югу от костяка, параллельно ему, на

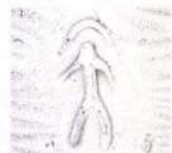

Могильник
Тулбайтобе 2.
Инвентарь погребения
катакомбы 20

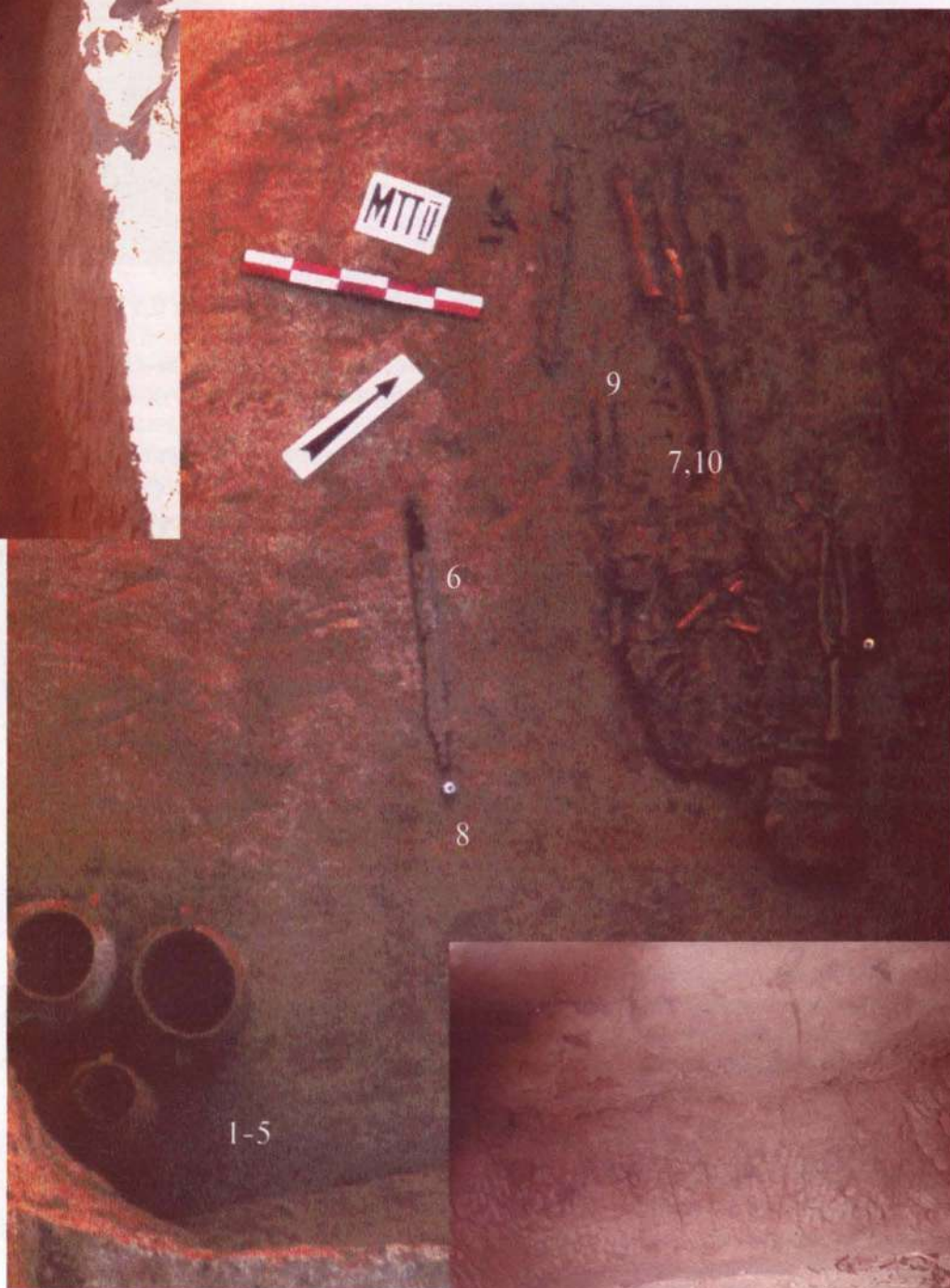
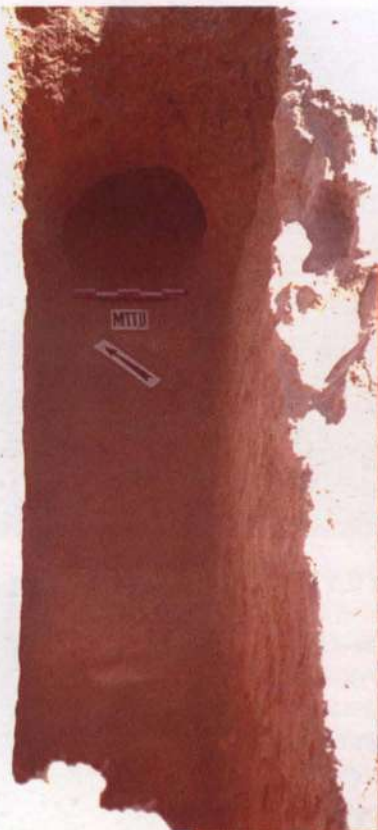
На развороте:
экспликация
археологического
материала кургана 18
могильника
Тулбайтобе 2

Могильник Культобе

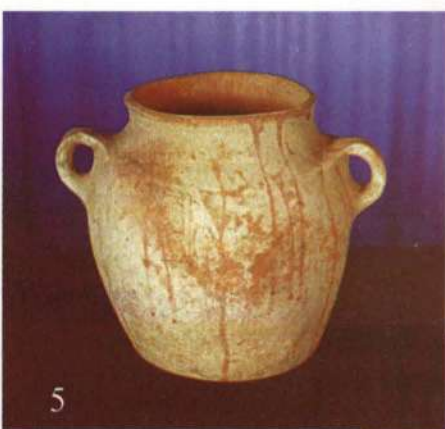
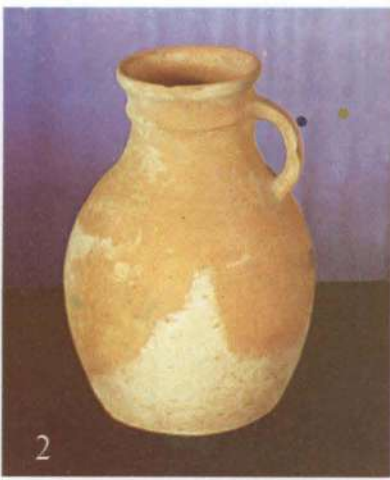

Дромос кургана 18

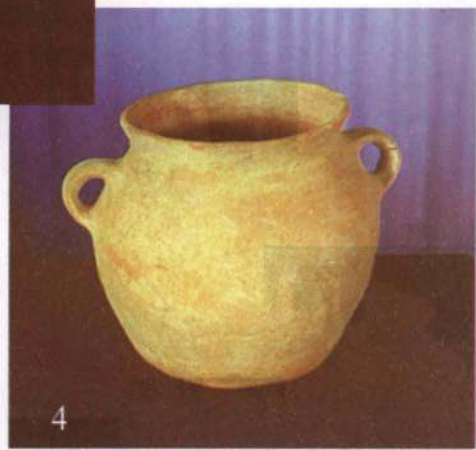

Погребальная камера
кургана 18.
Подземная съемка

1-5. Керамика

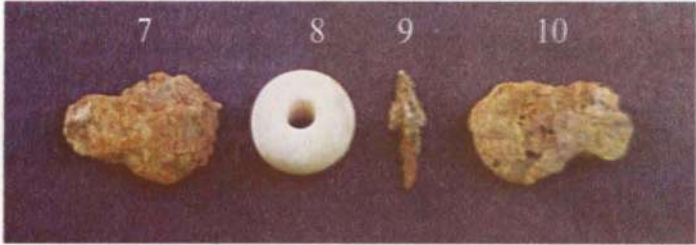

6. Железный меч

7,10. Железные пряжки

9. Наконечник стрелы

8. Каменное навершие меча

полу камеры лежал железный черешковый обоюдоострый меч длиной 62,5 см. Здесь же найдены два каменных круглых навершия от кинжала и меча. В районе берцовых костей левой ноги обнаружены железный наконечник стрелы, части железной скобы и две небольшие щитковые пряжки из железа.

Наконец, в южном углу камеры компактной группой располагались керамические сосуды: два двуручных шаровидных горшка, грушевидной формы кувшин с петлевидной желобчатой ручкой и валиком на горловине; две кружки, одна из которых стояла на кувшине, другая находилась между тремя сосудами на полу камеры.

Курган 20 диаметром основания 20-25 м, высотой 1,8-2,2 м. В южном секторе, ближе к кромке насыпи, была вскрыта «Т»-образная катакомба. Ее ключевые размеры: дромос длиной 8,3 м, шириной 0,8-1,2 м; лаза длиной 0,3 м, шириной 0,8 м, высотой 0,75 м; погребальная камера длиной 3,2, шириной 2,1 при высоте свода 2 м. Общая глубина погребения от уровня дневной поверхности 5,5 м.

Погребение было ограблено в древности: на уровне пола, ближе к соединению лаза с камерой, найдены фрагменты битой керамики от четырех сосудов (двух столовых фляг и двух кувшинов). В декоре сосудов использованы станковое рифление, покрытие ангобом светло-коричневого цвета, прочерченная по сырой глине волнистая линия.

Кроме того, в различных частях погребальной камеры найдены железная круглая пряжка диаметром 4 см с бегалющим язычком; часть круглого бронзового зеркала диаметром около

15 см с выраженным валиком по кромке, а также каменный сурьматаш длиной 6 см. Судя по сохранившимся костным останкам, разбросанным по всей камере, в погребении на-

ходилось два костяка.

Курган 21 диаметром основания 12 м, высотой 1,2-1,2 м. В южной части кургана под насыпью была открыта «Т»-образная катакомба. Она включает дромос длиной 6, шириной 0,4-0,8 м; лаз длиной 0,7, шириной 0,6-0,7 и высотой 0,7 м; погребальную камеру длиной 2,5, шириной 2 м при высоте свода камеры 1 м. Общая глубина погребения от уровня дневной поверхности 4 м.

Погребение было ограблено в древности: обнаружен один костяк, чьи остатки в беспорядке разбросаны по камере, а также разбитый сосуд типа тагара с двумя ручками у венчика. Размеры сосуда: высота 52 см, диаметр венчика 56-58 см, диаметр донца 48-50 см. Сосуд сделан вручную, покрыт ангобом коричневого цвета.

МОГИЛЬНИК КУЛЬТОБЕ

Вариант могильника, сочетающего в себе расположение цепочкой и бессистемного расположения насыпей (карта 1, 179-180). Находится на гребневидных лессовых останках правой надпойменной террасы реки Арысь, вытянут более чем на километр в направлении север-юг. Включает в себя более ста курганов. Планировка насыпей каплевидная, со смещенной от центра максимальной точкой по высоте; наиболее крутой склон восточный. Насыпи однородны по составу (лесс), размеры 10-30 и более метров в диаметре.

Раскопкам подверглась южная группа могильника, включающая 29 курганов; некоторые насыпи несут следы ограбления в древности. Представляют интерес курганы 1-6.

Курган 1. Диаметр основания 10, высота 0,9 м. В юго-западном секторе, под насыпью, со смещением от центра порядка трех метров, на глубине 3,2 м от уровня дневной поверхности, открыта катакомба. Конструктивно она представляет собой «Т»-образный вариант погребальной конструкции, включающий:

а) узкотраншейный бесступенчатый дромос длиной 4,7, шириной 0,5-1 м;

б) лаз длиной 0,86 м, размерами 0,6x0,7 м в разрезе овальный;

в) сводчатую, почти квадратную в плане, погребальную камеру со сглаженными углами размерами 2x1,92 при высоте свода 1,2 м.

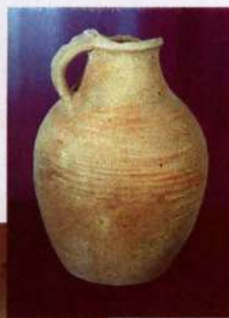
Вся погребальная конструкция почти правильно вытянута с юга на север.

При расчистке камеры были открыты

Могильник Культобе.
Вид с воздуха

Могильник Культобе.
Погребение и
инвентарь кургана 1

три костяка: два мужских и один женский, которые ориентированы изголовьем на восток. Погребение в древности было потревожено грабителями: разобрана кирпичная закладка лаза (кирпич-сырец 32x20x10 см). При этом части костяка и раздавленный сосуд типа горшка были выброшены из камеры в дромос.

Костяк 1 располагался вдоль противоположной от лаза стенки камеры. Он лежал на плетеной из камыша циновке. Под тазовыми костями найдены два средних размеров камня. Погребальная атрибуция костяка 1: в изголовье, ближе к стенке камеры на уровне пола, обнаружены черешковый железный трехпёрый наконечник стрелы со следами тростникового древка и обмотки нитью на черешке. Здесь же находились пастовые круглые бусы (около 30 штук) и бронзовая подвеска в виде спаянных двух колец; на безымянной фаланге правой кисти найден перстень из железа с простой плоской печаткой. В районе костей левой кисти отмечен небольшой черешковый однолезвийный железный нож, который имел деревянную ручку; здесь же обнаружен черешковый трехпёрый железный наконечник стрелы.

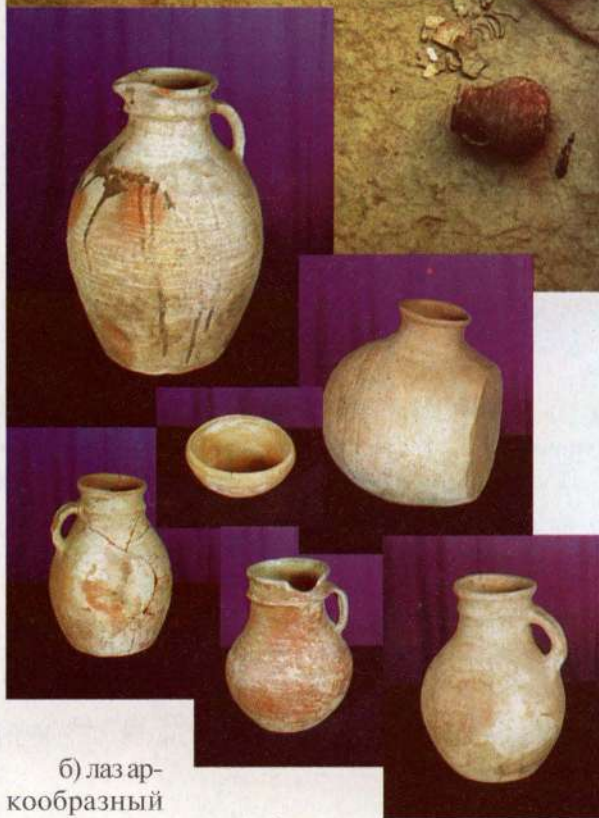
Костяк 2 располагался почти в центре камеры, рядом с костяком 1. Погребальная атрибуция отсутствует.

Костяк 3 находился ближе к лазу, в стороне от костяков 1 и 2. Он располагался на подсыпаном на дно камеры слое из мелких углей, которые образовались в результате сжигания топлива типа хвороста из тамариска. Погребальная атрибуция включает: в изголовье, полукругом на полу, отмечены три стоящих керамических сосуда (кувшины). Сосуды украшены коричневым ангобом, станковым рифлением, рубчиком на горловине. Другой атрибуции у костяка 3 не обнаружено.

Судя по всему, в катакомбе было осуществлено два погребения: сначала костяков 1 и 2, затем костяка 3.

Курган 2 диаметром основания 22-24 м, высотой 1,8 м. Форма насыпи кургана каплевидная. В южном секторе, со смещением от центра порядка 5 м, под насыпью, на глубине 3,5 м была открыта катакомба. Конструктивно она представляет собой:

а) узкотраншейный двухступенчатый дромос длиной 4,3 м, шириной 0,5-0,8 м; ступеньки крутые, высотой до 0,8 м, равномерно зафиксированы по длине дромоса в центральной его части;

Могильник Культобе.
Погребение и
инвентарь кургана 2

Керамика

Золотая подвеска

б) лаз аркообразный размерами: длина 0,6 м, высота 0,9 м и ширина 0,9 м;

в) погребальную сводчатую камеру почти квадратную в плане со сглаженными углами. Размеры камеры: 2,2x2,3 м, высота свода 2,1 м. В целом вся конструкция катакомбы имеет «Т»-образный вид.

При работах в камере на уровне пола открыты части двух костяков (детского и женского), а также мужской костяк, лежащий в анатомическом порядке. Судя по состоянию детского и женского костяков, а также другим признакам (разборка закладки из кирпича-сырца лаза перед входом в камеру), ка-

На развороте:
экспликация
археологического
материала кургана 3
могильника Культобе

1

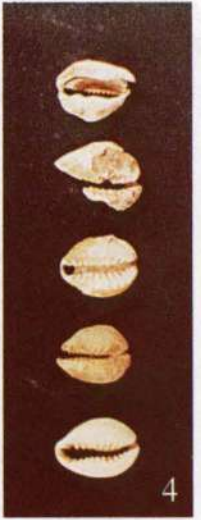

2

3

1-3. Керамика

4

4. Каури

10. Меч

10

11. Костяные накладки на лук

11

5. Декоративная пряжка

5

9. Кинжал

9

8. Нож

8

7. Наконечники стрел

7

6. Ажурная пряжка

6

такомба была ограблена в древности, причем часть костей и фрагменты двух сосудов были выброшены в дромос.

Костяк 1 располагался вдоль северной стены погребальной камеры, на полу. Обряд погребения: труположение на спине изголовьем на восток. Погребальная атрибуция: вблизи костей правой кисти, вдоль костяка, найден черешковый однолезвийный железный нож; в районе тазовых костей, справа, обнаружен каменный оселок; на фалангах правой кисти отмечены два железных кольца. Слева от костяка найдены два стоящих и один лежащий на боку кувшины. Рядом с лежащим на боку кувшином обнаружен второй черешковый однолезвийный железный нож.

Судя по всему, вблизи костяка 1 располагались женский и детский костяки; причем женский костяк был просто сгребен в кучу в ногах костяка 1, а детский, также в виде горки костей, находился вблизи лежащего на боку кувшина.

На оставшейся площади погребальной камеры, на уровне пола, найдены: два железных кольца диаметром 1,5 и 1,8 см; в юго-западном углу - стоящая на плоском боку фляга; в юго-восточном углу - перевернутая чаша.

При разборке детских костей были обнаружены бронзовые подвески из полых шариков-бубечиков с ушком (одна одиночная и две спаренные), золотая подвеска в виде миниатюрного сосудика, небольшая золотая накладка в виде пуговицы, янтарная бусина, раковина каури и три мелких бусины из стекловидной пасты. У женского костяка отмечены две крупные

цилиндрические бусины из стекловидной пасты.

Керамический комплекс катакомбы кургана 2 представлен восьмью целыми и реконструируемыми формами и одним фрагментом. Кувшины все грушевидные, имеют петлевидную желобчатую ручку, крепящуюся на горловине. При этом верхнее основание ручки переходит в рельефно-выпуклый валик, опоясывающий горловину сосуда ниже венчика. Один из кувшинов, самый крупный, имеет венчик, оформленный в носик-слив.

Все сосуды покрыты ангобом светлорычичневого, рычичневого и вишневого цветов, имеют рифленую на станке поверхность, некоторые украшены ангобными потеками. Фляга классической формы, яйцевидная, с прямой короткой горловиной, украшена ангобом светлорычичневого цвета. Чаша имеет загнутую вовнутрь закраину и небольшой перегиб; украшена ангобом вишневого цвета и залощена. Фрагмент венчика кувшина также имеет характерный валик.

Курган 3 диаметром основания 25 м, высотой 2,5 м. Форма кургана правильная, овальная. В центре насыпи фиксируется воронкообразное углубление 0,5 м (следы ограбления); насыпь по составу однородная, лессовая.

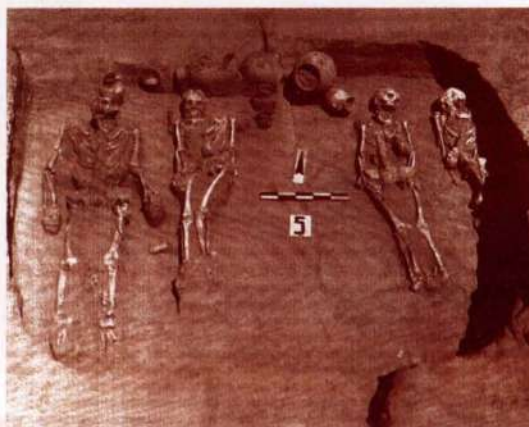
В ходе работ в южном секторе, под насыпью кургана, на глубине 5-5,5 м от уровня древней поверхности, была открыта погребальная конструкция катакомбного типа и одиночное захоронение в ней (тип «дромос является продолжением камеры»).

Катакомба вытянута с севера на юг, длина ступенчатого наклонного дромоса 10-10,5 м, ширина 1,6-1,7 м. В месте соединения дромоса и камеры фиксируются две ступеньки шириной 0,25 м.

Дромос плавно переходит в овальную, прямоугольную в плане сводчатую камеру размерами: длина 3 м, ширина 1,9 м, высота свода 1,3 м. Место соединения дромоса и камеры перегораживалось вертикально вкопанными близкостоящими крупными деревянными кольями, выполнявшими роль закладки (забутовки) камеры. На полу камеры, в центре, вдоль ее длинной оси, зафиксирован слой горелого угля толщиной 0,12 м прямоугольной планировки размерами 1,9x0,9 м.

На углевом слое обнаружен потревоженный мужской костяк, ориентирован-

Могильник Культобе.
Погребение
и инвентарь кургана 5

ный изголовьем на юг, в полном боевом вооружении.

Слева от костяка, во всю его длину, располагался сложносоставной лук размерами около 1,4-1,5 м; лук имел парные костяные накладки с прорезью для тетивы. Здесь же, у левой берцовой кости, найдены остатки колчана и 18 разнотипных железных наконечников стрел в одном комке. Вблизи тазовых костей, слева, обнаружены бытовой однолезвийный черешковый нож без перекрестия длиной 15 см, каменный оселок около 10 см из галечника и обоюдоострый черешковый железный меч длиной 0,8 м с длинным черешком. Рядом отмечены остатки, судя по всему, кожного небольшого мешочка с содержимым светло-желтого цвета.

Справа костяка, у бедренной кости, зафиксирован железный черешковый обоюдоострый кинжал, который был в деревянных ножнах, обтянутых красной кожей. В районе костей плюсны найдены две железные круглые с бегающим языком пряжки. Около правой лучевой кости обнаружены также две пряжки: круглая поясная из бронзы (меди) диаметром 6 см, и большая, прямоугольная фигурная декоративная пряжка из многослойного рога, украшенная серебряными, золотыми гвоздями и инкрустированная нефритовыми и рубиновыми глазками. В изголовье костяка отмечены столовая фляга и кухонный горшок, а в районе тазовых костей, под декоративной пряжкой, найдены более 15 раковин-каури (части наборного кожного пояса).

Курган 4 в основании 24-25 м, высотой 2 м; насыпь овальная, плоская. Курган имеет грабительскую воронку. В ходе работ, в южном секторе, на глубине 3 м от древней поверхности, открыта катакомба, относящаяся к типу «дромос - продолжение камеры». Основные параметры катакомбы: длина наклонного ступенчатого дромоса 8-9 м, ширина 1,3 м; длина сводчатой, овальной в плане, камеры 2,7 м, ширина 1,8 м, высота свода 1,2 м. Погребение было полностью ограблено в древности. В южной части камеры обнаружены остатки одного, видимо, мужского, костяка. Здесь же найдены:

угольки, мелкие камни на уровне пола камеры;

части обоюдоострого железного меча (кинжала);

остатки от деревянной катафракты в виде «чешуек», отпечатанных в лессовом грунте.

Кроме всего, в дромосе найдены фраг-

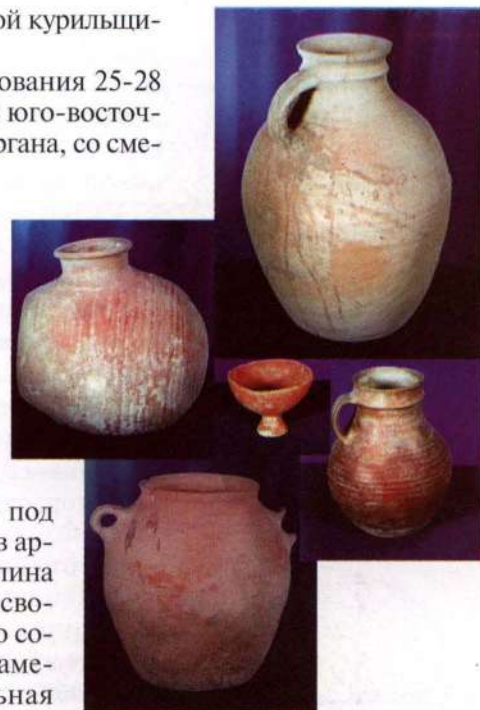
менты ребристой керамической курильщицы.

Курган 5 диаметром основания 25-28 м, высотой 2 м. При работах в юго-восточном секторе, под насыпью кургана, со смещением от центра порядка 8 м на глубине 3,4 м от уровня дневной поверхности, открыта катакомба. Представляет собой «Т»-образный вариант погребальной конструкции, включающий узкотраншейный бесступенчатый дромос длиной 10,5 м размерами: ширина в начальной стадии 0,5 м, в завершающей 11,5 м. Дромос под наклоном плавно переходит в аркообразный лаз размерами: длина 0,8 м, ширина 0,7-0,8 м, высота свода 1,2 м (лаз перпендикулярно соединяется с погребальной камерой). Сводчатая погребальная камера трапециевидной формы со сглаженными углами вырезана в лессе. Имеет размеры 2,1x2,7x2,4 м при высоте свода 1,6 м. Вся конструкция строго спланирована в направлении север-юг.

В погребальной камере, на полу, зафиксированы в анатомическом порядке четыре костяка. Обряд погребения - трупоположение на спине с ориентацией изголовья на север. Характеризуем погребальную атрибуцию.

Костяк 1: в районе соединения плечевой и лучевых костей правой руки в одной связке найдены бронзовый колокольчик с боковыми отверстиями в верхней части конуса и две подвески в виде водоплавающей птицы.

Костяк 2: вблизи изголовья отмечены два керамических сосуда столового назначения (горшок и кувшин), а также косметический прибор, включающий каменный сурьматаш и округлой формы таблетку из мягкой светло-серой глины с отверстием для сурьматаша. Горшок грушевидной формы, с двумя вертикальными желобчатыми ручками (украшен светло-серым ангобом, прочерченным рифлением и ангобными пятнами насыщенного темно-коричневого цвета). Кувшин шаровидной формы, имеет короткую горловину, петлевидную желобчатую ручку верхний край которой переходит в резко выраженный рубчик под венчиком. Сосуд декорирован светло-коричневым ангобом, станковым рифлением. Под черепной коробкой костяка 2 найдены также мелкие пастовые бусы.

Керамика кургана 5
могильника Культобе

Костяк 3: изголовье костяка покоилось на прямоугольном кирпиче - сырце размерами 45x25x10 см. В районе лучевых костей левой руки найден бронзовый колокольчик с отверстием в верхней конической части и с язычком в виде раковины-каури; здесь же, на одной из фаланг левой руки, отмечено железное кольцо. Под изголовьем обнаружены мелкие пастовые бусы, идентичные бусам костяка 2.

По периметру кирпича отмечена группа керамических сосудов столового назначения. Кувшин грушевидной формы имеет желобчатую петлевидную ручку, переходящую верхним концом в рельефный рубчик, опоясывающий горловину (украшен прочерченным рифлением, покрыт светлым ангобом, по которому отмечены тонкие потеки темно-коричневого ангоба). Фляга характерной формы покрыта вишневым ангобом и декорирована выраженным станковым рифлением на большей части тулова. Кувшин малый имеет высокую горловину, петлевидную желобчатую ручку, переходящую верхним концом в валик (украшен прочерченным рифлением на плечике и темными ангобными пятнами в нижней части). Кружка имеет петлевидную желобчатую ручку, крепящуюся на плечике; покрыта ярко-вишневым ан-

гобом, декорирована выраженным станковым рифлением, нижняя часть сосуда сглажена лопаткой.

Костяк 4: в районе тазовых костей обнаружена железная поясная круглая щитковая с зажимом пряжка (с бегающим язычком). Здесь же, на правой стороне бедренной кости, отмечен железный черешковый однолезвийный нож. Вблизи изголовья найдено два сосуда. Кувшин малый грушевидной формы, с высокой горловиной; имеет петлевидную желобчатую ручку, переходящую верхним концом в выраженный острый рельефный валик. Украшен пятнами светлосерого ангоба и тонкими потеками темно-коричневого ангоба; на тулове фиксируется прочерченное рифление. Чаша столовая (ваза) на ножке-поддоне. Вся поверхность чаши покрыта насыщенным ангобом вишневого цвета; ножка-поддон полая.

В кургане 5 костяки 1 и 2 были положены по всей длине на плетеную камышовую подстилку; отмечен также одиночный камень (галечник) между костяками 3 и 4.

Курган 6 имеет параметры: диаметр основания 10-12 м, высота 1,5 м. В ходе работ в юго-восточном секторе, почти у кромки кургана, под насыпью на глубине 3,3 м от дневной поверхности, была открыта катакомба. Она относится к типу «Т»-образных катакомб. Основные размеры:

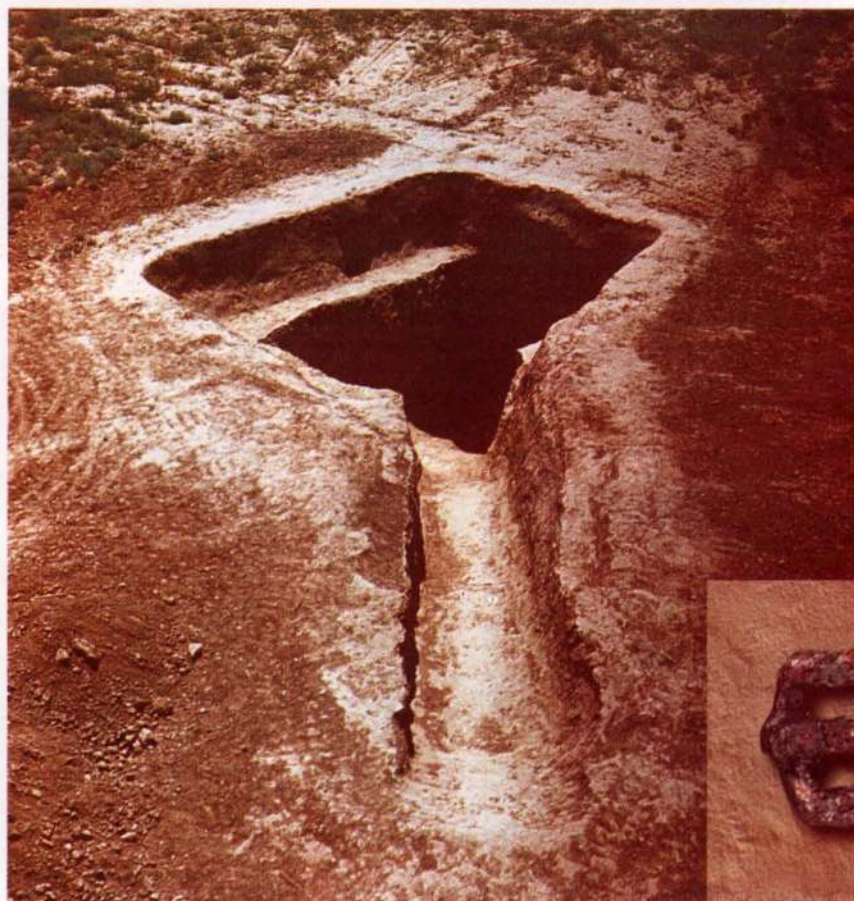
а) узкотраншейный бесступенчатый дромос: длина 7,5 м, ширина в начале 0,5 м, в месте перехода в лаз 1,1 м;

б) лаз: длина 0,95 м, ширина 0,8 м, высота аркообразного свода 1,3 м. Снаружи лаз был заложен кирпичем-сырцом в 4-5 рядов (как целыми кирпичами, так и фрагментами). Размеры кирпича-сырца: 35x30x10 см, общее количество 12-13 штук;

в) погребальная камера представляет собой правильную сводчатую прямоугольную конструкцию с почти острыми углами, вырезанную в лессе размерами: 2,2x2,0 м, высота свода 1,4 м.

Вся катакомба спланирована в направлении север-юг. В камере на полу были открыты три костяка, из которых костяки 1 и 3 располагались в анатомическом порядке. Обряд погребения: труположение на спине, изголовьем на юг. Атрибуция представлена следующим вещевым

Могильник
Чимкентский.
Погребальная
конструкция
«царского» кургана

ОДИНОЧНЫЙ КУРГАН У С. КОСАГАШ

Курган находится на правом берегу р. Донгустау в 200 м от русла, на склоне невысокой лессовой надпойменной террасы (карта 1, 73а). Его основные параметры: диаметр основания 24-26 м, высота 4,5-5 м; насыпь сложена из лесса, однородная по составу.

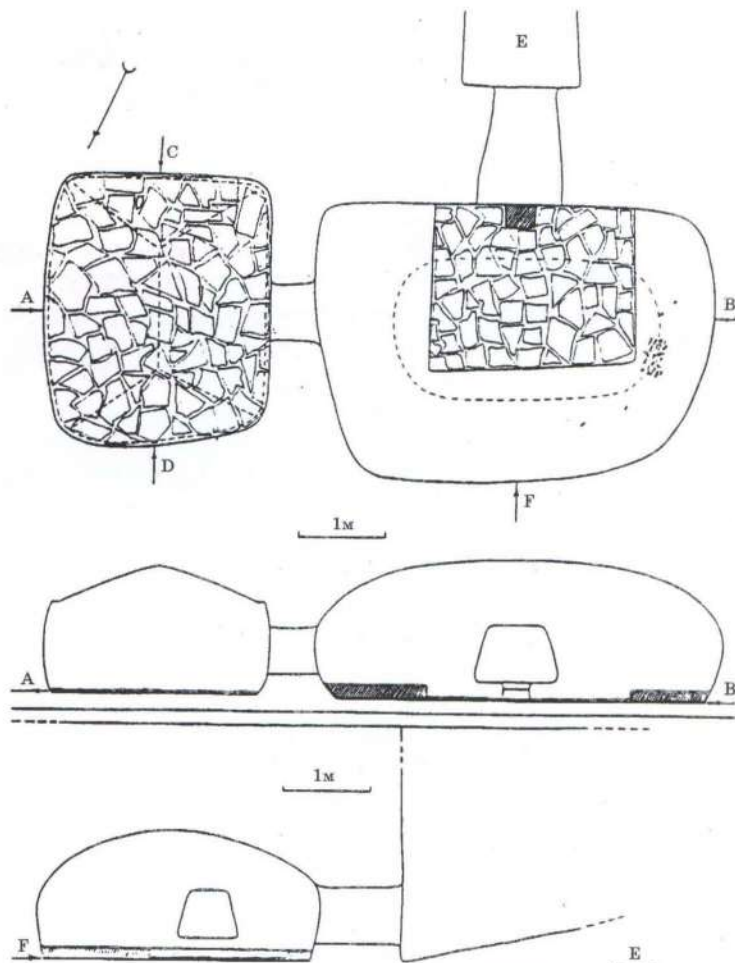
При работах обнаружился и открылся древний грабительский лаз, который почти вертикально вел в хорошо сохранившуюся подземную сводчатую погребальную камеру. В результате последующих исследований было открыто и обследовано погребение в двухкамерной катакомбе. Она конструктивно представляет собой подземную композицию из пяти ключевых составляющих: дромоса, основного лаза, погребальной камеры 1, соединяющего лаза и погребальной камеры 2.

Дромос относится к типу узкотраншейных, имеет параметры: ширина у основного лаза 1,2 м, длина около 12 м; он вырыт в склоне надпойменной террасы, значительная его часть не пересыпается насыпью кургана.

Основной лаз представляет собой трапециевидную в разрезе небольшую галерею размерами: ширина у места соединения с дромосом 0,78 м, ширина у места соединения с погребальной камерой 1-1 м, высота свода 0,7 м, длина 1,2 м.

Погребальная камера 1 является овальной трапециевидной в плане сводчатой полостью, вырытой в лессе размерами: 4,5х3 м, высота свода от пола камеры 1,5 м.

Конструктивной особенностью этой камеры является наличие в ней трех суф высотой 0,15 м и шириной от 1,2 до 0,95 м, которые «П»-образно располагаются напротив основного лаза. Суфы образованы в результате выборки земли в материковом лессе на значительной площади дна камеры в центральной её части (2,3х1,8 м); кроме всего, в месте соединения основного лаза с камерой 1 фиксируется небольшая подпрямоугольная в плане ступенька размерами 0,25х0,2 м, высотой 0,1 м. Еще одна особенность - вся площадь суфообразующего углубления камеры 1 выложена сплошным порядком фрагментами битой керамики в основном от крупных

План двухкамерной катакомбы кургана у с. Горное

Курган у с. Горное. Вход в погребальную камеру и части железной катафрагты

сосудов типа хумов, хумчей, а также от больших горшков и водоносных кувшинов (части тулова, донца).

Соединяющий лаз имеет правильный трапециевидный в разрезе профиль со сглаженными, овальными углами размерами: 0,7х0,5х0,4 м. Этот лаз, или скорее проем, имел длину (толщину) 0,5 м. Он был вырезан в восточной стенке погребальной камеры 1, почти в центре, слегка возвышался над суфой, и вел в погребальную камеру 2.

Камера 2 также являла собой подземную, вырезанную в лессе полость. Она почти правильной, прямоугольной планировки размерами 2,8х2,5 м, однако свод камеры 2 имел вид четырехскатной «кровли», ос-

нование которой базируется на выступе-козырьке. Максимальная высота свода 1,3 м. Пол камеры 2 по всей площади также, как в камере 1, был выложен битой керамикой от крупных, средних и других сосудов.

Вся катакомба имеет «Т»-образную планировку, в которой дромос с незначительными отклонениями совпадает с ориентировкой юг-север, а длинные оси обеих камер с направлением запад-восток; общая глубина катакомбы (от пола камер до древней поверхности) 4,8-5 м.

В ходе работ на северной суфе удалось открыть сильно потревоженное грабителями одиночное погребение. Оно представляло собой мелкие части человеческого скелета, остатки большой массы каких-то деревянных, сильно разрушенных, конструкций вперемежку с погребальным инвентарем в виде нескольких десятков коррозированных предметов. Все перечисленное в беспорядке разбросано на суфе, на её поверхности также отмечена подсыпка из мелких угольков, а в отдельных местах фиксируются следы обжига.

После реставрации и консервации металлического материала стало возможным выяснить погребальную атрибуцию.

Она включает в себя:

«чешуйчатые» накладки с внутренней стороны которых отмечены следы переплетающейся под прямым углом фактуры дерева; длинные края накладок слегка загнуты вовнутрь;

железную пряжку с бегающим язычком и фиксирующими язычок кольцами на рамке;

железный фиксатор конской ременной узды или упряжи с остатками кожи;

часть круглой железной вток-втулки, идущей на конус, со следами дерева на внутренней поверхности;

скрепляющий железный штырь (гвоздь) на котором тоже отмечены следы дерева (фактура дерева перпендикулярна штырю);

железные скобы-держатели с закруглёнными концами и со следами дерева;

железные крючья и крюки, на которых фиксируется дерево;

черешки от железных наконечников стрел со следами древка и тонкой обмоткой из ниток;

бегающий железный язычок от большой пряжки;

часть железной застёжки с остатками

ткани двух видов: очень тонкой фактуры - снизу, и более грубой - сверху.

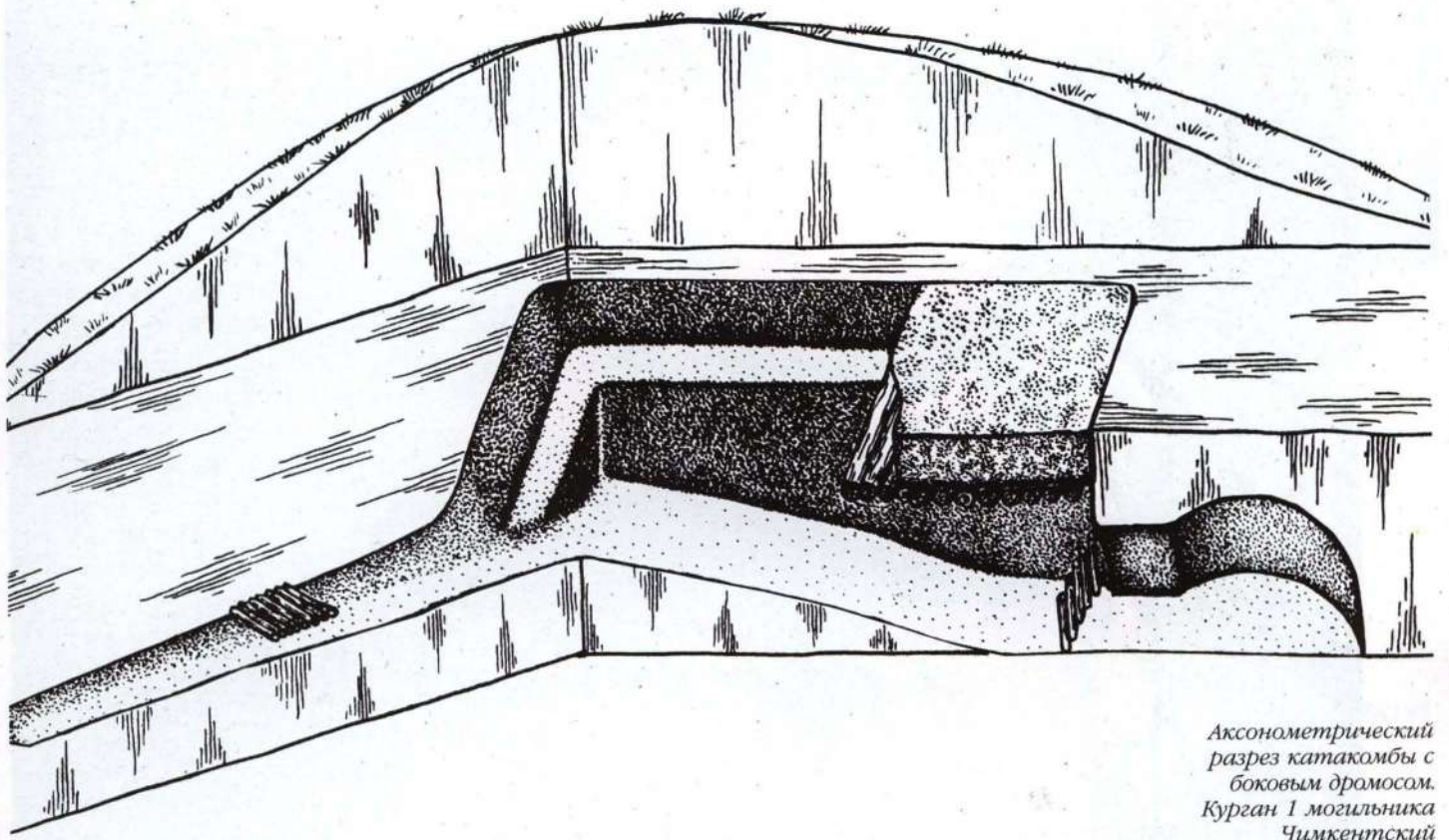
Кроме того, найдены мелкие части деревянных ножен, обтянутых сверху тонкой кожей и окрашенных в красный цвет.

Последующие изыскания показали, что в обеих камерах катакомбы других захоронений нет, хотя в целом комплекс мог принять еще несколько погребенных. Об этом свидетельствует его готовность - например, в камере 2 поверх выложенной на полу керамики был также подсыпан песок, а затем - сгоревшие угли.

Керамический материал не представляет интереса для археологических реконструкций, т. к. его предназначение не имеет прямого отношения к функциональной нагрузке сосудов, из частей которых были выложены полы погребальных камер 1 и 2. Собственно сосудов, выступающих в роли инвентаря, обнаружено не было. Количество преобладают фрагменты от крупных толстостенных сосудов типа хума, хумчи, и, возможно, тагара. Отмечены также фрагменты от крупных горшков и кувшинов. Керамическая разнородность в обжиге, толщине фрагментов, декоре позволяет говорить об использовании не одного - двух, а многих бытовых сосудов для ритуальной цели. Кроме того, для обеспечения ровности выложенной поверхности у фрагментов сосудов сбивались выступающие части - ручки, венчики. Выкладка осуществлялась внешней поверхностью фрагмента сосуда - наверх.

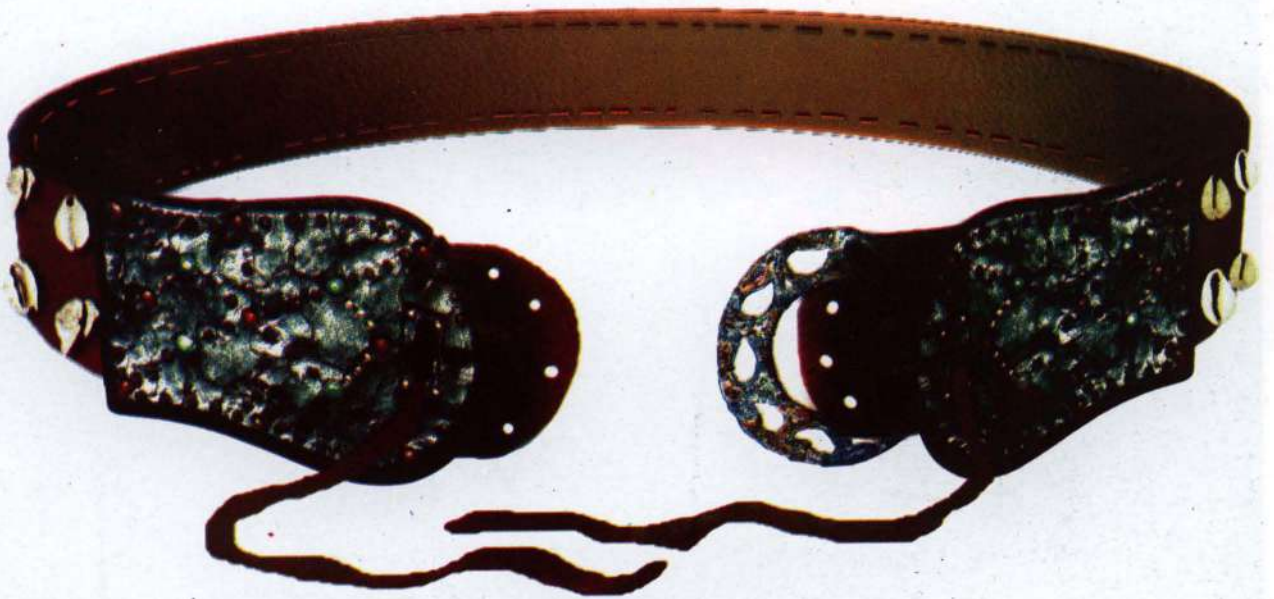
В связи с массовой фрагментарностью говорить о восстановлении формы сосудов не приходится, но все же отдельные детали декора и назначения керамики представляют интерес. В их числе: донца хумов, носящие отпечатанные на сырой глине следы шерстяной ткани средней плотности; пальцевые борозды под венчиками хумов и пальцевые защипы - у донца; украшение хумов ангобами светло-коричневого и серого тонов; декор фрагментов горшков и кувшинов в виде лощения по коричневому ангобу и ангобных потеков.

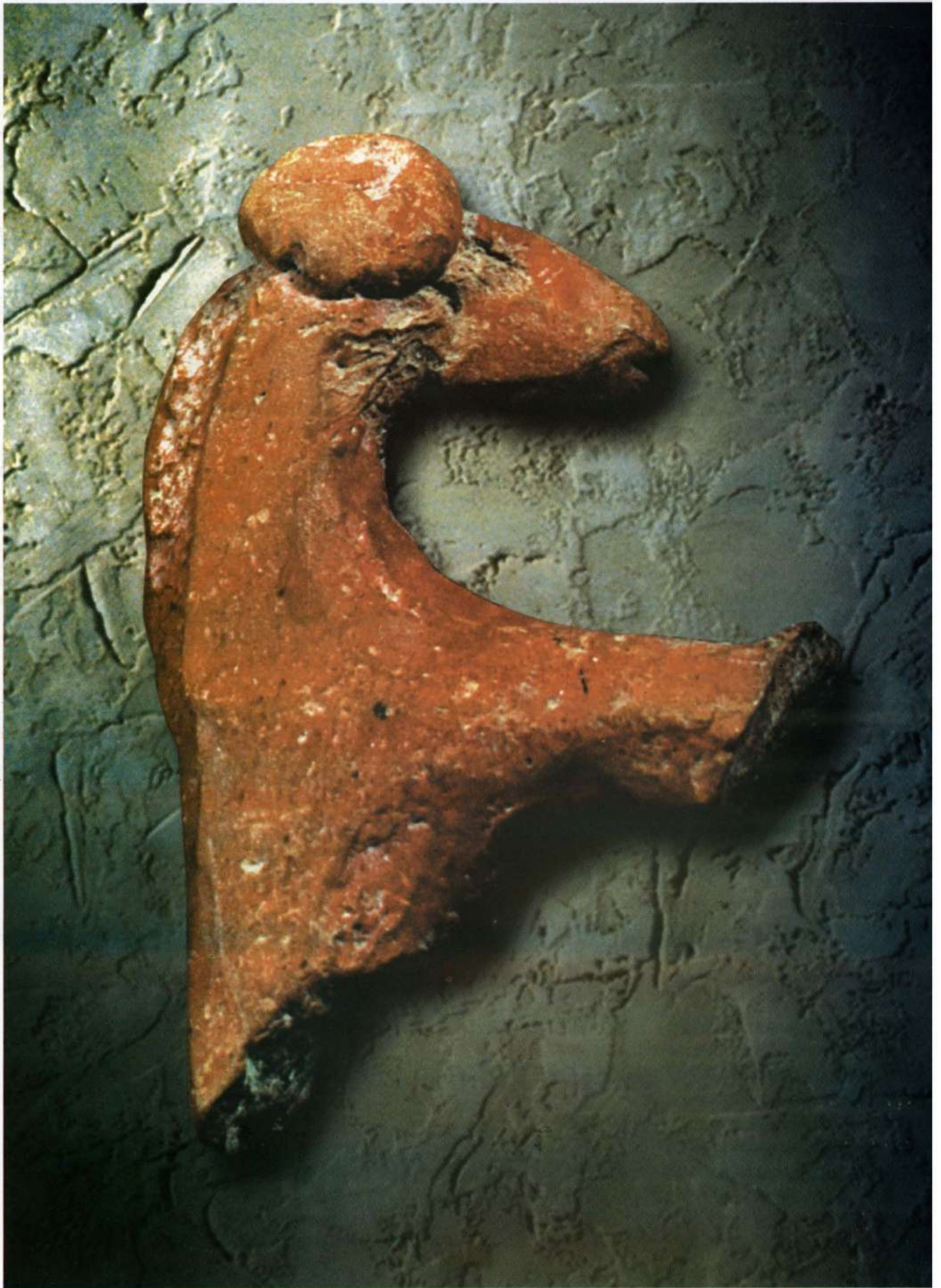
Приведённый фактологический материал о раскопках шести поселений, четырех городищ, девяти курганных могильников и двух курганов «царского» типа составляет основной источниковый базис научных построений, связанных с арысской археологической культурой Южного Казахстана IV в. до н. э. - VI в. н. э.

*АксонOMETрический
разрез катакомбы с
боковым дромосом.
Курган 1 могильника
Чимкентский*

*Реконструкция
наборного пояса
знатного сюнну
(текст на с. 153-155)*

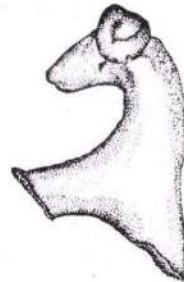

**АРЫСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА
ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА**

ГЛАВА III

Универсального комплекса признаков, выступающего в роли эталона при выделении археологической культуры, не существует

В современной науке археологическая культура и круг проблем, связанных с ее выделением и комплексным анализом, остаются наиболее сложными.

1. Вопросы обоснования и методологии

Южный Казахстан в археологическом аспекте - уникальный район, не имеющий себе равных по количественному составу и типологическому разнообразию памятников различных эпох среди других регионов республики (269, с. 36-37). Этот факт объясняется как благоприятными физико-географическими условиями (разнообразный ландшафт, обилие водных источников, умеренный климат), так и геостратегическим местонахождением региона, который располагается между огромными степными пространствами Дашт-и-Кипчака и урбанистическими оази-

сами Средней Азии. В этом смысле Южный Казахстан представляет собой контактную зону, на территории которой в течение столетий переплетались различные хозяйственно-культурные традиции, присутствующие как кочевым, так и оседло-земледельческим этносам.

Особенно отчетливо эта тенденция фиксируется в конце раннего железного века и раннем средневековье, когда в регионе зарождается оседлость и формируются памятники, материальная культура которых иллюстрирует выраженный земледельческо-скотоводческий характер (39, с.5-10).

Археологические изыскания последних лет позволили выявить около трёхсот памятников земледельческо-скотоводческой культуры. Основная их масса концентрируется в арыско-бадамском оазисе, а также - в зоне гор Каратау, Каржантау и Отрарском оазисе.

Археологический материал по памятникам подобного облика стал интересовать исследователей в пятидесятые годы, когда А.Н. Бернштам, опираясь преимущественно на материалы рекогносцировочных и стратиграфических раскопок зоны Средняя Сыр - Дарья - горы Каратау, выделил т.н. кангюйско-каратаусскую археологическую культуру Южного Казахстана (55, с. 95-97). Несмотря на отсутствие развёрнутой аргументации в пользу выделения этой культуры, а также чётко сформулированных признаков последней, позитивным можно считать тенденцию наметившегося единства в материальной культуре большого круга памятников Южного Казахстана, отдельные аспекты которой обозначил А.Н. Бернштам и как этно-территориальное явление зафиксировал в названии (55, с. 81 - 90).

В результате последующих изысканий ЮКАЭ (Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич, А.Г. Максимов), ЮККАЭ (К.А. Акишев, К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович), АО ЧПИ (Н.П. Подушкин, А.Н. Подушкин), значительно расширился круг источников и объём археологической информации о земледельческо-скотоводческих памятниках региона IV в. до - VI в. н. э.

Стало возможным широко апеллировать к новым археолого-картографическим, топографическим материалам, а также к данным стратиграфических и стационарных раскопок, полученных с десятков и сотен объектов, в том числе - курганных могильников. Появляются специальные статьи, диссертации и монографии, посвящённые проблеме (244-245, 251, 39, 36, 269).

Повышение степени изученности позволило выявить и подчеркнуть общие тенденции археологического и другого порядка среди большой группы земледельческо-скотоводческих памятников Южного Казахстана.

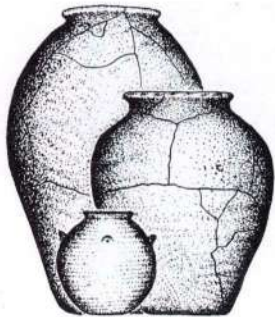
Как показывают последние исследования, такие тенденции настолько существенны и стационарны, что выступают в качестве специфических признаков археологической культуры (далее АК). По своим параметрам они далеко выходят за рамки этно-территориальной дефиниции "кангюйско-каратаусская культура".

Ситуация с расплывчатостью наглядного образа большинства АК IV в. до-VI в. н. э. Казахстана и Средней Азии (каунчинская, кангюйско-каратаусская, кенкольская и др.), а также назревшая проблема аргументированного выделения АК этого периода для арыско-каратаусского региона находит понимание среди казахстанских археологов (термин предложен: 151, с. 51). В частности, в научных публикациях утвердился термин "арыский вариант отрарско-каратаусской культуры" (251, с. 176; 39, с. 153;). В настоящее время степень готовности арыского локального варианта в плане аргументированного выделения на его основе АК (фактологический базис, изученность источников, выделение комплекса признаков, создание наглядного образа, археологические, этнологические и другие идентификации), является достаточной для воплощения в жизнь научных построений, связанных с этой проблемой.

Обозначим ключевые моменты и определимся в дефинициях. В современной археологической науке АК как дефиниция и круг проблем, связанных с её выделением, комплексным анализом, наглядным образом и всякого рода соотношениями культурологического, этнологического, социально-политического порядка, являются наиболее сложными.

Широко применяемый в специальной археологической литературе, АК как термин универсального значения зачастую употребляется исследователями неадекватно, а сам наглядный образ АК как носитель главного комплекса признаков той или иной АК зачастую выглядит расплывчато (310, с. 120).

Отметим, что в вопросе дефиниции АК общего порядка имели место позитивные сдвиги, воплотившиеся в достаточно приемлемое определение в варианте М.В. Аникович (14, с. 120). Оно в качестве рабочего может устроить исследователей-археологов. Между тем в вопросах обоснования и выделения АК, определения признаков (специфического комплекса признаков) и, наконец, форми-

Малая двухкамерная
гончарная печь.
Городище
Торткультобе

рования наглядного образа АК наблюдаются неопределённость и противоречивость. Это порождает массу негативных явлений в упомянутой сфере, в числе которых (по материалам сибирской археологии):

отсутствие развёрнутой аргументации в вопросах выделения АК;

узкое использование термина АК применительно лишь к описанию археологических комплексов и субъективное увлечение выделением “новых АК”, что далеко не всегда соответствует реальному состоянию изученности конкретного материала;

снижение значимости признаков выделяемой АК или вовсе отсутствие таковых, что приводит, с одной стороны, к совершенно необоснованным “выделениям” АК по “давно известным материалам” (310, с. 41 - 42), с другой - появлению в археологической литературе различных названий АК, о признаках и наглядном образе которых можно только догадываться.

По мнению некоторых исследователей, подобные явления в археологии прямо связаны с восприятием акта выделения “новой АК” как носящего “оценочный характер”, и что “придание тому или иному комплексу статуса особой культуры стало рассматриваться как своеобразный итог всего исследовательского процесса в археологической науке” (310, с. 41).

Неопределённость в методологических принципах выделения АК предопределила известную противоречивость в названиях последних. В них отсутствует какая-либо система или же возникает ситуация, когда “появляются культуры, фигурирующие в литературе под двумя - тремя названиями” (310, с.41).

Анализ археологических публикаций, связанных с проблемами АК на территории Казахстана и Средней Азии, также иллюстрирует некоторые сложности в этой сфере. В частности, основоположники археологической науки в казахстанско-среднеазиатском регионе Г.В. Григорьев, А.Н. Бернштам и другие, широко использовали практику придания археологическому комплексу одного - двух памятников статуса отдельной культуры. Иногда хронологические этапы (периоды) функционирования конкретного памятника также превращались в АК (97, с. 55; 236, с. 201).

Как правило, основания для такого рода заключений базировались на фактологических выкладках описательного характера применительно к различным ар-

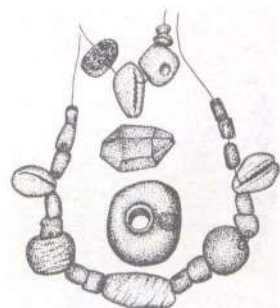
Русло реки Арысь у городища Культобе

хеологическим артефактам определённое “единство” которых ассоциировалось у исследователей с АК. При этом отсутствие чётко сформулированного комплекса признаков, характеризующего именно эту АК, до сих пор вносит известную путаницу в однозначную трактовку наглядного образа той или иной АК.

Как показывает практика, наглядный образ АК складывается исключительно на степени информированности исследователей об археологическом материале группы памятников или одного памятника, “эталонного” для конкретной АК. По этой причине он зачастую носит субъективный характер, и потому использование терминов “каунчинская”, “кангюйско-каратаусская” АК, по вкладываемому смыслу может существенно различаться в понимании археологов-исследователей.

Аналогичным образом фиксируются сложности и с названиями АК региона Южный Казахстан - Ташкентский оазис, где налицо известная алогичность в контексте обозначения и использования терминов. Известные здесь для IV в. до - VI в. н. э. АК фигурируют в археологической литературе под следующими названиями: каунчинская (97, с. 63-78); джунская (236, с. 201-204); каунчинско-джунская (173, с. 37); кангюйско-каратаусская (55, с. 96-97); отарско-каратаусская (157, с. 6; 31, с. 192).

Из названий следует, что исследователи Каунчи-тепа и Джунского могильника склонны чётко дифференцировать обозначенные АК как отдельное явление. Напротив, Б.А. Литвинский предлагает видеть в каунчин-

ской и джунской АК традицию одного порядка, связанную с сармато-кангюйским этно-государственным объединением. При этом впервые была предпринята попытка обоснования каунчинско-джунской культуры как археологической с обозначением некоторых её признаков (173, с. 33; 37).

Что касается терминов “кангюйско-каратауская” и “отрарско-каратауская” культуры, то речь без сомнения идёт об одной АК. Первоначальное название ей дал А.Н. Бернштам, а вариант переименования связан впоследствии с именами Л.М. Левиной, К.А. Акишева и других, причём аргументов в пользу такового переименования найти в археологической литературе не удалось.

Причины перечисленных явлений следует искать только в несовершенстве методологии выделения АК и определения признаков последней, а также - в неразработанности некоторых археологических дефиниций, в том числе АК.

Стремление специалистов внести ясность в упомянутые вопросы воплотилось в многолетние дискуссии и породило огромный круг литературы, критический анализ которой может составить отдельное исследование (217; 136, с. 18-36; 140, с. 37-51; 207; 17; 274 и др.). На фоне наиболее оптимального решения этих проблем представляется убедительной дефиниция АК и вытекающие из неё методические принципы выделения АК в варианте М.В. Аникович.

В оригинале она формулируется следующим образом:

“ АК есть система традиций, выработанных в определённых социальных груп-

пировках под влиянием определённых исторических условий, нашедшая своё материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые стали археологическими источниками, и раскрываемая посредством анализа этих источников. ” (14, с. 120).

Критически осмыслив все известные на конец девяностых годов варианты дефиниций АК, а также принципы выделения последних, автор изложил в определении свою унифицированную концепцию понимания АК как системы традиций, в которой сочетаются основополагающие принципы сторонников этнической и археологической версии трактовки АК.

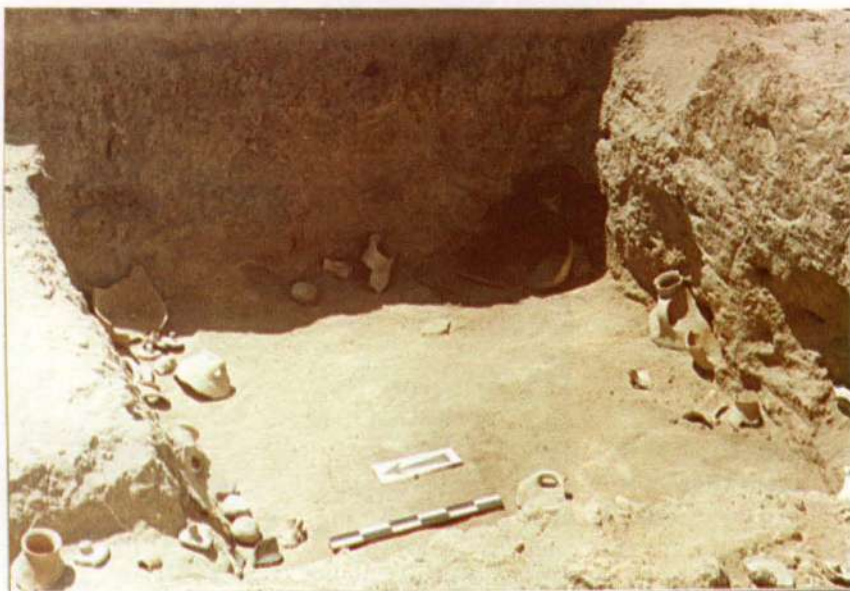
Представляется позитивным считать также стремление М.В. Аникович раскрыть глубже и уточнить понимание ключевых методологических принципов выделения АК в контексте с предложенной дефиницией. Это открывает новые перспективы в тех направлениях исследования, которые обычно называются “социологической интерпретацией археологических источников” (14, с. 125).

Приняв за основу в качестве рабочей такую дефиницию АК, определим свои позиции в не менее важном вопросе - методических принципах выделения АК. Эта сфера проблем в рамках понятия АК не менее дискуссионна, и связана также с широким кругом специальной литературы (136, 140, 310, 151 и др.).

Публикации по этой проблематике выявили следующую закономерность: ориентация на конкретные методические принципы выделения АК прямо связана с содержанием понятия АК в исследовательской деятельности археолога и теми целями, которые он преследует путём выделения последней.

Иными словами, методические принципы выделения АК вытекают из дефиниции АК как научного понятия в контексте её трактовки исследователем-археологом (археологический вариант как набор артефактов, объединённых единством традиций в материальной культуре; этнологический вариант как явление, связанное с этносом; комплексный археолого-этнологический вариант как отражение систем традиций различного уровня и свойства в материальной, духовной, социальной сферах жизни этноса).

Раскопки поселений
Каратобе (вверху) и
Алтынтобе

Отдавая предпочтение комплексному археолого-этнологическому пониманию АК, остановимся на характеристике методических принципов выделения АК. В основе своей они были обозначены И.С. Каменецким (136, с. 27-30), дополнены, расширены и уточнены М.В. Аникович, и сводятся к следующим главным моментам:

комплексный подход при выделении АК;
системный характер её показателей на их пространственно - временную вариабельность;

наличие “фона”, на котором проявляется АК.

Кроме того, рассматриваются и другие методические принципы, следовать которым необходимо при выделении АК. Это территориальное единство как показатель АК, хронологические рамки АК. При этом важны следующие методические аспекты:

а) расширенная трактовка комплексного подхода при выделении АК, которая заключается в необходимости выявления традиций для каждой из разнокачественных групп археологических источников (отдельно для керамики, каменного инвентаря и т.п.) и последующего установления реальных связей и соотношений между

ними. При таком подходе археолог, работающий над выделением АК, “не вправе пренебрегать ни одним из видов археологических источников, имеющихся в его распоряжении, но вместе с тем не должен ожидать непрямого проявления единства культурных традиций во всех этих источниках равно как и параллельного развития таких традиций”.

б) представление о системном характере АК как сфере, где проявляется развитие и динамизм последней. При этом главным, определяющим моментом в выделении АК становятся связи, образующие в совокупности с элементами общий каркас АК, а сама она рассматривается как динамическая система, как единство традиций и новаций, становящихся в свою очередь традициями, включаемыми в систему.

в) возможность выделения АК только при наличии культурного фона, т.е. “иных систем традиций, относительно которых и проявляются конкретная АК”; в качестве последнего выступают АК, близкие к определяемой во времени и пространстве, а также АК, “обладающие с ней рядом общих признаков” (14, с. 122-124).

В рамках выделения арысской АК обратимся к характеристике и кри-

Печатка с инталы на венчике хума

2. Характеристика признаков и специфического комплекса признаков арысской археологической культуры

териям выбора ключевых признаков и специфического комплекса признаков этой культуры.

Здесь также отмечены сложности, поскольку универсального комплекса признаков, выступающего в роли эталона при выделении АК, как и аналогичных методических подходов к выбору источников, могущих служить основой для выделения АК, не существует.

Поэтому в практической плоскости эти вопросы решаются исследователями зачастую индивидуально и подчинены той цели, которую ставит археолог фактом выделения АК.

Специальные публикации, посвящённые данной проблеме, иллюстрирует широкий спектр подхода ученых к решению таких задач. При этом выделяются следующие общие тенденции:

использование всех возможных признаков для обозначения АК, в которых “не расчленяются признаки характерис-

тики выделения АК”;

фиксация качественной неоднородности признаков при наличии “относительно устойчивого ядра встречаемых признаков, определяющих специфику АК”;

отсутствие чётко формулируемого специфического комплекса признаков как комплекса признаков выделения АК (последний “вырабатывается опытом археолога, наличной исследовательской традицией, словесными и преимущественно наглядными описаниями в специальной литературе”, и действует в форме наглядного образа АК; 151, с. 51).

В связи с многообразием принципов отбора специфического комплекса признаков (далее - СКП) для выделения каждой АК, различными параметрами “веса” признаков, возникла необходимость в выработке “известного набора признаков, необходимых для выделения комплекса артефактов в самостоятельную АК”, в котором присутствовали бы в унифици-

рованном варианте археологические, этнические, культурно-генетические элементы (310, с. 41; 19, с. 80-81).

Несмотря на то, что в решении этой проблемы наметились позитивные сдвиги, в частности, в вопросах отбора признаков (14, с. 118-120) а также в области общей стратификации и ранжировании их по “культурообразующему весу”, выработать универсальный вариант критериев отбора СКП для выделения АК пока не удалось (310, с. 42).

По этой причине выбор признаков и СКП в значительной степени определяется профессиональной компетенцией исследователя, поставившего задачу выделить АК, и зависит от того исходного материала, на который он опирается в достижении своей цели.

Поскольку общие методические аспекты процедуры определения СКП как главного условия выделения АК в целом обозначены, остановимся на изложении тех критериев отбора СКП, которые, на мой взгляд, оптимальным образом позволяют сформировать наглядный образ арысской АК. Представляется, что таковые должны характеризоваться:

а) комплексным подходом в выборе СКП;

б) определением характера признаков, их стратификацией;

в) выявлением степени проявления СКП как признаков собственно АК.

Раскроем содержание предложенных тезисов на конкретных примерах.

А). Комплексный подход в выборе критериев отбора СКП - осново-

полагающий принцип в процессе выделения АК. Необходимо отметить следующие его главные компоненты и составляющие.

Во-первых, анализ исходной позиции в контексте присутствия на исследуемой территории археологически изученного круга памятников, чьи характеристики (или признаки), свидетельствуют об определённом его “единстве” (археолого-культурогенетическом и другом) и могут выступать в качестве СКП отдельной АК.

Во-вторых, использование принципа охвата всех зафиксированных признаков по

самому широкому спектру учёта (ареал памятников, археологическая картография, типологическая принадлежность, топография и стратиграфия, фортификация, жилая застройка, погребальные комплексы, обряд и т.п. - вплоть до археологической топонимики и уникальных признаков, присущих единичным артефактам).

В-третьих, привлечение имеющихся научных интерпретаций и заключений в отношении круга памятников, выступающего в роли источниковой основы для выделения АК, то есть наличие хронологических, типологических, археологических и других классификаций, иллюстрирующих специфическое “единство” данных объектов, претендующих быть объединёнными в рамках АК. Такой подход позволит оптимальным образом осуществить отбор признаков и СКП АК.

Б). Определение характера признаков, их стратификация по “весу” в аспекте формирования наглядного образа АК не менее важный момент в процессе выделения последней. Как показывает практика, признаки в рамках СКП, по которым можно судить об археологическом комплексе или АК (а их, как правило, много), различаются не только качественным и количественным состоянием, но и своим “вкладом” в создание наглядного образа АК. Так, иногда достаточно наличия одного существенного признака для уверенной идентификации археологического комплекса с той или иной АК. Напротив, фиксация нескольких менее существенных признаков может ставить под сомнение аналогичную идентификацию. В этой связи представляется стратифицировать признаки, формирующие наглядный образ АК, следующим образом:

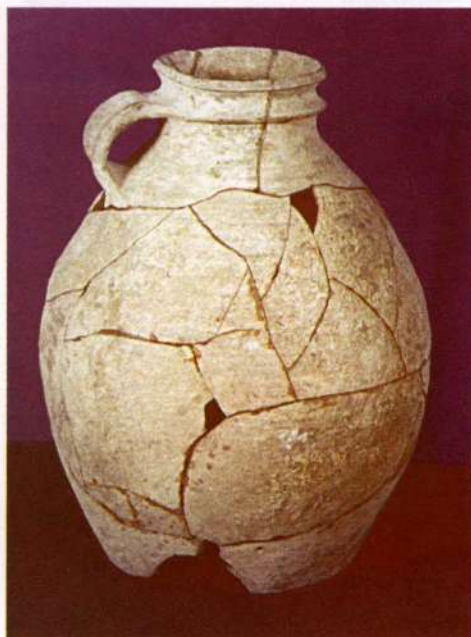
а) эталонные (классические, ключевые);

б) основные (характерные, достаточные);

в) сопутствующие (вспомогательные, дополнительные).

Такие определения характера признаков отражают объём и качество их наполнения содержанием археологической спецификации. Они связаны с конкретными археологическими комплексами, артефактами, и вместе составляют СКП. Оптимальный вариант сочетания ранжированных таким образом признаков и СКП позволит свести до минимума риск ошибки в плане идентификации археологических комплексов с наглядным образом АК.

Керамика Каратобе.
Столовый кувшин

В). Выявление степени проявления СКП АК также немаловажный момент в процессе формирования наглядного образа АК. Очевиден факт неравномерности подобного проявления, когда в одном варианте демонстрируется безусловная насыщенность, выразительность признака или СКП, в другом - фиксируется мало-выразительность или отсутствие такового. Можно отразить степень неравномерности проявления СКП по принципу:

- а) ярко выраженная;
- б) достаточно выраженная;
- в) слабовыраженная.

Кроме всего, в контексте проявления степени СКП следует учитывать как полное отсутствие таковых, так и фактор проявления последних на фоне других АК, "родственных" выделяемой.

Наконец, поскольку АК - явление динамическое, развивающееся во времени неравномерно (14, с. 123), проходящее в своём развитии определённые этапы, в соответствие с этапами меняется и степень проявления признаков и СКП. То есть, каждому хронологическому этапу АК (раннему, зрелому, финальному), соответствует определённый уровень проявления СКП.

Опираясь на изложенные методологические и практические принципы, остановимся на характеристике источников, ключевых и других признаков, в том числе - СКП большой группы археологических памятников Южного Казахстана IV в. до - VI в. н. э., которые предварительно трактуются как арысская АК. Данные исходной позиции в контексте упомянутой трактовки частично изложены во "Введении" и главе I настоящего исследования (ареал памятников, их картографическая и типологическая характеристики: см. приложение I).

Основной блок информации по этой группе памятников сконцентрирован в археологических комплексах, полученных с конкретных объектов в ходе рекогносцировочных, стратиграфических и стационарных работ на многочисленных могильниках, поселениях и городищах региона Арысь - Каратау. Археологический комплекс отдельного памятника включает наиболее полные данные о нём (для городищ, поселений - топография, стратиграфия, фортификация, жилища, культовая архитектура и собственно археологический материал: керамика, орудия труда и изделия из камня, кости, металла и т.п.; для могильников - топография, конструктивные особенности насыпи, харак-

тер погребального сооружения, обряд и археологический материал: керамика, оружие, украшения и т.п.).

При этом отметим главную деталь: при сопоставлении и сравнительном анализе археологических комплексов памятников земледельческо-скотоводческой культуры исследуемого региона, из них чётко вычлениаются компоненты, характеризующиеся прямым сходством, которые указывают на общий культурный источник происхождения и на длительное по времени присутствие последних в качестве материальных и культурно-генетических традиций.

Именно такие компоненты рассматриваются как признак, а оптимальное сочетание последних - как СКП арысской АК.

В их числе выделим и дадим развёрнутую интерпретацию таким археологическим артефактам и категориям, которые в общем порядке иллюстрируют признак, а затем и СКП наглядного образа арысской АК.

I. КЕРАМИКА (керамический комплекс; таблица I). Наиболее массовый, хорошо сохранившийся и поддающийся археологической реконструкции материал. Он отмечен на всех памятниках земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана IV в. до - VI в. н. э.

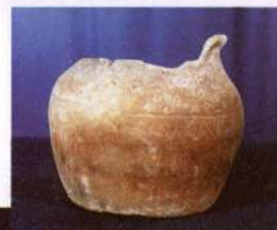
Как признак и СКП выделяемой арысской АК характеризуется следующими параметрами.

А). Высоким уровнем технологии керамического производства:

дифференцированным подходом к подготовке высококачественного теста для изготовления посуды конкретного функционального назначения (кухонной, хозяйственно-бытовой, культовой и особенно столовой);

высоким качеством обжига, от 1050 до 1200 градусов, гарантирующим прочность сосудов (такое качество достигалось путём обжига в специальных двухкамерных гончарных печах);

использованием при формовке быстро-вращающегося круга, реже - вращающейся подставки и формования вручную;

Керамический комплекс арысской культуры

формованием крупных сосудов типа хума, в три этапа (донце с частью тулова, основная часть тулова, венчик с горловиной);

формование на куске грубой ткани или на песчаной подсыпке;

использование при формовке приёмов, гарантирующих прочность крепления ручек к сосудам (специальные насечки в месте соединения с горловиной и туловом; валикообразный “рубчик” на горловине сосудов, соединённый с верхним основанием ручки, а также валики - налепы в виде “усов” в нижнем креплении ручки к тулову сосуда).

Б). Традиционностью форм керамической посуды:

для кухонной посуды это грушевидные горшки-котлы с горловиной и двумя петлевидными горизонтальными ручками; горшки грушевидные с двумя вертикальными петлевидными ручками (на тулове и на горловице); котлы без горловины с поддоном и двумя петлевидными горизонтальными ручками, крепящимися на тулове и на венчике; горшки грушевидные без ручек; кружки с вертикальной петлевидной ручкой; кружки без ручек; крышки с различным решением ручек; сковороды-жаровни и миски характерных форм;

для хозяйственно - бытовой посуды: хумы, хумчи грушевидные без горловины, или со слегка обозначенной горловиной; кувшины водоносные грушевидные с одной ручкой на узкой горловине; аналогичные кувшины с двумя петлевидными вертикальными ручками на широкой горловине; кувшины грушевидные водоносные с цилиндрическим носиком-сливом с ручками на тулове (венчике) и без таковых;

для столовой керамики: горшки шаровидные со слабо выраженной горловиной, реже - грушевидные с двумя петлевидными желобчатыми ручками на тулове; горшки грушевидные с двумя петлевидными ручками в верхней части сосуда; горшки грушевидные с ручкой в виде налепов; кувшины грушевидные с выраженной горловиной и одной вертикальной

желобчатой ручкой ниже венчика; кувшины грушевидные без ручек; кувшины грушевидные с одной ручкой и цилиндрическим носиком-сливом; кружки шаровидные, реже - грушевидные с петлевидной желобчатой ручкой на тулове; кружки - кувшины грушевидные без ручек и с ручками; фляги яйцевидные горизонтальные и вертикальные; крышки сферические с отверстием для ручки; чаши-тарелки с широко отогнутой закраиной, и реже - загнутой вовнутрь; чаши-тарелки на ножках;

для керамики специального назначения и ритуальной керамики: кувшины банкообразные, с отверстиями в стенках; курильницы на ножке или высоком поддоне; подставки культовые “рогообразные” и усечённо-конические; грушевидные сосуды без горловины с отверстиями в донце; ритоны; шаровидные микрососуды косметические и погребальные; напярсла круглые, плоские, конические, биконические; воронки; грузила ткацкие.

В). Устойчивыми традициями в декоре: тонкое концентрическое станковое рифление посуды по сырому тесту;

прочерчённое концентрическое рифление; прочерченные концентрические борозды;

рельефный валик (рубчик) по окружности сосуда;

лощение по ангобу;

ангобный декор в форме покрытия и потёков ангобами в основном вишнёвого, светло-коричневого, красного цветов реже - других оттенков;

растительный прочерченный орнамент («лоза»); пальцевые вдавления и борозды; геометрический орнамент; вдавления округлым предметом (тростниковой палочкой);

“подрезание” лопаткой нижней части тулова сосуда;

конусовидные налепы-шишечки;

валики-налепы в виде “усов”.

Г). Зооморфией в следующих вариантах проявления:

объёмное изображение голов животных (ручки сосудов); т.н. “двойные” ручки; горизонтальные ручки, выполненные под рог копытных животных (оленя); зооморфные налепы в верхней части ручек; валики в виде “рогов” в нижней части ручек;

прочерченные по сырой глине или процарапанные после обжига изображения животных на стенках сосудов;

зооморфный штамп по сырой глине.

Д). Антропоморфией в виде ре-

Знаковый, зооморфный и вещевой материалы арысской культуры

льефно-выпуклых фигур человека на тулове сосудов и в прочерченном варианте по сырой глине (контуры человека на крышках и другой посуде);

Е). Знаками на керамике (прочерченными по сырой глине, процарапанными, вылепленными рельефно).

II. ОРУДИЯ ТРУДА, ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ ИЗ КАМНЯ (табл. 1). Как признак арысской АК включает следующий устойчивый набор артефактов с характерными особенностями:

а) ладьевидные зернотёрки классических форм с традиционной выработанностью рабочей поверхности, которая и придаёт зернотёркам “ладьевидный” в разрезе профиль;

б) песты усечённо-конической формы с двумя рабочими окончаниями;

в) тёрки и тёрочки кубической формы многофункционального назначения, при котором задействованы все рабочие поверхности;

г) подпяточные камни с характерным углублением для деревянной основы вращающейся двери;

д) лошिला в виде плоских брусков с рабочими поверхностями, сформировавшимися в результате процесса лошения при декоре керамики;

е) оселки брусковидные с отверстием для подвешивания к поясу и двумя рабочими поверхностями;

ж) плоские круглые напрясла из галечника с отверстиями в центре;

з) сурматаши конусовидные с отверстиями для подвешивания и острым рабочим окончанием.

III. ПРЕДМЕТЫ БЫТА, ОРУДИЯ ТРУДА И ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА (табл. 1).

В качестве признака арысской АК выступают как комплекс, состоящий из нескольких характерных артефактов. В частности, это изделия из железа:

а) однолезвийные черешковые ножи различных размеров с деревянным и костяным решением ручек;

б) пряжки поясные, круглые и овальные, щитковые и бесщитковые, с бегающим язычком;

в) пряжки обувные (“сапожные”), круглые, щитковые с бегающим язычком;

г) пряжки кольцевые, подпружные;

д) колокольчики цилиндрические, с ушком для подвешивания;

е) удила конские, двукольчатые, с петлевидным окончанием;

з) крючья колчанные.

Аналогичный комплекс из меди и бронзы включает:

а) зеркала круглые с широкими бортиками и без таковых, с ручкой-выступом и без таковой;

б) колокольчики сферические, с отверстием в верхней части;

в) пряжки поясные, кольцевые и ажурные;

г) концевые поясные бляшки-зажимы.

IV. ОРУДИЯ ТРУДА И ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ (табл. 1). Как признак арысской АК включает следующий комплекс:

а) лошिला из трубчатой кости различной длины;

б) лошिला в виде стержня с зооморфным и лопатообразным навершием;

в) изделия типа «шумек» (мочеотводное устройство для младенцев);

г) игральные кости-астрала со специально подправленными гранями и отверстиями для подвешивания

V. ОРУЖИЕ И ЗАЩИТНЫЙ ДОСПЕХ (табл. 1). В качестве признака арысской АК выступает следующий характерный набор вооружения:

а) обоюдоострые черешковые мечи без перекрестия с навершием в виде каменного круглого бруска с отверстием в центре (или без навершия); концевая часть лезвия мечей завершается однолезвийностью, ручки деревянные;

б) кинжалы-акинаки черешковые, без перекрестия и навершия, с деревянным решением ручки, в ножнах;

в) сложносоставные луки на деревянной основе с парными концевыми и средними костяными пластинами-накладками;

г) черешковые трёхлопастные наконечники стрел различных типов с различным решением жалец, в том числе - вильчатые наконечник;

д) железные “чешуйчатые” пластины ка-тафракты;

е) деревянные “чешуйки” конского панциря;

ж) плетёные деревянные щиты.

VI. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ДЕРЕВА, КОЖИ, ТКАНИ (реконструируемый вариант). Как признак арысской АК отмечен в следующих артефактах:

а) кружки грушевидные, столовые с одной петлевидной ручкой на тулове;

б) ножны комплексные (дерево, кожа, ткань) для акинаков; окрашены в ярко-красный цвет.

Предметы быта и поделки из кости

VII. УКРАШЕНИЯ (табл. 1). В качестве признака арысской АК могут рассматриваться следующие группы артефактов:

- а) кольца железные простые и с небольшой плоской печаткой;
- б) перстни бронзовые (медные) с зооморфной печаткой;
- в) зооморфные подвески из бронзы (“водоплавающая птица”, фазан);
- г) пружинные кольцевые браслеты из бронзы с зооморфным завершением (“морда лошади”);
- д) раковины каури как подвески и нашивной декор одежды и пояса;

- е) бусы стеклянные, пастовые, керамические, янтарные различного размера и формы, из которых наиболее выразительны: бусы пастовые в виде миниатюрных сосудиков; бусы стеклянные с внутренним подглазурным “напылением” золота; бусы гагатовые и янтарные.

VIII. ОБЪЁМНЫЕ И ПОЛУОБЪЁМНЫЕ ЗООМОРФНЫЕ И АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГЛИНЫ И КЕРАМИКИ как признак арысской АК включают (табл. 1):

- а) алебастровую статуэтку женщины-богини;
- б) миниатюрную фигурку женщины “в одеждах”;
- в) головку льва;
- г) головку архара;
- д) головку змеи;
- е) рельефно-выпуклое изображение мужской фигуры с нимбом над головой.

IX. УНИКАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ, выступающие в роли признака арысской АК, характеризуются (табл. 1):

- а) золотой подвеской в виде круглодонного сосудика (техника плакировки золотым листом);
- б) пряжкой из рога индийского носорога с декоративным украшением серебряными, золотыми гвоздями и самоцветами (бирюза, халцедон);
- в) штампованное по сырой глине на венчике хума изображение благородного оленя, выполненное с овальной каменной инталии;
- г) золотой подвеской-медальоном,

Украшения и антропоморфный артефакт

выполненной в полихромной стили;

д) древней письменностью, выполненной техникой вдавливания знаков по сырой глине на керамических прямоугольных таблицах, затем обожжённых.

В контексте комплексной методики определения основных признаков АК обратимся к таким параметрам арысской АК как погребальная конструкция, обряд, а также - фортификация земледельческо-скотоводческих объектов в рамках разработанных типологий (252, с. 10-11).

Одним из определяющих признаков, выступающих в качестве признака арысской АК, является подкурганная катакомбная конструкция и соответствующий ей обряд погребения.

Она характеризуется следующими обязательными конструктивными элементами: коридором-дромосом; аркообразным лазом; сводчатой поллой камерой. Различные состояния перечисленных элементов и варианты их соединения в единую подземную конструкцию, обуславливают многообразие типов катакомб, на которые влияют:

а) форма дромоса (в виде прямоугольной грунтовой ямы; в виде траншеи-коридора; в виде сочетания ямы и траншеи, т.н. “дромос с заплечиками”;

б) длина дромоса и вариант решения углубления под землю (короткий дромос; узкотраншейный длинный дромос; ступенчатый или бесступенчатый дромос);

в) длина лаза, его форма (аркообразный; простой) и особенности соединения как с дромосом (посредством ступеньки или без таковой), так и с камерой (аналогично);

г) размер, планировка сводчатой поллой погребальной камеры (подквадратная, подпрямоугольная), а также - решение свода камеры (свод; “шатёр” и др.);

д) характер соединения дромоса с камерой и вариант закладки лаза (кирпичсырец, пахса, камень-плитняк, деревянные колья; камера - “продолжение” дромоса, дромос перпендикулярен длинной оси камеры, дромос примыкает к камере в центре - “Т”-образный вариант; дромос примыкает к камере в окончании последней - “Г”-образный вариант).

Учитывая перечисленные особенности, на основе изучения нескольких могильников Южного Казахстана, в восьмидесятые годы была предложена типология катакомб (39, с. 97-100). Между тем последние данные с аналогичных объектов, особен-

но - с полностью раскопанных катакомбных могильников, существенным образом дополняют и уточняют упомянутую типологию. В окончательном виде для катакомбных памятников Южного Казахстана она выглядит следующим образом:

катакомбы 1 типа (траншейный бесступенчатый дромос переходит в погребальную камеру);

катакомбы 2 типа ("Т"-образные катакомбы с дромосом с "запличиками" и коротким лазом; табл. 1, 9; как вариант - катакомбы с дополнительным, боковым дромосом; табл. 1, 10);

катакомбы 3 типа ("Т"-образные, "Г"-образные катакомбы с лазом; как вариант - двух камерные катакомбы; табл. 1, 8).

В числе характерных особенностей катакомб всех типов отметим частичное перекрытие и неперекрывание подземной конструкции (или её частей) насыпью кургана, а также использование комбинированного варианта закладки места соединения лаза с камерой (кирпич-сырец, пахса, реже - деревянные колья). Как неординарную конструктивную особенность следует рассматривать появление в камерах суф, расположенных "П"-образно по отношению к длинной оси дромоса.

Не менее выраженным признаком, выступающим в качестве признака арысской АК, можно считать обряд погребения в катакомбе. Для катакомб 3 типа он трактуется как труположение в вытянутом состоянии на спине с различной ориентацией изголовья (преимущественно на восток, юго-восток).

Широко практикуются одновременные впускные погребения в нескольких вариантах, что во многом определило групповой характер погребений в одной камере (от двух до шести и более костяков). При этом только один, два, реже - три костяка располагались в анатомическом порядке. Кости других костяков, как правило, бессистемно перемещались (сдвигались) к стенкам погребальной камеры. Отметим, что для катакомб 1, 2 типов характерны одиночные погребения.

В частном порядке обряд характеризуется следующими особенностями:

специально подготовленным для покойников местом на дне камеры в виде подсыпки из мелкой гальки и песка, обгоревшего слоя углей, плетёной из тростника циновки, а также - выкладки крупными кусками битой керамики;

использованием деревянных и плетёных из ветвей дерева катафалков ("гробов");

оборачиванием (или покрытием) тела покойных тонкой хлопчатобумажной тканью;

использованием огня, дыма в ритуальных целях и наличием ритуальной керамики - курильниц, светильников;

перекрытием дромосов брёвнами, деревянными плахами, камышовыми матами;

расположением керамических сосудов преимущественно у изголовья, а вещевого инвентаря, оружия - у тазовых костей и в ногах костяков;

ритуальным погребением животных (собака, лошадь, овца) либо в самой катакомбе, либо - в другой, расположенной вблизи и перекрываемой одной курганной насыпью;

обрядом тризны в виде очаговых пятен, керамических сосудов и костей животных в насыпи кургана.

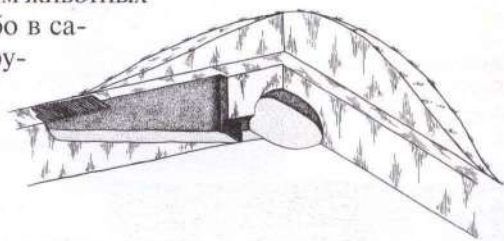
Одним из признаков арысской АК следует считать и отдельные элементы фортификации, которые, помимо традиционных (крепостные стены, рвы, башни), присущи конкретным типам памятников.

В частности, речь идёт о городищах с кольцевым рабадом, городищах и поселениях-убежищах, чья оригинальная топография определяет специфические традиции в фортификации.

Например, для первых отмечается наличие большой "свободной" площади между кольцом рабада и цитаделью; для вторых - максимальное использование защитных возможностей рельефа, когда объект как

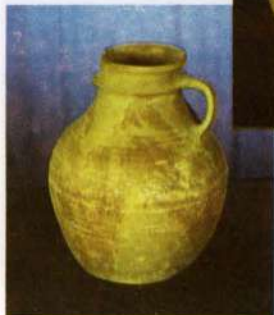
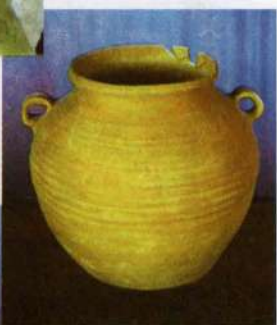
Уникальные артефакты арысской культуры

АксонOMETрический разрез Т-образной катакомбы с длинным дромосом

Знаковый и
керамический
материал арысской
культуры

Эталонный вариант
Т-образной катакомбы.
Внешний вид

- бы “врезается” в надпойменную террасу и становится возможным формировать внешние стены и их основание прямо из лёссового материкового грунта.

Отметим также и двенадцатикилометровую длинную стену (пахса, земляной вал, внешний ров), которая как специфическое фортификационное сооружение, связывающее несколько крупных городищ, также иллюстрирует определённые традиции в рамках арысской АК (карта 6).

Завершим перечисление археологических артефактов и категорий, которые выступают как признаки арысской АК, уникальными единичными находками большой информативной и культурной насыщенности, в числе которых - редкие ювелирные изделия, несущие выраженные этнические, социальные функции (носороговая пряжка, декорированная золотыми, серебряными гвоздями и самоцветами, золотая подвеска в виде сосуда), а также - древняя письменность (табл. 1, 137).

Перечисленный ряд археологических источников и обозначенные в его рамках признаки позволяют подойти к выделению специфического комплекса признаков (СКП) и формированию на его основе наглядного образа арысской АК как системы устойчивых традиций в материальной культуре большой группы памятников земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана IV в. до - IV в. н. э.

Спектр признаков арысской АК достаточно широк по количественным и качественным параметрам. В рамках комплексного подхода и методологии выделения АК он нуждается в стратификации и ранжировании признаков с целью выявления и фиксации их степени участия в формировании наглядного образа арысской АК, а также - определении степени проявления признаков в хронологическом и территориальном аспектах.

Отметим, что отдельные археологические категории и артефакты многокомпонентны. По этой причине они выступают и как единич-

ный признак, и как СКП (керамика как признак; технология изготовления посуды, декор, гончарные печи и т.п. - как комплекс признаков; табл. 1). Кроме всего, в рамках таких многокомпонентных “объёмных” признаков, отмечаются устойчивые сочетания двух - трёх из них. Они также являются СКП, но - в более узком понимании (быстровращающийся круг - декор в виде станкового рифления и качественного лощения; состав теста - форма и функциональное назначение сосудов; катакомба “Т”-образная с узкотраншейным дромосом - групповые погребения, и т.п.; см. табл. 1, 8).

Имея в виду весь перечень признаков и их характеристики, в контексте “веса” в создании наглядного образа, представляется стратифицировать признаки и обозначить в общем СКП арысской АК следующим образом:

1 - керамика и все составляющие признаки, с ней связанные, особенно: декор в виде концентрического станкового рифления, лощения по красному, вишнёвому ангобу, рельефные “рубчики”; зооморфия и антропоморфия; знаки;

2 - подкурганная катакомбная конструкция и обряд погребения с включением таких характерных признаков как непрерываемость курганной насыпью погребальной конструкции и групповое труположение;

3 - объёмная зооморфия и антропоморфия;

4 - оружие, защитный доспех и конская атрибутика;

5 - предметы быта и культа;

6 - украшения;

7 - фортификация;

8 - уникальные артефакты.

Приведённый ряд стратифицированных археологических артефактов и категорий, выступающих в роли признаков-фиксаторов культурно-генетических систем традиций в материальной сфере, следует рассматривать как специфический комплекс признаков арысской археологической культуры. Он формирует и отражает её наглядный образ (табл. 1).

В частности, эталонными, классическими признаками арысской АК в упомянутом ряду СКП, в значительной степени создающими её наглядный образ, нужно считать керамику (как признак и СКП), погребальные сооружения и обряд (как признак и СКП). В качестве основного признака выступают объёмная зооморфия и антропоморфия, ору-

жие, предметы быта и культа (в сочетании и в отдельности). Как сопутствующие признаки рассматриваются все остальные (в сочетании и в отдельности; табл. 1).

Остановимся на аргументах в пользу предложенной интерпретации СКП арысской АК.

КЕРАМИКА в роли эталонного признака и СКП. Она включает такие составляющие как:

декор (тонкое станковое рифление почти всех типов столовой посуды; лощение по вишневому, красному ангобу, рельефно-выпуклый рубчик; концентрический прочерченный орнамент);

зооморфия (“двойные” ручки, налесты и головы животных на ручках; рельефно-выпуклые валики в виде “рогов”, ручки под рог, прочерченные изображения животных);

антропоморфия (рельефно-выпуклые изображения человеческой фигуры, прочерченные контуры последней);

знаки (солярного, зооморфного, антропоморфного происхождения, а также тамгообразные знаки);

форма сосудов (грушевидная) и особенности технологического порядка (качественное тесто, хороший обжиг, вариант крепления желобчатой ручки к валику на горловине сосуда и т.п.; табл. 1).

Керамика с перечисленными параметрами зафиксирована во всех археологических материалах городищ, поселений, могильников Южного Казахстана IV в. до - VI в. н. э. (Костобе Южное, нижние слои Ботайтобе, Кокмардан, могильник Кокмардан - Отрарский оазис: 31, с. 129, рис. 91; 39, с.110-151; Караултобе, Торткультобе, Алтынтобе, Тулебайтобе, Жуантобе, Караспантобе, Культобе, Костобе Арысское, могильники Борижарский, Султанрабадский, Тулебайтобинский 1 и 2, Культобинский, Алтынтобинский, у с. Панфилово, Ордабасинский - Арысско-бадамский оазис: 252, с.14-16; Актобе Сузакское, могильник Кенсайский - Бабаатинско-Кумкентский оазис: 270, с.65-76; 186, с. 97-110; Актобе Чайанское, могильник Актобе - Южные склоны Каратау: 39, с. 123-141; Актобе-2 Сыр-Дарьинское, могильник Актобе, Шаушукумский - средняя Сыр-Дарья: 186, с.193-201; 73, с. 45, рис. 18). Кроме того, аналогичного облика керамика в разных вариантах проявления отмечена в подъемном материале более чем 180 объектов изучаемого региона, в том числе - на памятниках Келесского оазиса (269, с. 176, 342; с. 342, 351; с. 181, 356).

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ВИДЕ КАТАКОМБ

различной конструкции и соответствующий обряд в качестве эталонного признака и СКП также широко отмечены на территории Южного Казахстана времени IV в. до н. э. - IV в. н. э. Более того, для некоторых оазисов, например, Арысско - бадамского, этот способ погребения является единственным и безусловно доминирующим в кругу археологически изученных курганных могильников этого времени. Особенно это относится к катакомбам 2, 3 типа (“Т”-образная, с различным решением дромоса), которые распространены не только в упомянутом Арысско-бадамском оазисе, но отмечены в зоне средней Сыр-Дарьи и Чачском оазисе (могильники Актобе, Шаушукумский, Жамантогай: 187, с. 174-175, рис 2; 188, с. 193-196, рис. 8, 9; могильники Джунский, у ст. Вревская: 236, с. 101-102; 78, с. 45-47).

ОБЪЕМНАЯ ЗООМОРФИЯ И АНТРОПОМОРФИЯ в виде фигурок людей, животных, “роговидных” подставок, зооморфная подвеска и напершия стилей, а также - оружие (двуручные черешковые мечи с круглым каменным навершием, акинаки, лук и стрелы) и предметы быта и культа (однолезвийные ножи, курильницы, столики на ножках из дерева и керамики, косметический набор) как основные признаки и СКП также представлены в материалах поселений, городищ, могильников исследуемого региона IV в. до - IV в. н.э. В частности, они отмечены в погребальных комплексах могильников по Средней Сыр-Дарье (97, с. 47-78; 236, с. 201-204; 187, с.174-193); Отрарского оазиса (228, с. 132-136); Арысско-бадамского оазиса (39, с. 100-109); зоны Каратау (186, с. 99-116) а также - материалах большинства раскопанных ранних памятников Южного Казахстана (251, с. 67-93; 39).

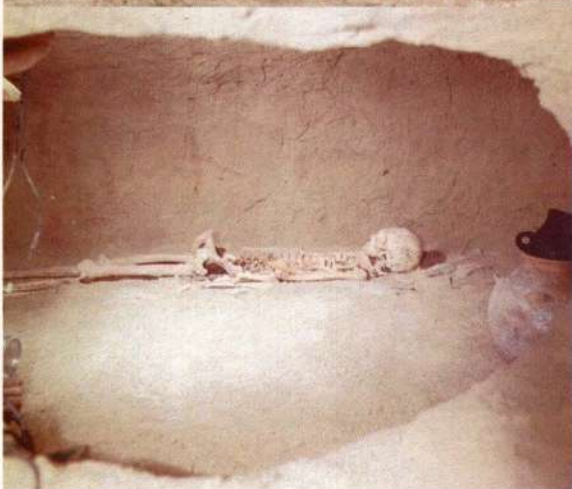
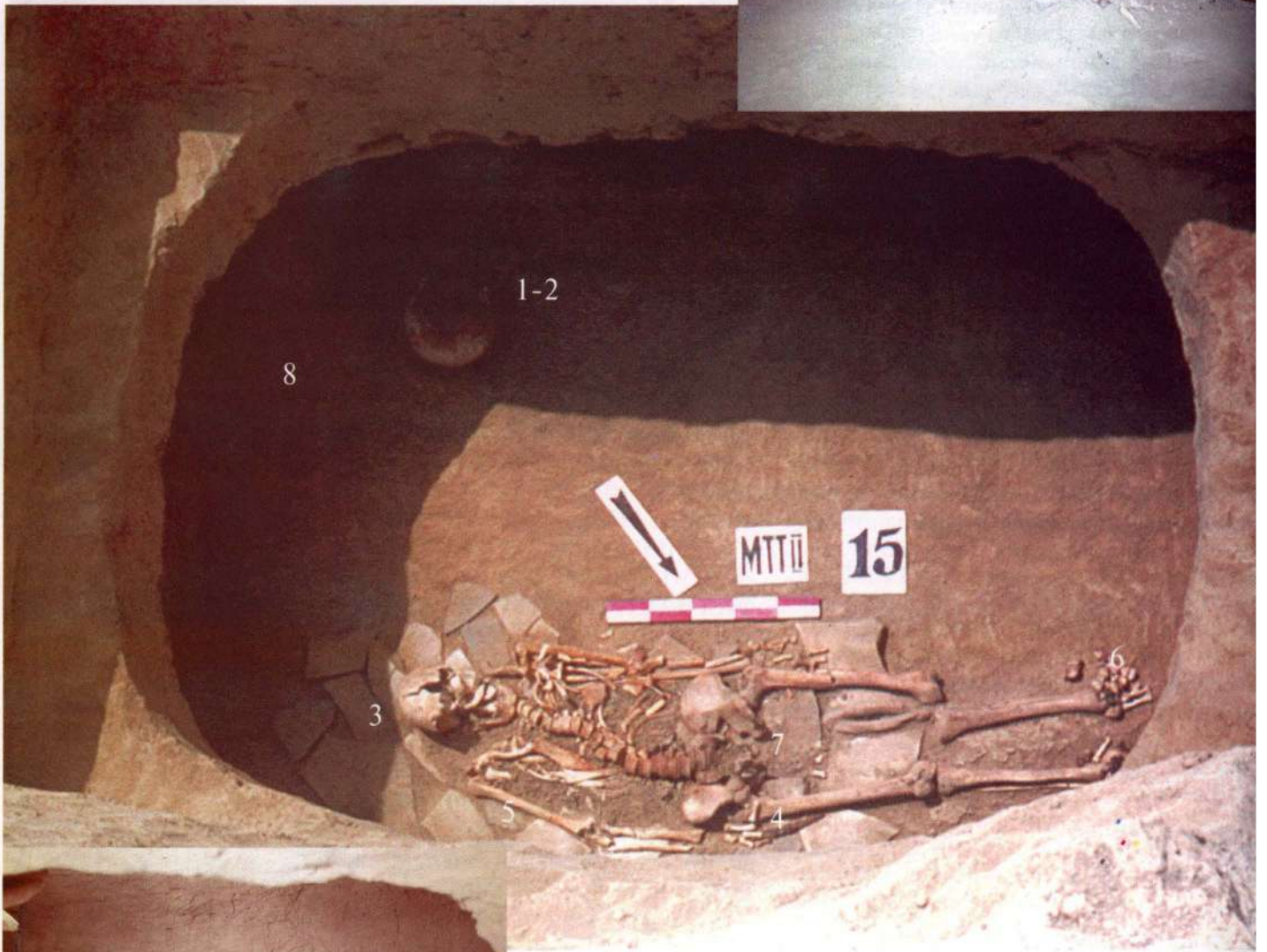
Оружие, предметы быта и культа, украшения, антропоморфная скульптура и уникальные артефакты арысской культуры

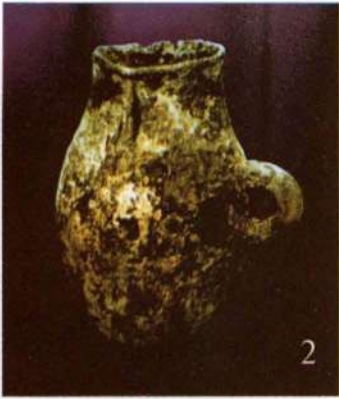

На развороте: экспликация археологического материала погребения в кургане 15 могильника Тулебайтобе 2

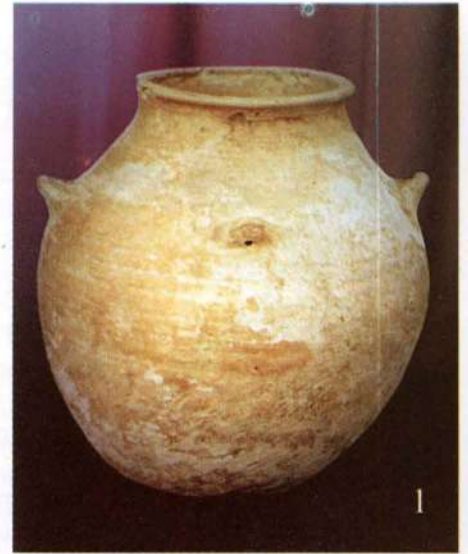

Погребальная камера кургана 15
могильника Тулебайтобе 2.
Подземная съемка

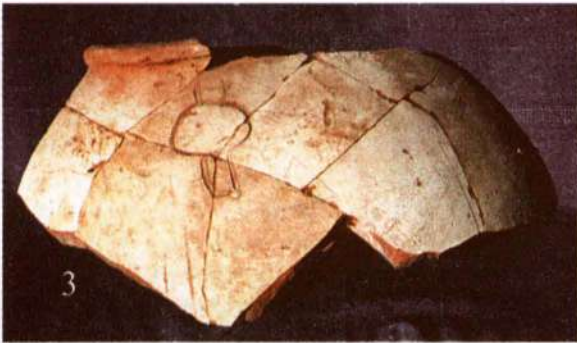

2. Деревянная кружка

1. Керамический горшок

3. Часть хума со знаком

4. Железный нож

5. Наконечники стрел

8. Железные удила и подпружные кольца

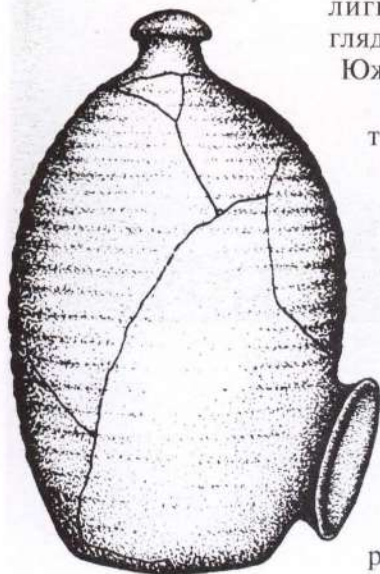

6. Пряжки обувные

7. Пряжка поясная

Единичные артефакты из этого ряда СКП арысской АК как основные признаки по художественной силе исполнения и культурной значимости являются уникальными, т.к. несут в себе большой блок информации особого свойства (от примитивных религиозных верований вплоть до наглядного облика древних насельников Южного Казахстана; табл. 1, 104).

ФОРТИФИКАЦИЯ в контексте с типологией объектов Южного Казахстана IV в. до - VI в.н.э., уникальные артефакты и отдельные единичные находки в качестве сопутствующих признаков самостоятельно и в сочетаниях также зафиксированы в кругу перечисленных выше памятников. Их участие в формировании наглядного образа арысской АК ограничено известными рамками, однако вклад в общую канву этого процесса достаточно существенен (39, с.78, рис. 47).

Наконец, совершенно неординарным явлением в спектре признаков и СКП арысской АК, венцом достижений в сфере выделяемой системы традиций в материальной и духовной культуре памятников Южного Казахстана IV в. до - VI в. н. э., являются образцы древней письменности как фактор высокого уровня цивилизации насельников-создателей и носителей упомянутой системы традиций (табл. 1, 138).

Таким образом, выделенный блок признаков и СКП позволяют достаточно аргументированно идентифицировать исследуемую группу археологических объектов Южного Казахстана IV в. до - VI в. н. э. с памятниками арысской культуры.

Подобная идентификация осуществляется при наличии в археологических комплексах всего спектра СКП, а также отдельных сочетаний признаков в его рамках.

Отмечены различные варианты таких сочетаний: от частично связанных (предметы быта - украшения; объёмная зооморфия - керамика;

оружие - керамика), органически связанных (керамика как СКП: декор - форма сосудов - зооморфия - гончарные печи - технология; или - погребальная конструкция и обряд), до полного набора признаков всего СКП арысской АК.

Замечательной иллюстрацией последнего тезиса может служить археологический комплекс кургана 15 могильника Тулебайтобе 2, где представлен следующий СКП арысской АК (экспликация на с.)::

1 - погребальное сооружение в виде "Т"-образной катакомбы 3 типа (с длинным узкотраншейным дромосом, аркообразным лазом, закладкой входного отверстия лаза кирпичом-сырцом);

2 - обряд погребения (труположение на спине, с южной ориентацией изголовья на выстилке из кусков керамики специально раздавленного крупного сосуда типа хума);

3 - оружие (набор железных черешковых трёхпёрых наконечников стрел со слегка опущенными жальцами);

4 - предметы быта и культа (подпружные железные кольца, части конской узды и удила; сапожные щитковые пряжки и поясная круглая пряжка с бегающим языком; сохранившиеся части кожаной одежды и отпечатки саванной тонкой ткани; деревянная посуда);

5 - керамика (шаровидной формы столовый горшок с четырьмя ушковидными ручками-выступами, которые имеют сквозные отверстия; горшок украшен тонким станковым рифлением, покрыт красным ангобом и залощён; части грушевидного хума без горловины с орнаментикой в виде пальцевых защипов);

6 - тамгообразный знак на хуме.

Если учесть, что курганный могильник Тулебайтобе 2 находится в непосредственной близости от городища - убежища Тулебайтобе, археологический комплекс которого единовременен и близок по многим параметрам археологическому комплексу могильника, имеются основания расширить перечисленный СКП сопутствующим признаком - фортификацией (использование защитных свойств рельефа, "парные" боевые башни-пилоны, длинная стена).

Приведённый пример с основательным спектром признаков как вариант уверенной идентификации объектов с арыс

Поселение Чубаровское.
Вид с воздуха

ской АК является характерным для хорошо изученных памятников, где полно представлен археологический материал.

Таковых на фоне трёхсот с лишним выявленных на территории Южного Казахстана объектов пока не так много. Поэтому основная масса памятников арысской АК идентифицируется преимущественно на фиксации отдельных признаков, их сочетаний и реже - наличии нескольких признаков из СКП.

При этом важную роль играет не только факт присутствия в том или ином археологическом комплексе конкретного признака арысской АК (или сочетания последних), но также - степень и характер их проявления.

В практической плоскости степень проявления СКП арысской АК прямо связана с региональным (территориальным) и хронологическим аспектами. На особенностях последних необходимо остановится отдельно.

Археологическая картография памятников земледельческо-скотоводческой культуры IV в. до - VI в. н. э. Южного Казахстана, оазисный вариант их сосредоточения отражает следующую тенденцию: основная масса объектов сконцентрирована преимущественно в предгорной и горной зонах Арыско-бадамского оазиса (свыше 130; карта 1).

Именно этот оазис является центром, ядром арысской АК. Здесь её СКП проявляется наиболее ярко и интенсивно, поскольку представлен всеми, или почти всеми его составляющими (от эталонных до сопутствующих признаков; карта 1; табл. 1; ярко выраженная степень проявления).

В прилегающих к арыско-бадамскому оазису Келесском, Отрарском, а также - зоне гор Каратау, в отмеченном кругу памятников СКП арысской АК фиксируется с меньшей интенсивностью, но представлен несколькими составляющими (признаками) эталонного или основного порядка (керамика: декор, зооморфия; табл. 1; достаточно выраженная степень проявления).

Наконец, на более удалённых территориях от арыско-бадамского оазиса, СКП арысской АК либо проявляется слабо (представлен единичными признаками или их сочетаниями; слабовыраженная степень проявления), либо отсутствует, либо отмечается в отдель-

ных составляющих среди археологических комплексов других АК (каунчинской: зооморфия, знаки, декор керамики, катакомба и обряд; джетыасарской: форма посуды, обряд погребения; отрарско-каратаусской: зооморфия в керамике, декор).

Таким образом, налицо центробежный территориальный вариант интенсивности проявления СКП арысской АК: от "ядра", "центра" - к "периферии", "окраине", при котором количественные и качественные параметры признаков в рамках СКП постепенно сходят на нет. Что касается границ "периферийных окраин" фиксации СКП арысской АК, то они достаточно обширны - так, отдельные признаки арысской АК (керамика, декор) отмечены в материалах Кенкольского могильника (147, с. 64, рис. 10, 2).

Значительно более сложен хронологический аспект фиксации СКП арысской АК. Это связано с тем, что культурно-генетические данности (явления) в материальной сфере, выделяемые как системы традиций, в силу специфики поступательного развития древних обществ, не могут рассматриваться как явления единовременного порядка. Отражая упомянутую поступательность, системы традиций проходят аналогичный путь от зарождения, развития до упадка, что и древние этносы.

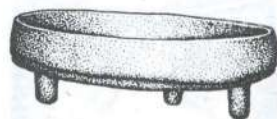
Как правило, такой динамизм весьма значителен по времени, и это даёт основание для обозначения этапов, периодов, иллюстрирующих или фиксирующих определённую ступень складывания таких систем традиций (14, с. 123).

Не затрагивая отдельный вопрос периодизации арысской АК, заметим, что почти все её признаки и СКП как система традиций в лице перечисленных выше археологических артефактов и категорий оформились в кругу памятников земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана в IV - III в. в. до н. э. При этом они хорошо фиксируются на протяжении почти восьми столетий, вплоть до IV - V в. в. н. э.

Совершенно очевидно, что на разных этапах складывания систем традиций арысской АК, её признаки и СКП проявляются по-разному, т. е. степень ин-

*Г-образная катакомба
могильника
Тулбайтобе 1*

тенсивности последних определённым образом варьируется по времени.

Такую тенденцию хорошо подчёркивает сводная таблица признаков и СКП арысской АК, которая составлена с учётом хронологического фактора (таблица 1).

Таблица показывает, что из предварительно выделенных трёх этапов складывания (ранний, развитой, поздний), на развитом этапе отмечается интенсивность проявления её признаков и СКП.

Между тем необходимо подчеркнуть и некоторые особенности проявления СКП в зависимости от хронологического фактора - так, например, отдельные признаки (сочетания признаков) арысской АК выступают как сквозные во времени (катакомбная погребальная конструкция; обряд; зооморфия в керамике; табл. 1). Другие признаки трансформируются и исчезают на определённом этапе, демонстрируя при этом качественные изменения, которые не всегда развиваются по нарастающей (станковое рифление как декор: от прочерченного рифления на раннем этапе - к классическому станковому рифлению на развитом, и - вновь к прочерченному на позднем).

Заканчивая комплексную характеристику признаков и СКП арысской АК заметим, что археологическая культура как категория и система фиксируемых устоявшихся традиций в материальной области чрезвычайно сложна и многогранна в своих территориальных, временных и других проявлениях. Она является прямым результатом не менее многогранной жизнедеятельности древних этносов - создателей и носителей этих систем традиций.

По этой причине полностью охватить все аспекты таковой жизнедеятельности посредством изучения только артефактов не представляется возможным в силу особенности и известной информативной ограниченности археологического (вещественного) источника.

Кроме того, определённая часть археологических объектов Южного Казахстана пока остаётся не изученной. Это должно внести соответствующие коррективы в будущий уточнённый СКП и наглядный образ арысской АК.

Представляется, что приведён-

ные научные построения, имеющие цель фиксацию систем традиций культурно-генетического порядка в кругу памятников земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана IV в. до -VI в. н. э., выполнены достаточно убедительно.

Выделенные признаки, СКП, варианты проявления последнего в территориальном, хронологическом аспектах дают полное представление о наглядном образе арысской АК.

В концентрированном информационно-иллюстративном варианте он отражён в сводной таблице-приложении I.

В завершение обратимся к аргументации в пользу наименования "арысская" АК.

Известные на сегодняшний день для региона Южный Казахстан - Средняя Азия названия АК в основе своей связаны с названием одного памятника (Каунчинтепа, Джунский могильник), с локальным регионом (отрарско-каратаусская АК), с группой памятников (джетыасарская АК) или древним этносом (государственностью; кангуйско-каратаусская АК).

Данные названия только отчасти дают представление об АК, подчёркивая одну или две её составляющие-характеристики. Этого явно недостаточно для такой масштабной дефиниции как АК.

На наш взгляд, искать собирательное наименование АК, которое максимальным образом отражает её наглядный образ, следует в региональной топонимике Южного Казахстана, в частности - гидронимике (об использовании топонимического метода, основанного на сопоставлении археологических материалов с данными топонимики, см: 19, с. 88).

В этом плане наиболее привлекательным по ряду аспектов (ландшафтно - территориальному, историко-хронологическому, этнолингвистическому и археологическому) является гидроним "Арысь".

Он выступает в роли первичного топонима, обозначая реку (длина от истоков до впадения в Сыр - Дарью более 300 км, площадь бассейна - около 30 тыс. кв. км), город и район Южно-Казахстанской области (269, с. 9-10; 85-87). Этимологии гидронима "Арысь" посвящены специальные публикации, в которых авторы подчёркивают его выраженный субстратный (иноязычный) для региона Южного Ка-

Могильник Тулебайтобе
2. Внешний вид

Керамический комплекс

Тип памятника

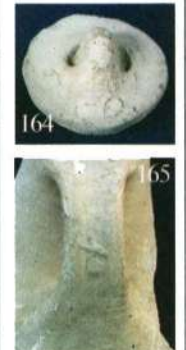
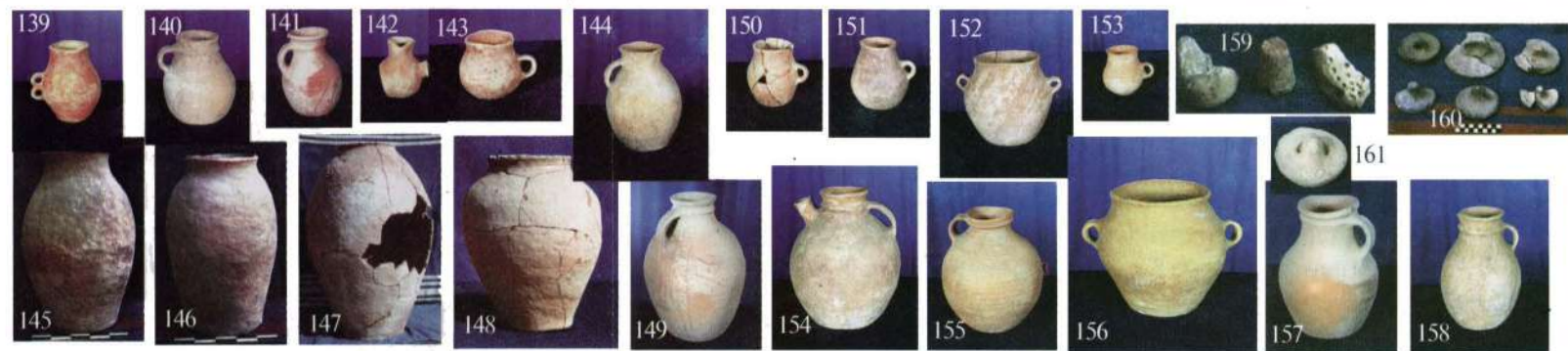
Тип катакомбы и обряд

Форма посуды и декор

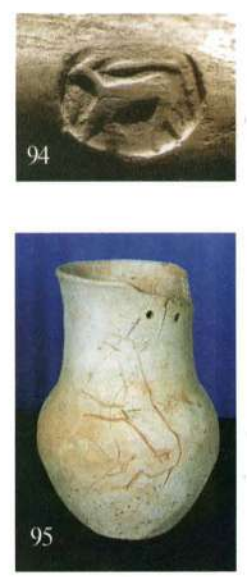
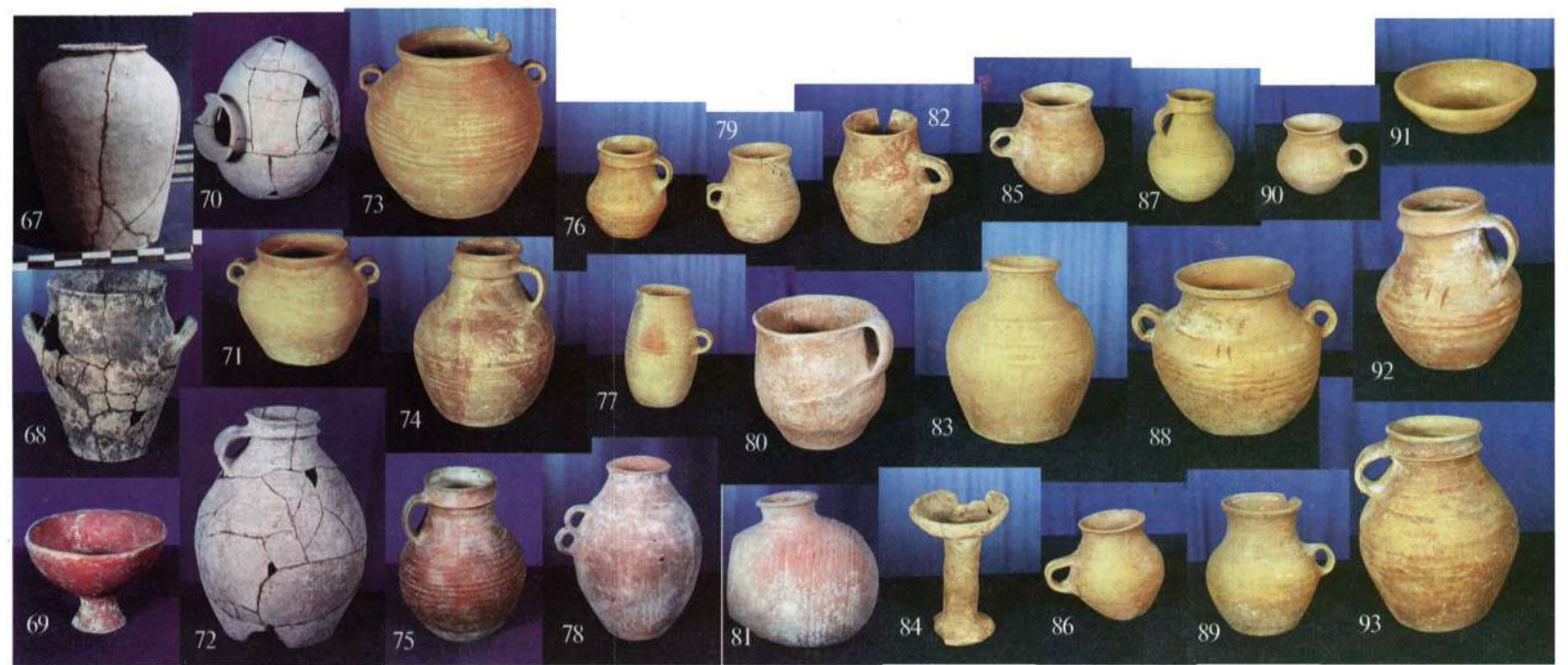
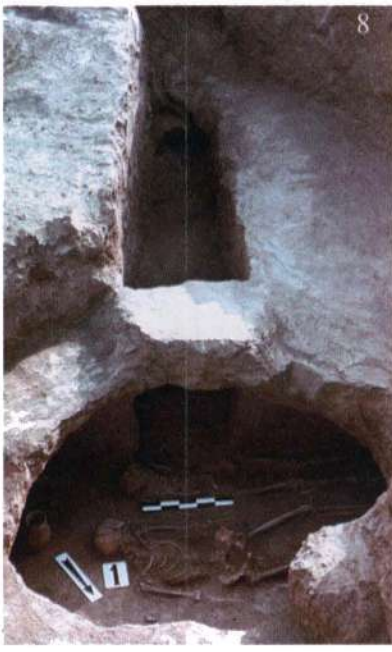
Зооморфия

Знаки

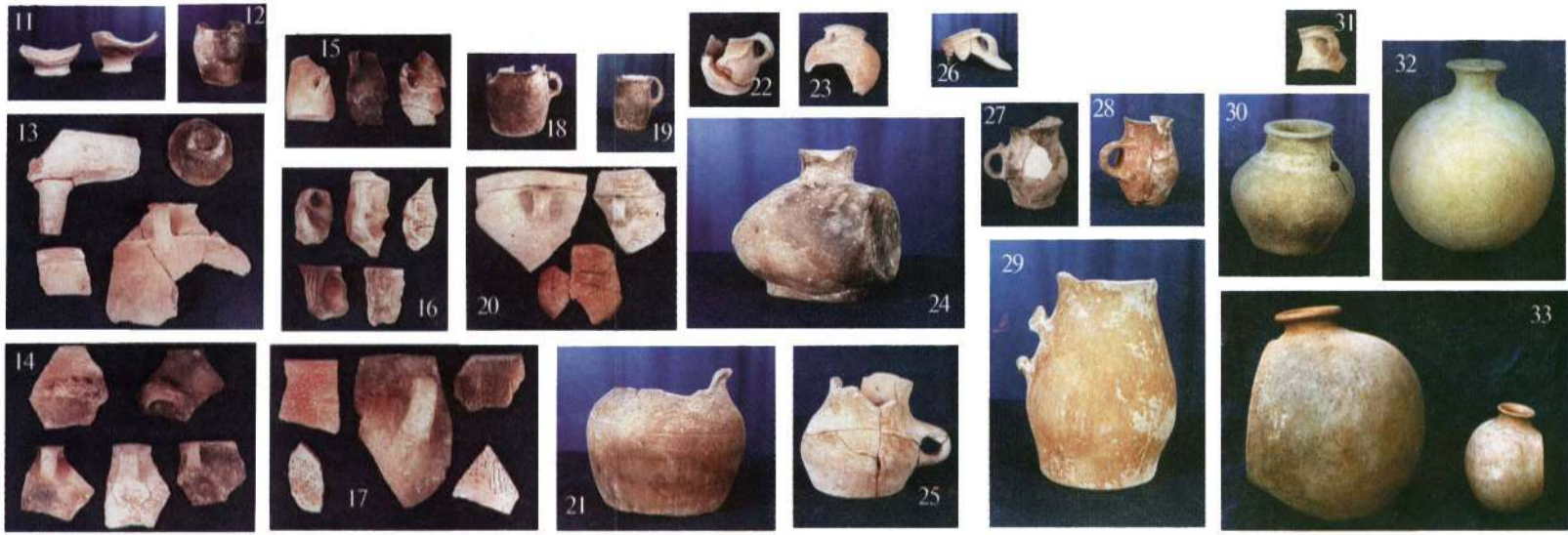
Алтынтобинский IV-VI вв.

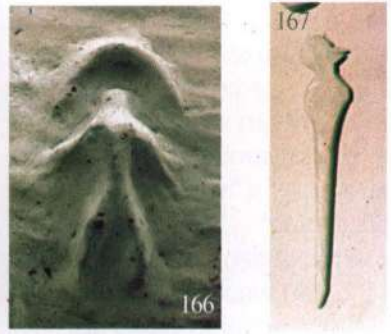
Каратобинский I в. до н.э. - IV в. н.э.

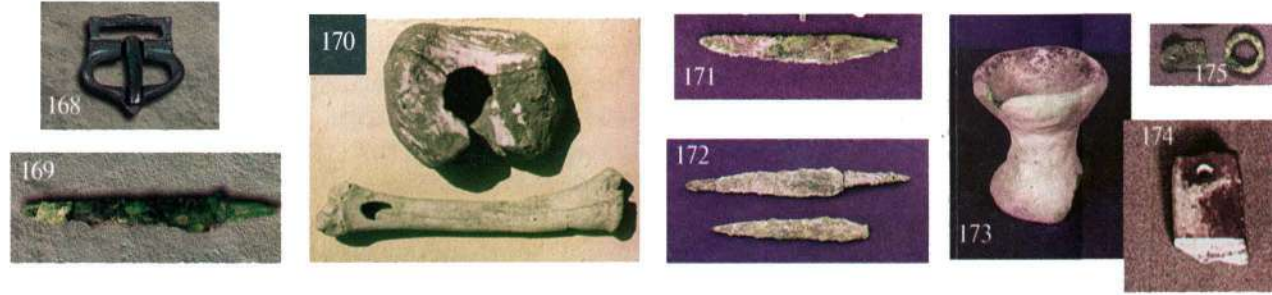
Караултобинский IV-I вв. до н.э.

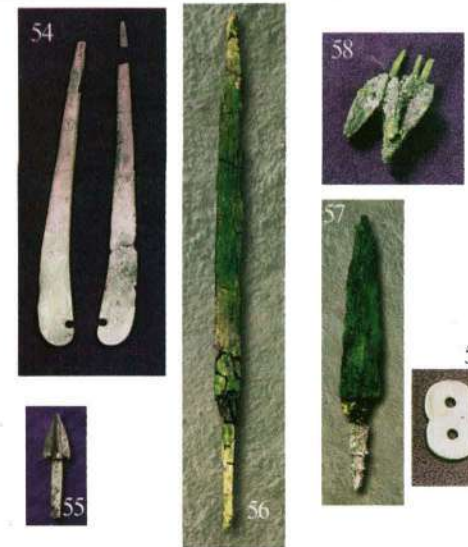
Объемная зооморфия и антропоморфия

Предметы быта и культа

Оружие, защитный доспех и конская атрибутика

Украшения

Уникальные артефакты

захстана характер (259, с. 144-145; 260, с. 54; 44, с. 125-127).

По мнению исследователей, структурно-семантический анализ ключевых формантов гидронима “Арысь” (ar/ is и as), уверенно демонстрирует принадлежность последних к группе индоевропейских (индоиранских) языков.

В основе этих гидроформантов со значением с индоевропейского “течь”, “протекать” (“течение”), “устремляться”, “поток” и - “вода”, “река” могут лежать лингвоэлементы очень древнего палеонстрического порядка (43, с. 31-37).

На фоне присутствия в топонимике Южного Казахстана других распространённых географических терминов явно индоевропейского языкового происхождения - например, оканчивающихся на “кент” (иранск. “kent” - “город”, “селение”, “местность”), а также иных субстратных топонимов (гидронимов) с элементами “бал/ балд/ балык/ бар/ бур/; кам/ ком/ кан/; дария/ дарья; дан/ дон; шубар (иранское “чубор” - “ручей”); ар/ ир; ас/ аз (яз)/ ес; аб (ап) об; ман/ мен/ бан / пан/, приведённая интерпретация гидронима “Арысь” является достаточно убедительной (259, с. 142; 44, с. 130-131).

Кроме того, индоевропейский лингвоэлемент “ас”, помимо основного значения “река”, “вода”, может выступать в качестве гидро-этнонимического форманта, фиксирующего на топонимическом уров-

не присутствие в регионе отдельных групп индоиранских племён начиная с эпохи бронзы и вплоть до I пол. I тыс. н. э. (“ас” - Асса - асии - аланы; 180, с. 160-161; 31, с. 209).

Наконец, гидроним “Арысь” в более позднее время как составляющий формант отмечен в средневековой урбанистической ойконимии района (город Арсубаникет округа Кенджида; другие названия - Усбаникет, Субаникет, Халадж Карасман). Он сохранился также в археологической топонимике Южного Казахстана в названии крупных городищ Караспантобе 1 и 2. Одно из них прямо отождествляется исследователями с Арсубаникетом (36, с. 25; 1991, с. 31-37; 269, с. 110).

Таким образом, как изначальная, наиболее древняя и объективная по своей природе языковая данность, гидроним “Арысь” с его сквозным во времени характером, ландшафтно-территориальным и этнологическим наполнением, имеет прямое отношение к той большой группе археологических памятников, материалы которых легли в основу научных исследований по выделению на территории Южного Казахстана АК.

По этой причине представляется, что термин “арысская” как название является наиболее приемлемым и полно соответствующим региональным и другим особенностям выделенной АК.

*На развороте:
наглядный образ
арысской культуры
(таблица 1)*

*Поселение Алтынтобе.
Вид с воздуха*

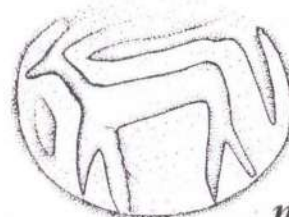

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ И
ХРОНОЛОГИЯ
АРЫССКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

ГЛАВА IV

Системы традиций в материальной культуре проходят эволюционный по характеру и длительный по времени путь

Метод хронологической классификации керамики остаётся проверенным способом выделения и фиксации тенденций культурно - генетического порядка в сфере материальной культуры.

1. Периодизация арысской культуры

Отметим, что опыт хронологической периодизации АК и отдельных археологических комплексов региона Средняя Азия - Казахстан IV в. до - VI в. н. э. у исследователей, занимающихся этими проблемами, уже имелся. Он базировался преимущественно на широком использовании керамики как артефакта, отражающего сложившиеся культурно-технологические особенности, фиксируемые во времени.

Именно хронологические классификации керамики с привлечением стратиграфии и датирующих вещевых комплексов из погребений легли в основу периодиза-

ции известных каунчинской, джетыясарской АК и некоторых археологических комплексов (95, с. 3; 96, с. 4; 97, с. 49-55; 6, с. 158-159; 157, с. 64-76; 178-188; 245, с. 165-166).

Несмотря на недостатки (сложность корреляции с данными стратиграфии нескольких памятников; проблемы синхронизации керамических комплексов поселений, городищ с погребальным вещевым инвентарём и керамикой могильников; значительный, в несколько столетий, диапазон временных рамок), *метод хронологической классификации керамики остаётся*

проверенным способом выделения и фиксации тенденций устойчивого порядка в этой сфере проявления традиций материальной культуры.

Такая практика была осуществлена и в отношении имеющихся на конец восьмидесятых годов керамических комплексов земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана I пол. I тыс. н. э., которые составляют источниковый базис арысской АК (в том числе ранних объектов Отрарского оазиса; 39, с. 110-142, табл. 3-4).

В этой типолого-хронологической классификации керамики выделены два этапа.

Для керамики Арысы:

первый: I - нач. IV в.;

второй: IV - VI в.в.

Для Отрарского оазиса:

первый: I - III, возможно, I - IV в.в.;

второй: III - V, возможно, III - VI в.в. н.э.

В целом этапы почти синхронизируются с соответствующей периодизацией керамики Караултобе, Каунчитепа и Джетыасаров (этапы Караултобе 1; Каунчи 1, Джетыасары 1; этапы Каунчи 2, Джетыасары 2; 244, с. 9-11; 157, с. 178-179; с. 64-72, рис. 15; рис. 59).

Построенная на основе привязки керамического материала к стратиграфии и к хорошо датиро-

ванным вещевым комплексам из могильников, эта хронологическая классификация керамики имеет свои позитивные и негативные моменты. Отмечая важные тенденции распространения на территории Южного Казахстана устойчивых традиций в керамическом производстве (технология, декор, зооморфия, знаки и другие особенности), в ней фактически за рамками остались вопросы генезиса последних, истоки которого следует искать в намного более раннем, нежели первые века н. э., времени.

Учитывая специфику керамики как артефакта (массовый и информационно-насыщенный в культурном плане археологический материал), а также тот факт, что керамика в СКП арысской АК (далее Ар. АК) является одним из основных признаков, представляется обоснованным взять в качестве отправной точки при построении периодизации Ар. АК данную хронологическую классификацию.

Выделение этапов (периодов) Ар. АК и их фиксация хронологическими рамками осуществляется в контексте особенностей проявления всех её признаков и СКП на конкретном отрезке времени. При этом каждый этап в системе традиций Ар. АК рассматривается нами как органически целое, связанное с другими этапами, явление, которое отражает, фиксирует и подчёркивает соответствующую степень развития и особенности отдельного спектра (комплекса) традиций в её рамках на фоне общего процесса возникновения, развития, трансформации и упадка Ар. АК.

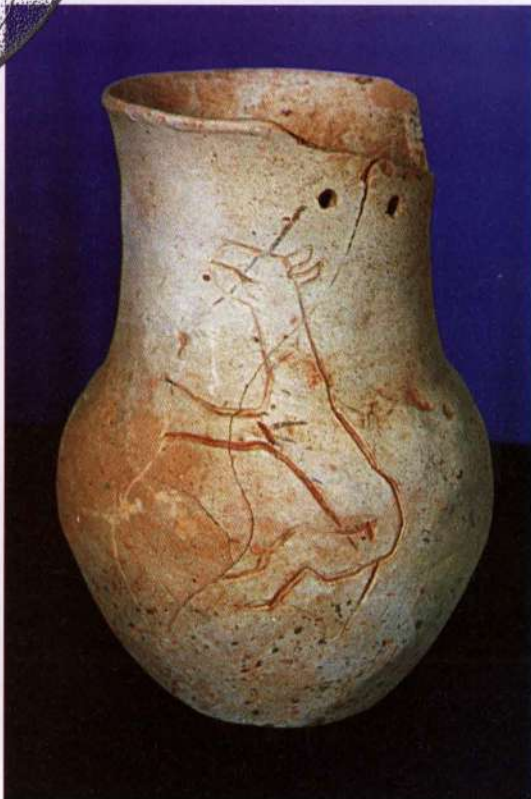
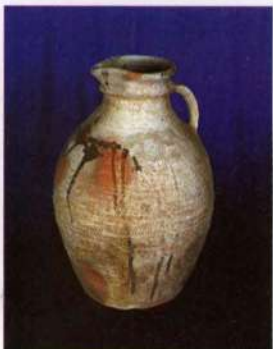
В таком плане по схеме "периоды (этапы) - круг памятников в связи с археологической типологией - характеристика СКП и вариантов его проявления - хронологические границы" обратимся к периодизации и хронологии Ар. АК. Параллельно подчёркнём тенденции как локального, так и общего, сквозного во времени порядка для каждого этапа и Ар. АК в целом.

Современный уровень научной информации и исследований по памятникам Ар. АК Южного Казахстана позволяет аргументированно выделить в её рамках три периода (этапа).

Они последовательно сменяют друг друга на протяжении большого временного отрезка с IV - III в. в. до н. э. по IV - VI в. в. н. э. Это:

ранний, караултобинский этап (IV - III в. в. до н. э. - I в. до н. э.);

Столовая керамика арысской культуры

развитой, каратобинский этап (I в. до н. э. - IV в. н. э.);

поздний, алтынтобинский этап (IV - VI в. в. н. э; табл. 1).

Названия периодов (этапов) Ар. АК связаны с названиями “эталонных” объектов, чьи археологические комплексы максимально отражают характерный для данного этапа уровень складывания устойчивых культурно-генетических традиций, фиксируемых СКП.

Караултобинский этап

Круг памятников раннего караултобинского этапа Ар. АК обозначен в приложении 1а. Помимо эталонного Караултобе, сюда входят следующие объекты, подвергшиеся археологическому изучению, материалы которых хорошо синхронизируются с караултобинским этапом в его новой хронологической интерпретации:

нижние культурные слои поселений Костобе Южное, Актобе Чаянское, Актобе Баба-Атинское (карта 2, 281; 188; 222);

могильники Каратобинский, Культобинский, Актобинский (Чаян), Чимкентский, Кенсайский, Берккаринский, Жетышоко (карта 2, 95; 179-180; 189-190; 201; 223; 308).

По ряду других признаков - топография и стратиграфия поселений, городищ, подъёмный материал, топография могильников и планиграфия курганных насыпей, в этот круг включены ещё несколько памятников (карта 2, 91, 133, 139, 147, 208 и др.). Относительная малочисленность памятников первого этапа Ар. АК объясняется малоизученностью объектов этого времени.

Типологически на первом этапе Ар. АК доминируют овальные в плане неукреплённые поселения, поселения типа тобе с площадкой и могильники, чья планировка определяется расположением насыпей в цепочку (или параллельные цепочки; карта 2).

С некоторым основанием можно говорить о возникновении в это время городищ с кольцевым рабодом, стратиграфия которых свидетельствует о возникновении памятников подобного типа в первых веках до нашей эры.

На караултобинском этапе Ар. АК для керамики различного типа и назначения характерны банкообразные, шаровидные и

реже - грушевидные формы. Наиболее архаичные сосуды:

котлы кухонные (и ритуальные) на высоком поддоне с горизонтальными петлевыми ручками на тулове или вертикальными на кромке венчика;

чаши (столики) на трёх ножках;

крышки кухонные и столовые;

курильницы на ножках;

крышки кухонные с грибовидным и петлевым решением ручек (табл. 1, 11-19).

Основная масса керамики (около 95 %) изготавливалась вручную или на медленновращающейся подставке. Только к концу этапа можно говорить о появлении гончарного круга. Формовка как крупной, так и мелкой посуды (хумы, хумчи, кувшины водоносные, кружки) осуществлялась на матерчатой, тростниковой подстилке или подсыпке из песка в три этапа: “донце с частью тулова” - “срединная часть тулова” - “венчик с частью тулова” с последующим соединением всех составляющих.

Керамика обжигалась открытым способом на площадках и в однокамерных печах; качество обжига удовлетворительное, порядка 600-700 градусов для кухонной посуды, и 750-800 градусов для всей остальной.

В декоре керамики отмечены следующие характерные для этапа приёмы:

варианты прочерченного по сырой глине геометрического орнамента (сочетание концентрических линий треугольных очертаний с заполнением точечными вдавлениями; концентрический, заполненный точечными вдавлениями пояс из треугольников вершиной вниз);

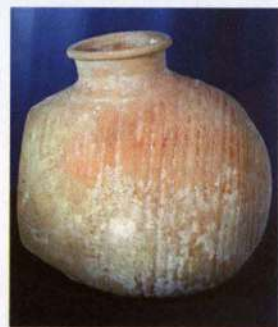
“ромбовидный” концентрический орнамент, образованный при соединении двух поясов из треугольников вершиной вниз и вверх ;

прочерченные по сырой глине концентрические линии;

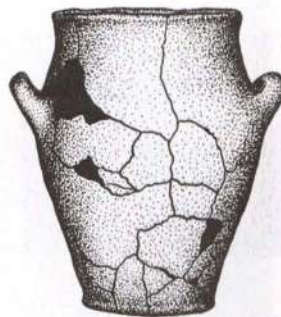
прочерченное рифление;

рельефно-выпуклые валики и рубчики;

прочерченная концентрическая волнистая линия (или две линии);

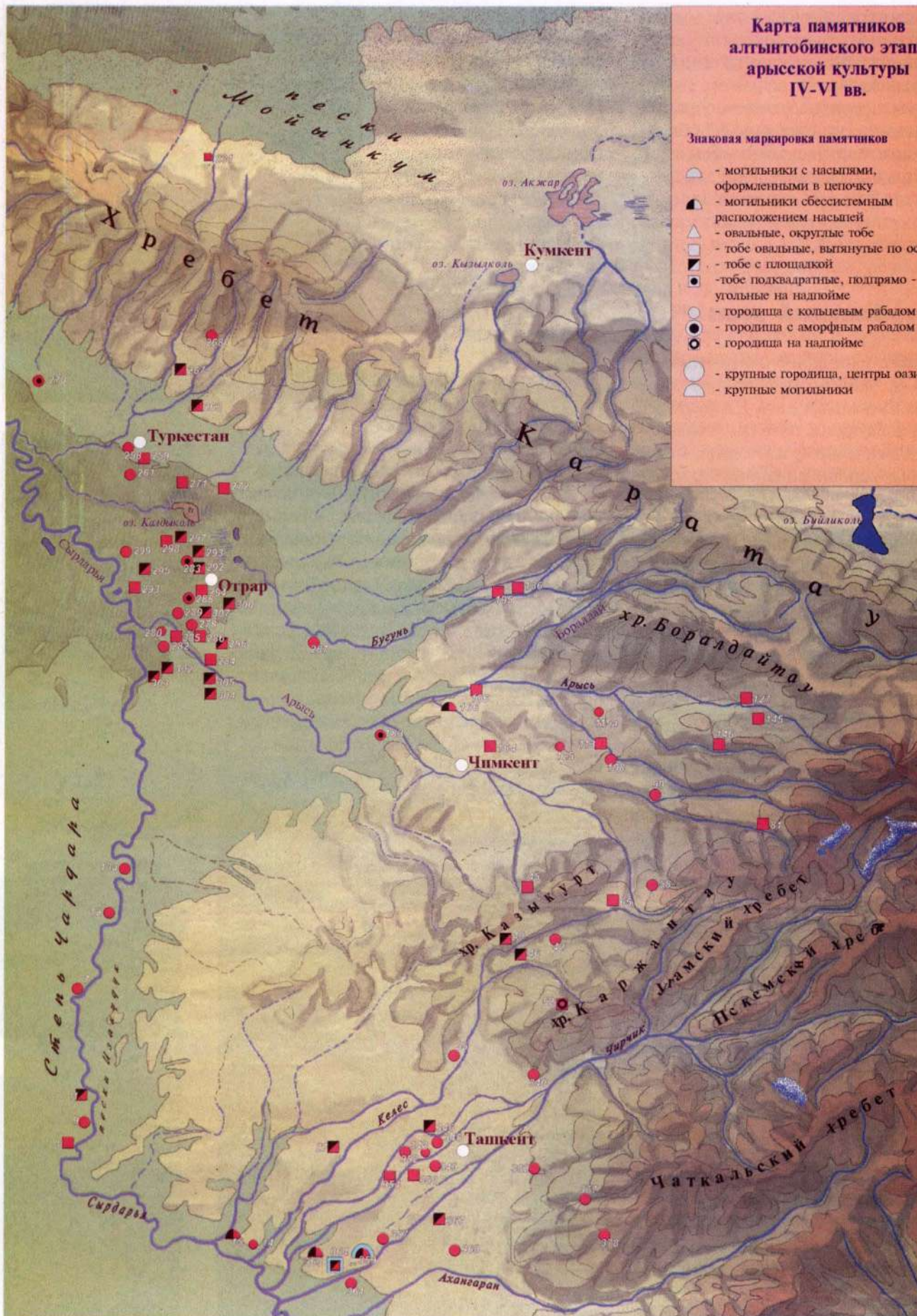
Столовая керамика арысской культуры

Карта памятников
алтынтобинского этапа
арысской культуры
IV-VI вв.

Знаковая маркировка памятников

- ▲ - могильники с насыпями, оформленными в цепочку
- - могильники сбесистемным расположением насыпей
- △ - овалы, округлые тобе
- ▭ - тобе овалы, вытянутые по оси
- ◻ - тобе с площадкой
- - тобе подквадратные, подпрямоугольные на надпойме
- - городища с кольцевым рабодом
- - городища с аморфным рабодом
- - городища на надпойме
- - крупные городища, центры оазисов
- - крупные могильники

пальцевые вдавления и защипы;
покрытие ангобами коричневого оттенка;
ангобные тёмные потёки по светлому
фону;

налепные рельефно-выпуклые шишечки;
лощение по коричневому (вишнёвому)
ангобу.

Фиксируются следующие устойчивые сочетания декора: рельефно-выпуклый валик (рубчик) - шишечки-налепы и пальцевые вдавления; прочерченное рифление и волнистая линия. В целом доминируют геометрический орнамент, прочерченное рифление, рельефно-выпуклые валики над менее используемыми в декоре лощением по ангобу, ангобными потёками (табл. 1, 29 - 31).

Чрезвычайно ярко и своеобразно на караултобинском этапе Ар. АК в керамике проявляется *зооморфия*. Это:

т.н. двойные вертикальные петлевидные ручки, имитирующие в профиль фигуру животного с “опущенной” головой;

горизонтальные петлевидные наклонные и прямые ручки с “роговидными” выступами и пальцевыми вдавлениями;

выступы-налепы в верхней части вертикальных петлевидных ручек, имитирующих головку животного;

рельефно-выпуклые валики в виде загнутых вниз “рогов” копытного животного или изогнутого туловища змеи;

прочерченные по сырой глине изображения животных и птиц, прочерченное изображение змеи.

Как правило, все зооморфные проявления связаны с ручкой или местом крепления последней на сосуде (на ручке, сверху ручки, под ручкой). Нередки случаи комплексного выражения зооморфии на одном сосуде (двойная ручка с налепом в верхней части и валикообразным завершением под рога в нижней части). Реже зооморфия отмечена на горловине и тулове сосудов (“змейка” в форме налепного валика или концентрически прочерченная “змейка”; табл. 1, 34).

Характеристику керамики как важной части СКП на караултобинском этапе Ар. АК завершают *знаки*, которые отмечены на большой группе сосудов различного функционального назначения.

Они выполнены прочерченной по сырой глине и процарапанной по обожженной поверхности сосуда техникой, а также - вылеплены. Располагаются в основном на ручках (или местах, связанных с ручкой), реже - на тулове сосудов и донцах.

Встречены знаки крестовидной, круглой, “Ф”-образной, “S”-образной прорисовки семантика которых явно восходит к солярно-астральной и зооморфной символике. Кроме того, имеются знаки как простого графического исполнения (вертикальные параллельные полосы; вертикальная “змейка”), так и сложного (“Р”-образные и другие), чья семантическая интерпретация затруднительна (табл. 1, 36).

Ярко как признак Ар. АК проявляется на караултобинском этапе *объёмная зооморфия и антропоморфия*. Она представлена поделками из необожжённой глины, алебастра, керамики, выполненными в традициях мелкой пластики в виде небольших объёмных изображений животных и человека (или частей тела последних), а также изделиями из металла (объёмные зооморфные подвески, окончания пружинных браслетов, зооморфные пряжки).

В числе зооморфных артефактов: голова барана-архары на высокой шее с характерно завернутыми спиральными рогами;

фигурка женщины-богини с тщательно проработанными чертами лица и условно-стилизованной остальной частью тела;

полуобъёмное изображение архары на каменном жертвеннике;

подвеска в виде фазана из наборного нагрудного украшения;

завершения браслетов в виде головок лошади и змеи;

голова змеи (табл. 1, 38-42).

Отметим предельную, доходящую до почти полного сходства с “оригиналом”, натуралистичность некоторых изделий (головки архары, льва, змеи). Нужно подчер-

Архаичная керамика караултобинского этапа арысской культуры

Карта 2 (слева): картография памятников караултобинского этапа арысской культуры

Зооморфный браслет

кнуть и известную стилизацию отдельных поделок из металла (головы лошади и змеи на браслетах).

Перечисленные зооморфные артефакты караултобинского этапа Ар. АК по своей культурной и функционально-семантической нагрузке, с некоторыми вариантами трансформации, прямо связаны со скифо-сибирским звериным стилем.

Продолжает ряд СКП караултобинского этапа Ар. АК характеристика погребальных сооружений и обряда. Они представлены катакомбами 1 и 2 типов, причём во втором случае отмечены несколько вариантов катакомбы: с узкими заплечиками, широкими заплечиками и катакомба с узкими заплечиками и боковым дополнительным дромосом (табл. 1, 9-10).

КАТАКОМБЫ 1 ТИПА без лаза; дромос и камера, как правило отделены частоколом из деревянных кольев, или закладкой из камня;

КАТАКОМБЫ 2 типа имели

двойную систему перекрытия: вначале - деревянными брёвнами (плахами), концы которых клались на выступ-заплечика, затем - общая засыпка всей площади сооружения лёссовым грунтом. Во втором случае зафиксирован пока не имеющий аналогов вариант заполнения объёмного пространства над деревянным перекрытием жидкой пахсой, которая при последующем высыхании превращается в своеобразную, чрезвычайно плотную по фактуре, "пробку", препятствующую попаданию воды в погребение.

Эти типы погребальных сооружений характери-

зуются различием в размерах как курганов, так и катакомб (от небольших насыпей диаметром 8-10 м и глубине конструкции в 4-5 м, до курганов диаметром 60-80 м при глубине подземного сооружения в 8-10 м и внушительной, в несколько десятков квадратных метров, площади самой катакомбы и погребальной камеры). Как правило, вся катакомбная подземная конструкция полностью перекрывалась насыпью кургана, располагаясь почти под центром последней.

ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ: трупоположение на спине с преимущественно южной ориентацией изголовья на специально подготовленной подстилке из углей (или плетёной из тростника циновке). Для этого этапа отмечены в основном одиночные погребения. В числе других элементов обряда: наличие культа лошади и собаки (присутствие в катакомбе или целых туш, или частей названных животных).

ОРУЖИЕ на караултобинском этапе представлено почти полным набором и защитным доспехом.

Это в первую очередь:

железные обоюдоострые без перекрестия черешковые мечи без навершия (в том числе - двуручные);

акинаки в деревянных ножнах, обтянутых тонкой красной кожей;

сложносоставные с костяными срединными и концевыми накладками деревянные луки;

бронзовые наконечники стрел: втульчатые пулевидные и черешковые трёхпёрые; железные наконечники стрел: черешковые трёхпёрые ромбовидные и с различным решением опущенных жалец, а также - вильчатые трёхпёрые наконечники (табл. 1, 54-58).

Помимо классического оружия, отметим использование в качестве такового круглых каменных метательных шаров, а также чешуйчатого защитного деревянно-госпеха.

УКРАШЕНИЯ представлены на караултобинском этапе достаточно полно. Наиболее характерны:

браслеты бронзовые пружинные с простым зооморфным завершением;

зеркала круглые бронзовые с широким бортиком и без

Оружие и зооморфные артефакты караултобинского этапа

такового без ручки, а также с черешковой ручкой и различным решением последней (из створки раковины или из дерева);

наборные нагрудные ожерелья из массы бус в сочетании с зооморфными бронзовыми подвесками;

наборные ручные браслеты из бусин (бусы пастовые в виде миниатюрных сосудов; бусы крупные круглые стеклянные с подглазурным напылением золотом);

декоративные и функциональные зооморфные пряжки (табл. 1, 60-65).

Отметим также использование *раковин каури* в качестве отдельных подвесок и как декоративный элемент некоторых наборных комплексов и пояса (табл. 1; 60, 64).

Широко и полно на караултобинском этапе Ар. АК отмечены *предметы быта и культа*, выполненные из различных материалов.

Здесь входят:

серия изделий из камня (жертвенник с зооморфным изображением архара, ладьевидные зернотерки, песты, тёрочки, оселки, грузила для ткацкого станка, миниатюрные сурьматаши и подпяточные камни);

столы ритуальный прямоугольной формы из дерева на четырех ножках;

изделия из керамики: круглый столик - чаша на ножках, курильницы без сквозных отверстий на невысокой ножке-поддоне, светильники в виде плоски с небольшой выступом-ручкой и без ручек, напоясла простые круглые;

металлические артефакты: круглые и прямоугольные поясные бесщитковые пряжки с бегающим язычком;

пояс кожаный наборный;

антропоморфная ритуальная фигурка из алебаstra;

ножи бытовые;

косметические принадлежности, игральные кости;

амулеты (табл. 1, 43-53).

Завершает ряд признаков и СКП караултобинского этапа Ар. АК декоративная носороговая поясная пряжка (табл. 1, 66), а также характеристика фортификации, жилой застройки, строительной техники и интерьера помещений.

О существовании *развитой системы фортификации* на памятниках этого этапа говорить не приходится. Пока выявлены только примитивные элементы последней в виде использования естественных защитных свойств рельефа (крутизна и высота

надпойменных террас) и глухих наружных стен жилых помещений по периметру памятников типа неукрепленных поселений и тобе с площадкой, которые несли защитные функции. Кроме того, топография некоторых тобе с площадкой указывает в отдельных случаях на наличие рва вокруг тобе (цитадели) и даже - рва по периметру всего памятника.

Внутренняя *жилая застройка* объектов караултобинского этапа осуществлялась из неправильной планировки квадратной, прямоугольной формы небольших по площади разнофункциональных помещений, объединённых в жилые комплексы, которые связывались переходными корридорами в некий единый плотный жилой массив.

Помещения перекрывались деревянными балками, кровля настилалась камышом и тростником, вход в них осуществлялся через вращающиеся двери. В строительстве практиковали преимущественно пахсу, реже квадратный и прямоугольный массивный кирпич-сырец, а также такие приёмы как обмазка полов, стен жидкой штукатуркой из глины с примесью рубленой растительности (соломы, сена).

Из интерьера помещений отметим: примитивные округлые напольные очаги (углубленный в пол и простой варианты);

очаги типа тандыра;

настенные складские ниши;

зерновые овальные в плане ямы, углубленные в пол и обмазанные глиной.

Остановимся на особенностях проявления отдельных признаков и СКП караултобинского этапа Ар. АК.

В региональном плане СКП этого этапа ограничивается арыско-бадамским оазисом. Он трактуется как *первый, начальный период формирования устойчивых систем традиций в материальной культуре*, которые затем на столетия становятся определяющими в регионе Южного Казахстана. Его истоки зарождаются в развитом железном веке и связаны со скифо-сакской историко-культурной общностью. Об этом убедительно свидетельствует архаический облик СКП караултобинского этапа Ар. АК

Украшения, зооморфные, антропоморфные и уникальные артефакты караултобинского этапа

и его отдельные признаки, непосредственно связанные с сакской, сарматской и сюннуской культурами.

Этот архаизм хорошо проявляется на начальных ступенях этапа. Он выражается, в частности, в таких категориях СКП как керамика (геометрический орнамент, чрезвычайно близкий по семантическому смыслу и технике нанесения позднеандоновскому декору; котлы на высоком поддоне и столики на ножках явно сармато-сюннуского облика); предметы быта и культа (зооморфия в керамике, украшениях, мелкой пластике, аналогии которой связаны со скифо-сибирским звериным стилем в искусстве племён Евразии раннего железного века); оружие сако-сармато-сюннуского облика.

Наконец, катакомбные погребальные сооружения 1 и 2 типов, генетически связанные с катакомбами и грунтовыми ямами саков и азиатских сарматов, ещё раз подчёркивают упомянутый архаизм.

К концу караултобинского этапа Ар. АК в его СКП наметились качественные изменения. Появляются иные, присущие следующему периоду черты, которые при сохранении преемственности в СКП, становятся ключевыми и приобретают в системе культурных традиций несколько другой характер.

Например, в это время распространяется быстровращающийся гончарный круг, и, как следствие, начинает господствовать станковое концентрическое рифление в декоре керамики; преобладают катакомбы 3 типа; трансформируется зооморфия в сторону стилизации. Эти моменты иллюстрируют факт наличия в рамках СКП Ар. АК тенденций культурного порядка другого свойства, развитие которых связано со следующим, каратобинским этапом.

Каратобинский

этап

Круг памятников каратобинского этапа Ар. АК отмечен на карте 3. Он существенно шире караултобинского по количественным и качественным параметрам. В числе объектов этого этапа, подвергшихся стационарному, стратиграфическому исследованию, отметим следующие:

Арысский оазис - поселение и могильник Каратобе; поселение Костобе (Арысское); городище и могильник Культобе; городище, могильники 1 и 2 Тулебайтобе; нижние слои поселения Алтынтобе и одноимённый могильник; могильники Султанрабадский, у с. Панфилово, у с. Косагаш; нижние слои городища Торткультобе (Кумышка); нижние слои городищ Караспантобе, Жуантобе; могильники Борижарский, Караспанский; поселение Шукурбулакское и могильник Ордабасы; нижние слои городища Чимкентского; зона гор Каратау - поселение Актобе Бабаатинское, могильник Шага; могильник Боралдайский (карта 3, 94-95, 149, 150-150а, 164-165, 202, 165а, 73а, 125, 183, 166-167, 173-174, 222, 253 256);

Отарский оазис - нижние слои городищ Пшукмардан; могильники Мардан, Кокмардан, Марданкуик; нижние слои городища Ботайтобе (карта 3, 282, 290-291, 295);

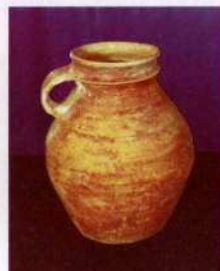
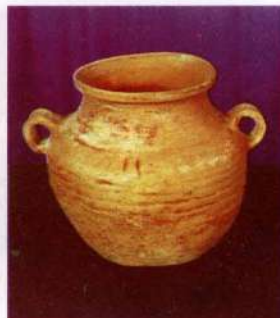
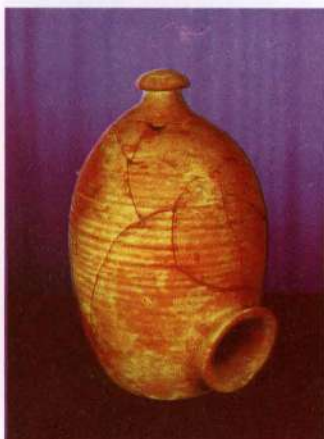
зона Сыр-Дарьи и Чачский оазис: поселение Актобе 2, могильник Актобе; могильник Шаушукумский; могильники Джунский, у ст. Вревская, городище Каунчитепа (этап Каунчи I; карта 3, 2, 4, 359, 363, 357).

Помимо перечисленных, следует отметить большую группу памятников арыско-каратаусского региона в подъёмном материале которых в той или иной степени зафиксирован СКП данного этапа.

На этом этапе *значительно расширяется типологический ряд объектов*. Появляются такие новые памятники как поселения-крепости, поселения-убежища, городища-убежища, городища с аморфным рабадом. Городища с кольцевым рабадом увеличиваются в размерах и становятся

Карта 3 (справа):
картография
памятников
каратобинского этапа
арысской культуры

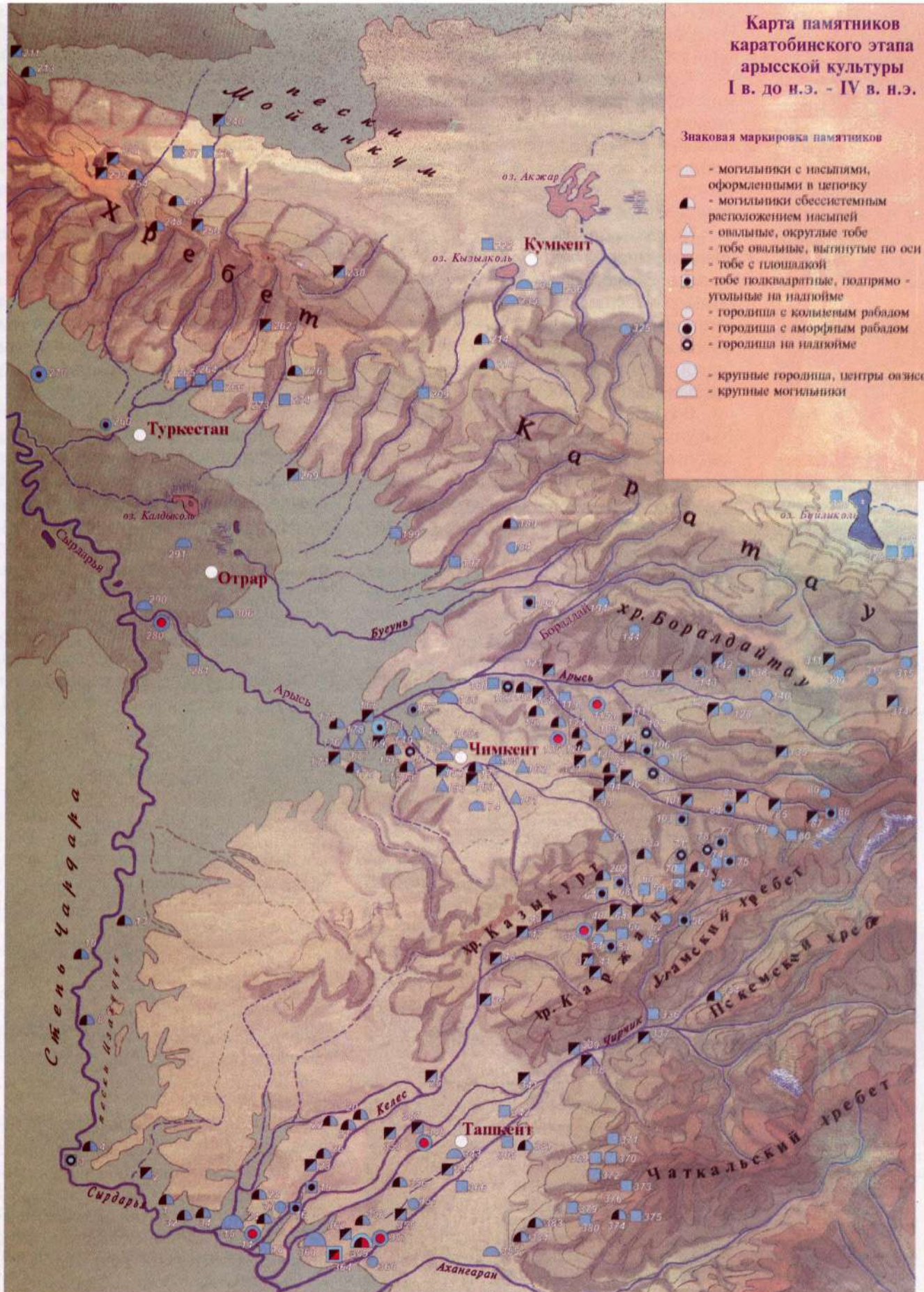
Столовая и кухонная
керамика
караултобинского
этапа

Карта памятников
 каратобинского этапа
 арысской культуры
 I в. до н.э. - IV в. н.э.

Знаковая маркировка памятников

- ▲ - могильники с насыпями, оформленными в цепочку
- ▲ - могильники бессистемным расположением насыпей
- ▲ - овалытые, округлые тобе
- ▲ - тобе овалытые, выгнутые по оси
- ▲ - тобе с площадкой
- - тобе подквадратные, подпрямо-угольные на надпойме
- - городища с кольцевым рвадом
- - городища с аморфным рвадом
- - городища на надпойме
- - крупные городища, центры оазисов
- ▲ - крупные могильники

самыми крупными по площади археологическими объектами на территории региона (карта 3, 183, 167).

Среди могильников начинают доминировать могильники с бессистемным расположением насыпи. Некоторые из них со временем превращаются в огромные курганные поля типа Борижарского, Караспанского, Культобинского могильников (карта 3, 166, 170, 179-180).

На каратобинском этапе существенно трансформируется весь СКП Ар. АК и отдельные его составляющие. С одной стороны, отмечены консервативность и преемственность в некоторых элементах материальной культуры с караултобинским этапом, с другой - выявлены новации, присутствующие только каратобинскому этапу.

В КЕРАМИКЕ всех типов различного функционального назначения начинают преобладать грушевидные формы. Расширяется ассортимент посуды, особенно - столовой (от традиционных горшков, кувшинов - до фляг, чаш на высоком поддоне, мисок тарелкообразной формы, сферических крышек). Распространение получает керамика специального назначения (курильницы на поддоне, ритоны, миниатюрные косметические сосуды и игрушки).

Основная масса керамики на каратобинском этапе (90%) изготавливалась из одного куска глины на быстровращающемся гончарном круге. Исключение составляют хозяйственно-бытовые крупные сосуды типа хума, хумчи. Они формировались в три этапа на вращающейся подставке с использованием тканевой подстилки аналогично караултобинской технике формовки. Вся керамика этого периода исключительно качественного обжига. Такое качество достигалось путём обжига в двухкамерных обжигательных печах.

В орнаментике посуды каратобинского этапа на первый план как

абсолютно преобладающий элемент декора, зафиксированный даже на таких "неудобных" для нанесения орнамента сосудах как фляги, плоские чаши-тарелки, мелкие кружки, выходит *станковое рифление*. Доминирует сочетание рифления с рельефно-выпуклым заострённым валиком и волнистой прочерченной между рифами "змейкой", а также - лощение по красному (вишнёвому) ангобу.

Отмечен орнамент в виде пальцевых концентрических борозд под венчиком крупных сосудов типа хума, хумчи. В связи с распространением новых приёмов декора появляются специальные инструменты гончара - каменные и костяные лошала, которыми формировались рифы на сосудах (табл. 1, 70-88).

ЗООМОРФИЯ В КЕРАМИКЕ не претерпевает существенных изменений, хотя налицо некоторые новации. Например, двойные ручки теперь отмечены на посуде чисто каратобинского облика. Появляются прочерченные изображения животных на сосудах. При этом демонстрируются как архаические тенденции ("рогатая" лошадь, прочерченная фигура кулана), так и характерные только для данного этапа зооморфные проявления (налепы в верхней части ручек, фигурки животных в качестве ручки; табл. 1, 95, 102).

На каратобинском этапе продолжает развиваться и укрепляться *традиция нанесения знаков на керамику*. Расширяется круг посуды, на которой зафиксированы знаки. Помимо

крупных сосудов (хумы, хумчи, водоносные кувшины), знаки отмечены на столовой керамике - флягах, чашках, горшках, кувшинах и кружках.

Меняется графика знаков. На фоне основной массы простых по прорисовке и семантике знаков (кресты, круги, параллельные линии и другие), появляются знаки сложной конфигурации с элементами завитков, чья символика восходит к тамгообразным знакам поздних сармат и алан (табл 1, 97-99).

ОБЪЁМНАЯ ЗООМОРФИЯ также развивается, расширяется сфера применения этого искусства. Оно распространяется на украшения. Среди зооморфных персонажей фиксируются такие не отмеченные ранее животные как верблюд и водоплавающие птицы (табл. 1, 100, 103).

Зооморфный артефакт каратобинского этапа

Керамика каратобинского этапа

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ОБРЯД демонстрируют ряд новаций на каратобинском этапе.

Безусловно доминирующими становятся катакомбы 3 типа “Т”-образной и реже “Г”-образной планировки с различным решением закладки отверстия лаза и перекрытия дромоса. Господствует коллективный обряд погребения (труположение на спине с южной ориентацией изголовья с широким использованием одновременных впускных погребений). По этой причине большая часть дромоса (в отдельных случаях и погребальной камеры), не перекрывалась насыпью кургана.

Усложняется обряд погребения путём включения новых элементов: тризна (ладьевидные зернотёрки, посуда, уголь, кости домашних животных в насыпи курганов); использование плетёных циновок, фрагментов битой керамики в качестве подстилки под покойника.

Появляются плетёные из тонких ветвей дерева и обтянутые кожей гробовища.

Впускной вариант коллективного обряда погребения обусловил факт “перегрузки” большей части катакомб костяками. Отмечены двухкамерные катакомбы и катакомбы, чья конструкция менялась за счёт создания “дополнительных” камер.

Указанная “перегрузка” отразилась ещё на одной детали обряда: костяки могли располагаться вне камеры, в дромосе, и даже - один над другим. В самой погребальной камере “место” для очередного покойника освобождалось путём сдвига костных останков предшествующих индивидов к одной из стенок камеры. По этой причине анатомический порядок сохранялся у одного, реже двух-трёх костяков.

Заметим, что при одном конструктивном решении доминирующие на каратобинском этапе катакомбы 3 типа существенно различаются размерами как подземных сооружений, так и курганов над ними. Отдельные из них представляют весьма внушительные по глубине (до 10 м) и площади погребальных камер подземные сооружения (свыше 25 кв. м). Отметим широкое использование кирпичасырца в качестве закладки отверстия лаза, а также - в погребальной обрядности (подкладка под изголовье покойника).

Как очевидную новацию следует расценивать появление на каратобинском этапе “П”-образных, вырезанных из лёсса, суф в погребальных камерах.

Другой новый элемент обряда: помимо частей туши барана (овцы) в катакомбах каратобинского этапа зафиксированы куски варёного мяса, положенные в сосуд (горшок).

В связи с жертвенными животными выявлена и такая особенность обряда на каратобинском этапе: создание вблизи “человеческой” катакомбы ещё одного погребального подземного сооружения тоже катакомбной конструкции специально для животного (собаки). При этом обе катакомбы не связывались между собой, но перекрывались одной курганной насыпью.

Как следствие трансформации обряда, отметим обязательное присутствие в погребениях керамической посуды столового и специального назначения классического каратобинского облика.

Этот строго определённый набор имел адресное функциональное и индивидуальное назначение (кувшины водоносные, столовые и кружки - для воды; горшки, чаши - для пищи; курильницы, части кухонных сосудов и кухонные кружки - для бытовых и культовых “нужд”, связанных с огнём). Кроме того, такая керамика носит выраженный ритуальный характер так как никогда не использовалась в быту и предназначалась исключительно для погребальной обрядности.

ОРУЖИЕ на каратобинском этапе Ар. АК включает обоюдоострые железные черешковые без перекрестия железные мечи с скруглым каменным навершием и без такового; акинаки в ножнах из дерева, обтянутых красной кожей; сложносоставные с костяными срединными и концевыми накладками луки; трёхпёрые железные черешковые наконечники стрел (с опущенными жальцами).

Встречены также крупные гранёные черешковые наконечники стрел броневой назначения. Появление последних прямо связано с использованием на каратобинском этапе железного чешуйчатого доспеха катафракт, а также - плетёных из дерева и скреплённых железными скобами щитов.

Т-образная катакомба, зооморфный артефакт и оружие каратобинского этапа

КОНСКАЯ АТТРИБУЦИЯ, как правило, сопровождала оружие и защитный доспех.

На этом этапе она представлена: двукольчатыми железными удилами; круглыми крупными бесщитковыми железными подпружными пряжками с бегающим язычком;

бронзовыми и железными колокольчиками как элементами декора сбруи коня; круглыми железными распределительными ременными уздечными кольцами (табл. 1, 122-123, 124, 129).

ПЕРЕЧЕНЬ УКРАШЕНИЙ на каратобинском этапе пополнился.

Это в первую очередь:

бронзовые (медные) перстни с простой и зооморфной печаткой (“верблюд”); подвески в виде водоплавающих птиц; кольца простые железные и перстни с обыкновенной прямоугольной печаткой; наборные из бус ручные браслеты; раковины каури и бисер как элементы нашивного на одежду декора;

бусы янтарные, каменные, керамические, пастовые, стеклянные и перламутровые различных размеров и форм в составе наборных ожерелий (табл. 1, 131-134).

КРУГ ПРЕДМЕТОВ БЫТА И КУЛЬТУРА из различных материалов на данном этапе также расширяется.

Сюда входят следующие артефакты: курильницы на ножке (прямоугольные и круглые) с “рёбрами” и сквозными отверстиями;

зеркала бронзовые с боковой черешковой ручкой и бортиком;

косметический набор в составе: каменный сурьматаш традиционных форм с отверстием для подвешивания и

красящая таблетка из белой глины также с отверстием;

кружка деревянная;

амулет нагрудный в виде палочки-кристалла горного хрусталя;

ножи железные однолезвийные с деревянным и костяным решением ручек;

игральные кости (астрала от овцы со специально подправленными гранями и отверстиями для сборки на связку);

пряжки железные поясные рамчатые и щитковые с бегающим язычком;

аналогичные сапожные пряжки более мелких размеров (предназначались для перехвата ремешком кожаных сапог в районе щиколоток; табл. 1, 112, 107-108, 106, 116, 112).

К числу уникальных артефактов большой историко-культурной значимости каратобинского этапа с полным основанием следует отнести фрагмент и законченный вариант текста древней письменности, выполненных путём нанесения знаков по сырой глине на массивных прямоугольных таблицах - кирпичках, затем обожжённых, а также - золотую подвеску-серьгу в виде миниатюрного круглодонного сосудика, сделанную техникой плакировки металлом смоловидной основы (табл. 1, 137-138).

На каратобинском этапе Ар. АК формируется и утверждается исключительно развитая система фортификации.

Отдельные её элементы и сочетания отмечены на всех объектах этого времени. Каждый памятник представлял собой сильно укрепленный пункт, фортификацию которого определяли как естественный рельеф и ландшафт, выступающий в роли препятствия (высокие надпойменные террасы, водные источники), так и искусственные защитные укрепления.

В числе последних отметим:

широкое использование рвов, крепостных стен, земляных валов по периметру объектов;

наличие цитаделей с мощными крепостными стенами; боевые круглые в плане башни, в том числе - двойные (срединные; угловые), расположенные на стенах

Артефакты каратобинского этапа арысской культуры: оружие, конская атрибутика и защитный доспех

или пристроенные к ним;

предвратное сооружение куда входят: предварающие парные башни, узкий переход-перемычка, связывающий объект с надпоймой и аналогичные парные башни на самом памятнике;

“длинная” стена в сочетании с рвом и земляным валом (карта б).

На фоне обязательного присутствия перечисленных элементов фортификации у памятников региона каратобинского этапа, по степени концентрации значительно выделяются городища и поселения-убежища, а также городища с кольцевым рабдом. Первые выглядят неприступными объектами за счёт высоких надпойменных террас, вторые - за счёт монументальности самого памятника и его фортификации в целом.

Каратобинский этап Ар. АК демонстрирует сохранение плотной сплошной застройки всей площади памятников помещениями и жилыми комплексами из двух-трёх разнофункциональных помещений, связанных переходными коридорами.

Между тем отмечена и новация: жилые конструкции располагаются по внутреннему периметру объекта, непосредственно примыкая к крепостной стене, на которую имелся выход.

Кроме того, в общей жилой планировке этого времени фиксируется появление центрального коридора, который разделял все жилые конструкции на две части (“квартала”). В строительстве практиковали прямоугольный кирпич - сырец, блочную пахсу и сочетание обоих приёмов.

В интерьере помещений появляются: очаги - каминные, встроенные в одну из стен; невысокие суфы, располагающиеся “П” - образно вдоль стен помещения; тандыры в паховой платформе в сочетании с каменной выкладкой; напольные округлые очаги с бортиками; выгребные круглые углубленные в пол ямы (бадрабы).

Помещения были квадратно-прямоугольные, имели плоское балочное деревянное перекрытие, вращающиеся двери; стены и полы обмазывались штукатуркой из жидкой глины.

На каратобинском этапе окончательно оформился и утвердился весь блок признаков и СКП Ар. АК.

При этом его качественные и количественные характеристики, а также степень интенсивности проявления достигают апогея. Констатируем и тот факт, что при исчезновении и утрате позиций отдельных признаков караултобинского этапа (геометрический прочерченный орнамент, архаические формы керамики, зооморфия, каткомбы 1 и 2 типов и другие), спектр СКП каратобинского этапа существенно пополнился другими новациями культурно-генетического содержания.

Именно они в значительной степени определили наглядный образ этапа и Ар. АК в целом.

В первую очередь речь идёт о гончарном ремесле, которое поднялось до качественно нового уровня в совершенствовании технологического процесса и мастерстве изготовления керамики на всех этапах производства. С появлением двухкамерных обжигательных печей и освоением быстровращающегося гончарного круга можно говорить о кардинальных изменениях в этой области традиций материальной культуры.

В частности, как прямой результат использования последних, отметим:

повышение температуры обжига керамики до 1100 - 1200 градусов (достигалась путем получения аэродинамического эф-

Артефакты каратобинского этапа арысской культуры: украшения, предметы быта и культа

фекта за счёт втягивания воздуха в топку по причине большой высоты гончарной печи и перепада высоты между отопительной и обжигательной камерами, что в принципе мало отличалось от искусственного нагнетания воздуха);

высокую технику формовки и нанесения декора в виде плотного концентрического рифления при минимальной толщине стенок даже крупных хозяйственно-бытовых и столовых сосудов в 2,5-3 мм (последнее обстоятельство определило невозможность снятия сосудов со столь тонкими стенками с круга без характерных деформационных углублений на тулове, остающихся от рук мастера-гончара);

жёсткую специализацию в рамках не только технологического цикла, но и в контексте функционального назначения керамики.

В связи со специализацией установле-

хозяйственно-бытовой и столовой керамике этот показатель максимален, от 50 до 55 % (эта посуда никогда не ставилась на огонь в силу монолитности черепка и опасности скорого разрушения сосуда вследствие температурной деформации).

Перечисленное демонстрирует качество керамической продукции каратобинского этапа, подчёркивает её прочность, практичность, лёгкость и красоту декора.

Керамическое ремесло достигло уровня высокого искусства аналогов которому для этого периода времени в Среднеазиатском и Казахском регионах нет.

Формируется устойчивый традиционный набор приёмов декора для многих типов и форм посуды: станковое рифление - рельефный рубчик - прореченная концентрическая змейка - лощение по красному ангобу. В сочетании с другими элементами (зооморфные ручки и валики, налпы, пальцевые вдавления и др.), он надолго становится стационарным в приёмах украшения керамики и во многом определяет неповторимый, чётко узнаваемый среди других артефактов, облик.

По этой причине керамика выделяется и доминирует как самый значительный в системе культурных традиций признак в СКП Ар. АК.

Степень проявления его весьма интенсивна и в региональном аспекте: керамика подобного типа зафиксирована в археологических материалах сотен памятников как Южного Казахстана (центр Ар. АК), так и далеко за его пределами (157, с. 116, рис. 34; 48, с. 16-7, табл. XIV; 147, с. 62-4, рис. 8; 10; 16; 150, с. 153-155, илл. 5-8; 133, с. 50-51, рис. 5; 80, с. 97, рис. 19; 137, с. 13-14, рис. 6; 284, с. 137, рис. 4; 96, с. 10, рис. 52; 289, с. 30-36, рис. 2-4; 70, с. 70-71, табл. 28, 8; 270, с. 72-86, рис. 18; 108, с. 38-41, рис. 5; 12).

Выразительными как признак и СКП на каратобинском этапе в контексте новаций и интенсивности проявления выступают катакомбы 3 типа и обряд.

Окончательно складывается подземная погребальная конструкция "Т"-образной катакомбы с полый сводчатой камерой, аркообразным лазом и длинным ступенчатым коридорообразным дромосом.

Катакомба приобретает функции склепа. На это указывает как коллективный обряд погребения, так и некоторые конструктивные особенности самой катакомбы (дополнительные камеры, суфы, непересыпание насыпью кургана дромоса и т.п.).

Уникальные артефакты каратобинского этапа арысской культуры

но, что назначение посуды определялось на начальном этапе керамического производства (подготовке глиняной массы) и регламентировалось процентным содержанием кремнезёма в специально приготовленном для каждой группы керамики тесте.

Поскольку уровень содержания кремнезёма в местных лёссовых глинах достаточно высок (показатель качества, позитивный для гончарного ремесла в целом), его расчётное процентное содержание и фактура черепка регулировались специальными добавками (шамот, дресва, растительность).

По этой причине в кухонной керамике содержание кремнезёма минимально, 30-35 % (предназначена для использования на огне, т.к. выдерживает температурные деформации за счёт пористости черепка), в

Шире становится круг обрядовых погребальных действий, разнообразнее бытовой и ритуальный инвентарь. В нём отчётливо фиксируются синкретические земледельческо-скотоводческие тенденции в материальной культуре: они сочетают традиции как кочевого (оружие, защитный доспех тяжеловооружённого воина-всадника, конская атрибуция), так и земледельческого характера (облик керамики, бытовые предметы земледельца и т.п.).

Из других новаций, связанных с обрядом погребения на каратобинском этапе, отметим выделившийся на фоне других культов культ собаки.

Выделяется также массовое использование в обрядности керамических курильниц различной формы и конструкции. Кроме того, необходимо отметить определённую “усреднённость” в размерах как курганных насыпей в составе могильников, так и катакомб на каратобинском этапе. Это говорит в пользу отсутствия выраженной социальной дифференциации, хотя несомненные различия в социальном статусе отдельных погребенных фиксируются достаточно хорошо.

Широкий по количественным и качественным параметрам спектр предметов быта и культа (от чисто производственного назначения до узкоспециального), аналогичный по характеристикам набор украшений в контексте с перечисленными аргументами свидетельствуют о достижении на каратобинском этапе племенами - носителями Ар. АК в сфере традиций материальной культуры больших высот, отражающих соответствующий уровень развития древнего общества и производства.

Это прямо относится к появлению древней письменности в регионе, а также к жилой застройке, строительной технике и фортификации.

Помимо намечающейся поквартальной планировки объектов на этом этапе, отметим совершенствование строительных приёмов. Стали возводиться своды аркообразного и полукруглого профилей из кирпича-сырца над фортификационными и жилыми сооружениями. Судя по некоторым материалам (форма сводов погребальных камер катакомб 3 типа), к этому времени были освоены как двухскатные, так и четырёхскатные кровли.

Наконец, неординарное явление зафиксировано в фортификации региона на

каратобинском этапе Ар. АК. Это объединение посредством “длинной” стены фортификационных сооружений нескольких объектов в единую масштабную систему защиты типа укрепленного района.

В частности, комплексное археологическое исследование, данные аэрофоторазведки и космические снимки подтверждают наличие в арыско-бадамском оазисе, у впадения р. Бадам в р. Арысь, таковой фортификационной “связки” и укрепленного района, внутренняя площадь которого превышает 50 кв.км. В него вошли три крупных городища, шесть поселений и шесть близлежащих могильников (карта 6).

На заключительном отрезке времени второго периода наметились тенденции, несвойственные СКП каратобинского этапа Ар АК. Они выражаются в трансформации некоторых признаков, резком снижении уровня проявления и степени интенсивности всего СКП каратобинского этапа, причём этот процесс осуществлялся чрезвычайно быстрыми темпами и в короткий промежуток времени. Арысская АК вступила в завершающую стадию своего развития, которая связана с третьим алтынтобинским этапом.

Алтынтобинский этап

Этот этап заключительный и самый непродолжительный по времени. Он охватывает около двух столетий. Круг его памятников, как и СКП, достаточно хорошо изучен и отмечен на карте 4.

Сюда входят следующие объекты, исследованные стационарно и стратиграфически:

Арыско-бадамский оазис: поселение и могильник Алтынтобе (“эталонные” объекты, по названию которых обозначен третий этап Ар. АК); верхние слои городища Торткультобе (Кумышка); поселения Костобе 1 и 2 (Бадамские); могильники Борижарский, Караспанский; средний строительный горизонт городищ Жуантобе, Караспантобе;

Отрарский оазис: нижние культурные слои городища Кокмардан, могильники Кокмардан и Марданкуик;

зона Сыр-Дарьи и Чачский оазис: городище Шаушукумтобе; могильник Жамантогай; городище Каунчитепа (этап Каун

Малый фрагмент письменности. Городище Культобе

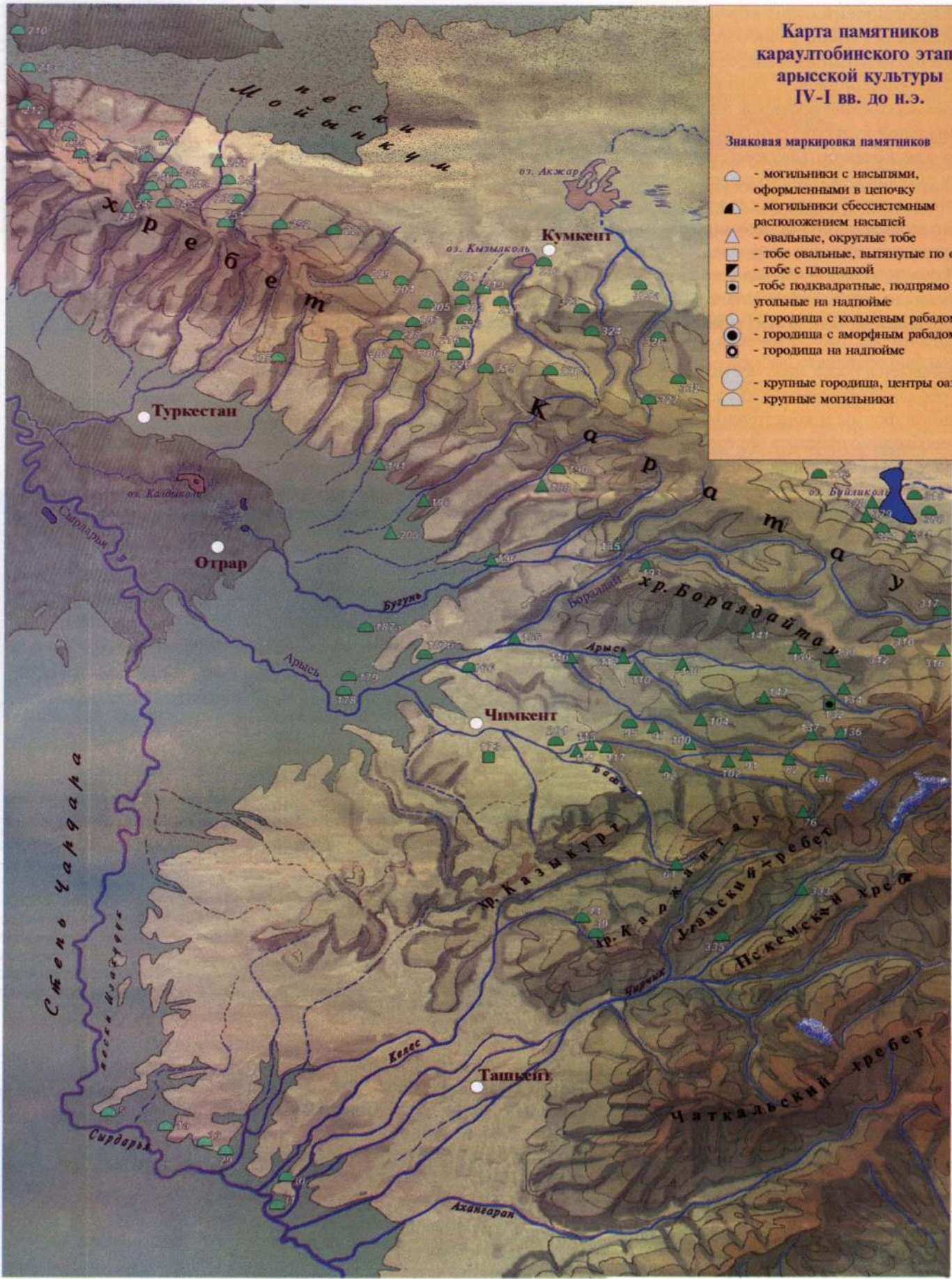
Карта 4
(на следующей странице):
картография памятников алтынтобинского этапа арысской культуры

Карта памятников
караултобинского этапа
арысской культуры
IV-I вв. до н.э.

Знаковая маркировка памятников

- ▲ - могильники с насыпями, оформленными в цепочку
- ▲ (с точкой) - могильники сбессистемным расположением насыпей
- △ - овалы, округлые тобе
- ▭ - тобе овалы, вытянутые по оси
- ▣ - тобе с площадкой
- - тобе подквадратные, подпрямоугольные на надпойме
- (с точкой) - городища с кольцевым рабодом
- (с точкой) - городища с аморфным рабодом
- (с точкой) - городища на надпойме
- (пустой) - крупные городища, центры оазисов
- (с точкой) - крупные могильники

чи-2), городище Мингурюк, городище Чаштепе, могильник у ст. Вревская (карта 4, 164-165, 125, 148-149, 166, 170, 167, 183; 280, 290-291; 3, 1, 357, 348, 353, 363).

Типологический ряд памятников алтынтобинского этапа остаётся идентичен каратобинскому, однако отдельные его объекты перекрываются более поздними культурными напластованиями.

Это обусловило незначительную численность памятников на данном этапе (карта 4). На этом этапе меняется в целом содержание и характер СКП в сторону упрощения его составляющих. Фиксируется меньшая интенсивность проявления СКП по ключевым параметрам.

В КЕРАМИКЕ отмечаются следующие моменты:

а) при относительно высоком качестве обжига (порядка 900 градусов) и типологическом разнообразии посуды, которая опять приобретает *шаровидные формы*, доминирует посуда, изготовленная вручную или на вращающейся подставке (85-90 %);

б) ограничиваются приёмы декора: преобладают прочерченное *концентрическое рифление*, покрытие ангобами светло-серых тонов, налепной выпускной валик, насечки по сырой глине гребнем, рельефно-выпуклые шишечки; реже встречены пальцевые вдавления, прочерченный волнистый орнамент очень редко - станковое рифление, лощение и ангобные потёки;

в) появляются новые формы в керамическом комплексе: в кухонной - шаровидные горшки с горизонтальными ручками без горловины; в хозяйственно-бытовой - хумы, хумчи с выраженной горловиной, двуручные водоносные кувшины с короткой горловиной и примятым в виде слива венчиком; в столовой - кувшины с выраженной высокой горловиной, *цилиндрическим носиком-сливом* на плечике и с вертикальной простой (ломаной) ручкой; (табл. 1, 140-158)

г) *зооморфия в керамике*, с одной стороны, достигает предельной степени стилизации, воплощаясь в многочисленные налепы ("S"-образные; двойные, тройные), с другой - сохраняет отдельные традиции реального воспроизведения фигур животных прочерченной техникой (табл. 1, 162-163).

На алтынтобинском этапе Ар. АК широкое распространение получают *знаки*. Как массовое явление они десятками фиксируются на посуде самого различного функционального назначения. При этом отмечена

тенденция превращения отдельных групп знаков зооморфного, антропоморфного и солярного происхождения по своей семантической нагрузке - в тамгообразные знаки и знаки различного вида собственности (табл. 1, 164-165).

В **ОБЪЁМНОЙ ЗООМОРФИИ И АНТРОПОМОРФИИ** также, как в керамике, наблюдается сочетание предельной стилистики ("роговидные" подставки под сосуд как дериваты морды быка) и умеренного натурализма («человек с нимбом», навершия костяных стилей в виде петуха-фазана; табл. 1, 166-167).

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ представлены катакомбами 3 типа, однако в обрядности отмечены достаточно существенные изменения.

Они выражаются в значительном уменьшении коллективных погребений (доминируют одиночные, реже парные). В инвентаре, помимо характерной для алтынтобинского этапа керамики, появляются явно "импортная", совершенно иная по облику, посуда (высокие кувшины без ручек с выраженной горловиной).

При этом почти исчезает керамический комплекс Ар. АК каратобинского этапа, существенным образом сужаются ритуальные обрядовые действия, связанные с тризной, культом огня.

В погребениях, хотя и в ограниченном наборе, (сложносоставной лук, железные черешковые трёхпёрые наконечники стрел), начинает преобладать *оружие*.

Аналогичным образом меняются количественные и качественные показатели таких признаков в рамках СКП алтынтобинского этапа как *украшения, предметы быта и культа*. Их традиционный набор в сравнение с каратобинским этапом, становится беднее, и в редких случаях пополняется новыми артефактами (костяные заколки для волос; шумек - мочесливное приспособление из кости для младенцев; табл. 1, 170).

Катакомбное погребение, керамика и зооморфные артефакты алтынтобинского этапа

В перечисленном ряду признаков СКП алтынтобинского этапа Ар. АК, выделяются своими особенностями *фортификация*.

Помимо основных её проявлений, отмеченных на втором этапе, в это время в регионе появляются *памятники на высоких искусственных платформах-стилобатах*.

Кроме того, в жилой застройке, общей планировке и интерьере помещений также фиксируются новации: теперь в просматриваемой поквартальной застройке, которая осуществлялась сплошным образом по внутреннему периметру памятника, *выделяется центральный жилой комплекс*, чья обо-

сбленность подчёркивается коридорами-переулками, огибающими его со всех сторон. Упомянутый комплекс контрастирует на фоне остальных жилищ своими размерами, разнообразием интерьера.

Завершает ряд признаков алтынтобинского периода такой уникальный артефакт как *овальная печать фигуры шествующего благородного оленя*, выполненная путём оттиска по сырой глине с соответствующей каменной инталы на венчике хума (табл. 1, 135).

Остановимся на особенностях СКП алтынтобинского этапа и вариантах его проявления. Его сложный облик, сочетающий в себе отдельные элементы предыдущих традиций и новые культурные черты, свидетельствует о вступлении Ар. АК в фазу своего заключительного развития.

Об этом говорят многие факторы: уменьшение численности функционирующих объектов, явный кризис в керамическом производстве и постепенная трансформация, исчезновение выразительных традиций в этой сфере материальной культуры; упрощение погребального обряда. Эти и другие моменты иллюстрируют факт общего упадка системы традиций в рамках Ар. АК. Кроме того, сам СКП последнего этапа по своей интенсивности и насыщенности количественными и качественными показателями значительно уступает в этом контексте СКП каратобинского этапа, а ареал его фиксации ограничивается.

К концу алтынтобинского периода почти все памятники региона Южного Казахстана, несущие в себе СКП Ар. АК, перестают существовать. Только крупные городища, отдельные близлежащие к ним поселения и могильники продолжают функционировать в качестве урбанистических центров в более позднее, нежели IV-VI в. в., время.

Кратко резюмируем основные выводы, касающиеся периодизации Ар. АК в связи с особенностями СКП и поэтапного его проявления.

В первую очередь отметим “прозрачность” временных (этапных) рамок, которые не являются жёсткими в фиксации сложившихся систем традиций. Как отмечалось выше, они проходят эволюционный по характеру и длительный по времени путь, вместить который в хронологические жёстко обозначенные границы по принципу “начало – конец”, невозможно.

По этой причине отдельные признаки и СКП одного этапа переходят в другой, сохраняя единое культурно-генетическое

Оружие и украшения алтынтобинского этапа арысской культуры

ядро. То есть, налицо *преемственность в развитии упомянутых культурных традиций* независимо от направления этого процесса: поступательно-прогрессивного или застойно-регрессивного.

Такая закономерность хорошо иллюстрируется периодизацией Ар. АК.

На первом этапе её блок СКП демонстрирует достаточно быстрое поступательное развитие во всех составляющих.

На втором этапе они достигают своих количественных и качественных параметров в максимальной степени, обусловив доминирование ключевых признаков на долгое время.

Наконец, на третьем этапе те же признаки и СКП в целом трансформируются, отражая в некоторых случаях явный возврат к признакам, характерным для 1 и 2 этапов (особенно в керамике: ручная лепка, прочерченное рифление, имитация станкового рифления, рельефно-выпуклого валика, и т.п.).

Аналогичная неравномерность отражается и на поэтапной интенсивности проявления СКП Ар. АК в региональном контексте.

На караултобинском этапе его признаки фиксируются преимущественно на территории Арыско-бадамского бассейна и не выходят за его рамки. На каратобинском

этапе СКП Ар. АК охватывает масштабные площади Южного Казахстана и прилегающих районов Средней Азии. Наконец, на алтынтобинском он вновь отмечен на ограниченной территории бассейна р. р. Арысь-Бадам и частично зоны Сыр-Дарьи.

Следует подчеркнуть выраженный автохтонный характер Ар. АК, который ярко проявляется на всех, особенно первом и втором этапах. Только на алтынтобинском этапе в СКП и отдельных его составляющих ощутимо начинают присутствовать инокультурные элементы (например, керамика приобретает “каунчиноидный” облик; в фортификации, обряде, предметах быта и культа появляются другие новации).

Между тем необходимо отметить существенную стационарность и определённую консервативность систем традиций Ар. АК, что предопределило её достаточно долгое существование.

Периодизация Ар. АК и хронологические рамки этапов опираются на большой археологический материал фактологического характера, который стал базисом для изложенных заключений в вопросах аргументированного определения временных границ конкретного этапа и Ар. АК в целом. Круг датированных артефактов включает в себя:

2. Хронология и вопросы датировки

а) группу хорошо датированных источников, позволяющих определить достаточно узкие временные границы (вещевой материал погребальных сооружений, некоторые единичные уникальные артефакты);

б) группу источников, позволяющих в общем обозначить широкие хронологические рамки (археологический материал городищ, поселений; типолого-хронологическая классификация керамики, типология погребальных сооружений, техника жилого и фортификационного строительства и т. п.);

в) группу источников, связанных с этнокультурной сферой, которые могут косвенно определить временные границы (погребальный обряд, фиксируемые во времени традиции в зооморфии, антропоморфии и другие).

Остановимся на поэтапной датировке Ар. АК, используя в методике основополагающий в археологии принцип аналогий. При этом представляется логичным

обратиться в первую очередь к артефактам, несущим комплексный блок данных по перечисленным группам источников.

Таким требованиям отвечают *непотревоженные или частично потревоженные погребальные комплексы*, чьи вещевые материалы, находящиеся *in situ*, в сочетании с подземной архитектурой и обрядом, наиболее достоверны и максимально информативны в контексте хронологических интерпретаций.

Для караултобинского этапа в упомянутом качестве выступают прежде всего погребальные комплексы кургана 3 могильника Каратобе и кургана 3 могильника Культобе.

КУРГАН 3 КАРАТОБИНСКОГО МОГИЛЬНИКА представлен катакомбой 2 типа (подтип с широкими заплечиками).

В ней погребена женщина средних лет с полным набором атрибутики (украшения, оружие, керамика, культовые предметы).

Халцедоновая инталия
и золотая подвеска.
Могильник
Борижарский

Обряд погребения: труположение на спине изголовьем на восток на песчаной подсыпке с элементами тризны (очаговое пятно в насыпи) и культом жертвенного животного (передняя часть овцы на деревянном столике).

Вещевая атрибутика кургана включает:

массивные круглые с небольшой внутренней выемкой стеклянные прозрачные бусы с подглазурным напылением золотом из наборного нагрудного украшения-ожерелья;

бусы гагатовые, пастовые, стеклянные в виде миниатюрных сосудиков в составе наборного ручного браслета;

зеркало круглое с боковым держателем-черешком, ручка которого оформлена в виде створки раковины-устрицы;

трёхпёрый черешковый железный наконечник стрелы с прямыми жальцами;

подвеску нагрудную из крупной раковины каури;

Наборное ожерелье с подвеской в виде фазана

подвеску бронзовую в виде фазана в составе ожерелья;

столлик деревянный овально-прямоугольной формы на четырёх ножках;

керамику (крупная водоносная и столовая фляги).

Наиболее примечательными в контексте датировки кургана 3 могильника Каратобе являются *стеклянные золочёные и гагатовые бусы*, которые составили основу наборного ожерелья, а также - "*сосудикообразные*" бусы из стеклянной пасты в

наборе ручного браслета.

По мнению Е.М. Алексеевой, стеклянные бусы с подглазурной позолотой высокотехнологичны, и могли изготавливаться только в развитых стекольных центрах (9, с. 238). Впервые подобные бусы начали производиться в IV в до н. э. в Египте, затем - в Средиземноморье (III в. до н. э.; один из центров производства - о. Родос).

К III в. до н. э. технологию производства указанных бус освоили в Северном Причерноморье. Отсюда они из мастерских (или транзитом из Средиземноморья) распространялись в среде поздних скифов (209, с. 119), ранних и средних сармат III в. - I в. до н. э. далеко на север, северо-восток (7, с. 59; 1982, с. 46; 1984, с. 238, табл. CLVI, 20).

В частности, они отмечены в памятниках прохоровской и суловской АК регионов Поволжья и Южного Урала (218; табл. 29-31; 1989, с. 190; 272, с. 84 - бусы 1а и 3 по типологии Алексеевой - Скрипкина, с. 114; рис. 28: 31-32, 37), а также в материалах чирикрабадской и джетыасарской АК низовьев Сыр-Дарьи (160, с. 70 табл. 24; 1993а, с. 88, рис. 63, 64; 1993б, с. 95, рис. 89; 1994, с. 77, рис. 170-172). Крайней восточной территорией распространения подобных бус можно считать правобережье Иртыша, где они известны в памятниках саргатской АК III - II в. в. до н. э. (214, с. 304; табл. 126, 41, 44е).

Достаточно твёрдые аналогии прослеживаются и *гагатовой бусине из ожерелья*. Такие бусы распространены в причерноморских раннесарматских памятниках (7, с. 60; 1984, с. 239, табл. CLVIII, 2, 3; 26-27; 272, с. 85 и 114, тип 9а, 86 рис. 29; 40, 44), а также - в низовьях Сыр - Дарьи в IV - III в. до - I в. до н. э. (74, с. 59, табл. 14, 27-28; 163, с. 212).

Наконец, стеклянные (или из другого материала - пасты, горного хрусталя) бусы, изготовленные в виде *амфорок*, кувшинчиков были широко распространены в Северном Причерноморье и прилегающих районах в эллинистическое и более позднее римское время (9, с. 238, табл. CLVI, 25-26). Прямые аналогии подобным бусам имеются в материалах Тулхарского могильника II в. до н.э. (195, с. 114, табл. 43, 18).

Заметим также, что факт использования *наборных ожерелий из различного вида бус в сочетании с подвесками из раковин и бронзы* (в нашем случае - ожерелье с зооморфной подвеской в виде фазана; табл.

1, 63), а также - аналогичных наборных ручных браслетов, характерен для кочевых и полукочевых племён скифо-сарматского круга IV в. до - I в. до н. э. (209, с. 119; 220, с. 190; 163, с. 77; 167, с. 210; 164, с. 223, рис. 148).

Прямых аналогий *бронзовому зеркалу* с решением ручки в виде створки раковины-устрицы пока не найдено, однако дисковидные бронзовые зеркала без бортика-углошшения и с боковой ручкой-штырём отмечены среди большой группы позднескифских и савромато-сарматских памятников Сев. Причерноморья, Поволжья и Южного Урала, а также - в Приаралье, Южном Казахстане и некоторых районах Средней Азии V - III в. до - I в. до н.э. (218, табл. 27: 17, табл. 28: 7-8; 10-13; 282, с. 167, табл. 69: 23; 152, с. 110, табл. 45; 7; 272, с.142-155, рис. 34: 19-20; 16; 168, с. 125-126, рис. 1: 2; рис. 4: 2; рис 5; 6; 164, с. 229-231, рис.152, 2, 11, 6; илл. 26а; 179, с. 75-76, табл. 1-8; 15: 18; табл. 17: 1-3; 189, с. 233-234; табл. XIX, 1-2).

Что касается датировки *наконечника стрелы* в кургане 3 могильника Каратобе, то подобного типа небольшие железные черешковые наконечники с треугольной ударной головкой отмечены у савромато-сарматов на их коренной территории. По мнению К.Ф. Смирнова, они были заимствованы у народов Казахстана, Южной Сибири и Средней Азии не позднее VI в. до н. э., получили широкое распространение в IV в. до н.э., а со II в. до н.э. окончательно сменили бронзовые (277, с. 70; 47, с. 151, рис. 1: I, 1; рис. 2: I, 1 - 4; почти к такому же заключению приходит А.М. Хазанов: 307, с. 36-37).

В Средней Азии и Южном Казахстане первые железные черешковые наконечники стрел, подобные каратобинскому, известны в V - III в. в. до н. э., в могильниках Восточного Памира и Алая (171, с. 76-77, рис. 2: 2-4), а также - могильниках по Средней Сыр - Дарье и зоне гор Каратау (187, с. 184, табл. III, 2, 4-5; 191, с. 119-121, 189, с. 221, табл. XVIII, 10; 12-13; 50, с. 71, рис. 3; 2).

Прямые аналогии *одиночной подвеске* в виде крупной раковины-каури не найдены. Между тем такие раковины более мелких размеров использовались в массовом порядке как составной элемент наборных ожерелий в сарматское время (см. аналогии бусам из ожерелья).

Аналогии *бронзовой подвеске в виде птицы (фазана)* имеются в материалах поздних скифов Крыма (109, с. 136, табл.

51, 26). Образ птицы в качестве завершающей стилией, выполненных из бронзы и других материалов (золото), использовался ранними кочевниками Семиречья (усуньский период), Средней Азии и Западной Сибири в III - II в. в. до н. э. (116, с. 82, табл. 29: 48-49; с. 87; табл. 32; 31; 214, с. 305, табл. 124; 25).

Деревянный столик на ножках кургана 3 по своей форме и конструкции весьма напоминает савроматско-сарматские каменные жертвенники. Они широко распространены в женских погребениях Поволжья и связаны с культом огня (282; табл. 69). Однако функции столика в нашем варианте несколько иные, т.к. на нём располагалось жертвенное мясо (передняя часть туши овцы) и небольшой железный разделочный нож. Аналогии такому столику бытового и ритуального назначения отмечены в памятниках ранних кочевников Тянь-Шаня (кенкольская АК) и Тувы (шурмакская АК; 116, с. 76-100; 198, с. 204; табл. 83; 5-6).

Керамика погребения (водоносная и столовая фляги) явно местного производства. По форме и решению горловины она находит некоторые аналогии в материалах могильника Кенкол и погребений кочевников Среднеазиатского междуречья в скифо-сарматское время (116, с. 86; табл. 30 - 45; 195, с. 109-110; табл. 40; 35-36).

КУРГАН 3 КУЛЬТОБИНСКОГО МОГИЛЬНИКА представляет катакомбу I типа (камера - продолжение дромоса), в которой место соединения указанных составляющих перегорожено плотным частотолом из деревянных клиньев.

В катакомбе открыто *одиночное захоронение* мужчины преклонных лет (труположение на спине изголовьем на юг, на специально подготовленной толстой подстилке из углей) в полном вооружении и богатым погребальным инвентарём.

Последний включает:

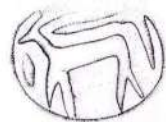
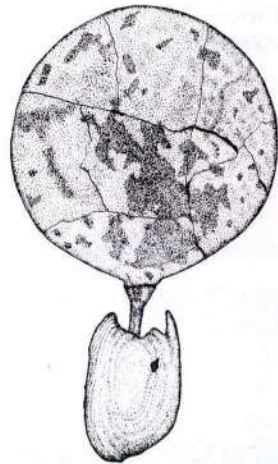
оружие - железный меч, акинак; сложносоставной лук, набор стрел в колчане;

элементы одежды - наборный пояс из раковин каури с двумя пряжками (круглой бронзовой функциональной и фигурной декоративной);

пряжки круглые щитковые с бегающим язычком для перетягивания ремешком кожаных сапог у *миколоток*;

керамику - кухонный сосуд без ручки и столовую флягу;

бытовые вещи - остатки кожаного мешочка с плотной массой (очевидно, молочного происхождения).

Весь комплекс весьма выразителен, хотя и потревожен древними грабителями: нарушена верхняя часть костяка, которая, судя по всему, имела богатый защитный чешуйчатый доспех - катафракту.

Наиболее примечательны в аспекте датировки *пряжки наборного пояса*. Пояс, судя по местонахождению раковин каури и обоих пряжек на костяке, был снят и был положен на тело покойного сверху, у правой руки.

Функциональная пряжка выполнена в виде круглой ажурной бляхи с характерными “запятыми” в прорези. Имеет прямые аналогии до тождественного сходства в погребальных памятниках сюннуского времени на территории Северо-Западного Китая эпохи Западная Хань (могильник у дер. Даодуньцзы, “ажурные кольца первого типа”), Забайкалья II - I в. в. до н. э. (Дэрэстуйский могильник), Западной Сибири II - I в. в. до н. э. (тесинский этап тагарской АК; см: 300, с. 96; рис. 10; 1-2; 268, с. 47, рис 41л; 213, с. 266, табл. 108, 69; 261, с. 232, табл. 94, 48).

Декоративная фигурная пряжка из рога индийского носорога украшена золотом, серебром и инкрустирована самоцветами (табл. 1, 66). Прямых аналогий не находит, однако по форме, назначению, богатству и характеру геометрического “ромбовидного” орнамента весьма близка некоторым пряжкам сюннуского или близкого к нему круга племён Центральной Азии, Западной Сибири, Забайкалья, Казахстана, Средней Азии III - I в. в. до н. э. (214, с. 304, табл. 124, 52; 213, с. 267, табл. 113, 5-6; 261, с. 232, табл. 94, 80; 268, с. 77, рис. 58; табл. XXII; 4, 7, 9; 187, с. 185-186, рис. 5; 262, с. 481-482; рис.; 37, с. 12-14, рис.).

Оружие в кургане 3 культобинского могильника представлено:

железным двуручным обоюдоострым (к концевому завершению - однолезвийным) черешковым мечом без перекрестия и наверхшия;

обоюдоострым акинаком в сложных ножнах: внутренняя полость - ткань мел-

кой фактуры типа китайского шёлка; основа ножен - дерево, обтянутое тонкой кожей (внешняя поверхность окрашена в красный цвет);

комплексом железных черешковых трёхпёрых наконечников стрел с различным решением жалец (в том числе - вильчатых охотничьих наконечников);

сложносоставным деревянным луком (от него остались парные концевые накладки из кости с характерной выемкой под тетиву).

Несмотря на отдельные моменты (отсутствие находок мечей и акинаков в сюннуских памятниках; 213, с. 264), перечисленный ряд вооружения весьма характерен для большой группы племён IV в. до н. э. - VI в. н. э. Евразии, в том числе и сармато-сюннуского облика.

Ввиду вторичности этого датирующего материала (на фоне приведённых хронологических интерпретаций по пряжкам), ограничимся только некоторыми аналогиями, подчёркивающими временные особенности.

Так, достаточно редкие *вильчатые трёхпёрые железные черешковые наконечники стрел* с “выдвигающейся” ударной головкой, хорошо известны в сюннуских памятниках II - I в. в. до н. э., а также отмечены в могильниках Средней Азии (309, с. 30-31; рис. 5: 26; здесь же - аналогии концевым накладкам на лук: с. 26-29; рис. 3; 171, с. 90-91, рис. 7; 47-48; рис. 9; 32-33).

Керамический сосуд и столовая фляга по аналогиям из материалов могильников Южного Казахстана и Средней Азии также укладываются в хронологические рамки II - I в. в. до н. э.

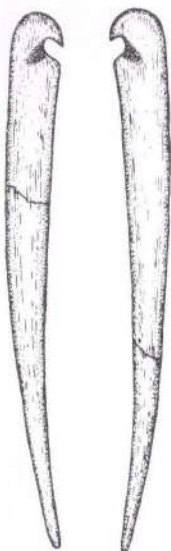
Наконец, некоторые политические события, происходящие в регионе и связанные с сюннуским союзом племён, позволяют аргументированно сузить обозначенные выше временные границы до нескольких десятилетий середины I в. до н. э.

Именно в этот период в Южный Казахстан проникают сюнну во главе с правителем северной ветви союза, шаньюем Чжи-Чжи. В 36 г. до н. э. в Таласской долине он терпит сокрушительное поражение от объединённых ханьско-канцзюйских войск (57, с. 92-93; 103, с. 142-144; 121, с. 62-72; 256, с. 236).

В числе хорошо датирующего материала в рамках артефактов, характеризующих СКП караултобинского этапа Ар. АК, отметим *бронзовые наконечники стрел*: пулевидные втульчатые безлопастные и че-

Функциональная бронзовая фигурная пряжка

решковые трёхпёрые (табл. 1, 55), а также - браслеты бронзовые с зооморфными окончаниями (табл. 1, 62, 65).

Черешковые *трёхпёрые* бронзовые наконечники стрел с треугольной ударной головкой и прямыми жальцами достаточно редки. Они встречаются в погребальных комплексах скифо-сарматской и сакской культур с конца VII по V - IV в. в. до н. э. на территории Центрального Казахстана, Поволжья, Семиречья, Средней Азии, Приаралья и Южного Казахстана (132, с. 191-192, табл. II - нижний ряд; 277, с. 111; 30, с. 120, табл. 117: 18; 25; 171, с. 80, рис. 5; 1972, с. 99, табл. 32: 8; табл. 34: 13; 128, с. 41, табл. 4: 1, нижний ряд; 74, с. 59, табл. 9: 33; 187, с. 180, табл. V: 5-6).

Пулевидные втульчатые бронзовые наконечники ещё более редки. Аналогии им отмечены в могильниках Тагискен и Южный Уйгарак в Приаралье VII в. до н. э. (128, с. 41, табл. 4: 1, нижний ряд).

Прямых аналогий *бронзовым пружинным браслетам* с зооморфными окончаниями в виде стилизованных головок лошади и змеи найти не удалось. Близкие по художественному стилю браслеты с аналогичным зооморфным концевым решением имеются в материалах сакской культуры Семиречья V - IV в. в. до н. э. (30, с. 100-101, рис. 81).

Кроме того, подобный характер воспроизведения головок лошади в бронзе на браслете из могильника Бугуньского чрезвычайно близок по исполнению аналогичным объёмным головкам из кости, которые украшали псалии в раннескифское время (VI в. до н. э.) и изображали морду животного с широко открытыми ноздрями (127, с. 89-70, рис. 1: 1-5, первая группа).

Косвенным образом датировку вещей комплексов караултобинского этапа Ар. АК подтверждают *обряд и конструктивные особенности погребальных сооружений*. В частности, катакомбы I и II типов можно рассматривать как промежуточную эволюционную фазу генезиса погребальных сооружений в цепочке от сакской грунтовой ямы и подбоев различного вида - к универсальным катакомбам III типа.

Они идеально адаптированы к местным условиям высоких лёссовых надпойменных террас, которые располагают широкими возможностями для создания любых подземных погребальных конструкций.

Главная идея обряда - сооружение сводчатых подземных полостей, соответ-

ствующих идеологическим представлениям в плане погребальной обрядности. В такой связи упомянутые катакомбы хронологически следуют за простыми грунтовыми ямами и подбоями сако-усуньского времени, заимствуя у них отдельные элементы (бревенчатый и каменный варианты перегораживания как ям, так и полостей подбоев). В условиях дефицита камня - плитняка в регионе, в катакомбах I и II типов изоляция погребальной камеры от дромоса осуществлялась преимущественно путём частокола из дерева. Аналогичным образом деревянным накатом, который ложился на плечики, перекрывался и дромос.

Кроме того, в обряде фиксируется традиционный набор культов сако-усуньского и сармато-сюннского периодов. В их числе выраженные культы огня, жертвенного животного (овца, лошадь) и оружия.

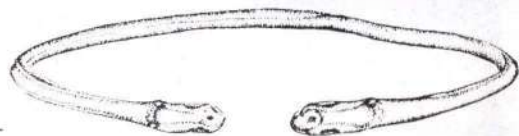
Прямых аналогий катакомбам I и II типа в полном варианте соответствия (конструкция - обряд) за пределами региона найти не удалось. Близкие по конструкции погребальные объекты известны в материалах могильников Крыма, Нижнего Приднепровья, Поволжья, Южного Приуралья, Средней Азии и Казахстана IV - I в. в. до н. э. (109, с. 133, табл. 52: 4; 279, с. 16-21; 1975, с. 68, рис. 22; с. 78; рис. 26, с. 131-132, рис. 53; 112, с. 223, второй тип катакомб, см. табл.; 195, с. 109, табл. 40, 30; 89, с. 26-27; 187, с. 174-175; с. 190-191, рис. 2: 1-4).

В какой-то степени такую датировку подчёркивает "царская" катакомба II типа могильника Чимкентский, в которой отмечены части туш коня и овцы, а также найдена *железная прямоугольная пряжка с бегающим язычком*. Прямые аналогии пряжке отмечены в материалах могильников тагарской культуры (тесинский этап, рубеж II в. до - начало н. э.) и ранних кочевников Тувы сюннского времени III - II в. в. до н. э. (261, с. 231, табл. 94, 59)

В контексте определения нижней хронологической границы караултобинского этапа Ар. АК обратимся к керамическому комплексу Караултобе.

В этом вопросе имеются некоторые сложности. Они заключаются в отсутствии керамики архаического облика и декора ранней фазы этапа в погребальных сооружениях, что обусловлено неизученностью могильников вблизи объектов типа Караултобе. По этой причине хронологические

Бронзовый браслет

интерпретации базируются только на керамических комплексах поселений.

Кроме того, они связаны с неоправданно завышенной датировкой керамического материала памятника. Исследователь Караултобе Н.П. Подушкин заключает её в рамки “рубеж н. э. - IV в. н. э.” (246, с. 106-107), хотя приведённые им аналогии керамике и декору указывают на значительно более раннее время (246, с. 100-105). Такое обстоятельство, по свидетельству Н.П. Подушкина, было связано с комплексом объективных причин источниково-фактологического характера.

Между тем, как керамический материал объекта с его архаикой в формах, декоре, так и нарастающая волна новой археологической информации по памятникам региона IV в. до н. э. - VI в. н. э., настоятельно требуют уточнения хронологических построений в отношении таких эталонных поселений, как Караултобе.

Современные археологические реалии объективно указывают на возможность существенного удреждения нижней временной границы караултобинского этапа до V - IV в. в. до н. э.

Приведём аргументы в пользу такого заключения.

Тенденция расширения хронологических рамок в сторону удреждения материалов рубежа н. э. - первых веков н. э. в археологии Казахстана - факт, инициированный потоком новых источников. Это связано с раскопками могильников, погребальный инвентарь которых имеет хорошую датировочную основу.

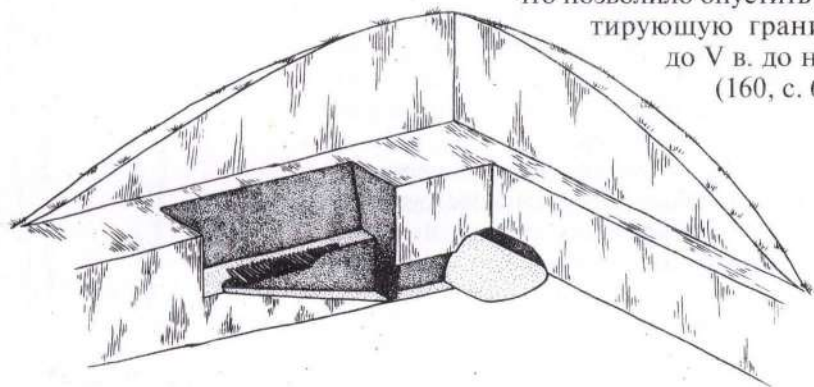
Например, такой процедуре после масштабных раскопок нескольких могильников в низовьях Сыр-Дарьи подвергся этап I джетысарской АК (рубеж н. э. - IV в. н. э., возможно, конец III в. н. э.; 157, с. 64). В его рамках были выделены три хронологических периода (Ia, Ib и Iv),

что позволило опустить датирующую границу до V в. до н. э. (160, с. 62).

*Железная пряжка
могильника
Чимкентский*

*Аксометрический
разрез катакомбы с
драмосом с
запеченными*

Аналогичная ситуация сложилась с археологическим комплексом Караултобе, когда стало возможным синхронизировать его с новыми материалами IV в. до н. э. - VI в. н. э., полученными в том числе из погребальных объектов.

Кроме того, по-новому стали выглядеть керамические материалы Караултобе в контексте интерпретации зооморфных и других артефактов. Стало возможным выделить образцы древней керамики, которые характерны для времени VI - IV в. в. до н. э.

В частности, наиболее архаичными среди керамики Караултобе являются *кухонные котлы на высоком поддоне* с двумя горизонтальными петлевыми ручками, выполненными в зооморфном стиле, которые крепились как на тулове сосуда, так и сверху, на кромке венчика. Сюда же необходимо отнести большую группу кухонной посуды (горшки, кружки, кувшины) с *зооморфным решением ручек*, в том числе - с двойными ручками (табл. I, 34).

Имеются веские основания рассматривать упомянутую посуду в её функциональном и, возможно, семантическом качестве как керамику, связанную с традициями сакской торевтики по изготовлению бронзовых ритуальных котлов на поддоне, т.е. сделанных в подражание последним.

На это указывают не только идентичная форма котлов (расположение ручек, поддон), но и некоторые элементы декора керамики. Это, в частности, *зооморфия и рельефный рубчик*, которые прямо связаны со скифо-сибирским звериным стилем, а факт причастности котлов к огню подчёркивает ритуальность последних.

Заметим, что аналогичное влияние торевтики на керамическое производство отмечено повсеместно у евразийских племён не только железного века, но и в более позднее время (93, с. 119, рис. 82, с. 129, рис. 91; 157, с. 17-19, рис. 3, 194-195; 203).

Что касается металлических котлов на поддоне, то ареал их распространения связан с кругом скифо-сакских, сармато-сионских родственных по происхождению и культуре племён VI - I в. в. до н. э. и охватывает территории от Северного Причерноморья на западе до Алтая на востоке [(93, с. 119 рис. 82; с. 149, рис. 106; 199, с. 35-36, кат. 8; 210, с. 111, табл. 46, 1-4; 282, с. 167, табл. 68, 2, 42-43; 220, с. 182, табл. 78, 1-3; 30, с. 109, рис. 86; 268, с. 37, рис. 29; 213, с.

264, табл. 107, 32, 50; с. 263, табл. 107, 10; 314, с. 216, табл. 89, 15-18 (петроглифический вариант: с. 219, табл. 88, 1, 3 - 3а); 261, с. 233, табл. 93, 2 (петроглифический вариант: табл. 93, 63); 315, с. 252, табл. 101, 10-11; 214, с. 302, табл. 128, 15)].

Прямые аналогии керамическим котлам на поддоне с зооморфным и другим решением ручек известны на территории Южной Сибири, Тувы в тагарское, таштыкское и сармато-сюннуское время, а также - в материалах джетысарской культуры низовьев Сыр-Дарьи (106, с. 192; 139, табл. XXVIII, 32-33; 153, с. 40-41; 198, с. 204, табл. 79, 4-6; 196, с. 192-193, табл. 79, 21; 157, с. 17, рис. 3, 194-195; 161, рис. 44, 9-10; 164, с. 189, рис. 65, илл. 23).

Ещё одна архаическая группа керамики Караултобе, *столики-тарелки с прямыми бортиками на ножках* (табл. 1, 11). Здесь также зафиксирован вариант заимствования культурных традиций посредством воспроизведения форм ритуального назначения каменной и деревянной посуды в керамическом производстве.

Речь идёт о каменных жертвенниках и деревянных блюдах на ножках савромато-сарматского круга племён IV - II в. в. до н. э., которые широко практиковались в погребальной обрядности (культ огня и жертвенного или погребального мяса).

Такие жертвенники и столики отмечены в савромато-сарматских, сюннуских погребениях Поволжья, Южного Приуралья, Казахстана, Западной Сибири. Аналогичный каменный жертвенник без ножек в виде овальной формы каменной площадки с рельефно-выпуклым изображением головы барана найден близ Караултобе (Тюлькубаский район, фонды филиала областного Южно-Казахстанского историко-краеведческого музея, с. Ванновка; табл. 1, 40).

Прямые керамические аналогии чашам (тарелкам) на ножках найдены в могильниках Ширинсайский и Кокмардан (80, с. 97, рис. 49, 2; 39, с. 118-119, табл. IV, 130; 132).

Как датирующий фактор косвенного порядка представляет интерес *декор* на ранней керамике Караултобе (табл. 1, 12-17). В частности, в таких его архаических вариантах как геометрический, явственно просматривается аналогичный по содержанию и технике нанесения мотив геометрического орнамента андроновского времени. Преемственность андроновской и сакской АК общеизвестна (21, с. 207-208; 30, с. 135). Аналогичная преемственность могла присутствовать и на Караултобе (245, с. 89).

В известной степени в качестве датирующего признака выступают *антропоморфные и зооморфные объёмные ритуальные предметы*.

Это миниатюрная, выточенная из алебаstra фигурка женского божества, представляющая собой довольно реалистично сделанную статуэтку с проработанными чертами лица и стилизованным окончанием нижней части тела (табл. 1, 104). По мнению Б.А. Литвинского и Ю.Д. Баруздина, такие алебастровые идола имеют отношение к кругу сарматских племён (108, с. 51-26). Близкие по назначению и исполнению женские фигурки из алебаstra, керамики, известны в материалах могильников и поселений Средней Азии и Казахстана начиная с первых веков до н. э. и вплоть до IV в. н. э. (70, с. 88-113, рис 61, 2-3, 7, 9; 73, с. 63, рис. 27, 1).

Как датирующий материал примечательны также два зооморфных объёмно выполненных артефакта - *головки льва и барана-архары* (табл. 1, 41-42).

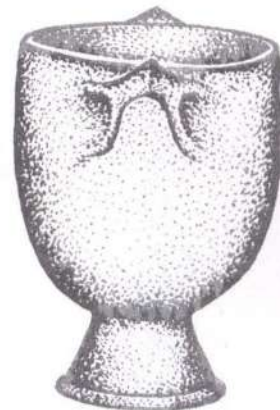
Головка льва выполнена из полуобожжённой глины и представляет собой морду животного с раскрытой пастью в фас с характерной для крупных кошачьих этого вида округлой формой ушей и гривой. Обозначены также нос животного и ноздри. Не вызывает сомнения видовая принадлежность поделки к роду *Felis Leopersicus* (персидскому льву), для которого обычна густая грива (182, с. 93).

Прямых аналогий головке льва найти не удалось. Между тем некоторые иконографические параллели в изображении льва в фас имеются в искусстве среднеазиатских, семиреченских и алтайских саксов. Например, очень близка по манере исполнения голова стоящего на задних лапах льва, терзающего оленя, на ножках акинака из Тахти-Сангина (Бактрия, VI - V в. в. до н. э.; 182, с. 88-89, рис. 3). Изображения морды льва в фас, выполненные из листового золота, украшали головной убор иссыкского воина-сака (V в. до н. э.; 23, с. 75, табл. 2). Известны львиные головки из дерева и рога в материалах сакских могильников Горного Алтая (V в. до н. э.; 266, табл. XXX, 1, 4; 265, с. 181, рис 95а).

Голова архары-барана сделана из качественной керамики в исключительно экспрессивной и натурализованной манере. Она в деталях отражает все физиологические

Зооморфная керамика Караултобе

особенности этого животного: высокая шея, витые рога, горбатость морды, “повисшие” губы. Скорее всего, изделие выступало в роли декоративного элемента какого-то ритуального сосуда.

Что касается самого образа барана, то последний является глобальным культом индо-иранских племён раннего железного века Евразии “хварна”-“фарн”. Ипостаси его чрезвычайно широки (символ Мирового Древа, астрально-солярная семантика, апотропей и т.п.); широки и варианты воспроизведения этого животного в искусстве и быте саков (174, с. 110-119).

Отметим также популярность обращения к образу архара-барана в искусстве скифо-сибирского звериного стиля у саков Средней Азии, Казахстана и Алтая. Здесь он наряду с традиционным оленем и дру-

Объемные зооморфные артефакты Караултобе

гими копытными (лось, горный козёл таутеке) занимает одно из важных мест.

Именно в принадлежности к скифо-сибирскому звериному стилю следует рассматривать караултобинскую головку архара, которая иконографически находит аналогии в кругу евразийских племён раннего железного века начиная с VII в. до н. э. - по I в. до н. э. (267, с. 270, рис. 140, Б, Г, С; 160, с. 71, табл. 25, 29).

Завершим анализ датирующего материала караултобинского этапа Ар. АК описанием и поисками аналогий *изделию из перламутра в форме “восьмёрки”*, которая обозначена у Н.П. Подушкина как “перламутровая застёжка” (245, с. 151; названный предмет ошибочно отнесён автором к материалам городища Торткультобе, в действительности он был найден в культурных слоях нижнего горизонта поселения

Караултобе: 245, с. 38-39).

Оригинальная форма поделки, её миниатюрность, а также хрупкость перламутра как материала исключают использование предмета в качестве функциональной поясной застёжки (пряжки). Данный артефакт с его броской цветовой гаммой скорее несёт декоративно-прикладные функции. На это указывает и его нестандартная “восьмёркообразная” форма. По моему мнению, это изделие является частью портупейной системы крепления ножен кинжала-акинака к поясу. В частности, оно могло служить бляхой-распределителем кожаного ремешка-держателя ножен, который пропускается через отверстия бляхи и затем крепится к портупейному выступу (табл. 1, 59). Прямые аналогии подобной восьмёркообразной пряжке в таком аспекте использования (золотой вариант выполнения), найдены в материалах Кемерлесского кургана VII в. до н.э. (81, с. 255-261; рис. 1; 1, 5).

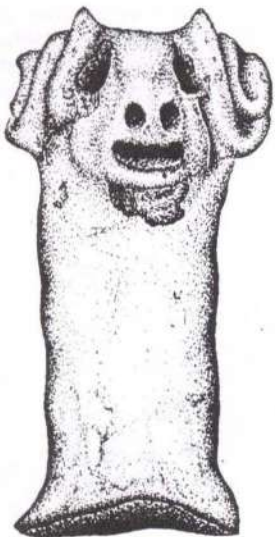
В этой связи отметим факт находки частей железного обоюдоострого кинжала в нижних слоях Караултобе (245, с. 144).

Таким образом, опираясь на приведённый круг аналогий, можно определить широкие хронологические рамки караултобинского этапа в пределах VI - IV в. до н. э. - I в. до н. э. Имея ввиду большую датирующую основательность вещевых комплексов, эти границы следует сузить и обозначить рамки периода с IV - III в. в. до н. э. по I в. до н. э.

Обратимся к хронологии второго каратобинского этапа Ар. АК. Она опирается на хорошо разработанную типологическую классификацию керамики Арысского и Отрарского оазисов и привязанные к ней датирующие погребальные вещевые комплексы могильников Актобе, Алтынтобе, Кокмардан I - IV в. в. (39, с. 100-110; 123-140, керамика I - III, или I - нач. IV в. в., табл. III - IV).

В целом временные рамки ранней керамики классического “каратобинского” облика почти совпадают с аналогичными рамками одноимённого периода. Остаётся проблема, связанная с датировкой нижней границы начальной фазы этапа.

Новый археологический материал из катакомбных могильников, в том числе яркие вещевые комплексы, сопровождаемые керамикой каратобинского типа показывают, что эта граница находится на рубеже конца II в. до - начала I в. н. э. Оста-

новимся на аргументах в контексте данного вывода, взяв за основу наиболее выразительные и существенные датирующие артефакты из погребальной вещевого атрибутики.

В эту группу входят такие характерные для каратобинского периода источники как оружие и защитный доспех, конское снаряжение, предметы быта и украшения (табл. 1).

Оружие на каратобинском этапе представлено:

железными обоюдоострыми без перекрестия черешковыми мечами с дисковидным каменным навершием (табл. 1, 130);

аналогичными короткими акинаками без навершия, но в деревянных сложносоставных ножнах из дерева, кожи, ткани, внешняя поверхность которых окрашена в красный цвет (ручки мечей и акинаков деревянные, фиксировались на черешке двумя специальными штырьками-заклёпками);

сложносоставными деревянными луками с парными срединными накладками;

железными черешковыми трёхпёрыми, реже - трёхгранными наконечниками стрел, которые крепились на деревянное древко путём вставки черешка в расширенное основание последнего с последующей обмоткой крепящейся части тонкой нитью (табл. 1, 128);

фрагментами чешуйчатого защитного доспеха в виде железных пластин характерной формы со следами крепления на кожу и плетёное дерево (табл. 1, 126);

фрагментами железного втульчатого копья.

Порядок местонахождения оружия в погребениях следующий: мечи клались вдоль тела покойных слева, навершием к изголовью; акинаки - справа, при этом рукоять вкладывалась в кисть руки; лук клался вдоль тела погребённых как слева, так и справа, причём срединная его часть всегда располагалась вблизи кисти руки.

Колчан (судя по всему, деревянный или кожаный) с набором стрел (до 15 штук) помещался рядом с луком вдоль тела покойных у пояса, реже в ногах. При этом отмечена различная направленность острия наконечников: как к изголовью, так и в обратную от него сторону.

В целом над остальными видами оружия преобладают лук и стрелы (железные наконечники - частая находка в катакомбах III типа). Затем следуют мечи и акинаки.

Перечисленный комплекс вооружения стационарен для каратобинского этапа Ар. АК, он отмечен во многих погребениях. Небольшое количество целых и археологически реконструированных форм объясняется высоким процентом ограбления катакомб в древности и повреждением или специальной порчей клинкового оружия при осуществлении впускных погребений.

В целом данное вооружение как в конструктивном варианте, так и в отдельных деталях обрядово-ритуального назначения находит прямые аналогии вплоть до тождественности в многочисленных памятниках среднесарматской (суловской) и позднесарматской АК Южного Приуралья II в. в. до - IV в. н. э. Отмечено оно также в материалах могильников Средней Азии и Южного Казахстана этого же времени (сюнно-канцзюйский круг племён). В частности, это относится:

к мечам и кинжалам обоюдоострым без перекрестия и навершия в деревянных ножнах упомянутой выше конструкции (219, с. 183, табл. 81; 220, с. 195 - ареал распространения клинкового оружия описываемого типа; 47, с. 151, рис. 2: 1, 6; 230, с. 135; 233, с. 82; 187, с. 184, табл. IV, 1, 3; 189, с. 217, табл. XVI, I-II; 73, с. 71-79, рис. 32, 16; 255, с. 76, 5, 1);

к мечам с дисковидным ("пуговице-видным") круглым навершием с отверстием из камня и других материалов (последние появляются ещё в раннесарматское время; 282, с. 172, табл. 65, 35; 220, с. 196, табл. 81, 58-62; 46, с. 63, рис. 13; 231, с. 65-66; 234, с. 62-63; 3, с. 69; 173, с. 29; 237, с. 155);

к мечам однолезвийным черешковым без перекрестия и навершия (116, с. 91, табл. 35, 60-61);

к основной массе наконечников стрел с "опущенными" жальцами (171, с. 77-80, рис. 4; 173, с. 30; 307, с. 36-37; 182, с. 209);

к чешуйчатому доспеху-катафрактё и связанному с ним оружию типа копья (304, с. 180 - 187; 219, с. 183, табл. 81, 6-7, 27);

к сложносоставному луку "гуннского" (сюннского) типа (52, с. 66-67; 303, с. 33-41, рис. 3, 4-5; 172, с. 51-69, рис. 1, 4; 299, с. 101-103, рис. 49; 73, с. 71-79, рис. 33; 309, с. 27-30, рис. 2-4; 219, с. 183, табл. 81, 27).

Аналогии конскому снаряжению в виде уздечного набора в составе железных двукольчатых удиц с кольцевыми псалями и

Фигурная пряжка из перламутра

железных круглых массивных подпружных пряжек также зафиксированы в памятниках сарматского и сюннско-канцзюйского времени I в. до - IV в. н. э. (220, с. 199, табл. 81, 49; 116, с. 86, табл. 31, 9; 189, с. 238, табл. XXXIV, 8, 9; табл. XXVII, 9 - 10, 15).

В определении основных хронологических границ каратобинского этапа можно опереться на такие датирующие артефакты, как *предметы быта, культа и украшения*.

Из первых это железные однолезвийные черешковые *ножи* с костяным (деревянным) решением ручек и *косметический прибор* в составе сурьматаша и красящей таблетки из светлой глины (табл. 1, 119).

Из вторых - золотая *"амфоровидная"* подвеска, зооморфные бронзовые подвески в виде водоплавающих птиц, зеркала, а также бронзовые бубенчики (одинарные, спаренные), колокольчики и зооморфные печати перстней (табл. 1, 136, 100, 122-123).

Прямые аналогии черешковым ножам с костяным и деревянным решением ручки и различным функциональным назначением (бытовые ножи в комплекте "деревянный столик - жертвенная часть туши животного") хорошо известны в погребальных памятниках I - IV в. в. н. э. региона Средняя Азия - Южный Казахстан (179, с. 27, табл. 5; 116, с. 91, табл. 34, 4-7; 70, с. 83, табл. 37, 1-5; 233, с. 87; 234, с. 60, рис. 1, 3; 189, с. 224, табл. XVII, 1-2, 4, 7; табл. XXVI, 1, 2; табл. XXI, 5 - 6; 234, с. 60, рис. 1, 3; 39, с. 103, рис. 55, 1-2).

Достаточно распространенным явлением для I-IV в. в. является и косметический прибор. Он отмечен в памятниках этого времени на территории Средней Азии и Казахстана в нескольких вариантах: сурьматаш и кусочек графита; сурьматаш и светлая глина таблеткообразной формы или в виде неправильной бусины; просто сурьматаш (88, с. 178-180, рис. 37, 3; 82, с. 17-20; рис. 6; 179, с. 127-132; 70, табл. 42, 1-2, 4; 188, с. 200, табл. XI, 11; 243, с. 75, табл. LI, 23).

В I - IV в. в. н. э. в составе наборных ожерелий и ручных браслетов продолжают использоваться всевозможные "амфо-

ровидные" подвески из различных материалов (стекло, хрусталь, камень), характерные для сармато-сюннского круга племен. Прямых аналогий подвеске в золотом исполнении (плакировка кусочка смолы) пока найти не удалось, но подобного вида украшения отмечены в указанное время на территории Южного Приуралья, Средней Азии (281, рис. 31, 1-2; 272, с. 112-116, рис. 26, 5-6; 298, с. 109, рис. 4, 23; 82, с. 17-20, рис. 6, 1; 116, с. 91, табл. 35, 9).

Не менее широко известны в памятниках сармато-сюннского времени Евразии различного вида бубенчики и колокольчики, выполненные из бронзы и железа. Их находят в погребальных комплексах в составе конской экипировки и наборных ручных браслетов.

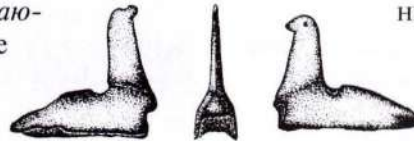
Так, они встречены в памятниках Крыма, Приаралья, Хорезма, Ферганы и Западной Сибири начиная с II в. до н. э. и по IV в. н. э. (109, с. 144, табл. 51, 47; 74, с. 59, табл. 14, 51-52; 82, с. 17-20, рис. 6; 70, табл. 42, 10; 195, с. 109-112, табл. 42, 31, 56; 198, с. 199-200, табл. 81, 8-9; 214, с. 294-311, табл. 108, 32-34).

Ближайшие аналогии круглым плоским зеркалам с ручками и без таковых с небольшим утолщением по бортику имеются в могильнике Шаушукумский III - V в. в. н. э. (189, с. 233, табл. XXVII, 1; табл. XXXI, 14).

Между тем ареал зеркал подобного типа очень широк. Как бытовой предмет они широко использовались на протяжении большого периода времени начиная с II в. до н. э. по V в. н. э. и найдены в многочисленной группе погребальных памятников Евразии сарматского круга племен как в целых формах, так и ритуально разбитых (278, с. 152; 302, с. 117-134; 160, с. 71, табл. 24, 56-60; 213, табл. 119, 8-9; 214, табл. 126, 56-34, 42, 25; 168, с. 125-127; 164, с. 229, рис. 152-155, илл. 26а).

В пределах I в. до - IV в. н. э. имеют распространение в памятниках Средней Азии и Казахстана зооморфные артефакты в качестве украшений.

Так, прямые аналогии подвеске в виде водоплавающей птицы имеются в материалах джетыясарской культуры (160, с. 71, табл. 25, 27; 164, с. 244, рис. 163, 3) и мо-

гильника Мардан (229, с. 99-103).

Бронзовый перстень с зооморфным изображением лежащего верблюда-бактриана, близкий по исполнению каратобинскому, но только в золотом варианте, отмечен в Семиречье (урочище Каргалы; 116, с. 82, табл. 29, 30-31). По мнению Б.И. Вайнберг, на территории Казахстана и прилегающих районов Средней Азии "...в период от V до II в. в. до н. э. сложилась иконография образа лежащего верблюда" (72, с. 25).

Определение верхней хронологической границы каратобинского этапа Ар. АК связано с несколькими находками, имеющими отношение к иранским резным камням, т.н. "сасанидским геммам" (интальям). Утвердившаяся в литературе к подобного рода артефактам дефиниция "геммы" не совсем точно отражает характер и технику выполнения рисунка на поверхности камней. Он нанесен в рельефно-вогнутом, а не в рельефно-выпуклом, как в случае с геммами, варианте. Поэтому представляется более приемлемым использовать термин "интальи".

Они встречены как в виде т.н. "ложного перстня" из молочного халцедона (случайная находка, Арысский оазис), так и в виде печати овальной формы, сделанной по сырой глине на внутренней поверхности хума с аналогичного рода перстня (найдена в культурных слоях верхнего строительного горизонта Тулебайтобе; табл. 1, 135, 182).

В первом случае сюжетом послужил скорпион, выполненный выразительно и натуралистично с тщательно проработанными деталями частей тела этого насекомого (клешни, лапки, характерный "хвост" с концевым жалящим "когтем"). Во втором - благородный олень, изображённый "шестьюющим" в штриховой стилизованной манере.

Сасанидские интальи - чётко идентифицированный и хорошо датирующий археологический материал. В литературе, посвящённой таким интальям (геммам), определены время, место, особенности художественного исполнения подобных изделий, а также возможные пути экспорта этой продукции за пределы Ирана (184;

185; 100; 166; 169, с. 105-119).

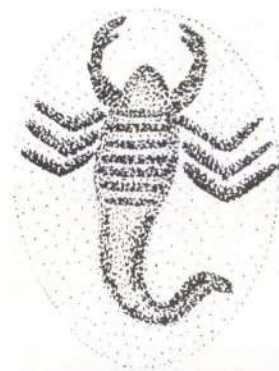
На территории Казахстана аналогичные артефакты сасанидской глиптики найдены в погребальных комплексах джетыасарской АК I пол. I тыс. н. э., могильнике близ городища Коньртобе (Отрарский оазис), а также - как случайные находки (166, с. 68; 169, с. 105-119; 164, с. 237-243, рис. 161-162, илл. 45-46; 273, с. 163-169).

В частности, прямые аналогии нашему изображению на "ложном перстне" скорпиона отмечены в материалах могильника Коньртобе (40, с. 163, рис. 1, 2). Л.М. Левина и А.Б. Никитин относят интальи с прорисовкой отдельных фигур животных к ранней группе "сасанидских гемм", и датируют последние, опираясь на вещевые комплексы погребений Алтынасарского могильника, III - IV в. в. н. э. (169, с. 112-116). К такой же датировке интальи склоняется и Е.А. Смагулов, допуская при этом возможность распространения "гемм" и в V в. н. э. (273, с. 166).

Заметим, что использование интальи в качестве маркирующих печатей на крупных сосудах типа хума - явление новое для Южного Казахстана. Между тем подобные тенденции вплоть до прямых аналогий имели место в Юго-Западной Фергане I пол. I тыс. н. э., Мервском оазисе IV в. н. э. и Чачском оазисе I - IV в. в. Здесь практиковались различного вида клейма и печати как маркирующие знаки собственности заказчика или мастера-гончара (70, с. 157; 225, с. 119; 99, с. 39, рис. 1).

Археологический комплекс городища Тулебайтобе, где в верхних культурных слоях была найдена печать на хуме с сасанидской интальи, а также - тесно связанные с ним материалы двух катакомбных могильников (Тулебайтобе I, II), подтверждают время появления таких изделий в Южном Казахстане. Это III - IV в. н. э. Представляется обозначить верхнюю границу второго каратобинского этапа Ар. АК также III - IV в. н. э.

Завершим раздел хронологией и датировкой третьего заключительного алтынтобинского этапа Ар. АК. Круг источников, на которых основывается

Бронзовый бубенчик.
Бытовой нож

датировка, сводится к следующим артефактам: *керамическому комплексу; некоторым зооморфным и антропоморфным поделкам; предметам быта, украшениям; уникальным единичным находкам* (табл. 1, алтынтобинский этап).

Своеобразный *керамический комплекс* поселения Алтынтобе IV - VI в. в. послужил в восьмидесятые годы основой построения хронологической классификации керамики большинства известных в то время раннесредневековых объектов Арыско-Каратаусского региона и Отрарского оазиса (39, с. 11-142; табл. III, IV).

Основные параметры алтынтобинского керамического комплекса (форма сосудов, их функциональность, приёмы декора, новации в зооморфии, знаки, изделия типа "роговидных" подставок и т.п.) находят аналогии в памятниках Средней Сыр-Дарьи среди объектов каунчинской АК. Они уверенно вписываются в хронологические рамки этапа Каунчи II по Л.М. Левиной (157, с. 182).

Эту же датировку косвенным образом подтверждают и некоторые зооморфные и антропоморфные поделки, сопровождающие керамику.

В частности, в слоях верхнего культурного горизонта Алтынтобе был обнаружен обломок боковины хума с рельефно-выпуклым изображением человеческой фигуры с приподнятыми руками. Изображение выполнено стилизованно, в экспрессивной манере. Над фигурой человека, которая как бы в движении, отмечен полунимб (табл. 1, 166).

Ближайшие аналогии подобным антропоморфным артефактам (без нимба над головой) известны в материалах городища Марданкуик (6, с. 166, рис. 85), а также памятниках джетыасарской АК IV - VI в. в. н. э. (156, с. 167-178; 160, с. 71, табл. 25; конец периода Iв этапа Джетыасар I; 170, с. 187, рис. 2; 164, с. 246-248, рис. 170).

Своеобразны также найденные на Алтынтобе *косяные стили* с зооморфным (в виде головки петуха) и простым (в виде лопатки) навершиями (табл. 1, 167). Такие стили, независимо от их функционального назначения (атрибут туалета, орудие гончара-декоратора посуды, палочка для писания и

др.), имели распространение в памятниках Средней Азии середины I тыс. н. э. (97, с. 76, табл. XV, 144; 113, с. 152, рис. 9; 36, с. 41-43, рис. 116).

Датирующих *предметов быта* на алтынтобинском этапе не так много. Это бронзовая рамчатая фигурная поясная пряжка с бегающим язычком (табл. 1, 168), а также костяное изделие, называемое "шумек" (сумек; мочеотводное приспособление для младенца; табл. 1, 170). Аналогии названным бытовым артефактам имеются в материалах могильника Коньртобе IV - V в. в. (273, с. 166, рис. 5, 25), могильника Мардан IV - VI в. в. (229, с. 99-103), Кенкольского могильника IV - V в. в. н. э. (48, с. 152, табл. XXI; 116, с. 85, табл. 31, 24).

Особую датирующую группу алтынтобинского этапа составляют *украшения и уникальные артефакты*. В нашем случае это золотая подвеска в виде овальной формы рубинового глазка, окаймлённого двумя рядами зерни (табл. 1, 183; случайная находка, Арысский оазис); ожерелья наборные из бус различной формы и материала (табл. 1, 181), а также фрагмент донца сосуда с рунической надписью, выполненной по сырой глине острым предметом.

Золотая подвеска, сделанная в классических традициях полихромного стиля, имеет прямые аналогии в памятниках Отрарского оазиса, Восточного Казахстана III - V в. в. н. э., (229, с. 101-103; 25, с. 30-31, рис. на с. 193), а также погребальных памятниках джетыасарской АК III - V в. в. Здесь аналогичные подвески найдены в комплексе с бусами в ожерельях (161, с. 95; рис. 55, 10; 14; рис. 60; 167, рис. 3, 1, 3).

В рамках V - VI в. в. можно датировать также наборные ожерелья из бус Борижарского могильника; последние по формам и материалам (стекло, коралл, камень и др.) находят прямые аналогии в погребениях джетыасарской культуры этапа I периода Джетыасар I (167, с. 205-207, рис. 1-2; рис. 3).

Что касается рунической надписи на донце сосуда типа кружки (кувшина), то она, по определению А.С. Аманжолова, включает два знака, которые являются частью орхоно-енисейского

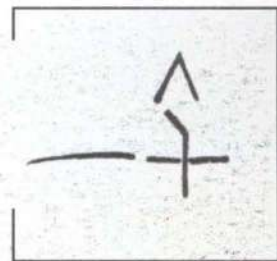
Пряжка бронзовая
рамчатая

рунического письма. Они читаются как “оз”, что означает “опытный”, “умелый”, “искусный” (мастер) и является автографом гончара (12, с. 45). Надпись может быть датирована серединой VI в. н. э.

Таким образом, приведённые выше аналогии и хронологические выкладки дают основание определить временные рамки алтынтобинского этапа Ар. АК с IV по конец V - середину VI в. н. э.

Кратко подводя итоги основным выводам по вопросам периодизации и хронологии Ар. АК, заметим, что они заключались исходя из источниковых возможностей памятников, подвергшихся археологическому изучению в восьмидесятые-девяностые годы. С расширением фактологической основы и увеличением научной информации о новых объектах Ар. АК, в её периодизации и хронологии неизбежны поправки и корректировки. Это относится в первую очередь ко второму каратобинскому этапу как наиболее длительному и насыщенному количественными и качественными характеристиками СКП Ар. АК. В его рамках возможны соответствующие временные градации.

*Прорисовка надписи
руническим письмом на
керамике Алтынтобе*

*Тулбайтобе.
Шествующий олень*

ЭТНИЧЕСКАЯ АТТРИБУЦИЯ АРЫССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ГЛАВА V

*Народы Центральной
Азии и Казахстана IV в. до
н.э. - VI в. н.э. в основе
своей полиэтничны*

Проблема идентификации археологических культур с конкретным этносом чрезвычайно сложна и не решена до настоящего времени.

1. Вопросы этнической идентификации археологических культур IV в. до - VI в. н. э. и арысская культура.

Проблема идентификации археологических культур с конкретным этносом чрезвычайно сложна и в основе своей не решена в силу ряда причин по настоящее время. Её освещение породило массу литературы и обусловило продолжительные дискуссии на страницах специализированных изданий.

Общий смысл этих дискуссий сводится к следующему: *может ли археологический артефакт как вещественный источник из сферы материальной культуры, рассматриваться в качестве этноопределяющего признака и служить основой для соответствующих палеоэтнологических заключений* (215;

216; 217; 17; 274; 276; 118; 119; 140 и др.). Единого мнения у археологов на этот счет нет, дискуссионные моменты концентрируются исключительно вокруг вопросов, что считать этноопределяющим признаком и какие артефакты могут являться таковыми на фоне обязательных методологических построений (140, с. 37-51; 141; 144; 118-119; 17; 216; 34; 19).

Между тем анализ археологической литературы показывает, что этнологические или связанные с ними интерпретации - неотъемлемая часть большинства серьезных исследований (монографий, диссертаций),

во многих случаях - венец творческой научной деятельности ученых-археологов (294-296; 52; 54; 56; 104-105; 175; 97; 23; 36; 157; 160; 164; 38 и др.).

Одним словом, изначально научная и практическая деятельность исследователя не мыслится вне сферы палеоэтнологических заключений. Поэтому большинство археологов стремятся к подобного рода интерпретациям, опираясь на основополагающие источники, к которым, в первую очередь, относятся АК (30; 97; 157; 164; 174 и др.).

При этом спектр подходов в вопросах этнической идентификации АК чрезвычайно широк. Это повлекло за собой сложности методологического характера, которые продолжают решаться в ходе дискуссий (141; 144; 34; 19 и др.).

Не останавливаясь на дискуссиях между сторонниками этнической версии трактовки АК и их оппонентами (см. статьи в СА И.С. Каменецкого, Л.С. Клейна, Г.С. Кнабе, А.П. Смирнова и других), не разделяя прямолинейных идентификаций АК как обязательное этнологическое условие трактовки АК, подчеркнем, что *любой археологический комплекс*, (тем более специфический комплекс признаков АК), *безусловно несет в себе элементы этничности*.

Это связано с тем, что артефакты - не результат деятельности абстрактных гомо сапиенс, а материальное воплощение жизнедеятельности человека в рамках древнего социума (61). Поэтому палеоэтнологические интерпретации в деятельности археолога необходимы.

Сложность заключается только в преодолении барьера специфики археологического материала как важнейшей, но все же не единственной сферы культуругенеза, характеризующей тот или иной этнос (14, с. 116-117).

По мнению исследователей, такой барьер практически преодолим при соблюдении методических принципов выделения этно-специфических признаков на основе археологического материала и отождествлении этого материала с конкретными этносами.

При этом, подчеркивая известную «ограниченность» возможности этнологической идентификации АК, авторы не считают нужным «вообще отказаться от попыток видеть в АК какую-либо конкретную локально-историческую общность» и говорят о перспективности подобных усилий «лишь применительно к более поздним истори-

ческим периодам, в социологическом отношении соответствующим эпохе классовообразования или эпохе раннеклассовых обществ» (19, с. 86-87; см. территориальный и ретроспективный методы).

В какой-то степени в вопросе этнической интерпретации АК в вышеизложенном варианте близка точка зрения А. П. Монгайта, который пишет: «За археологическими культурами скрываются разные исторические явления, среди которых лишь одно из возможных - наличие этнической общности» (217, с. 78). В целом обозначенная позиция по проблеме этнологической идентификации АК приемлема и для арысской АК, но с некоторыми корректировками, на которых следует остановиться.

Выше было отмечено, что мнения исследователей по поводу этнической атрибуции АК существенно расходятся, причем диапазон такого расхождения достаточно велик. Он отражает две точки зрения: от неприятия археологических артефактов в качестве несущих этнические признаки и отрицания возможности использования археологического материала в этнологических идентификациях (102, с. 92) до прямолинейных и однозначных этнических интерпретаций, основывающихся на локальных археологических комплексах (97, с. 60-78; 48, с. 19-21).

Между тем в этом вопросе предпочтительнее будет отказаться от радикальных заключений и жестких этнологических интерпретаций, рассматривая суть проблемы с гибких позиций комплексного подхода.

Необходимость использования последнего диктуется фактом неординарности, нестандартности проявления этнонесущих признаков, «закодированных» в археологические артефакты в силу самой природы этногенеза. Как динамичное явление, подверженное всякого рода изменениям, деформациям и трансформациям, он объективно обуславливается конкретной исторической обстановкой, временем, другими обстоятельствами. По этой причине неизбежны корректировки в вопросах, связанных, в нашем случае, со сложностью выделения, градации по уровню этничности и идентификации этнонесущих артефактов, представленных СКП Ар. АК.

Отметим также, что древние народы Центральной Евразии эпохи раннего железного века и раннего средневековья в основе своей полиэтничны. Их социально-экономический статус представлен различными

хозяйственно-культурными типами (далее ХКТ), этнические «параметры» которых в аспекте признака различны, а в сочетаниях могут являть собой сложнейшие варианты синкретических проявлений.

Как показывает археолого-этнологический анализ материалов Ар. АК, она не исключение в этом плане, а скорее - классический образец, т. к. у ее носителей зафиксированы по крайней мере три ХКТ (кочевой, земледельческий, земледельческо-скотоводческий). Они закономерно сложились в условиях выраженной полиэтничности так называемой контактной зоны, которой является регион Южного Казахстана (253, с. 109-110).

Это предопределяет строго дифференцированный подход к отбору артефактов, которые могут выступать в роли этноопределяющих, и заставляет признать тот факт, что последние в рамках СКП, характеризующих АК, специфичны, и присущи только данной АК.

Это обстоятельство диктует и соответствующий «персональный» методологический уровень решения вопросов этнической идентификации.

Его ключевые составляющие прямо связаны с принципом комплексного подхода, главное содержание которого сводится к выявлению при этнологической идентификации наиболее оптимального соотношения всех параметров археологического материала с одной стороны (СКП Ар. АК), и блока информации этнического порядка, связанного с кругом исторических, топонимических, антропологических, палеолингвистических источников с другой стороны.

При этом главная посылка в этом процессе - *факт присутствия в регионе-ареале распространения археологической культуры палеоэтнических групп, подтвержденный письменными источниками или другими достоверными материалами перечисленного выше круга.*

На таком фоне обратимся к другим методологическим моментам, связанным с этнической атрибуцией Ар. АК.

Важнейшие из них:

- критерии отбора этноопределяющих артефактов в спектре СКП культуры;
- варианты проявления последних в качестве таковых;
- установление характера и степени «этничности» того или иного артефакта в кон-

тексте окончательных этнологических заключений.

Отметим, что не все признаки (артефакты) в составе СКП Ар. АК могут выступать в роли этнонесущих. Поэтому в вопросе их вычленения необходима стратифицированная система, адаптированная к региональным особенностям СКП Ар. АК и, как следствие - к возможным вариантам выступления артефактов в качестве этноопределяющих.

Очевидно, что на этнологическую интенсивность проявления артефактов влияют такие важные обстоятельства как геостратегическое местонахождение объектов Ар. АК; подтвержденная письменными источниками сопричастность региона к политическим событиям, имеющим «этническую» окраску; прямые этнологические сведения из других источников; антропологические, топонимические и палеолингвистические факты.

Придерживаясь таких многоаспектных этнологических и других критериев, можно в принципе трактовать те или иные артефакты из СКП Ар. АК как этноопределяющие и осуществлять на этой основе последующие этнические заключения. Такой подход позволит свести до минимума возможные ошибки в вопросах вычленения несущих этнические признаки артефактов и их градации по степени проявления в контексте увязки с ХКТ.

Заметим, что набор как просто артефактов, так и этноопределяющих артефактов у этнических групп-носителей разных ХКТ, существенным образом различается. При комплексном ХКТ он, напротив, нивелируется, приобретая синкретический характер.

Это приводит к большим трудностям в плане выделения, идентификации этнических признаков и трактовки последних в качестве присущих тому или иному этносу.

Одним словом, при идентификация этнонесущих артефактов необходимо сделать поправку на возможность неадекватного их проявления в конкретных физико-географических и политических, социально-экономических и региональных условиях.

Имеются примеры, когда трактуемые как несомненно этнонесущие артефакты (например, керамика, погребальные сооружения) не демонстрируют в отдельных случаях свои этнические черты, определяемые данной трактовкой.

В этой связи предпочтительнее будет

опереться на одновременно несколько универсальных этнонесущих артефактов, а не ограничиваться интерпретацией локальных данностей этнического порядка при идентификации Ар. АК.

Таким образом, комплексный учет перечисленных выше факторов и обстоятельств в контексте предложенного методологического принципа могут служить основанием для выявления этнической атрибуции Ар. АК. При этом воздержимся от узких этнических идентификаций и отдадим предпочтение более обобщенным этнологическим заключениям.

В вопросах этнической идентификации археологических культур имеются позитивные, проверенные временем, результаты. В частности, речь идет о сакской культуре Казахстана. Несмотря на отсутствие в литературе сформулированного и четко определенного специфического комплекса признаков этой АК, наличие общеизвестной триады «обряд погребения - оружие, конское снаряжение - звериный стиль» в кругу артефактов того или иного памятника не вызывает сомнений у исследователей раннего железного века о причастности культуры к скифо-сакской этнической общности (30; 23).

При этом этноопределяющие признаки триады не подвергаются пересмотру и повсюду продолжают выступать основанием для определения этнической атрибуции археологических комплексов т. н. «царских» курганов на огромной территории Евразии (275; 128; 74; 23; 104; 107; 266-267).

Аналогичные этнические идентификации были предприняты и в отношении АК IV в. до-VI в. н. э. региона Средняя, Нижняя Сыр-Дарья - бассейн р. Талас.

Например, Г.В. Григорьев прямо связывал археологический комплекс городища Каунчитепа с саками (97). А.Н. Бернштам самим названием «кангюйско-каратауская» культура выразил свое отношение к этно-государственной принадлежности большинства известных на конец пятидесятих годов археологических памятников зоны гор Каратау (55). Он же трактовал Кенкольский могильник как «гуннский» (сюн-нуский; 48, с. 19).

Приводят конкретные этнологические заключения в контексте интерпретации археологических материалов Чачского, Джетыясарского, Отрарского оазисов и другие известные исследователи-археологи (291; 66; 69; 293-294; 157; 160; 164; 6; 31).

К сожалению, неразработанность кри-

териев оценки и градации этноопределяющих артефактов, отсутствие единых методологических подходов, а также не всегда оправданная прямолинейность этнологических заключений в подобного рода вопросах не внесли ясности касательно проблемы этнической атрибуции АК, а, напротив, усложнили ее.

Так, вскоре существенно были пересмотрены основные выводы Г. В. Григорьева в отношении археологического комплекса Каунчитепа (в том числе этнологические; 288, с. 84-86; 291, с. 158; 292, с. 17 5-176; 157, с. 178-179).

Кенкольский могильник в свете новых данных оказался не только «гуннским» (146; 147; 149).

В джетыясарской культуре после масштабных работ семидесятых-восьмидесятых годов отмечены другие, нежели первоначально обозначенные эфталито-хионитские и тохарские, этнические элементы (293, с. 80; 294, с. 124-126; 160, с. 61-62).

Таким образом, аспект этнической атрибуции АК в целом и отдельных археологических комплексов в частности по-прежнему остается на повестке дня в современной археологии особенно в контексте массы нового археологического материала и выделения новых АК.

В этой связи, не претендуя на окончательные приоритеты в плане разработки вариантов решения этой сложной задачи, обозначим на примере арысской АК свои позиции по данному вопросу.

Прежде чем обратиться к процедуре выделения и градации этнонесущих артефактов Ар. АК, кратко остановимся на характеристике этнополитической ситуации изучаемого региона и прилегающих областей IV в. до - VI в. н. э. по сведениям письменных источников, так как именно эта ситуация дает ключевые ориентиры в последующих этнологических построениях и интерпретациях.

Поскольку круг письменных источников, связанных с территорией Южного Казахстана отмеченного выше времени, крайне ограничен, приведём данные других источников, касающихся в какой-то степени проблемы присутствия в регионе конкретных этносов или отдельных этнических групп.

История Казахстана и Средней Азии раннего и развитого железного века тесно связана с консолидацией племен, известных из древнеиранских источников

под общим названием «saka» (23, с. 5). Эти племена были современниками скифов Северного Причерноморья, поэтому Геродот и другие греческие авторы V - II в. в. до н. э. (Ксенофонт, Птолемей) писали о них как об «азиатских скифах» (27, с. 158).

Круг племен «saka» был весьма обширен, включал различные по ХКТ этнические общности. Об этом достоверно сообщают ахеменидские и античные источники (см. сводные данные о письменных источниках и этническом составе саков: 297, с. 306-308; 30, с. 9-21; 175, с. 158-174; 23, с. 5; 27, с. 158-165).

В ахеменидских источниках фигурируют следующие племенные объединения: собственно саки; сака-хаумаварга (саки, варящие напиток «хаом»); сака-тиграхауда (саки, носящие островерхие головные уборы); сака-тиай-парадрайа (саки, которые «за морем»); в греческих: саки-амюргии и саки-ортокарибантии (27, с. 158; 175, с. 158).

Помимо перечисленных, в упомянутых источниках называются и другие племена, близкие или входящие в круг глобального этноса «saka»: «саки, которые за Согдом», массагеты, дахи, апасиаки (пасаианы, аттасии), а также некоторые этнические составляющие крупных сакских союзов типа саков-тиграхауда. В составе последнего отмечены аксатаги, исседоны, аристеи и, возможно, агриппеи (30, с. 20; 264, с. 30-35).

Пестрый этнический состав «азиатских скифов» обусловил сложности в вопросах соотношения племенных объединений саков ахеменидских и античных авторов, а также локализации конкретных союзов племен и этнических групп саков на территории Средней Азии и Казахстана (см.: 175, табл. на с. 159-161 и след.; 83, с. 130-133; 27, с. 161-164; 32, с. 36).

Независимо от варианта решения этих вопросов и в целом обозначенной локализации ключевых племенных объединений саков, следует признать факт присутствия в регионе Южного Казахстана палеоэтнических групп, так или иначе связанных с историко-культурной общностью скифо-саков (23, с. 5; 27, с. 158).

Начиная со II в. до н. э. территория Южного Казахстана становится объектом многочисленных миграций кочевых племен. Они пришли в движение как на юго-

западе от региона (разгром Греко-Бактрийского государства в середине - конце II в. до н. э.), так и на востоке (усиление суннуского союза племен во главе с Модэ-шаньюем и его агрессивная политика в отношении соседей, в частности, у-сунь, да-юэчжи и других).

Последнее обстоятельство обусловило миграцию да-юэчжи из глубинных районов Центральной Азии далеко на запад, где они вторглись в пределы Ферганы (Да-Юань, Давань), покорив затем Бактрию (Дахя; 57, П, с. 151).

Как известно, состав кочевых племен, положивших конец Греко-Бактрии, был чрезвычайно пестрым. Помимо сакского и пост-сакского круга племен (асии-асианы, пасианы, тохары, сакараулы-сакарауки), сюда входили такие этносы как да-юэчжи, у-сунь, а также представители сармато-аланского этнического пласта. Он также был полиэтничен и состоял из племенных объединений аорсов, сираков, роксоланов, языгов и других (175, с. 170-171; 83, с. 130; 272, с. 191-201).

Пути проникновения перечисленных палеоэтнических групп кочевого населения в Среднюю Азию и соседний Южный Казахстан в качестве этнических агрессоров и мигрантов достаточно хорошо известны, хотя не бесспорны в интерпретациях отдельных исследователей.

Учитывая статус Южного Казахстана как контактной зоны, лежащей на традиционных путях миграции кочевников, а также принцип направления движения миграционных потоков вдоль горных систем и крупных водных источников, можно предполагать присутствие названных этнических групп на территории зоны средняя Сыр-Дарья - Арысь-Каратау.

Относительная стабилизация миграционных процессов в Средней Азии после «штурма» Греко-Бактрии кочевниками и окончательного территориального определения здесь да-юэчжи в последних десятилетиях II в. до н. э. сопровождалась появлениями новых политических образований. В них существенную роль в качестве консолидирующего ядра играют кочевые этнические элементы, связанные прямо или косвенно с перечисленными выше палеоэтническими группами.

Именно в это время на северо-восточных границах Средней Азии формиру-

ется крупное племенное объединение Канцзюй, центром которого на несколько столетий до V в. н. э. становится Средняя Сыр-Дарья (57, II, с. 184-186). Локализация Канцзюй на территории Южного Казахстана не подвергается сомнению большинством исследователей т. н. канцзюйской проблемы (52, с. 59-62; 174, с. 14-23; 143, с. 165-179; 157, с. 6-7; 66, с. 101-103 и другие).

Письменные источники вполне конкретно фиксируют и проникновение сунуских племен в I в. до н. э. на территорию Южного Казахстана, что явилось прямым результатом раскола и упадка государства последних.

В частности, китайские хроники старшего дома Хань (Цяньханьшу), прямо пишут об уничтожении предводителя северной ветви союза сунну Чжи-Чжи шаньюя и его войска совместными силами ханьцев и Канцзюй в 36 г. до н. э. на р. Талас (57, I, с. 91-94; 121, с. 62-72; эти сведения можно считать первыми достоверными сообщениями письменного порядка, непосредственно связанными с этнической историей Южного Казахстана).

В IV-V в. н. э. на историческую арену Малой, Средней Азии выходят другие союзы племен кочевников, среди которых хиониты, кидариты, красные хионы и наиболее могущественные эфталиты («белые сунну», «белые гунны»). Последние разгромили сасанидский Иран, захватили Согд, подчинили к концу V в. владения Восточного Туркестана и часть Северной Индии, создав тем самым огромную державу (83, с. 193-202; 101, с. 129-140).

Судя по всему, перечисленные народы также имели причастность к этнической ситуации на территории региона того времени. В частности, имеются сведения, что Канцзюй, который в конце IV - начале V в. н. э. переживал период упадка, если не был непосредственно уничтожен военным вторжением эфталитов, то мог войти в состав государства последних в виде раздробленных небольших княжеств (41, с. 276-277).

Завершает общую этническую картину включение территории региона в VI в. н. э. в сферу этнополитического влияния Тюркского, а затем Западно-Тюркского каганата (103, с. 48-150; 124, с. 296-305).

Перечисленные этнополитические события, происходившие на больших пространствах Малой, Средней и Централь-

ной Азии в течение почти тысячелетия, нашли отражение в письменных источниках.

Отдавая должное этой группе исторического материала как ключевой в этнологических реконструкциях, трудно не согласиться с заключением К.А. Акишева, сделанным им в отношении античных источников: «Однако, конкретная информация о древних племенах и народах Казахстана в них не велика и отрывочна. Очень затруднено отождествление упоминаемых в них племен и народов с другими сведениями. В силу этого, письменные источники играют важную, но все же вспомогательную роль по сравнению с археологическими источниками» (27, с. 159).

Отметим, что аналогичная ситуация складывается и с другими, не только античными, блоками письменных источников. Поэтому обратимся к артефактам Ар. АК, несущим этноопределяющие признаки. Они в сочетании со сведениями письменных источников этнического порядка помогут приблизиться к решению проблемы этнической атрибуции Ар. АК.

Только некоторые блоки СКП и отдельные артефакты Ар. АК большого культурно-генетического значения могут выступать в роли этноопределяющих. Основная масса остальных по причине всеобщего характера, присущего этносам вообще, выпадает из этого ряда.

Опираясь на вышеизложенный комплексный подход в вопросе этнической атрибуции, а также - отмеченные обстоятельства методологического порядка, можно предложить следующую систему отбора и градации этнонесущих признаков Ар. АК:

- а) — универсальные;
- б) — локальные;

в) - комплексные этноопределяющие артефакты.

К кругу универсальных следует отнести артефакты, концентрирующие в себе информацию на трех, минимум двух уровнях:

а) материальном (предметы быта, личные вещи, оружие и т. п., чья техника изготовления, функциональное назначение, семантическая нагрузка соотносятся с материальными традициями того или иного этноса);

б) этнологическом (артефакты, связанные с погребальной обрядностью, искус-

ством, письменностью, другими сферами духовной жизни древних социумов, имеющими этническую «окраску»);

в) историко-социальном (артефакты, имеющие отношение к сообщениям письменных источников или к особому рода социальной организации, характеризующей некоторые палеоэтнические образования).

В группу локальных необходимо включить блок артефактов, которые проявляют свои этнонесущие признаки преимущественно на территории распространения Ар. АК.

Что касается комплексных этноопределяющих артефактов, то сюда входят артефакты, сочетающие в себе этнические параметры перечисленных выше двух

групп.

Проиллюстрируем наглядно наполнение предложенной системы отбора и градации этноопределяющих артефактов Ар. АК конкретным содержанием путем их комплексной характеристики в контексте перечисленных методологических выкладок, а также обратимся к соответствующим этнологическим интерпретациям и идентификациям.

Анализ археологического материала Ар. АК позволяет в общих чертах обозначить этнический спектр ее носителей. Остановимся на развернутой аргументации этнической атрибуции Ар. АК в аспекте особенностей проявления ее этноопределяющих артефактов и в соответствии с хронологией и периодизацией

2. Этнический спектр носителей арысской культуры

культуры.

Сакский этнический компонент.

Начальные фазы караултобинского этапа Ар. АК (конец V - IV в. до н. э. - III в. до н. э.) можно связывать со скифо-сакской историко-культурной общностью.

Помимо универсальных этнонесущих артефактов Ар. АК явно сакского происхождения, о чем будет сказано ниже, в пользу такой этнической идентификации свидетельствуют косвенные археологические источники.

Среди них - наличие в регионе огромных «царских» курганов (зафиксировано 32; 251, с. 63), а также факт присутствия сакских погребений в могильнике Бугунский, в котором получена керамика сакского облика, находящая широкие аналогии в памятниках рядовых саков Семиречья IV - III в. в. до н. э. (кружки с боковым цилиндрическим носиком-сливом, круглодонные чаши, круглодонные кружки-кувшины; 21, с. 206-207, табл. V; 30, с. 103-104, рис. 82).

Существенна группа универсальных этноопределяющих артефактов Ар. АК на караултобинском этапе, дающая возможность отождествить ее с сакской культурой Казахстана. Наиболее значимы в этой группе (в порядке интенсивности этноопределяющего признака):

объемная зооморфия и зооморфные трансформации в керамике;

керамические котлы на поддоне с вертикальными и горизонтальными петлевыми ручками, выполненными под рог бла-

городного оленя;

некоторые виды оружия (бронзовые наконечники стрел) и связанные с ним предметы (декоративная пряжка португейского крепления акинака; прил. 2, 52-53; 39 - 44; 26; 73-74; 98).

Раскроем этнологические возможности перечисленных универсальных артефактов.

Зооморфия в различных вариантах исполнения (в металле, дереве, войлоке, коже) - неотъемлемая часть выразительного искусства скифо-саков Евразии, известного под названием скифо-сибирский звериный стиль.

Это искусство пронизывает почти все сферы материальной и духовной культуры скифо-саков, поэтому зооморфные сюжеты в виде изображения определенного пантеона животных, связанного с идеологическими представлениями, присутствуют на большинстве бытовых и культовых артефактах.

В ряду обязательных «эталонных» образов животных, сопровождающих все искусство звериного стиля - крупные кошачьи хищники (львы, тигры, барсы) и представители копытных.

Среди последних наиболее почитаемы благородный олень, лошадь, горные баран (архар) и козел (тау-теке). Изображения этих животных в элитарном варианте исполнения, воплощенные в многочисленных образцы из листового золота, широко известны в т. н. «царских» курганах (275; 64-65; 199; 23; 24). Они украшали парадное оружие, одежду, конскую экипиров-

ку вождей скифо-саков, подчеркивая высокий социальный статус и сакральные функции последних (26).

Между тем имеются все основания рассматривать скифо-сибирский звериный стиль как искусство, распространенное в среде и рядовых членов скифо-сакского социума (кочевников и земледельцев).

В частности, в интересующем нас регионе Средняя Азия - Казахстан в могильниках рядовых саков найдены многочисленные объемные, полуобъемные декоративные поделки из бронзы и других материалов, прямо связанные с традициями звериного стиля (175, с. 60-68, табл. 21-23, фото 18-19; 30, с. 88-105; рис. 81; 149, с. 3-15; 116, с. 87-95, табл. 32 и др.).

Анализируя зооморфные артефакты начальной фазы караултобинского этапа Ар. АК из металла, керамики и необожженной глины в контексте сюжетных мотивов, особенностей воспроизведения животных и функционального назначения

Ряд сакских этноопределяющих артефактов арысской культуры

предметов, можно обоснованно говорить о них как об изделиях, прямо связанных с искусством скифо-сибирского звериного стиля.

Сюда относятся:

объемно выполненные головки животных (лев, баран-архар, змея);

зооморфные завершения концевых частей бронзовых браслетов в виде полуобъемных головок (лошадь, змея);

зооморфные ручки на сосудах («рогатая» лошадь).

Перечисленная зооморфия по отмеченным выше параметрам (пантеон образов, сюжетный мотив, семантическая нагрузка) целиком укладывается в рамки основных канонов звериного стиля.

Некоторые иконографические различия, фиксируемые при сравнении караул-

тобинской зооморфии с классическими образцами сакского звериного стиля, вполне объяснимы фактом закономерной трансформации его традиций в условиях оседлого (полуоседлого) ХКТ саков - древних насельников Южного Казахстана и соответствующей переориентации мастеров-изготовителей зооморфной продукции с металла на керамику.

Не затрагивая проблемы такого глобального явления как скифо-сибирский звериный стиль, которой посвящена масса специальной литературы (16; 18; 92; 107; 211, 312-313; 311, 308, 26 и др.), подчеркнем, что его причастность к сакскому кругу племен Средней Азии и Казахстана не вызывает у исследователей сомнений.

На таком фоне кратко остановимся на некоторых существенных параллелях и аналогиях зооморфному материалу караултобинского этапа Ар. АК в контексте трактовки образов и фиксируемых трансформаций звериного стиля.

Как отмечалось выше, круг изображаемых животных в караултобинской зооморфии тесно связан с пантеоном диких и домашних животных, наиболее часто встречаемых в искусстве звериного стиля. Такие реальные образы, как лев (или другой представитель крупных кошачьих), олень, лошадь, баран, змея, а также синкретический мифический образ «рогатой» лошади (с витыми рогами архара или прямыми, как у тау-теке) - характерное и достаточно стационарное явление в искусстве скифо-саков.

Эти образы сквозным порядком проходят через все фазы развития звериного стиля (от реалистичного изображения животных до предельной, почти декоративной стилизации полихромного искусства; 29, с. 236-237), а некоторые превращаются в универсальные культы типа фарн (хварна; 174).

Аналогии многочисленным вариантам воспроизведения и различного проявления названных образов в рамках скифо-сибирского звериного стиля как отражение сложных анималистических

представлений в духовной культуре скифо-сакских и родственных им племен, чрезвычайно широки и зафиксированы на огромной территории этнического ареала расселения скифо-сакской историко-культурной общности от Северного Причерноморья до Алтая.

По этой причине ограничим их круг регионом Средняя Азия - Казахстан, апеллируя при этом к наиболее ярким, информационно-насыщенным сакским археологическим комплексам и отдельным находкам, близким в какой-то степени материалам караултобинского этапа Ар. АК.

К числу последних относятся ножи акинака из Бактрии, найденные на городище Тахти-Сангин в хорошо датированных ахеменидских культурных напластованиях рубежа VI - начала V в. в. до н. э. (Южный Таджикистан; 182, с. 87-109, рис. 3).

Ножи выполнены из слоновой кости, на их лицевой поверхности в релье-

ефно-выпуклой технике изображены фигура стоящего на задних лапах льва с головой, повернутой в фас, который держит в передних лапах оленя (основная поверхность ножен и портупейный выступ). Буферольная часть композиции включает сцену терзания козла хищником кошачьей породы, причем доминирует в этой сцене весьма натуралистично исполненная голова копытного животного (182, с. 90-108; здесь же см. интерпретацию образов льва, льва, оленя и сюжета в целом в ассирийско-ахеменидском и сакском искусстве).

В интересующем нас аспекте выразительны некоторые зооморфные декоративные артефакты убранства одежды и головного убора Иссыкского воина. Здесь присутствуют следующие анималистические сюжеты и образы, прямо или косвенно связанные с караултобинской зооморфией: «рогатая» лошадь (протома «крылато-рогатых» коней лицевой части головного убора); баран-архар (объемная фигурка, венчающая верх головного убора кулаха); архар (животные из ряда зо-

лотой пластины, закрывающей с двух сторон клинка акинака кровопускные выемки); змея (концевое завершение упомянутого ряда на клинке акинака; 23, с. 74-78, табл. 2; 6; рис. на с. 18-19; табл. 23, 24; 25, с. 68-69; 86-87; 13; 115; 118-119).

Подчеркнем также хорошо известный прием зооморфного завершения концевых частей браслетов (гривны) в виде морд животных или пресмыкающихся у скифо-сакских племен. Как правило, в роли последних выступают головы хищников (тигр, барс; 30, с. 100-101, рис. 81; 21, с. 202-203, табл. IV; 23, с. 74-75, табл. 28-29). Бронзовые браслеты караултобинского этапа имеют завершения в форме головок лошади и змеи, что можно рассматривать как определенные новации.

Особую группу зооморфных артефактов Караултобе составляют ручки на керамических сосудах. Они выполнены в нескольких вариантах: вертикальные и горизонтальные петлевидные с характер-

ными «роговидными» выступами; аналогичные ручки с прямой имитацией выпуклостей и внешней фактуры рога благородного оленя-марала; т. н. двойные ручки; ручки вертикальные петлевидные, имеющие в верхней части завершение в виде головок животных или различные зооморфные налпы.

Имеются веские основания рассматривать две первые группы ручек как зооморфные проявления, связанные с образом оленя. Об этом говорят не только

реальное сходство керамических ручек с объектом (рог оленя), но и находки остеологического материала этого животного в культурных слоях Караултобе, а также - некоторые поделки из рога марала (243, с. 72-75, табл. I, 6-8; 246, с. 102, табл. II, 2-6; 245, с. 142).

Что касается двойных ручек, то они, судя по всему, являют собой крайнюю степень стилизации фигуры пасущегося копытного животного с опущенной головой. Зооморфное происхождение таких ручек не вызывает сомнений у большинства исследователей (271, с. 215-216; 243, с. 74). В пользу зооморфной трактовки двойных ручек свидетельствуют также зооморфные налепы на них и валики в нижней части крепления (243, с. 72-74, табл. II, 3). Подобные ручки распространены в основном в сарматское время.

Между тем материалы караултобинского этапа Ар. АК показывают, что генезис таких зооморфных артефактов восходит к сакам раннего железного века.

Из многочисленных зооморфных ручек с головками животных в верхней части, к сакской традиции звериного стиля можно уверенно отнести ручку, которая изображает «рогатую» лошадь (табл. I, 102). Другие ручки из этого ряда, связанные с образами лисы, собаки (или волка), хотя и вписываются в рамки звериного стиля, судя по всему, относятся к более поздним зооморфным проявлениям.

Характеризуем следующий универсальный этноопределяющий артефакт Ар. АК - керамические котлы на высоком кольцевом врезном поддоне (табл. I, 11-12).

Они не только несут в себе элементы сакской зооморфии (петлевидные ручки под рог оленя-марала), но и в деталях воспроизводят форму сакских котлов на поддоне из бронзы, которым соответствуют функционально и семантически.

Такие котлы широко бытовали в кругу племен скифо-сакской историко-культурной общности, они отмечены на большой территории Евразии как в петроглифическом варианте, так и в качестве археологических находок. По мнению некоторых исследователей, котлы предназначались для отправления одного из глобальных культов у скифо-саков: приготовления и употребления напитка наркотического содержания хаома (хаума; 63, с. 113-119).

Этнологические стороны этого обряда у скифов подробно описаны Геродотом, археологические реконструиро-

ваны по материалам сакского могильника Пазырык в горном Алтае (63, с. 117-118).

В обоих случаях в ритуале главная роль отводится сосуду (котлу на поддоне). Он использовался по-разному: подвешивался к специально связанным шестам или ставился на землю. В последнем варианте функциональные качества поддона, «приподнимающего» полость котла над поверхностью, проявляются максимальным образом, т. к. создают условия для разведения под котлом огня без сооружения для этих целей специального очага (огонь - обязательный атрибут обряда хаомы; 63, с. 118).

Судя по всему, караултобинские керамические котлы на поддоне, носящие следы огня на внешней поверхности, также использовались в подобных ритуальных целях, тем более, что для бытовых нужд на поселении имелись как различного вида очаги, так и соответствующая кухонная посуда (горшки, горшки-котлы, кружки, сковороды-жаровни; 245, с. 69-74).

Завершим интерпретацию зооморфных универсальных этноопределяющих артефактов Ар. АК еще одной параллелью, имеющей отношение к скифо-сакской историко-культурной общности.

Речь идет об *объемно выполненной головке архара-барана* на длинной шее, к которой мы обращались выше (табл. I, 42). Характер скола крепления головки в нижней части, а также угол наклона самой фигурки свидетельствуют о том, что это не функциональная, а скорее ритуально-семантическая декоративная деталь какой-то керамической полости, но никак не ручка сферической крышки сосуда, как определяет ее Н.П. Подушкин (246, с. 101-102).

Ближе всего к подобной трактовке подходят аналогичные по назначению и общему облику головки на длинной шее грифона и лошади (?), отмеченные на сакских бронзовых ритуальных котелках Памира и Северной Индии (аличурский и гилгитский котелки; 175, с. 44-50, табл. 11, табл. 15). Кроме того, у памирских саков имелись котелки и с зооморфными ручками в виде архара-барана (175, с. 46-47, фото 15; табл. 13). Представляется, что караултобинская головка архара из керамики тоже выступала в таком ритуально-декоративном качестве.

К культуре саков Казахстана можно отнести и *бронзовые наконечники стрел, пулевидные и трехперые чешковые* (прил. 2, 73-74). Первые напо-

минают по форме встречаемые в сакских погребениях костяные наконечники стрел; вторые, хотя и отмечены в материалах поздней бронзы (202, с. 312, рис. 227, 19-20), получают распространение в сакской среде V - IV в. в. до н. э. (22, с. 49, табл. 1).

Наконец, этнологические параллели можно отметить и в связи с декоративной «восьмеркообразной» перламутровой пряжкой. По форме и назначению она весьма близка к распределительным пряжкам португейного крепления коротких клинково-акинаков, оружия, весьма характерного для скифо-сакского круга племен.

Таким образом, *основная масса перечисленных этноопределяющих артефактов начальной фазы караултобинского этапа Ар. АК связана со скифо-сакским кругом племен и, в частности, с саками Казахстана.*

Вопросы более узкой этнической идентификации и локализации, а также другие аспекты культуры оседлых (полуоседлых) саков Южного Казахстана, к которой относятся ранние объекты Ар. АК, достаточно сложны. Ввиду археологической малоизученности подобных Караултобе памятников на территории региона, они могут решаться только на предварительном и гипотетическом уровнях. В свете наших материалов по Ар. АК очень кратко остановимся на них.

Проблема локализации сакских племен на территории Казахстана и прилегающих районов Средней Азии по сведениям ахеменидских и античных письменных источников, а также данным археологии, пока окончательно не решена (27, с. 161). Предпринятые ранее усилия исследователей только обозначили отдельные её аспекты и в целом не привели к согласованным научным результатам.

В частности, позиции ученых расходятся в вопросах территориального размещения большинства известных крупных сакских союзов племен и других, близких сакам, этнических образований (56, с. 208-210, рис. 87; 175, 158-174; 197, с. 13-17; 74, с. 60-61; 27, с. 158-164).

Заметим, что наиболее убедительными в контексте современного решения проблемы локализации саков представляются последние научные аргументы К.А. Акишева (27, с. 161-164; карта на с. 160).

Согласно им, территория Южного Казахстана и Приаралья связана с аре-

алом расселения саков-тиграхауда (они же массагеты греко-римских источников, и даи-дахи). При этом не исключается возможность проникновения сюда с юга другой группировки сакских племен, саков-хаумаварга (27, с. 164; карта на с. 160).

Судя по всему, древние насельники Южного Казахстана - носители Ар. АК на ее караултобинском этапе, были представлены одним из упомянутых двух племенных объединений, скорее всего, сака-тиграхауда.

Более определенно можно говорить об оседлости (полуоседлости) сакских племен Южного Казахстана.

Археологические и другие данные в основе своей подчеркивают доминирующую роль различного вида скотоводческого хозяйства в среде сакского общества (28, с. 217-218; 32, с. 30-32).

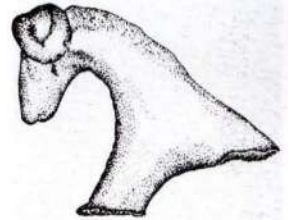
Между тем как письменные, так и археологические источники показывают, что наряду со скотоводством и связанным с ним кочевым образом жизни, часть сакских племен практиковала земледелие как форму хозяйственной деятельности (28, с. 219-221). Его традиции, судя по всему, были восприняты саками у позднеандроновского оседлого населения земледельческих оазисов Средней Сыр-Дарьи.

Нужно отметить, что андроновский культурный субстрат достаточно хорошо просматривается на начальных стадиях генезиса Ар. АК, в частности, в традициях керамического производства (форма посуды, геометрический декор; прил. 2, 35-38).

Стационарность жилых комплексов, выраженная оседлость и земледельческо-скотоводческий характер ХКТ носителей Ар. АК на караултобинском этапе очевидны. Это подтверждается археологическими, остеологическими и другими материалами (типы оседлых поселений; земледельческий каменный инвентарь; солома в обмазке стен, большие сосуды типа хума, хумчи для хранения зерна; состав стада, включающий крупный рогатый скот и т.п.).

Опираясь на эти материалы, сейчас обоснованно можно говорить о многоукладном комплексном хозяйстве насельников Караултобе, которые практиковали богарное земледелие и оседлое (придомное) скотоводство как основные виды хозяйственной деятельности (248, с. 78-84).

Именно на караултобинском этапе начинает формироваться тот зем-

ледельческо-скотоводческий хозяйственно-культурный облик Ар. АК, который с незначительными изменениями сохранится на протяжении исторического развития этой культуры и который будет присущ многим этническим сообществам в её рамках.

Как показывают наши материалы, у истоков упомянутого процесса стоит своеобразный андроновско-сакский этнокультурный и хозяйственный синкретизм. Он проявляется на разных уровнях в материальных артефактах, подчеркивающих и демонстрирующих этот синкретизм (вариант примера: андроновские элементы декора керамики и керамические трансформации сакского «звериного» стиля).

Ряд сарматских этноопределяющих артефактов арысской культуры

В качестве резюме к разделу затронем топонимический аспект, косвенно подтверждающий присутствие саков на территории региона.

В археологической и палеолингвистической науках известна концепция об ираноязычности этноса «saka». Эта концепция, в противовес другим, наиболее аргументирована, её придерживаются большинство крупных ученых-специалистов в области археологии, палеолингвистики, занимающихся скифо-сакской проблематикой.

В нашем случае говорить об оседлых саках Южного Казахстана как ираноязычных без привлечения дополнительных палеолингвистических материалов преждевременно (хотя последние присутствуют в СКП Ар. АК, но пока не подлежат дешифровке и прочтению; табл. 1, 137).

Поэтому ограничимся фактом наличия в регионе гидронимов и ойконимов явно индоиранского происхождения.

В их числе реки Арысь, Талас, Асса с субстратными гидроформантами «ar», «ars», «as» в значениях «вода», «река», «поток» (260, с.

142, 144-145), а также - названия, связанные с формантом «kent» (иранск. «город»). Они во многом определяют микротопонимический ареал таких ойконимов на юге Казахстана и являются здесь «самым распространенным ойконимическим термином» (Чимкент, Кумкент, Сюткент, Манкент и др.; 259, с. 55).

Сарматский этнический компонент

О присутствии представителей сарматского круга племен в составе этнических групп-носителей Ар. АК на караултобинском и начальной фазе каратобинского этапов свидетельствуют несколько универ-

сальных, локальных и комплексных этноопределяющих артефактов, прямо или косвенно причастных к названной этнической общности.

Основная их масса связана с погребальными комплексами могильников Каратобе, Ордабасы, Тулебайтобе и Культобе, совокупность этноопределяющих признаков которых выразительна и дает основание для соответствующих заключений. Кроме того, сюда же входят отдельные группы артефактов, найденные случайно и на поселениях.

Помимо сарматского облика каменного жертвенника с рельефно-выпуклым изображением головы архара-барана на боковине, универсальные этноопределяющие артефакты включают некоторые виды оружия (мечи, акинаки, наконечники стрел), защитный чешуйчатый доспех, украшения (бусы, зеркала, подвески и ожерелья), предметы быта (функциональные пряжки), а также ритуальные изделия (деревянные столики на ножках, курильницы; табл. 1, 84).

Локальные этноопределяющие артефакты представлены *керамикой* (крупные водоносные и небольшие столовые фляги); комплексные - *знаками на керамике, зооморфией и объемной антропоморфией* (табл. 1, 97-104).

Обратимся к интерпретации перечисленного материала в контексте этнологических, историко-социальных и антропологических параллелей, связанных с т. н. азиатскими сарматами.

Представленные на караултобинском и начальной стадии каратобинского этапов Ар. АК оружие, в частности, железные обоюдоострые мечи без перекрестия с "пуговицеви́дным" навершием в виде дисковид-

го всадника-катафрактария.

По мнению А. М. Хазанова, в это время у сарматов катафрактарии становятся основной ударной силой, их роль в искусстве ближнего боя значительно усилилась (304, с. 185-187).

Погребение такого воина открыто в двухкамерной катакомбе и на территории Южного Казахстана. В нём найден почти полный набор соответствующей атрибуции: железные чешуйки панциря, части втульчатого копья, остатки плетеного деревянного щита, наконечники стрел (табл. 1, 128). Кроме того, в кургане 4 могильника Культобе, обнаружен деревянный вариант чешуйчатого доспеха, предназначенный, очевидно, для лошади.

ного с отверстием камня, а также кинжалы без перекрестия и навершия в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет, дают основание связывать его с сарматами.

На это указывают прямые аналогии такому оружию в раннесарматских (прохоровских) и среднесарматских (сусловских) памятниках. Кроме того, погребальная конструкция (катакомба), характер местонахождения оружия по отношению к погребенным (мечи слева, акинаки справа), а также и факт присутствия оружия в женских погребениях, свидетельствуют о причастности названных артефактов к сарматам.

Помимо перечисленного клинкового оружия, в какой-то степени с сарматами III-I в. в. до н. э. можно связывать появление чешуйчатого доспеха и копья, которые являются неотъемлемой частью тяжеловооруженно-

К сарматскому кругу племен следует отнести также бронзовые круглые дисковидные зеркала без ручек, с боковой ручкой-штырем и валиком по краю диска, а также наборные ожерелья и браслеты из бус в сочетании с зооморфными подвесками (табл. 1, 63).

Существенными из украшений в контексте этнической интерпретации являются стеклянные бусы в виде сосудиков (амфорок) и бусы с подглазурным напылением золотом, которые имели широкое хождение в среде сарматов.

Как отмечалось, бусы с внутренней по-

Сарматские
этноопределяющие
артефакты

золотой изготавливались в IV - III в. в. до н. э. в Египте, на о. Родос и в мастерских северопонтийских городов-полисов. Затем они посредством кочевников (поздних скифов, савроматов и сармат), которые тесно контактировали с античным миром Северного Причерноморья, распространялись как объект импорта далеко на восток (8, с. 46; 1984, с. 238).

Что касается бус и подвесок в виде амфорок, то этот прием заимствования варварами-сарматами отдельных элементов эллинской культуры в искусстве достаточно распространен; распространен и вариант обратной «сарматизации» античной культуры северо-причерноморских греческих городских центров (220, с. 213).

Остановимся на зооморфных артефактах Ар. АК, имеющих отношение к сарматскому кругу племен.

Ключевым зооморфным образом у азиатских сарматов на территории Южного Казахстана остается образ архара-барана. В разных вариантах он воспроизведен на жертвенниках, ручках сосудов в виде головок животных или налепов, заменяющих части головы животного («витые» рога, «S»-образные налепы и т. п.).

К.М. Скалон, Б.А. Литвинский соотносят этот образ с анималистическими представлениями сарматов. Б.А. Литвинский прямо подчёркивает этническую связь сармато-канцзюйских племен с главной авестийской ипостасью образа барана, т. н. фарном (хварна; 271, с. 181-184; 174, с. 108-110).

Имеет отношение это животное и к сарматской погребальной обрядности, когда части туши овцы присутству-

ют в погребениях в качестве жертвенного мяса (как правило, это передняя нога с лопаткой; 219, с. 179).

Еще одна этнологическая параллель, фиксирующая на уровне этноопределяющих артефактов сарматский компонент в материалах Ар. АК. Это курильницы.

Начиная с каратобинского этапа, курильницы - довольно частая находка в катакомбных погребениях Южного Казахстана. Они имеют различные формы и размеры (сферические на поддоне; банкообразные; квадратные с «ребрами», со сквозными отверстиями в стенках и без таковых), прямо причастны к культу огня, и, возможно, к ритуальным действиям, связанным с «курением» наркотических растительных соединений (280; 220, с. 190-191; 221, с. 202-215).

Другая группа этноопределяющих артефактов Ар. АК, связываемых с сарматским кругом племен - бронзовые колокольчики (табл. 1, 122-123). Они как украшения отмечены в женских погребениях, и имеют отношение и к конской атрибутике. Подобные колокольчики хорошо известны в памятниках среднесарматской и позднесарматской АК (219, с. 183-190; 220, с. 201-212).

Как комплексный этноопределяющий фактор можно рассматривать отдельные виды тамгообразных знаков, отмеченных на керамике каратобинского этапа Ар. АК.

Маркировка знаками керамической посуды - один из характерных признаков в СКП Ар. АК на всех этапах ее развития (прил. 2, 45-48, 168-174, 281-283). Этому явлению посвящена отдельная публикация, в которой обозначен генезис отдельных групп знаков IV-VI в. в., определена их семантическая нагрузка (знаки солярного, зооморфного, антропоморфного происхождения и тамгообразные знаки; 250, с. 52-56).

Пополнение знакового материала на керамике из новых могильников и поселений Южного Казахстана периода II в. до н. э. - IV в. н. э. позволило выявить группы тамгообразных знаков.

По графическому исполнению они близки т. н. сарматским знакам Северного Причерноморья и тамгам хорезмских царей из «дома Чжаову» Средней Азии и представляют собой различные сочетания круга, «Т»-образных и «усообразных» компонентов (283, с. 28-30; 38, 42-43, 47, 57-58; 72, с. 76-77, табл. ХП).

Династийные тамги Б.И. Вайнберг не связывает непосредственно с сарматами,

хотя отмечает «сарматское» в широком смысле слова происхождение тамг, объединяемых названием «юечжи дома Чжаову».

По мнению Б.И. Вайнберг и Е.А. Новгородовой, ареал подобных тамгообразных знаков охватывает и восточные от Средней Азии районы азиатского материка. Так, они зафиксированы в Юго-Западной Монголии - одном из районов первоначального (до II в. до н. э.) обитания племен «сарматского» круга (76, с. 69-72, рис. 5-6; табл. III; 72, с. 77; к восточной версии происхождения тамг Северного Причерноморья склоняется М.Г. Мошкова: 221, с. 214).

В связи с такими этноопределяющими артефактами Ар. АК, как антропоморфные изделия, остановимся на еще одной этнологической параллели, имеющей отношение к сарматскому племенному объединению. Речь идет о миниатюрной женской статуэтке из алебаstra (табл. 1, 104). Она найдена на поселении Актобе Чаянское в жилом комплексе, у очага.

Без сомнения, статуэтка олицетворяет женское божество, связанное с пережитками матриархата и гинекократии у племен Южного Казахстана IV в. до - VI в. н. э., носителей Ар. АК.

Мелкая антропоморфная скульптура и тенденции сохранения элементов матриархата хорошо фиксируются у племен сарматского круга по археологическим и другим данным (306; 221, с. 212 и др.). Традиции матриархата подчеркивает и присутствие оружия в женском погребении катакомбы кургана 3 могильника Каратобе (стрела с черешковым трехперым железным наконечником, положенная рядом вдоль тела покойной; табл. XIVв). Как известно, высокий социальный статус женщин у сарматов позволял последним принимать участие в военных действиях (305, с. 53).

Таким образом, если рассматривать общепризнанный набор этноопределяющих признаков сарматов в виде ряда: «каменные жертвенники (деревянные столы на ножках) - клинковое оружие и катафракт - украшения (зеркала, бусы как античный импорт) - курильницы - тамгообразные знаки - антропоморфные женские фигурки - катакомба» и обряд с элементами культа огня, зоолатрии, то следует признать, что за некоторыми локальными трансформациями, он полностью представлен в материалах Ар. АК на ее караултобинском и ранней фазе каратобинского этапов.

Это дает основание для этнической идентификации части носителей арысской

культуры с сарматским, или родственным ему, кругом племен.

Сюннуский этнический компонент

Более всего к азиатской ветви сарматов стоит племенной союз сюнну. Его этническое присутствие на территории Южного Казахстана хорошо прослеживается по археологическим данным арысской культуры, а также подтверждается сведениями письменных источников. Характеризуем главные этноопределяющие артефакты Ар. АК, связанные с сюннуским племенным объединением.

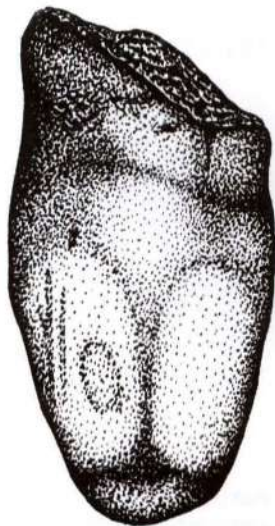
В основном это универсальные и комплексные артефакты, концентрирующиеся только в погребальных катакомбных памятниках. Наиболее яркое из них - потревоженное грабителями погребение знатного воина с полным набором оружия в катакомбе I типа кургана 3 могильника Культобе.

Здесь был открыт костяк мужчины возраста 60 и более лет, располагающийся в вытянутом положении на толстой подсыпке из угля и ориентированный изголовьем на юг.

Порядок размещения оружия следующий: слева от костяка, вдоль него, находился двуручный железный меч, здесь же был положен сложносоставной лук и колчан со стрелами; справа от костяка, у правого бедра, лежал кинжал-акинак; при этом кисть погребенного находилась на рукоятке. Помимо оружия, в районе правой бедренной кости и лучевых костей правой руки найдены декоративная носороговая пряжка, под ней - ажурная бронзовая кольцевая пряжка и масса раковин-каури, которые все вместе представляли элементы наборного пояса.

Наконец, в изголовье погребенного располагались два керамических сосуда (горшок и фляга), а в районе костей плюсны ног - две бесщитковые рамчатые железные пряжки с бегающим язычком.

Из перечисленной атрибуции самым существенным этноопределяющим артефактом является наборный пояс. Отдельные его элементы (ажурная бронзовая пряжка), а также детализировка пояса нашивными раковинами-каури и расположение поясов в погребениях у правой руки (вариант обряда, при котором снятый пояс клался на тело покойного), находят прямые аналогии в классических погребальных комплексах сюнну северо-западного Китая и Забайка-

Ряд сюннских этноопределяющих артефактов арысской культуры

ля (могильники у деревни Даодуньцзы и Дэрэстуйский могильник).

Несомненно сюннская и элитная носороговая декоративная пряжка, чья форма и геометрический декор серебряными, золотыми гвоздиками и вставками из драгоценных камней выполнены в традициях декоративного искусства сюнну. Общая конструкция нашего наборного пояса не имеет прямых аналогий в силу отсутствия находок реконструируемых элитных сюннских поясов, однако она достаточно хорошо вписывается в основные конструктивные параметры наборных поясов рядовых сюнну (110, с. 28 - 30; табл. XIV).

В контексте этнической идентификации перечисленных универсальных этноопределяющих артефактов интересны сведения письменных источников.

Они сообщают о некоторых деталях одежды сюнну, в том числе и о наборных поясах. В частности, Сыма-Цянь в «Шицзы» сообщает: в 174 г. до н. э. Модэ-шаньюй получил в дар от китайского императора “надеваемый (т. е. лично носимый императором) вышитый кафтан на подкладке, длинный парчевый кафтан, золотой венчик для волос, пояс, золотом оправленный, и носороговую пряжку к поясу, золотом оправленную, 10 кусков вышитых шелковых тканей...” (57, I, с. 56).

Из приведённого сообщения следует, что в числе императорского подношения шаньюю были наборный пояс и носороговая пряжка. Судя по всему, такие изделия изготавливались ханьскими умельцами сообразно сюннским традициям и приподносились сюнну в качестве “подарка” за спокойствие на северной границе Поднебесной.

Те же « Шицзы » приводят другие сведения о подобных подарках, которые широко практиковались — надо полагать,

изготовление ханьцами наборных поясов для верхушки сюннской военной аристократии было достаточно обыденным явлением. Такие пояса и особенно пряжки могли носить именно характер и передаваться из поколения в поколение как атрибуция власти и высокого социального статуса владельца (в нашем варианте — не ниже тысячника или темника).

Не вызывает сомнения причастность к сюннскому этносу и другая погребальная атрибутика. Это, в частности: *сложносоставной лук* с парными концевыми костяными накладками «гуннского» типа (52, с. 66-67); т. н. *вилчатые и ярусные наконечники стрел*, отмеченные у сюнну (309, с. 31-33, рис. 5, 14-20); железный черешковый *обоюдоострый кинжал-акинак* без перекрестия и наверхия, находящийся в сложно-

конструктивных деревянных ножнах (внутри ткань, снаружи — тонкая кожа), окрашенных в ярко-красный цвет; железный меч.

В отношении обоюдоострого меча с длинным черешком без перекрестия и наверхия, чей клинок заканчивается монолезвийностью, можно сказать, что находка такого клинкового оружия в сюннском погребальном комплексе уникальна как для территории Казахстана, так и для основной этнической территории сюнну в Центральной Азии, где практически неизвестны подобные артефакты (213, с. 264).

Таким образом, *приведенные этнологические идентификации этноопределяющих артефактов Ар. АК указывают на присутствие в общем спектре носителей культуры сюннского этнического компонента.*

Появление сюнну в регионе Южного Казахстана связано с политическими событиями I в. до н. э. и именем предводителя северной ветви союза сюнну Чжи-Чжи шаньюя, ставка которого в тот период времени располагалась в верховьях р. Талас (121, с. 67).

Как резюме к приведённым этнологическим идентификациям подчеркнём следующее обстоятельство: *основные элементы материальной и духовной культуры сарматов Восточной Европы и сюнну Центральной Азии чрезвычайно близки друг другу* (272, с. 200 — 201).

Они находят общие параллели в самых различных сферах: обряд, погребальные конструкции, некоторые виды оружия (особенно - акинаки в ножнах, окрашенных в красный цвет), защитный доспех, звериный стиль. Судя по всему, сейчас можно говорить о *существовании глобальной этнической общности, сармато-сюннуской*, которая отражает культурно-генетические традиции азиатских сарматов и центральноазиатских сюнну.

Сармато-сюннуская общность хорошо прослеживается по археологическим, историческим, антропологическим данным и достаточно дистанцируется по ряду этнокультурных параметров от генетически связанного с ней скифо-сакского круга племен, закономерно являясь при этом этнополитическим преемником последнего на территории Евразии.

Этнокультурный ряд, свидетельствующий о существовании сармато-сюннуской общности, можно продолжить аналогиями, фиксируемыми при сравнении тамгообразных знаков сарматов со знаками юго-западной Монголии, которые можно трактовать как сюннуские (72, с. 77; 76, с. 69-72), а также - некоторыми примерами этнологического порядка из области антропологии.

Речь идет об обычае искусственной деформации черепной коробки, достаточно широко распространенного у сюнну, сармат и других родственных им племенных объединений (130, с. 292).

Факт практикования искусственной деформации черепа у этнических групп - носителей Ар. АК особенно отчетливо зафиксирован на начальных стадиях каратобинского этапа как в антропологическом варианте (краниологическая коллекция из могильников Каратобе, Тулебайтобе, Культобе, Алтынтобе; см. антропологическое заключение, с. 182), так и на примере антропоморфной фигурки женщины из поселения Актобе Чайнское.

Общие контуры головы последней имеют явно «грушевидную», заостренную сверху форму. Это указывает на имеющую место деформацию черепа, которая должна была подчеркнуть этническую принадлежность. Заметим, что примеры

художественного воспроизведения человеческих голов с выраженными признаками искусственной деформации прослеживаются на нумизматических и других материалах (70, с. 126, рис. 60; рис. 64-65).

В заключение раздела кратко остановимся на возможных этнологических параллелях, связанных с близкими сарматам и сюнну племенными объединениями да-юэчжи и алано-асии.

Первые в регионе Южного Казахстана могли присутствовать в качестве сквозных мигрантов в результате продвижения под натиском сюнну из Восточного Туркестана (Ганьсу) в Да-Юань (Фергану). Однако при этом необходимо принять версию проникновения да-юэчжи в Семиречье и последующего их продви-

жения на запад вдоль северных склонов горных систем Джунгарского и Таласского Алатау. В этом случае путь в Ферганскую долину неминуемо должен был пройти через территорию Южного Казахстана, где да-юэчжи могли оставить свои памятники.

Археологические материалы арысской культуры пока не позволяют сделать каких-либо уверенных идентификаций в отношении да-юэчжи. Только гипотетически можно обозначить возможную связь с этим этносом погребального комплекса «царского» кургана могильника Чимкентский, где зафиксирован необычный способ перекрытия дромоса катакомбы (пахсовая «пробка», покоящаяся на бревенчатом настиле), а также найдена железная рамчатая пряжка явно восточного происхождения (табл. 1, 51).

Аналогичным образом складывается ситуация с племенными объединениями алан-асиев. Как известно, они упоминаются в римских источниках и вместе и в отдельности наряду с собственно сарматами и другими племенами. В археологической литературе имеется мнение о восточном этногенезе алан-асиев (Средняя Азия; 272, с. 198-205). Отметим в этом контексте гипотезу А. Н. Бернштама,

торый связывал этнонимы аланы-асии-аорсы с некоторыми гидронимами и ойконимами Южного Казахстана (река Арысь, город Яссы-Туркестан), рассматривая с этих позиций названный регион как прародину указанных племенных объединений (50, с. 83).

При всей привлекательности точки зрения А. Н. Бернштама заметим, что вопрос происхождения и локализации алан-асиев-аорсов на территории Южного Казахстана по-прежнему не выходит за рамки гипотезы. Он остается открытым ввиду большой сложности этнической стратификации и соответствующей идентификации азиатских племен II в. до н. э. – IV в. н. э. по археологическим данным. По этой причине выделить из СКП Ар. АК какие-то этноопределяющие артефакты или другие этнонесущие элементы, связанные с перечисленными группами племен, в настоящее время не представляется возможным.

Канцзюйский этнический компонент

Прежде чем перейти к освещению данного раздела, уточним понимание и смысловое наполнение термина «Канцзюй».

Как термин китайского происхождения, означающий название государства (в широком варианте трактования), он часто фигурирует на страницах многих публикаций и переводной литературы как «Кангюй», в том числе – в трудах Н.Я. Бичурина (отца Иакинфа). Благодаря этим трудам русскоязычная научная общественность узнала из китайских источников о существовании в древности Канцзюй и других государственных образований (57-58, т. I-III; 59).

Позитивная оценка труда Н. Я. Бичурина как выдающегося вклада в синологию дана российскими и советскими учеными (53, с. 47 – 55). Отмечалось высокое качество перевода китайских текстов, не потерявшее значение до наших дней, а также факт заимствования Н.Я. Бичуриным в переводной практике французской системы транскрипции китайских слов (иероглифов), при которой часто встречаемые специфические китайские фонемы передавались другими звуками, адаптированными к европейской языковой фонетике (“к” для передачи “ц”, “г” для передачи “цз”, “в” для передачи “юа” и т. п.; 154, с. 84).

Между тем, именно “Канцзюй-го” яв-

ляется оригинальным звучанием одноименного государственного объединения на современном китайском языке.

Сведения о нём впервые предоставил Чжан-Цянь по завершении своей политической миссии из Поднебесной к даюэжи в 138-125 г. г. до н. э. Под таким названием (Канцзюй) оно зафиксировано в «Исторических записках» (Шицзы) Сыма-Цяня и других документах официальной китайской династической историографии (Цяньханьшу, Хоуханьшу, Таншу; 57, т. II, с. 184-186; 155, с. 174-180; 121, с. 62-72; 192, с. 201-202).

Отметим, что оригинальным термином Канцзюй пользовались и продолжают пользоваться в своей научной деятельности синологи и археологи (в том числе казахстанские), причастные к канцзюйской проблеме и истории государственных образований у-сунь, сунну, да-юань и других, существовавших вместе с Канцзюй в один исторический период (Н. В. Кюнер, Д.И. Позднеева, Ю.А. Зуев, Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич, А.Г. Малявкин и другие).

Этимология слова “канцзюй” пока неизвестна. Более определенно можно сказать о второй части термина – “го”.

Его значение хорошо раскрыто А.Г. Малявкиным (192, с. 5-6). Помимо собственно государства, этот термин в Ханьском Китае обозначал как владения, пожалованные представителям высшей знати страны (удельные княжества ван-го, принадлежащие князьям «ван» – аристократии, связанной родством с правящим домом Поднебесной), так и удельные княжества низших князей (хоу-го).

Кроме того, во многих китайских текстах “... с помощью термина “го” обозначаются народы (племена), находящиеся на самых различных этапах общественного развития, от мелких независимых кочевых племен до громадных государственных образований...” (192, с. 5).

К последним безусловно относился и Канцзюй о силе и подчеркнутой независимости которого сообщают китайские источники и который являл собой сложный конгломерат самых различных этнических образований, включающий народы с различным ХКТ и образом жизни.

Современные достижения казахстанской археологии, в том числе материалы Ар. АК, уже сейчас позволяют обоснованно говорить об этнической стороне

Керамика древнего Канцзюя

юза.

Ранее высказанная мысль о полиэтничности Канцзюя, и, в частности, о наличии в его составе кочевого и оседло-земледельческого компонентов, подтверждается последними археологическими данными. В частности, они дают возможность не только однозначно зафиксировать указанные выше два ХКТ у насельников-носителей Ар. АК, но и обоснованно говорить о некоторых этнических составляющих кочевого ядра Канцзюя на его начальных этапах становления.

Судя по общему блоку СКП Ар. АК на ее каратобинском этапе, этническую основу кочевой части населения канцзюя составили представители сакского и сармато-суннуского круга племен. Они политически подчинили оседло-земледельческую часть населения Южного Казахстана, вступили с ней в плотный социально-экономический контакт, предопределив тем самым последующие процессы ассимиляции и этнокультурного синтеза.

Указанный синтез красной нитью проходит через всю историю Канцзюя, демонстрируя стационарность и политическую долговременность сосуществования двух ключевых ХКТ на протяжении шестисот лет.

Одним словом, материалы Ар. АК, позволяют нам вкладывать в термин "Канцзюй-го" помимо политического и этнический смысл.

Он отражает определенное единство этнокультурных традиций кочевой и оседло-земледельческой части населения Южного Казахстана во II в. до н. э. - IV в. н. э. в их многовековом взаимодействии по формированию синкретической полиэтничной земледельческо-скотоводческой культуры. Именно с таких позиций следует рассматривать этничность термина «Канцзюй-го» (Канцзюй). Ввиду сложности этнической, идентификации всех его составляющих и предварительности отдельных этнологических заключений, он будет носить определенный условный характер.

Особенность Канцзюя как полиэтничного образования предопределяет трудности практического характера в вопросах выбора этноопределяющих артефактов из археологического материала, представленного СКП Ар. АК.

Спектр его чрезвычайно широк. Большое место в нем занимают артефакты, полученные из городищ, поселений и мо-

гильников, т.е. материалы, связанные с оседлым этническим пластом Канцзюя. О нём почти ничего не известно в плане этнической истории, но он без сомнения играл одну из главных ролей в государственном объединении, называемом Канцзюй-го.

По этой причине, в контексте сформулированного понимания этничности Канцзюя, мы вправе рассматривать основной комплекс артефактов каратобинского этапа Ар. АК в качестве этноопределяющего компонента. Возможные градации в его рамках, позволяющие определить более узкие этнические идентификации, будут приведены отдельно.

В связи со сложностью выделения этноопределяющих артефактов у полиэтничных сообществ с различными ХКТ наподобие Канцзюя, остановимся на керамике как наиболее выразительном, массовом и информативно насыщенном материале, который безусловно несет в себе этнические проявления.

В вопросах трактовки керамического материала как этноопределяющего у кочевников и оседлых земледельцев возникают определенные нюансы. Они связаны с факторами физико-географического, хозяйственно-бытового, культурного порядка у этих групп населения, а также с характером образа жизни последних.

Мобильность и стационарность образа жизни того или иного этноса определяют в конечном итоге, какое место в его хозяйственно-бытовой и культурной сфере занимает керамика и керамическое производство (основное или второстепенное).

Как известно, номады в отдельных случаях могли освоить керамическое производство, хотя предпочтение в повседневной жизни отдавали деревянной посуде и кожаным ёмкостям, которые максимально адаптированы к условиям кочевания в плане сохранности при транспортировке. При этом назначение и форма керамической продукции также были подчинены условиям кочевого хозяйства (преимущественно круглодонная посуда типа чаш, мисок, плошек; 30, с. 265-269). Так, в ряде случаев керамика может выступать в роли этноопределяющего артефакта у кочевых сообществ, например, у саков, усуней и

Этноопределяющие артефакты Канцзюя

сюнну (23, с. 45; 30, с. 265-267; 213, с. 263: «керамика хунну служит их этническим признаком»).

Однако в значительно большей степени керамика и керамическое производство как сферы экономической деятельности присущи оседло-земледельческим этносам. У них они безусловно выступают в роли этноопределяющего артефакта (165, с.53: «...керамика является основным индикатором не только культуры, времени, но и одним из основных показателей этнической принадлежности ...»).

Это объясняется не только стационарным образом жизни, но и той реальностью, что керамическое производство - сложный и высокотехнологичный процесс, полноценное и качественное освоение которого трудно совместить с кочеванием. По этой причине закономерно заимствование номадами для своих бытовых и ритуальных нужд керамики у населения

роны, отмечено явление обнаружения той же посуды в явно кочевнических погребальных комплексах, где она фигурирует наряду с классическим набором оружия сармато-сюннского облика.

Кроме того, анализ функциональности керамических комплексов в катакомбных погребениях показывает, что эта посуда до того, как она оказалась в погребальной камере, никогда не использовалась в быту. То есть такая керамика изначально предназначалась для ритуальных нужд и непосредственно после изготовления сразу попадала в погребения.

Помимо керамики, являющейся основным локальным этноопределяющим признаком, обозначим ряд других наиболее существенных артефактов универсального, локального и комплексного характера Ар. АК, которые имеют отношение к Канцзюю.

Это в первую очередь такие уникаль-

Ряд канцзюйских этноопределяющих артефактов арысской культуры

оседлоземледельческих оазисов, где керамическая продукция являлась объектом купли - продажи.

Материалы Ар. АК хорошо иллюстрируют отмеченную тенденцию.

Например, очевиден факт массового производства и широкого использования в быту оседлоземледельческим населением арыско-каратаусского региона разнообразной керамики с-присущей только ей традициями в декоре, формах и т.п. (табл. 1, керамический комплекс). С другой сто-

ные объекты, как *городища с т.н. кольцевым рабадом*.

По нашему представлению, планиграфия и генезис таких памятников концентрируют в себе элементы культуры номадов. Они связаны с развитыми представлениями кочевников о солярно-астральных культах и реалиями кочевой жизни, для которой характерна кольцевая планировка расположения передвижных жилищ рядовых кочевников вокруг подчеркнуто обособленной юрты вождя в рамках временного кочевого аила (21, с. 205).

Приведенный тезис в какой-то степени подтверждается данными письменных источников. В них прямо указывается на кочевой и полукочевой характер

хозяйства канцзюйцев, а также на тот факт, что при наличии стационарных городских центров (город Битянь), у вождей (правителей) Канцзюя имелись летние и зимние ставки. В них последние пребывали в зависимости от времени года (57, II, с.184 - 185; 155, с. 4-5).

Археологический материал из городищ с кольцевым рабодом и близлежащих могильников дает известное основание рассматривать такие памятники в качестве вышеупомянутых ставок, на основе которых впоследствии сложились урбанистические центры и локальные оазисные укрепленные районы Канцзюя.

Другой этноопределяющий признак комплексного порядка, связанный с Канцзюем, это катакомбная погребальная конструкция и обряд, унифицированные под подземные склепы для осуществления впускных погребений («Т»-образная катакомба с длинным узкотраншейным дро-

мосом, коллективность погребений и т.п.).

Катакомбные погребения Ар. АК своими параметрами демонстрируют земледельческо-скотоводческий синкретизм культурных традиций, чрезвычайно характерный для полиэтничного населения Канцзюя.

Это проявляется:

в конструктивных особенностях самой катакомбы (варианты решения подземного свода и форма погребальной камеры: округлая с юртообразным сводом; прямоугольная со сводом, оформленным в виде двускатной кровли; прямоугольно-квадратная с суфами и сводом в виде четырехскатной кровли);

в обрядовых действиях и культах (наличие тризны; культ огня и оружия; культ жертвенных животных; родовой культ предков);

в инвентаре (сочетание вооружения и конского снаряжения номадов с атрибутикой вещевых комплексов и керамикой земледельцев).

Судя по некоторым катакомбным погребениям (курган 15 могильника Тулебайтобе II), упомянутый синкретизм оформился как стационарное явление именно при Канцзюе, им были пронизаны многие стороны жизни канцзюйского общества.

Погребения в катакомбах Ар. АК отражают и определенный уровень нивелировки традиций кочевой и оседлоземледельческой культур в рамках одной этнокультурной общности, каковой является Канцзюй.

В частности, коллективные погребе-

ния в катакомбах-склепах, без сомнения связанные с оседлыми насельниками-носителями Ар. АК, некоторыми своими деталями обряда и атрибутики прямо подчеркивают либо факт своей генетической причастности к номадам, либо - тесную связь с кочевым миром (оружие и элементы конской экипировки в атрибутике, деревянная посуда).

Это отразилось на традициях материальной и духовной культуры в объемной зооморфии, в украшениях, оружии а также - конском снаряжении.

В определённой степени печать культурного синкретизма несёт на себе и керамика. Она представлена классическим каратобинским комплексом, в котором все достижения керамического производства оседлого этнического пласта Канцзюя доведены до совершенства, а традиции в декоре утвердились на несколько столетий (табл. 1, 67-91).

Несмотря на земледельческий облик всей керамике Ар. АК на ее каратобинском этапе, в отдельных формах посуды, декоре фиксируются определенные элементы культуры номадов. В частности, это относится:

к сосудам типа столовой фляги, которые имеют горизонтальную яйцевидную форму, характерную плоскую боковину и короткую горловину, перпендикулярно посаженную на тулово (такие сосуды восходят к кочевническим крупным флягам яйцевидной вертикальной формы, предназначенным для транспортировки на вьючном животном воды; табл. 1, 70, 81);

к декору виде концентрического рубчика (валика) в верхней части и аналогичного «усообразного» валика в нижней части сосуда, связанных с ручкой (подражание металлическим обручам, стягивающим деревянную посуду номадов; табл. 1, 74-75);

к зооморфным трансформациям в

керамике (налепы-дериваты образов животных на ручках; двойные ручки; прорисовки контуров копытных животных на сосудах; табл. 1, 95);

к тамгообразным знакам на керамике, часть которых начинает выполнять функции личной (общинной) собственности (табл. 1, 98-99).

В какой-то степени с канцзюйским этническим компонентом могут быть связаны и *антропоморфные артефакты*, свидетельствующие о некоторых социальных и идеологических новациях в канцзюйском обществе.

Так, наряду с объемно-выполненными женскими статуэтками (дань традициям матриархата и гинекократии кочевых союзов племен раннего железного века), на алтынтобинском этапе Ар. АК появляются рельефно-выпуклые изображения на керамике мужской фигуры, в том числе - с нимбом над головой (табл. 1, 166).

Завершает ряд этноопределяющих артефактов, имеющих отношение к канцзюйскому племенному объединению, уникальный *палеолингвистический материал*.

Он получен в ходе раскопок го-

родища Культобе, которое входит в группу крупных объектов арыско-бадамского укрепленного района, связанную т.н. «длинной стеной» (карта 6). Здесь в культурных слоях цитадели, соответствующих каратобинскому этапу Ар. АК, найдены фрагмент и почти целый жженный кирпич, на поверхности которых до обжига по сырой глине нанесены знаки.

Малый фрагмент включал шесть строк и около 26 знаков. На большом кирпиче зафиксированы четыре строки и более 30 знаков, судя по всему, законченного текста. По предварительному заключению палеолингвистов, опирающемуся только на палеографический анализ (письмо пока не дешифровано), *древняя письменность Культобе является алфавитно-буквенной и создана на арамейской основе* (сообщения С.Г. Кляшторного, В.А. Лифшица).

По мнению казахстанского исследователя В.К. Шуховцова, ближайший аналог по палеографии культобинским текстам - это рукописи Мертвого моря, датируемые II-III в.в. Кроме того, он считает, что несколько служебных слов, которые ему удалось разобрать, «...возможно, имеют иранские комплименты, т.е. окончания, которые говорят о том, что семитские слова надо читать на каком-то иранском языке».

До полного прочтения текстов делать однозначные научные выводы, в том числе этнологические, преждевременно. Поэтому подчеркнем только моменты археологического порядка, которые дают основание для историко-культурных интерпретаций.

В частности, отметим автохтонность кирпичей, выполненных вручную из местных лессовых глин (пальцевые борозды на поверхности), а также - высокое качество обжига, что характерно для всей керамики Культобе и Ар. АК в целом (равномерный светлый - коричневый цвет черепка).

Еще один аспект - массивность кирпичей, выражающаяся как в размерах, так и в толщине (большой кирпич: 36x21x4 см, малый фрагмент толщиной 5,5 см).

Последнее обстоятельство наталкивает на мысль, что данные тексты не предназначались для транспортировки, а служили исключительно для

Письменность Канцзюя

материала.

Перечисленные моменты при всей предварительности палеолингвистических выводов относительно текстов, найденных на городище Культобе, достаточно определенно позволяют говорить о существовании и практическом использовании в Канцзюе своей древней письменности.

Надо полагать, она имела государственный статус и была распространена среди элитных этнических групп в составе Канцзюйского племенного объединения. В контексте сообщений некоторых китайских источников о том, что «канцзюйский князь (царь) имел писанный кодекс» (законов), историко-культурное значение находок на Культобе для Южного Казахстана и Казахстана в целом невозможно переоценить (131, с. 55).

В заключение раздела коснемся отдельных артефактов Ар. АК, косвенно несущих этнологическую информацию о других племенах, которые могли оставить след в истории региона на рубеже IV - V в.в. н.э. - времени, когда основная масса объектов арысской культуры перестает существовать.

Речь идет о политических образованиях кочевых племен эфталитов (белых сюнну), хионитах и других, которые вначале контактировали с Канцзюем, а затем сменили его на исторической арене (173, с. 34).

Идентифицировать конкретные археологические памятники с перечисленными этническими группами по материалам Ар. АК практически невозможно по причине расплывчатости этнических признаков последних.

Пожалуй, только факт присутствия иранских резных камней (инталей в виде «ложного» перстня) в числе артефактов арысской культуры, можно опосредованно связать с эфталитами, которые в этот исторический период подчинили Сасанидский Иран, а затем захватили Канцзюй. К подобной версии о путях появления в Южном Казахстане такой специфической продукции склоняется Е.А. Смагулов (инталы в качестве военной добычи; 273, с. 167), и не исключают Л.М. Левина и А.Б. Никитин (169, с. 117-118).

В какой-то степени с эфталитами можно связать и обряд погребения в деревянных плетёных гробовищах, за-

фиксированный в материалах Ар. АК (Султанрабатский могильник; см.: 70, с. 128-129).

Таким образом, канцзюйский и, возможно, эфталитский этнические компоненты характеризуют Ар. АК на заключительном этапе ее функционирования.

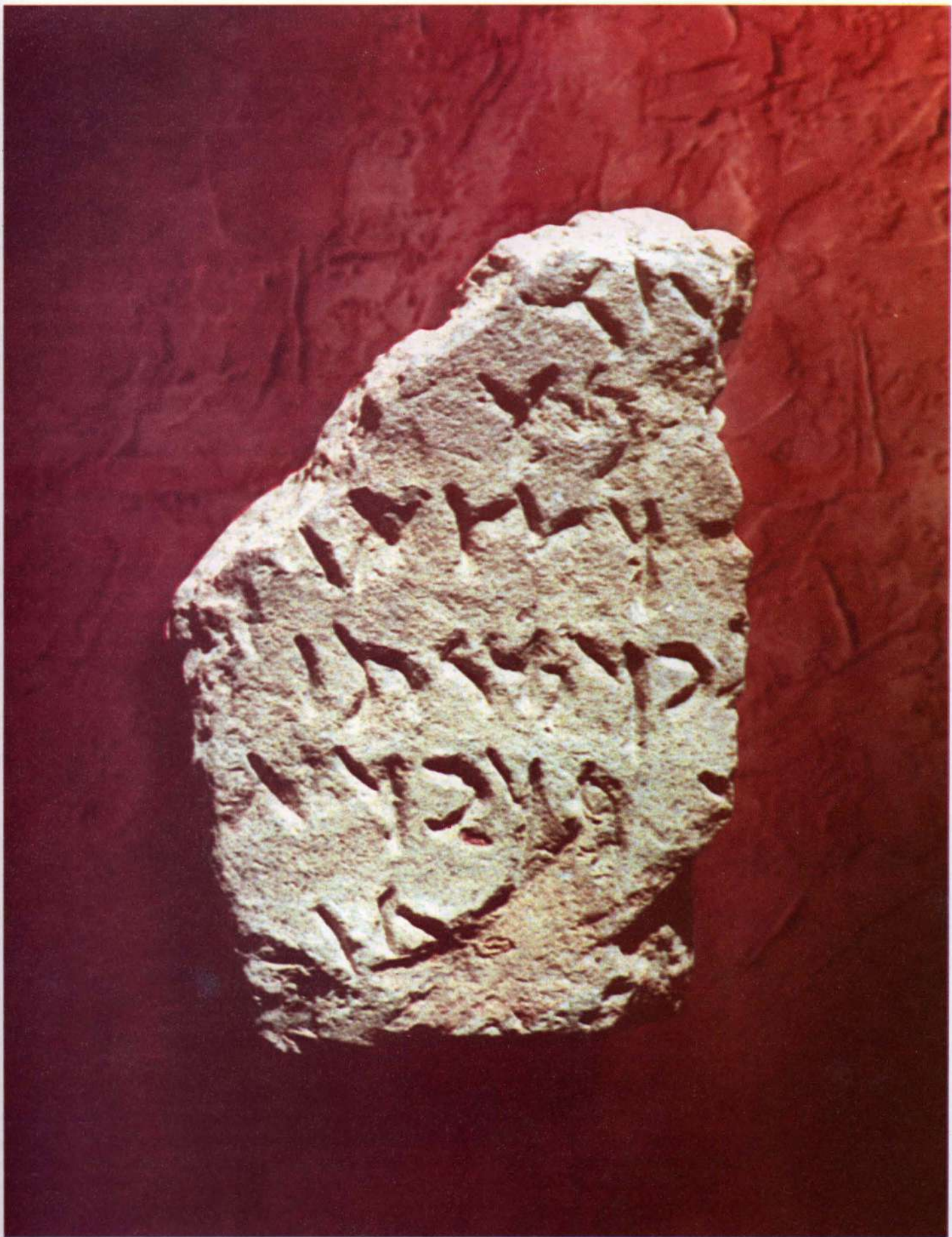
Последующее историческое развитие Южного Казахстана связывается с другими археологическими культурами и этносами, в частности, с раннесредневековой городской культурой региона, согдийцами и тюркским племенным объединением.

Последнее стало этнополитическим правопреемником Канцзюя - судя по всему, какая-то часть памятников Ар. АК еще существовала к моменту прихода в Южный Казахстан согдийцев и тюрков поскольку присутствие этих этносов хорошо фиксируется археологически.

Это согдийские археологические комплексы городищ Торткультобе, Жуантобе; погребения в склепах-наусах могильника Борижарский; тюркские знаки-тамги на керамике поселения Алтынтобе; погребальный комплекс могильника Марданкуик (226, 108-120; 40, с. 22-28; 250, с. 53-54). Наконец, на Алтынтобе найдена и тюркская эпиграфика (12, с. 45).

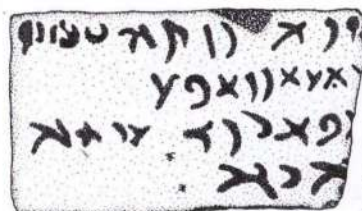

Человек с нимбом.
Государство Канцзюй

**КАНЦЮЙ В СВЕТЕ
ДАННЫХ АРЫССКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

ГЛАВА VI

*Канцзюй горд,
дерзок и никак не
соглашается делать
поклонение пред
нашими
посланниками.*

*Сьма Цянь
Исторические записки*

Канцзюйская проблема по-прежнему остается в центре внимания исследователей, занимающихся древней историей Средней Азии и Казахстана.

Канцзюйская проблема, обозначившаяся со времен первых переводных трудов Н.Я. Бичурина (середина XIX в.), несмотря на усилия нескольких поколений историков, палеолингвистов, археологов по-прежнему остается в центре внимания исследователей, занимающихся древней историей Средней Азии и Казахстана (41, с. 272).

Подобная актуальность объясняется тем фактом, что указанная проблема - многоплановое явление. Её решение только с позиции интерпретации письменных источников без привлечения данных других

наук, практически бесперспективно.

Между тем письменные сообщения о Канцзюе из китайских династических хроник на фоне аналогичных сведений о других этногосударственных образованиях Центральной, Средней Азии II в. до - IV в. н. э. (сюнну, у-сунь, да-юань и др.) расплывчаты и скудны (57, П, с. 150, 184-186 и след.).

Такое обстоятельство прямо отразилось на многочисленных интерпретациях и комментариях письменных сведений о Канцзюе, которые достаточно противоречивы и часто взаимоисключают друг друга (см.

концепции С.П. Толстова и А.Н. Бернштама; 157, с. 6; 41, с. 273).

Это не внесло позитивности в решение канцзюйской проблемы, а только усложнило ее.

Начиная с шестидесятых годов нашего столетия стало ясным, что историко-лингвистические подходы в том варианте, как они осуществлялись ранее в отношении Канцзюя, исчерпали себя.

На первый план в контексте общего решения проблемы выдвигаются археологические источники.

Приоритетность археологического материала в решении канцзюйской проблемы четко сформулировал Б.А. Литвинский еще в 1967 году, когда писал: "...при изучении кангюйской (канцзюйской) проблемы нельзя ограничиваться лишь исследованием письменных источников и языковых данных, а необходимо их рассматривать в теснейшей связи с археологическими материалами, причем эта увязка должна учитывать реальную историко-географическую обстановку в древней Средней Азии» (173, с. 37).

Последующие научные изыскания и накопление новой археологической информации о памятниках II в. до - IV в. н. э. на территории Средней Азии, Южного Казахстана только подтвердили правильность и перспективность обозначенной позиции. В значительной степени иллюстрацией тому являются и материалы Ар. АК.

Канцзюйская проблема масштабна по многим аспектам. В этом разделе мы рассмотрим только локальные вопросы, которые можно решить опираясь на материалы Ар. АК.

Круг последних ограничим нашим видением проблемы общей и региональной локализации Канцзюя и его владений, а также - отдельными моментами этнополитического и социально-экономического характера.

Локализации Канцзюя и его пяти владений Сусе, Фуму, Юни, Ги и Юегань посвящена масса специальной литературы. Между тем, этот вопрос остается открытым ввиду различных подходов у исследователей к интерпретации китайских текстов о Канцзюе и последующем их соотношении с данными археологии и других наук (варианты локализации см.: 157, с. 6-7; 31, с. 181-182; 41, с. 272-274).

Разногласия в вопросах локализации Канцзюя и его владений исходят из двух вышеупомянутых концепций С.П. Тостова и А.Н. Бернштама, которые помещают это государственное объединение соответственно на Аму-Дарье и Сыр-Дарье (294, с. 20-25; 295, с. 145-150; 50, с. 90-98).

В современной среднеазиатской и казахстанской археологии утвердилась точка зрения А.Н. Бернштама. Он вслед за В.В. Бартольдом считал, что коренные земли (владения) Канцзюя расположены по Сыр-Дарье (45, с. 5-6; 50, с. 90-93: «коренная область кангюев простиралась от Сыр-Дарьи до Или»).

Большинство исследователей разделяют концепцию Бартольда-Бернштама, к которой склоняемся и мы (157, с. 7; 173, с. 33-35; 143, с. 172-173; 35, с. 38-39; 287, с. 113; 6, с. 8-9; 31, с. 184-185; 251, с. 177).

В рамках локализации основного ядра Канцзюя на Средней Сыр-Дарье предлагались различные варианты отождествления этой и других прилегающих территорий с малыми владениями Канцзюя. Делались также попытки идентификации главной ставки канцзюйского правителя в городе Битянь с конкретным районом.

В частности, известна в этой связи локализационная схема А.Н. Бернштама. Он обозначил пять малых владений Канцзюя в зоне Сыр-Дарьи следующим образом:

Сусе - среднее течение р. Сыр-Дарья, р. Арысь и северные склоны Каратау;

Фуму - районы по Сыр-Дарье от Яны-Кургана до Казалинска;

Юни - Чачский (Ташкентский) оазис;

Ги - низовья Сыр-Дарьи;

Юегань - низовья Аму-Дарьи, Хорезмский оазис; город Битянь - на территории Сусе, т.е. в районе гор Каратау (56, с. 216, рис. 87).

Приведенная схема с некоторыми поправками и оговорками относительно недостаточной обоснованности в основе своей принята исследователями и сохраняет научное значение в настоящее время (6, с. 8-9; 173, с. 33-35; 174, с. 14-23; 157, с. 7; 31, с. 185; 66, с. 107-108; 41, с. 274).

Придерживаясь локализации основной территории Канцзюя на Средней Сыр-Дарье (бассейны рек Келес, Курук-Келес, Арысь, зона гор Каратау-Каржантау в ландшафтном, гидрологическом и других аспектах являются неотъемлемой частью названного региона), подойдем с позиций

Карта 5 (справа):
локализация малых
владений Канцзюя

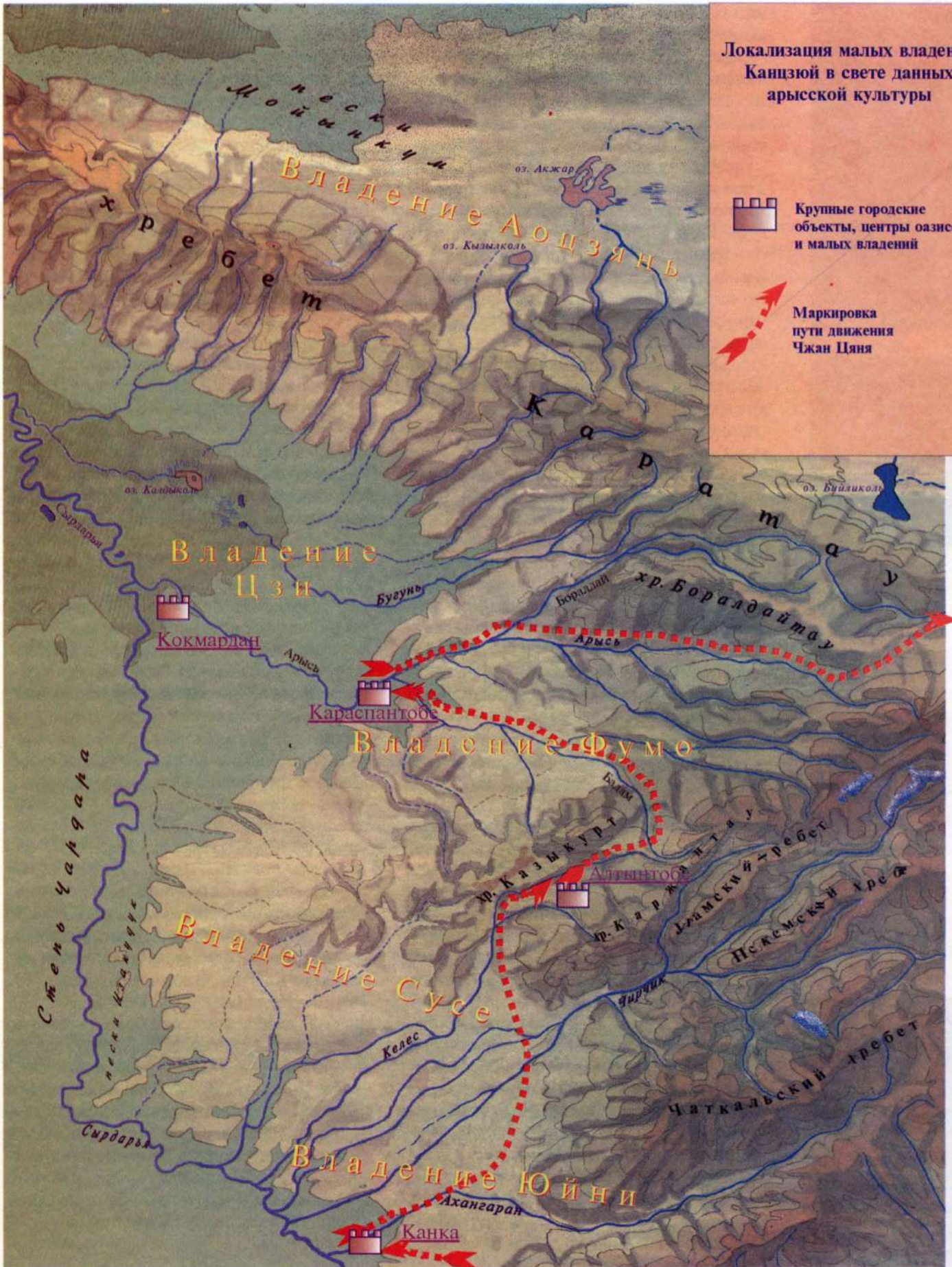
Локализация малых владений
Канцзюй в свете данных
арысской культуры

Крупные городские
объекты, центры оазисов
и малых владений

Маркировка
пути движения
Чжан Цяня

материалов Ар. АК к решению отдельных моментов локализации центра Канцзюя, города Битянь, а также - малых владений этого этнополитического объединения.

Помимо археологического материала в виде СКП Ар. АК, при этом должны учитываться следующие факторы:

критический анализ сообщений о Канцзюе в контексте определения маршрута движения Чжан-Цяня после его прибытия в Да-Юань (Ферганская долина);

традиции историографии ханьского Китая в плане фиксации сведений о других народах (порядок и последовательность перечисления информации, степень достоверности сообщений);

оазисная концентрация памятников Ар. АК в локальных микрорегионах как вариант возможной корреляции ландшафтно-топонимических фактов с этнополитическими образованиями;

новые данные археологической картографии, топографии и типологии.

Оптимальное соотношение перечисленных факторов с поправкой на известную гипотетичность, объективно вытекающую из ограниченности и расплывчатости письменных источников о Канцзюй, позволяют по-новому рассмотреть вопрос локализации малых владений Канцзюя.

Принципиален в этом отношении территориальный статус упомянутых владений.

То есть, являются ли они составной частью канцзюйского этнополитического союза, или коренные земли Канцзюя, управляемые владетелем, и пять малых владений, управляемые удельными князьями, есть разные административно-территориальные единицы, отличающиеся только степенью подчиненности.

Сведения первоисточников на этот счет конкретны и недвусмысленны, поэтому приведем важный для нас текст полностью: «В государстве Канцзюй было пять удельных князей (сяо ван). Первого звали князь Сусе, его резиденция была в городе Сусе. До (местопребывания) наместника 5776 ли, до заставы Янгуань 8025 ли. Второй именовался князем Фумо, резиденция его была в городе Фумо. До местопребывания наместника 5767 ли, до заставы Янгуань 8025 ли. Третий именуется Юйни, его резиденция находится в городе Юйни. До (местопребывания) наместника 5266 ли, до заставы Янгуань 7525 ли. Четвертый именуется Цзи, его резиденция находится

в городе Цзи. До местопребывания наместника 6926 ли, до заставы Янгуань 8555 ли. Имя пятого князя Аоцзянь, резиденция его находится в городе Аоцзянь. До местопребывания наместника 6906 ли, до заставы Янгуань 8355 ли» (Хань-шу, «Повесть о государстве Канцзюй», 192, с.262-273; почти аналогичен переводный вариант текста Н.Я. Бичурина: 57, II, с. 186).

Однозначны данные об этой части «Повествования о государстве Канцзюй» из «Шофанбэйчэн» Хэ Цю-гао, который конкретизирует статус малых владений: «Канцзюй имеет пять малых князей...»; «Вообще пять князей подчинены Канцзюй» (155, с. 178-179).

Таким образом, определенно можно говорить о том, что Канцзюй как этнополитическое государственное объединение (Канцзюй-го) имело свою территорию (страна Лююени), главный административный центр - ставку правителя (город Битянь) и пять локальных владений, возглавляемых удельными князьями с резиденциями в городах.

Последние входили в состав Канцзюя на правах административно-территориальных образований, которые составляли ядро (коренные земли) Канцзюя, постоянно контролируемое политической властью владетеля.

Судя по всему, это ядро было стационарным и относительно компактным в своих границах в сравнении с остальными регионами, на которые распространялась власть Канцзюя в разные исторические периоды.

Если учесть зависимое от центральной власти владетеля положение малых владений и местонахождение их правителей (в городах), имеются основания предполагать, что в качестве упомянутых удельных князей (сяо-ван; хи-хэу; фу-ван: «помощник князя... равный малому князю») могли выступать представители земледельческих районов (оазисов).

Известно, что экономические и политические позиции земледельческой части населения в Канцзюе были сильны (192, с. 273; 121, с.69; 155, с. 178; комментарий Сюй Суна).

На это обстоятельство обратил внимание В.В. Бартольд, который локализовал основную территорию Канцзюя на Средней Сыр-Дарье. Он же предложил рассматривать пять канцзюйских малых владений как земледельческие области, одну из которых, Юени (Юйни) отождествил с Ташкентом (45, с. 5-7).

Заметим, что локализация Юени (Юйни) на территории Чачского (Ташкентского) оазиса поддержана другими исследова-

телями и подтверждена археологическими данными (56, с.216, рис.87; 295, с.144; 66, с.101-107: городище Канка - центр владения Юени).

Значимость этого факта для нашей концепции локализации малых владений Канцзюй в рамках основного территориального ядра на Средней Сыр-Дарье существенна. Юени - первое из малых владений, расположение которого зафиксировано от местонахождения наместника и пограничной крепости Янгуань - традиционных для ханьской историографии точек отсчета расстояний, принятых в Поднебесной эпохи Старшей Хань в отношении государств Западного Края (соответственно 5266 и 7525 ли). Крепость-застава Янгуань находилась вместе с другой пограничной заставой Юймэнь на западной границе Ханьской империи, в окончании Великой (Длинной) Стены, на западе современной провинции Ганьсу КНР (192, с. 110).

То есть, о Юени можно вполне конкретно говорить как о точке (пункте), из которой по прибытии в Канцзюй из Да-Юани далее на северо-запад или в другом направлении продолжил свой путь Чжан-Цянь, т.к. судя по Хань-шу, ("Повествование о Да-Юань"), "Чжан-Цянь прошел ... Канцзюй" (57, II, с. 149), "...побывал лично... у Канцзюй" (258, с. 322).

Одним словом, *Чжан-Цянь посетил не только ставку канцзюйского правителя в городе Битянь, но и был если не во всех, то в большинстве из пяти малых владений Канцзюя.*

Об этом убедительно свидетельствуют приведенное обстоятельство, информация о пяти владениях и удельных князьях, представленная Чжан-Цянем как очевидцем, а также тот факт, что путь, открытый Чжан-Цянем в тридцатых годах II в. до н. э. из Да-Юани в Канцзюй вплоть до крайних пределов последнего на востоке по реке Талас, был хорошо известен ханьцам.

Они знали его и использовали в своих военно-политических целях.

Так, по завершении ханьско-да-юаньской войны 104-102 г. г. до н. э., в Канцзюй вполне самостоятельно (без проводников, как в случае с Чжан-Цянем, см.: 57, II, с. 148) проник ("пришел") вместе с подручными ханьский офицер Шаньгуаньгйе. Он схватил и казнил выданного канцзюйцами владельца города Ю, причастного к истреблению одного из китайских военных отрядов (57, II, с. 166).

Еще один пример. В 36 г. до н. э., в период компании ханьцев по ликвидации войск и ставки северо-сюннуского Чжи-

Чжи шаньюя, "три (отряда) пошли по южной дороге через Цунлин (Памир) и Да-Юань (Фергана) до (реки) Дулай (Талас)". Эти отряды успешно добрались до конечного пункта и завершили свою миссию несмотря на известную алогичность действий ханьского военачальника Чэн Тана, пославшего названные отряды из Кашгарии (Восточный Туркестан) в Таласскую долину столь длительным и долговременным путем.

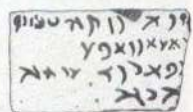
Надо полагать, не последнюю роль в подобном решении наряду с политическими предпосылками (основная часть этого пути пролегла по территории Канцзюя-союзника ханьцев в борьбе против Чжи-Чжи) сыграла и стационарность знаний китайцев о маршруте движения по землям Канцзюя (121, с. 68-69).

Современные ландшафтные, гидрологические, топографические данные, а также материалы археологической картографии региона Средняя Сыр-Дарья - Таласская долина при соответствующей корреляции с приведенными сведениями и принятыми в древности традициями следования вдоль водных артерий (источников) и горных систем, позволяют обозначить маршрут движения из Да-Юани (Фергана) до реки Талас, по которому мог пройти Чжан - Цянь и однозначно прошли ханьцы в тридцатых годах II в. до н. э.

Вначале вектор движения соответствовал общему северо-западному направлению течения р. Сыр-Дарья и юго-западных окончаний горных хребтов системы Западного Тянь-Шаня (Кураминский, Чаткальский, Пскемский, Угамский). Затем, после минования хребтов Каржантау и Казыгурт, направление менялось на северное, северо-восточное. Наконец, при пересечении примыкающего почти перпендикулярно к горной системе Таласского Алатау хребта Каратау до реки Талас, движение имело только восточное и северо-восточное направление (карта 5).

В целом именно таким путем возможен вариант осуществления экспедиции из Да-Юани в Таласскую долину.

Поскольку он полностью пролегал через коренные земли Канцзюй, в том числе - и через малые его владения, с этим путем как основным ориентиром в исторической топонимике региона мы связываем локализацию удельных пяти владений этого племенного объединения.

Анализ многочисленных сообщений китайских авторов (путешественников, дипломатов, чиновников, военных) о государствах Западного Края, отчетливо показывает следующую тенденцию: проникновение и освоение ханьцами Западного Края (Сиюй) шло в рамках долговременной великодержавной политики Поднебесной по сдерживанию и нейтрализации сюнну («отсечь правую руку сюнну», т.е. лишить контроля над торговыми путями, ведущими на запад, и тем самым экономически ослабить последних; 57, II, с.156).

Эта политика осуществлялась путем планомерного продвижения на запад вдоль горных систем Нань-Шаня, Куэнь-Луня, Тянь-Шаня от одного оазиса к другому по устоявшимся маршрутам, начинающимся от пограничных застав Юймэнь и Янгуань.

Со временем указанные маршруты оформились в две ветви (дороги) Великого Шелкового пути, южную и северную (192, с. 192).

Многочисленные государства (оазисы, города, владения), располагающиеся вдоль трассы Великого Шелкового пути, фиксировались ханьцами картографически (58, III, приложение-карта). О них приводились разнообразные сведения в соответствии с установленными правилами ханьской династической историографии.

Комментатор Хань-шу дайцинский ученый Суй Сун пишет о том, что историографы при описании государств Западного Края начинали свое повествование с тех, которые лежали вдоль южного ответвления дороги, идущей на запад от заставы Янгуань (иероглиф “ши” - “начало”). Государства описывались в порядке их расположения с востока на запад. После государств, лежащих вокруг Памира (Сунлин), главным образом к западу от него, переходили к описанию государств, лежащих вдоль северной ветви дороги, но в обратном направлении - с запада на восток, и заканчивали повествованием о государстве Чэши (иероглиф “чжун” - “конец”; 192, с. 192).

Кроме того, существовал порядок изложения информации о государствах (владениях), который осуществлялся по схеме: название страны; местопребывание правителя и его характеристика; общие сведения о государстве (123, с.39).

Как правило, такие государства (города, оазисные владения) располагались в относительно замкнутых долинах, у подно-

жия горных хребтов, на выходе крупных рек, которых достаточно много вдоль горных систем Нань-Шань, Куэнь-Лунь, Тянь-Шань.

Одним словом, *оазисный вариант и определенная локальность (автохтонность) древних государственных образований безусловно отражались на традициях и характере фиксации сведений о них в ханьской историографии.*

Свидетельством тому - наличие в китайских текстах таких терминов (значений) как “город-государство”, “государства оазисные” (192, с.182-183, комм. 288-289; с. 186. комм. 305; с.213, комм. 402-403 и др.). В их числе и государство Да-Юань (Фергана; 192, с.186, комм. 304).

Судя по всему, *в качестве подобных оазисных государств, объединенных в составе Канцзюй, выступали и малые владения пяти удельных князей.*

Заметим, что в ханьских династических хрониках топонимы, гидронимы и оронимы очень часто служили названием того или иного государства (государственного объединения). Это еще раз подчеркивает прямую связь такого рода информации о древних государствах с ландшафтом, рельефом, территорией, на которой они располагались (58, III, с. 7-83; 192, с. 196 и след.).

Изложенное дает основание рассматривать *статус малых пяти владений удельных князей в качестве оазисных государств, входящих как составные, подчиненные центральной власти, части в единую территорию Канцзюйского этнополитического объединения.*

Такая посылка в контексте направления движения Чжан-Цяня, начальной точки (пункта) его отправления (владение Юени, Чачский оазис), последовательности расстояний удельных владений от Янгуань, а также - в свете оазисной концентрации памятников, позволяет предложить следующий вариант локализации малых владений Канцзюй:

а) долины рек Ахангаран, Чирчик и территории, прилегающие к Сыр-Дарье у впадения в нее этих рек (Чачский оазис) - владение Юйни (Юени);

б) долины рек Келес, Курук-Келес и территории, прилегающие к Сыр-Дарье от впадения в нее этих рек до урочища Чардара вниз по течению (Келесский оазис и близлежащая степь) - владение Сусе;

в) долины рек Бадам, Боралдай, Арысь в верхнем и среднем течении последней (Арыско-бадамский оазис) - владение

Цитадель городища
Культобе

Фумо (Фуму);

г) долина реки Арысь в нижнем течении и территории, прилегающие к Сыр-Дарье у впадения этой реки, а также - зона южных склонов гор Каратау (Отрарский оазис) - владение Цзи (Ги);

д) долина реки Талас в среднем и нижнем течении, а также - зона северных склонов гор Каратау (Таласский оазис) - владение Аоцзянь (Юегань).

Последовательность владений в рамках предложенной локализации соответствует расстояниям в источниках от местопребывания наместника и от пограничной заставы Янгуань (ближайшее - Юйни, самое дальнее - Аоцзянь).

Она несколько расходится с данными Хань-шу, в которой повествование начинается с владения Сусе и заканчивается владением Аоцзянь (Юегань; 57, II, с. 186). Судя по всему, приводя информацию о малых владениях и удельных князьях, Чжан-Цянь в первую очередь учитывал военно - политический статус этих владений в рамках Канцзюя, а не удаленность от местопребывания ханьского наместника в Западном Крае.

Между тем перенос сведений о Юйни с третьей позиции во главу текста полностью восстанавливает порядок расстояний в последовательности перечисления всех владений от точки отсчета (ставка наместника и крепость Янгуань). Это наводит на мысль о каком-то особом положении Сусе и Юйни в текстовом реестре информации о малых владениях Канцзюй.

Новая информация о памятниках региона Средняя Сыр-Дарья - Таласская долина, в том числе - комплекс Ар. АК, позволяют обозначить и *урбанистические центры, которые возможно отождествить с городами-ставками малых владений.*

В роли последних могут выступать крупные городища с развитой системой фортификации и прилегающей сельской округой в виде поселений, которые находятся в стратегически важных районах (на пересечении региональных и международных торговых путей, у крупных водных источников).

Один из таких центров для владения Юйни (Юени) в Чачском оазисе уже известен - это городище Канка (город *Юйни-Юени*; 66, с. 101-107).

Местонахождение других в связи с предложенной локализацией владений Канцзюя выглядит следующим образом:

для Келесского оазиса (*Сусе*) - горо-

дище Культобе (карта 1, 14; возможен вариант - городище Алтынтобе; карта 1, 38);

для Арыско-бадамского оазиса (*Фумо-Фуму*) - городище Караспантобе (карта 1, 183; возможен вариант - городище Канкурган, карта 1, 115а);

для Отрарского оазиса (*Цзи-Ги*) - городище Кокмардан (карта 1, 280);

для Таласского оазиса (*Аоцзянь-Юегань*) - городище древнего Тараза.

В какой-то степени нашу версию локализации самого удаленного владения Канцзюй Аоцзянь (Юегань) в Таласской долине со ставкой в Таразе подчеркивают письменные источники, касающиеся реки и города Талас (Тараз).

Первые упоминания о реке Талас имеются в Хань-шу, в "Жизнеописании Чэнь Тана", где она фигурирует под названием Дулай.

Затем отмечены многочисленные более поздние транскрипции реки и города: Далосы, Таласу, Таласы и другие (192, с. 271-272), которые фиксируют процесс переноса названия более древнего гидронима на ойконим Талас (Тараз).

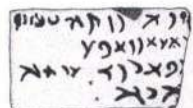
Для нас существенным является замечание Янь Шигу, комментатора текстов Хань-шу, в отношении р. Талас: "Дулай - это название реки Чжичжи". Кроме того, так (Чжичжи) назывался и город, находившийся на реке Дулай, т.е. "название города произошло от имени шаньюя Чжи-Чжи" (192, с. 271). Причастность последнего к реке (долине) Талас не вызывает сомнения: здесь находилась его ставка, здесь ханьцами и канцзюйцами были разбиты его войска и здесь он был предан смерти одним из канцзюйских князей (121, с. 71).

Еще один вопрос в контексте канцзюйской проблемы - определение местонахождения главной ставки канцзюйского владетеля, города Битянь.

Сведения о нем из китайских текстов скромны - известно только, что он находился в стране Лююени, в 12300 ли от Чань-ань (столицы Поднебесной). Город зависел от (ханьского) наместника и был, судя по комментариям Янь Шигу (VII в.), местом зимнего пребывания канцзюйского владетеля ("владетель зимою в холодное, а летом в жар-

«Царский» курган
Караултобе.
Могильник
Боржарский

кое время живет не в одном месте, а в разных”; 57, II, с. 184).

Другой источник, “Повествование о Канцзюй” (“Шофанбэйчэн” автора Хэ Цютао), конкретизирует информацию о Битянь сообщением о том, что “город близок к озеру Тяньчи, отсюда дано (его) имя”, а также, что “от указанного города до земли Леюань, где находилось зимнее управление князя, езды на лошадях семь дней” (155, с. 174-175).

Приведенные сообщения о Битянь расплывчаты, противоречивы и не дают оснований для локализации города. Письменный факт близости последнего к озеру Тяньчи (в переводе с китайского: “обширный, наполненный водоем”; 121, с. 69) выпадает из принятой нами концепции локализации Канцзюй на территории Южного Казахстана (Средняя Сыр-Дарья). Здесь нет масштабных систем озер или отдельных водоемов, вокруг которых были бы зафиксированы крупные археологические объекты канцзюйского времени (II в. до - IV в. н. э.).

По этой причине в вопросе локализации города Битянь логичным будет обратиться к иным блокам источников, в частности, археологическим. В этом контексте материалы Ар. АК позволяют по-новому подойти к вопросу определения возможного местонахождения города Битянь.

Особый интерес в этом плане представляет факт присутствия на территории Арыскобадамского оазиса (владение Фумо-Фуму) локального укрепленного района.

Он включает несколько крупных городищ, ряд поселений, могильников и большие площади пастбищных земель, ограниченных, с одной стороны, «длинной» стеной, с другой - руслами рек Арысь и Бадам (карта 6).

Указанный укрепленный район площадью более пятидесяти кв. км по своему стратегическому положению (центр оазиса), масштабности и фортификации объектов (включая самое крупное городище - Караспантобе), явно претендует на роль самостоятельной политико-административной единицы на-

подобие упомянутых выше городов-государств.

Судя по всему, именно этот район (округ) и городище Караспантобе являли собой город-ставку канцзюйского правителя Битянь. На это косвенно указывают и другие обстоятельства.

В частности, речь идет о земляных (глинобитных, паховых) стенах, которые окружали ставки некоторых кочевых правителей древности.

О них прямо сообщается в китайских текстах II в. до - IV в. н. э. Так, автор Хоухань-шу (“История Поздней Хань”, 25-220 г.г.) Фань Е (398 - 445 г.г.) писал о северном соседе Канцзюй, государстве Яньцай: “Государство Яньцай стало называться Алань-ляо. (Правитель) живет за земляными (крепостными) стенами (кит.: цзюй ди чен) и зависит от Канцзюй” (перевод и комментарий Ю.А. Зуева : 123, с. 38).

Кроме того, “...Применительно к событиям той поры сочетание “ту чэн” - “земляная / глинобитная стена” встречается при... описании крепости сюннуского Чжичжи-шаньюя на Таласе, которая наряду с деревянной стеной (му чэн) вне её была обнесена и земляной (глинобитной) стеной (ту чэн);... подобные обозначения относились лишь к крепостному валу или стене вокруг ставки властителя.” (123, с.39; 121, с. 68).

Оборонительная направленность арысской “длинной стены” в сочетании со рвом и боевой башней, от которой она начинается, не вызывает сомнения. Отдельные различия топографического характера, заключающиеся в том, что арыско-бадамская стена не имела кольцевой (периметральной) планировки, привязанной к одному объекту (урбанистическому центру), не являются принципиальными.

Аналогии системе фортификации с ключевым элементом в виде многокилометровой “длинной” стены для столь раннего времени, которым датируется весь оборонительный комплекс арыскобадамского оазиса (I в. до н. э. - рубеж н. э.), в южно-казахстанском регионе отсутствуют. Некоторые параллели можно отметить только в связи с “длинной стеной” вокруг рустакв Самарканда I в. до н. э. (206, с. 159-163), а также - в связи с аналогичными “длинными” стенами средневекового Сайрама (Испиджаба), центром одноименного округа (126, с.

Караспантобе - центр государства Канцзюй

48-56; 205, с. 38-41).

В средневековое время “длинные стены” становятся неотъемлемой частью фортификации крупных городских центров в Чуйской долине (“городища с длинными валами”; 145, с. 65-131, рис. 24; 316, с. 13-20).

Во всех случаях, независимо от времени, “длинные стены” как защитные сооружения возводились только *вокруг (вблизи) крупных административных и политических центров, игравших важную роль в истории целых регионов.*

В завершение аргументации по локализации Битянь на территории укрепленного района Арыско-бадамского оазиса (городище Караспантобе), приведем факт находки древней письменности на одном из объектов этого района, городище Культобе.

Обнаружение двух текстов одного письма, его явно архивная направленность, могут служить основанием для выводов о том, что такое *масштабное и уникальное по своим культурным параметрам явление как древняя письменность возникло и практиковалось на государственном уровне только в урбанистических крупных образованиях, несущих функции главных политико-административных центров* (“канцзюйский царь имеет писанный кодекс и хранит в своей ставке”; 131, с. 55).

Предложенная локализация канцзюйской ставки-города Битянь, малых владений и одноименных городов этого государственного этнополитического образования не бесспорна и не претендует на научную окончательность. Однако если принять во внимание новый вариант территориальных отождествлений, построенных на изложенных принципах, а также известную фундаментальность археологических источников, в том числе – арысской АК, представляется, что по своей аргументированности сформулированные относительно Канцзюй выводы заслуживают внимания и могут быть приняты в качестве научной концепции.

Перейдем к освещению других вопросов, связанных с историко-культурной интерпретацией Ар. АК. В их числе:

установление возможных связей на уровне археологических комплексов с каунчинской, джетыясарской АК;

особенности контакта кочевнического и оседлоземледельческого элементов Ар.

АК в плане взаимодействия, сосуществования и трансформации в синкретическое этнокультурное и социально-политическое образование;

выявление фиксированных изменений в системах традиций материальной культуры, связанных с историческими событиями региона Средняя Азия - Южный Казахстан в IV в. до - IV-VI в. в. н. э.

СКП Ар. АК хорошо подчеркивает её выраженный автохтонный и достаточно консервативный наглядный образ. Особенно это касается таких сфер материальной культуры и артефактов, как керамика, зооморфия и антропоморфия на караултобинском и каратобинском этапах, а также - некоторых видов погребальных сооружений, практикуемых в массовом порядке только на территории-ареале памятников Ар. АК (катакомбы-склепы различных типов).

По этой и другим причинам *СКП Ар. АК доминирует преимущественно на основной территории Арыско-Каратаусского региона*, и фиксируется за его пределами в материалах памятников каунчинской, джетыясарской и других АК на ранних этапах не очень часто.

Например, классический вариант керамического комплекса Ар. АК каратобинского этапа с его характерным набором декора (станковое рифление, рельефно-выпуклый заостренный наlepной валик и др.), практически отсутствуют в керамике низовьев Сыр-Дарьи I в. до н. э. - IV в. н. э. (164, с. 194-195). Отдельные находки посуды, подобной арысской, в материалах джетыясарской культуры можно объяснить только импортом керамической продукции из арыско-бадамского оазиса.

Крайне редки в джетыясарской АК и погребения в катакомбах, особенно - на фоне нескольких сотен вскрытых курганов с иными погребальными конструкциями (грунтовые ямы, подбои, склепы; 161-162; 164, с. 60-61; 165, с. 48-51).

Этот факт является косвенным свидетельством тому, что в упомянутое выше время обоюдная инфильтрация культурных традиций джетыясарской и арысской АК

Городище Тулебайтобе и часть «длинной» стены. Вид с воздуха

Handwritten text in Cyrillic script, possibly a signature or date, located in the bottom right corner of the page.

была незначительной. Судя по всему, такое положение связано как с «необычайной устойчивостью и внешней архаичностью джетысарской материальной культуры» (158, с. 181), так и подчеркнутой выше локальностью археологического комплекса арысской культуры, которые были консервативными и представляли собой различные системы традиций в материальной сфере двух оазисов (165, с. 51).

Заметим также, что наглядный образ джетысарской АК на всех этапах её развития, существенным образом отличается от аналогичного образа арысской АК. Только на заключительной стадии функционирования двух культур (IV-VI в. в.) можно отметить некоторые устойчивые параллели.

Одна из них - появление в арыско-бадамском регионе поселений (городищ) на искусственно возведенных платформах-стилобатах.

Это явная новация для региона Южного Казахстана большую часть которого занимает предгорная и горная ландшафтная зоны с высокими надпойменными террасами. Как правило, указанные террасы окаймляли долины средних и малых рек, и их естественные фортификационные возможности широко использовались древними населенными Южного Казахстана.

По этой причине основная масса поселений, городищ Ар. АК - надпойменные, а не стилобатные объекты. Между тем памятники дельты Сыр-Дарьи преимущественно воздвигнуты на стилобатах. В условиях равнинного ландшафта они своей высотой не только несли ключевые фортификационные функции, но и защищали древнее население от неизбежных в низовьях Сыр-Дарьи разрушительных наводнений.

Определённая близость отдельных компонентов джетысарской и арысской АК на поздней стадии развития наблюдается не только на уровне типологического сходства стилобатных памятников. Она отмечена и в некоторых приемах декора керамики (прочерченное рифление горловины сосудов, лощение по темно-уголю и др.).

Значительно больше точек соприкосновения по многим аспектам у арысской и каунчинской АК. Они демонстрируют определённую культурно-генетическую

близость начиная с ранних этапов, и особенно - на заключительной фазе своего существования (IV - VI в. в.; Каунчи - II, III по Л.М. Левиной: 157, с. 182-184).

Это проявляется как в наличии типологически идентичных памятников (поселений, городищ, могильников), так и в фиксации некоторых аналогий в археологических комплексах двух культур («Т»-образные катакомбы с длинным дромосом; керамика, зооморфия и др.). Например, керамический комплекс алтынтобинского этапа Ар. АК по многим параметрам носит «каунчиноидный» облик (формы, назначение, декор посуды и изделий, среди которых выделяются «роговидные» подставки под сосуд).

Подобную близость можно объяснить не только глубинными факторами физико-географического характера (Южный Казахстан и Чачский оазис представляют одну ландшафтную зону), но и тесными контактами на социально-экономическом, политическом уровнях в рамках общего этнокультурного и территориального пространства.

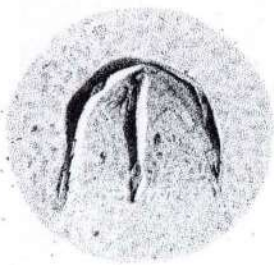
Истоки этих контактов уходят корнями в первые века до н. э., когда они осуществлялись в пределах одного государственного объединения - Канцзюй.

Однако при всех общих тенденциях в системах традиций материальной культуры каунчинской и арысской АК, *наглядный образ этих АК существенно различается*. Он несет в себе выраженные черты оазисной локальности, специфику которой определяют особенности развития культурогенеза оседлоземледельческого и кочёвого этнического пластов древнего населения Чачского и арыско-бадамского оазисов (смотри сравнительный коллаж).

В связи с историко-культурной интерпретацией материалов Ар. АК, в частности, ее периодизацией и хронологией, затронем вопросы, связанные с миграционными движениями племен по территории Южного Казахстана.

Динамика развития арысской культуры, ее СКП и памятники фиксируют определенную «прерывность» этого процесса во времени, отмеченную качественными изменениями в системах культурных традиций.

Судя по всему, такие существенные моменты, как массовое появление оседлых поселений, городищ на рубеже II - I

в. в. до н. э., а затем внезапное угасание большей части таких объектов в IV - начале V в. н. э., отражают не только тенденции социально-экономического характера (переход части кочевников к оседлости, начало формирования урбанистической культуры).

Они свидетельствуют также о значительном перемещении (движении) кочевников и оседлоземледельческого населения по территории региона в силу конкретных политических причин.

Для времени рубежа II - I в. в. до н.э. это могли быть миграционные процессы, имеющие отношение к разгрому Греко-Бактрии, в котором участвовал полиэтничный пост-сакский (сакаравак-юэчжийский) и сармато-сюннуский круг племен (175, с. 187-194).

Для конца IV - начала V в. в. это движение этнических групп, обусловленное вторжением в Среднюю Азию эфталитов (хионитов). В результате этой агрессии часть оседлого населения Ферганской долины и Чачского оазиса была вытеснена на территорию Средней Сыр-Дарьи, в том числе и в зону Арыско-бадамского оазиса. В контексте такой миграции хорошо объясним "каунчиноидный" облик керамики ранних городищ Отрарского оазиса (39, с. 110-123).

Источником миграционных племенных движений оседлоземледельческого населения в сторону зоны Средней Сыр-Дарьи - Арысь-Каратау в III - IV в. становится и джетыасарский оазис.

По мнению Л.М. Левиной, причиной таких передвижений явилось прекращение жизни на некоторых городищах джетыасарского урочища, связанное с изменением гидрорежима части русел дельты Сыр-Дарьи, а также - проникновением сюда "новых масс населения с востока (или северо-востока)" (158, с. 174-175).

Заметим, что указанная северо-западная волна миграции джетыасарцев коснулась в основном Отрарского оазиса, в памятниках которого IV - VI в. в. прослеживаются отдельные элементы поздней джетыасарской АК. В материалах Ар. АК, как уже отмечалось, присутствие культурных традиций джетыасарцев фиксируется слабо - видимо, основная область распространения последних в середине I тыс. н. э. ограничивается

собственно присырдарьинскими районами в нижнем и среднем течении реки.

Последующие в более позднее время движения этнических групп в регионе Южного Казахстана (конец V - начало VI в. в.) причастны к крупным политическим и социально-экономическим изменениям на этой территории, которые привели к окончательному угасанию памятников Ар. АК в результате прихода сюда тюрков с востока и согдийцев с запада.

Именно в это время перестают функционировать последние поселения и некоторые городища предгорной зоны, отмечаются интенсивный процесс урбанизации и смещение центра политической жизни в крупные раннесредневековые города Отрарского и Арыско-бадамского оазисов (Отрар, Испиджаб-Сайрам).

Как отмечалось выше, тюрко-согдийское этнополитическое объединение стало преемником многовековых культурных традиций государства Канцзюй. Этот факт зафиксирован как на археологическом, так и топонимическом уровнях.

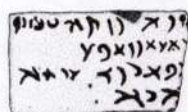
В частности, С. Г. Кляшторный, анализируя орхонские и другие тексты, выделил в них целый пласт канцзюйской (кангюйской) этно-топонимики, территориально связанной с регионом Средней Сыр-Дарьи и областью Исфиджаба (Сайрама), который однозначно подчеркивает упомянутую преемственность (142, с. 60-63; 1964, с. 165-179).

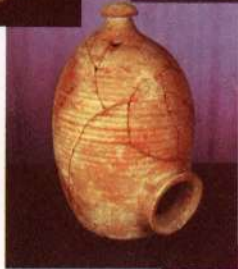
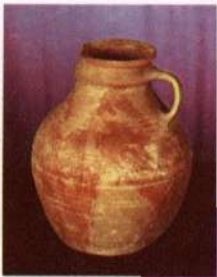
Вопросы взаимодействия и сосуществования кочевников и оседлых земледельцев в рамках полиэтничных политических образований государственного типа еще долго будут в поле зрения научных интересов исследователей-археологов, историков, этнологов, палеолингвистов.

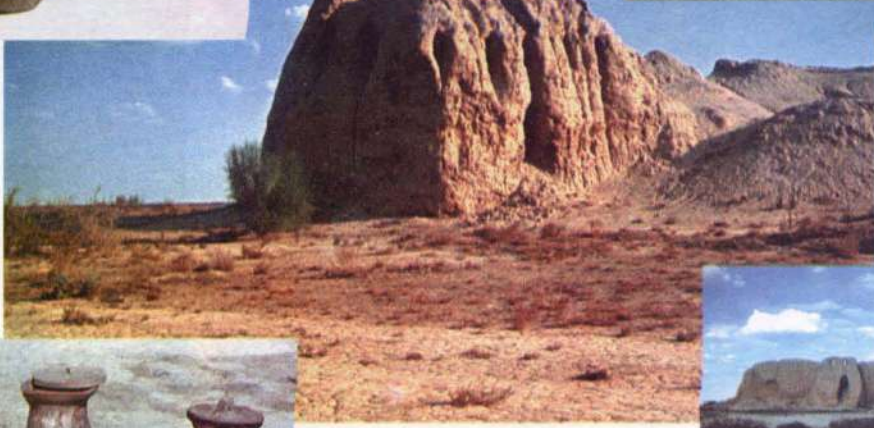
Канцзюйская проблема в силу своей глобальности пока далека от полномасштабного разрешения. Тем не менее можно сказать, что арысская археологическая культура своими материалами расширила и конкретизировала наши представления о генезисе и динамике развития Канцзюй, высветила некоторые стороны этого явления, сделав тем самым свой вклад в изучение наиболее сложного периода в истории Южного Казахстана.

На развороте:
сравнительный коллаж
памятников и
артефактов арысской
(слева) и
джетыасарской
(справа)
археологических
культур

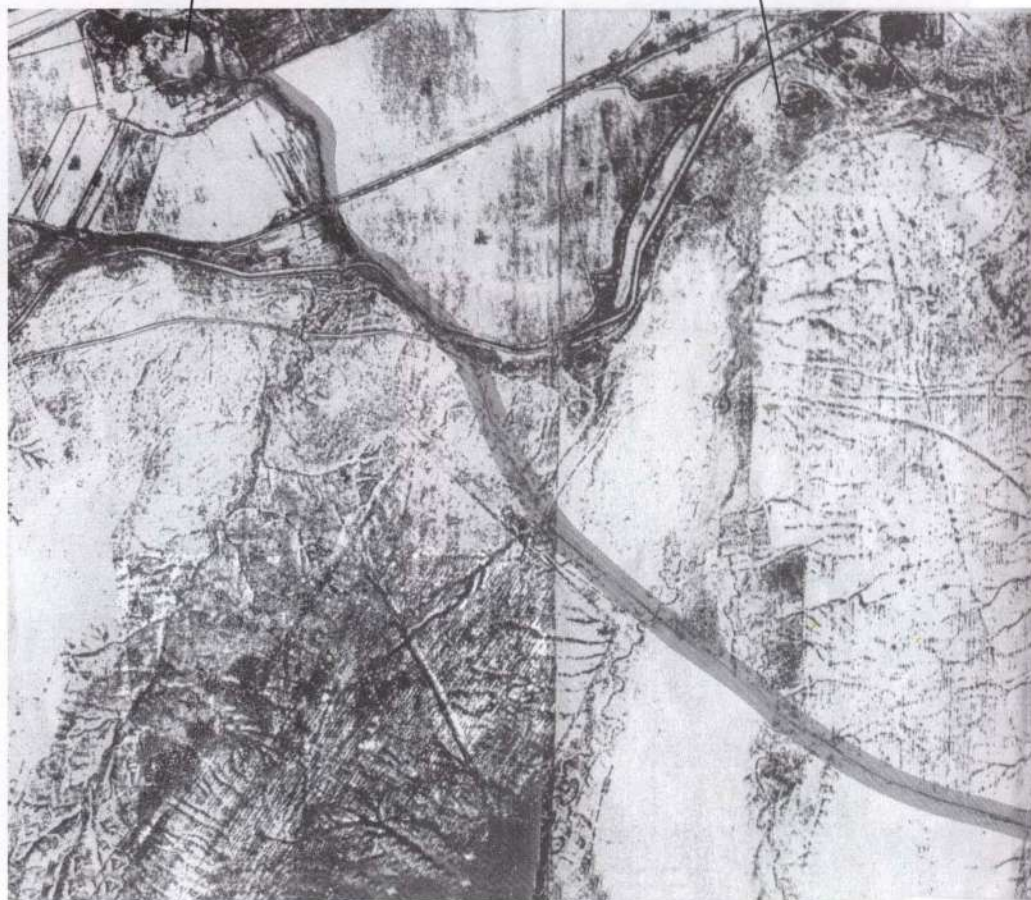
Городище Караспантобе

Поселение Костобе

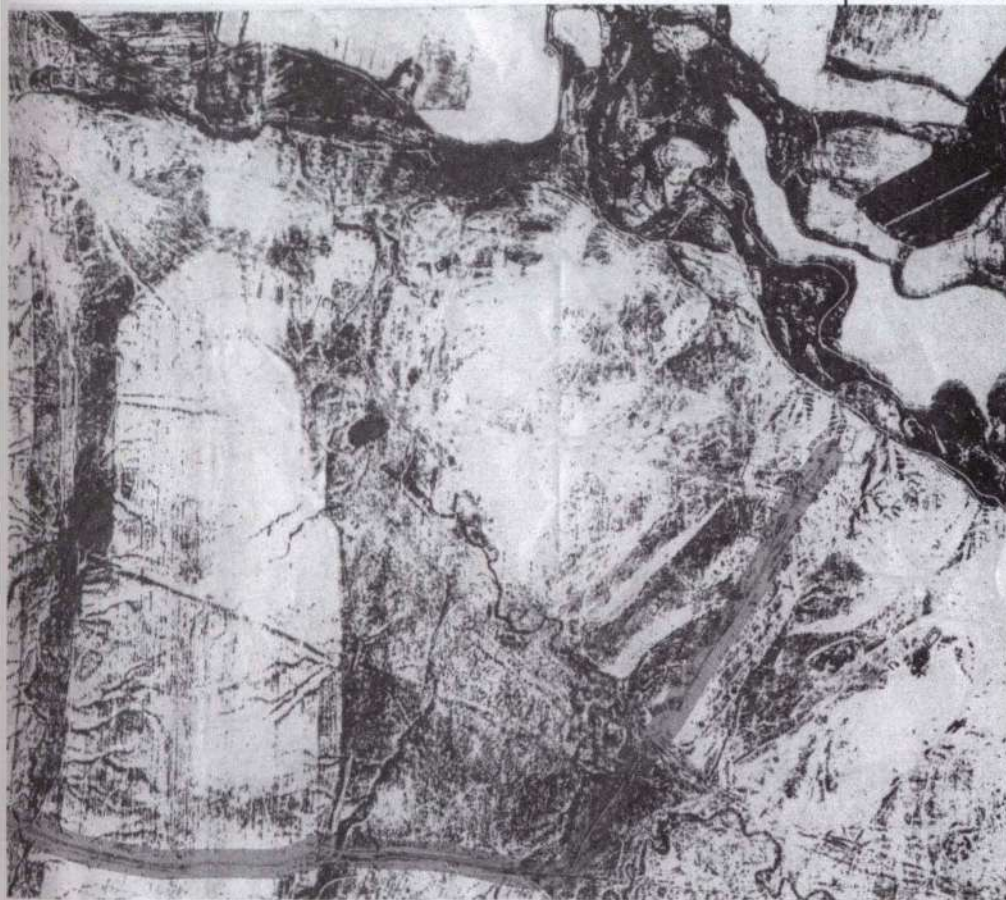
Городище Культобе

Городище Жуантобе

Городище Тулебайтобе

Поселение Токболаттобе

*Карта б:
«длинная» стена
и арыско-бадамский
укрепленный район.
Космический снимок
и аэрофотосъемка
археологических
объектов*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Южный Казахстан - уникальный регион по наличию контрастных ландшафтов и насыщенностью их водными источниками.

Благоприятные природно-климатические условия этого района создали предпосылки для развития здесь различных форм производящего хозяйства. Это предопределило факт экономического освоения Южного Казахстана человеком с глубокой древности.

Начиная с раннего железного века, в период, когда в регионе складываются первые государственные этнополитические объединения, он становится так называемой

контактной зоной, занимая важное геостратегическое положение между степными пространствами Дашт-и-Кипчака и древнеурбанистическими оазисами Средней Азии.

В середине I тысячелетия до нашей эры на территории Южного Казахстана начинают формироваться и развиваться сложные процессы интеграции различных хозяйственно-культурных традиций в синкретическое явление, присущее как кочевым, так и оседло-земледельческим этносам.

Новые археологические материалы по-

казывают, что в это время здесь зарождаются истоки земледельческо-скотоводческой культуры. Они фиксируются археологически в виде устойчивых систем традиций в материальной сфере на большой группе типологически разнообразных памятников - городищ, поселений, могильников.

В рамках этих систем традиций хорошо выделяются признаки и специфический комплекс признаков в виде артефактов, культурный характер которых, а также качественные характеристики сохраняются с некоторыми объективными трансформациями в течение почти тысячелетия (IV в. до н. э. - VI в. н. э.).

Они включают в себя:

группы археологических объектов, расположенных преимущественно на надпойменных террасах;

развитую систему фортификации с максимальным использованием естественных защитных свойств надпоймы;

оригинальную керамику с характерным набором форм и декора;

погребальные катакомбные сооружения и соответствующий обряд;

оружие и конское снаряжение;

зооморфные и антропоморфные артефакты;

предметы быта, культа и украшения;

уникальные артефакты (таблица 1).

Перечисленные блоки артефактов как специфический комплекс признаков и система традиций представляют собой археологическую культуру, названную арысской.

Арысская культура в своём развитии прошла три генетически связанные фазы:

IV - III в.в. - I в. до н. э. (караултобинский этап);

I в. до н. э. - IV в. н. э. (каратобинский этап);

IV - VI в. в. (алгынтобинский этап).

Данные этапы отражают определённую степень развития спектра традиций в рамках арысской культуры на фоне её возникновения, трансформации и упадка.

Периодизация арысской культуры фиксирует политические и этнические процессы на территории Южного Казахстана. В контексте с письменными источниками этнонесущие признаки культуры позволяют реконструировать её этническую атрибуцию.

В основе своей она полиэтнична, в ней отмечены следующие ключевые компонен-

ты: сакский, сарматский и сюннуский (караултобинский и ранние стадии каратобинского этапов); канцзюйский (каратобинский и алгынтобинский этапы).

Материалы арысской культуры уточняют некоторые аспекты канцзюйской проблемы, связанные с вопросами локализации малых владений этого этнополитического объединения и его столицы, города-ставки Битянь. Оазисность концентрации памятников, масштабность и своеобразие топографии некоторых объектов, наличие укреплённых районов, связанных с мощной системой фортификации, а также уникальные артефакты, представленные древней письменностью дают основание локализовать основные владения Канцзюй на территории арыско-бадамского района, а столицу связать с городищем Караспантобе.

Наглядный образ арысской культуры демонстрирует устойчивость, консервативность и земледельческо-скотоводческий синкретизм её систем традиций. Они редко фиксируются за пределами основного территориального ядра культуры, зоны Арысь-Каратау. Только на заключительном этапе своего развития в археологическом комплексе культуры отмечается влияние каунчинской и джетыасарской культур, которое связано с процессами миграций древнего населения Сыр-Дарьи.

Как археологическая и этнокультурная реалья арысская культура перестаёт существовать в VI в. н. э. В это время происходит качественная смена культурных традиций и приходит в упадок основная масса её памятников. Тогда же с исторической арены сходит этнополитическое объединение Канцзюй.

Его древнее полиэтничное население было главным носителем систем традиций арысской археологической культуры.

Комментарий к палеографическому материалу городища Культобе

Включает две надписи, выполненные на жжёных кирпичках — плитках (целый и фрагментарный варианты). Надписи разновременные, почерки разные.

Надпись на целом кирпиче

Состоит из четыре строк: первая (11 - 12 знаков), вторая - 8 видимых и 1 фрагментарный, третья - 9 видимых и 1 фрагментарный знак, четвертая строка - три знака (один из них виден лишь частично).

В четырех строках чаще всего повторяется знак «М» и « χ » или алиф (5 раз).

Подобное его написание в виде перекрестия, когда отсутствуют изгибы на концах, встречается на монетах Южного Согда, датируемых I в. до н. э. - I в. н. э. Иные исследователи датируют их несколько позднее — II - IV в.в. н. э.

Сочетание двух букв (судя по всему, это соединение двух букв) встречено в таком написании только на монетах одной из групп серии подражаний Евтидему. Датируется эта серия очень широко от II в. до н. э. по II в. н. э. Во II в. н. э. она сменяется новой группой этой серии, более ранней, которая также не имеет конкретных дат, так как ни одной монеты этой группы из известных почти 100 экземпляров не найдено в культурных слоях, при раскопках. Все они из коллекций музеев.

Буква χ в третьей строке близка к мервскому, нисийскому алфавитам II в. до н. э., но более всего - к алфавиту «Старых писем». Ранее они датировались IV в., теперь удревнены до II в. н. э. В серии подражаний тетрадрахам Евтидема такого знака не встречено.

Буква «У» во второй строке очень четко обозначена. Это может быть R, B, K и она имеет также более ранние очертания, связанные со временем II в. н.э. Однако имеются и несколько иные данные для даты. В частности, при раскопках городища Канка были найдены буллы, которые по палеографии знаков, близких культобинским, датируются V-VI в.в. н.э.

Знак «У» возможно, У. Его написание по подражаниям Евтидему датируется II - IV в.в., в Чачских буллах VI в. (или V - VI в.).

Таким образом, датировать первую надпись можно широко I - IV в.в., вероятнее всего II - IV в.в. н.э. На более раннюю дату указывает архаичный вариант написания «М» в виде χ χ . Если это алиф, то дата может

оказаться еще более ранней (I в. до н. э. и ниже). Надпись, вероятно, согдийская, поскольку согдийские колонии за пределами Согда известны с очень раннего времени. Относительно расшифровки надписи вопрос остаётся открытым.

Надпись на фрагменте

Письмо отличается от написания на кирпиче I. Буква «М» здесь более ранняя и отмечена на монетах западного Согда. Такое её написание известно по серии «туранских монет» одной из её ранних групп, датируемых III - IV в.в. н.э.

Знак χ (йота) по серии подражаний Евтидему даёт очень раннюю дату II - I в. до н. э. - I в. н. э. Однако здесь следует учитывать регион и свои особенности палеографии, которые не исследованы.

Буквы «h» и «h» по данным таблицы, составленной М. М. Дьяконовым, датируются I - III в.в. Между тем один из знаков h Н (χ), который выписан в 4 - ой строке ρ , известен на бухарских монетах III - IV и VIII в.в. Судя по всему, ближе всего эта буква к дате III - IV в.в. так как она отмечена в это время на одной из групп «туранской серии» медных монет правителя Асбара — ρ ρ ρ . Эти монеты исследованы и расшифрованы В. А. Лившицем и опубликованы в сороковые годы М. М. Явич.

В целом очень интересная надпись: «...Н(χ)МУ+...» По написанию она ближе не к согдийскому, а к парфянскому письму. Датировать её можно очень широко, в пределах I - V в.в. н.э., но твёрдой уверенности нет. Можно предложить вариант датировки III - IV в.в. н.э.

Если предположить, что данный фрагмент с письменностью арамейской или парфянской (а буква χ там сохранялась в очень раннее время), то его можно датировать несколько более ранним временем, I в. до н. э. - I в. н. э.

Надпись на фрагменте также пока не подлежит дешифровке.

А. Мусакаева.

*АН Республики Узбекистан,
Музей истории Узбекистана,
отдел нумизматики*

Антропологическое заключение

Антропологические материалы Южного Казахстана IV в. до н.э. - VI в. н. э. включают краниологические коллекции из могильников Культобе (курганы 1, 3, 6), Алтынтобе (курганы 2, 3, 6, 11, 14), Тулебайтобе (курганы 1, 5) и Каратобе (курган 1).

Сюда входят 17 черепных коробок взрослых особей, из которых 5 женских и 12 мужских.

Могильник Культобе

Курган 1. Женщина 55 – 60 лет. Искусственная деформация черепа. Европеоидно – монголоидный смешанный тип (грацильный вариант).

Курган 3. Мужчина 40 – 45 лет. Возможна помертвая деформация черепной коробки. Европеоидный тип (степной вариант).

Курган 6.

Череп 1. Мужчина 40 – 45 лет. Отмечена искусственная деформация. Европеоидный тип (степной вариант).

Череп 2. Мужчина 45 – 50 лет. Фиксируется небольшая деформация.

Могильник Алтынтобе

Курган 2.

Череп 1. Женщина 25 – 30 лет. Искусственная кольцевая деформация черепа. Европеоидный тип с небольшой монголоидной примесью (грацильный вариант).

Череп 2. Мужчина 45 – 50 лет. Европеоидный тип (степной массивный вариант).

Курган 3. Мужчина 45 – 50 лет. Искусственная деформация черепа. Европеоидный тип (степной вариант).

Курган 6. Мужчина 30 – 35 лет. Европеоидный тип (степной вариант).

Курган 11.

Череп 1. Мужчина 40 – 50 лет. Европеоидный тип (степной массивный вариант).

Череп 2. Женщина 45 – 50 лет. Европеоидный тип (грацильный вариант).

Череп 3. Мужчина 20 – 25 лет. Европеоидный тип (степной массивный вариант).

Курган 14.

Череп 1. Женщина 20 – 25 лет. Европеоидный тип с небольшой монголоидной примесью (грацильный вариант).

Череп 2. Женщина 30 – 35 лет. Искусственная деформация черепа. Европеоидный тип с небольшой монголоидной примесью (грацильный вариант).

Череп 3. Мужчина 40 – 45 лет. Европеоидный тип (степной массивный вариант).

Могильник Тулебайтобе

Курган 1.

Мужчина 40 – 45 лет. Сильно выраженная искусственная кольцевая деформация черепа. Европеоидный тип (массивный степной вариант).

Могильник Каратобе

Курган 1.

Мужчина 45 – 50 лет. Европеоидный тип (массивный степной вариант).

Таким образом, серия черепов по антропологическому типу в целом характеризуется как европеоидная с лёгкой монголоидной примесью.

При этом европеоидный компонент значительно преобладает и включает в себя два варианта: массивный (степной) и грацильный. Последний наиболее представлен женскими черепами, которым свойственна слабая монголоидная примесь, отсутствующая в мужских черепах.

Хотя число женских черепов в этой группе невелико, некоторая разнородность серии очевидна. Повидимому, среди женщин больше представлено носителей европеоидных признаков населения земледельческих оседлых культур юга Казахстана и Средней Азии, среди которых часто встречаются грацильные узколикие европеоиды.

Напротив, мужские черепа изучаемой группы в подавляющем большинстве относятся к довольно матуризованному европеоидному типу. Он был широко распространён в степной зоне и восходит к антропологическому типу андроновского населения эпохи бронзы на территории Казахстана.

Отметим также факт распространения различных вариантов искусственной деформации черепов.

Более определённо судить о происхождении локальных особенностей в антропологическом облике древнего населения Южного Казахстана IV в. до - VI в. н.э. можно будет после изучения дополнительного краниологического материала.

Данное антропологическое заключение является предварительным и даёт только общее представление о физическом облике носителей арысской археологической культуры.

А. Исмагулова.

*к.и.н., АН Республики Казахстан,
Институт истории и этнологии.*

Черепная коробка из кургана 3 могильника Культобе

SUMMARY

South Kazakhstan is a unique region with regards to the existence of the contrast landscapes and its saturation with water resources. Favourable natural and climate conditions of the region have created the necessary prerequisites for the development of various forms of economy. It has predetermined the fact of economical development of South Kazakhstan by people since ancient times.

At the early iron age, in the period when the first state ethnopolitical units appeared, it became the so-called contact zone, occupying an important geostrategic territory between the steppes Dasht-i-Kipchak and ancient urban oases of Oriental East.

In the beginning of the I millennium B.C. on the territory of South Kazakhstan there started forming and developing the complex processes of integration of various economy-cultural traditions into syncretic phenomena, inherent in as nomadic, so settled-agricultural ethnoses.

The new archaeological materials show that at that period the sources of agricultural-cattle-breeding culture were conceived there.

They are fixed archaeologically in the form of stable system of traditions, in the material sphere - on the large group of typologically different monuments - sites of ancient town, settlements, burial grounds.

Bearing in mind these systems of traditions we may clearly distinguish the features and specific complex of indication in the form of artefacts, whose features and qualitative characteristics were preserved with some objective transformations during about millennium (IV c B.C. - VI c A.D.). They include:

- a group of archaeological objects, located chiefly on the above flood-land terraces;
- a well-developed system of fortification with maximum use of natural protective features of the above flood-land;
- original pottery with a typical number of forms;
- funeral catacomb constructions and appropriate rite; - armour and harness;
- zoomorphic and anthropomorphic artefacts; - things of house-hold, cult, decorations; - unique artefacts.

Enumerated above units of artefacts as a specific complex of features and the system of traditions represent the archaeological culture, called as Aris one.

Aris culture in its development has passed through 3 genetically connected phases:

IV- III c. - I c. B.C. (Karaultobinsky period); **I c B.C. - IV c. A.D.** (Karatobinsky period); **IV - VI c. A.D.** (Altintobinsky period).

These periods reflect a definite degree of the development of types of traditions of Aris culture during its appearance, transformation and decay.

The division of Aris culture into periods fixes the political and ethnic processes having occurred on the territory of South Kazakhstan. In the context of written resources the ethno-carrying signs of culture let to reconstruct its ethnic attributes. It is polyethnic in its essence, the following key components are being marked in it: Sacks, Sartmatsky and Syunnusky (Karaultobinsky and early stages of Karatobinsky periods); Kantzyusky (Karatobinsky and Altintobinsky).

The materials of Aris culture specify some aspects of Kantzyu problem, dealing with localisation of small possession of that ethnopolitical unit and its capital, the town-camp Bityan. The oasis concentration of the monuments, large extend and peculiarity of topography of some objects, the existence of fortified regions, connected with a powerful system of fortification, and unique artefacts, represented by ancient written language, explains the location of the basic Kuntzyu possessions on the territory of Aris - Badam region, and relate the capital to the site of ancient town Karaspantobe.

A vivid image of Aris culture demonstrates the stability, conservatism and agricultural - cattle - breeding syncretism of its systems of traditions. They are rarely fixed beyond the borders of the basic territory's kernel of culture, the zones of Aris-Karatau. Only in the last period of its development in the archaeological complex of culture it is marked the influence of Kauntchy and Dzetiasar cultures, inseparably connected with the processes of migration of the ancient population of Sir-Darya.

As archaeological and ethno-cultural reality Aris culture stopped its existence in **VI c. A.D.** At that time there occurred a qualified change of cultural traditions and fell into decay its major part of monuments . At that time the ethnopolitical unite Kantzyu left the historical arena. Its ancient polyethnic population was the chief bearer of system of traditions of Aris archaeological culture.

Оңтүстік Қазақстан - ландшафтардың қарсыластығы және бұтақтардың молдылығы жағынан бірегей аймақ. Бұл ауданның қолайлы табиғаты мен ауа-райы өндірістік шаруашылықтың әр алуан түрлерінің дамуына алдын ала жағдай жасады. Осы жағдай адамның өте көне заманнан Оңтүстік Қазақстанды экономикалық жағынан игеруіне болжау етті.

Ерте темір ғасырдан бастап, аймақта алғашқы мемлекеттік этносаияси бірлестіктері құрылған кезден ол Дашт-и-Қыпшақ және Орта Азия ежелгі урбанистік қоғалылар арасында орасан дала кеңістегінде орналасып өте маңызды геостратегиялық орынға ие болғаннан ұласу зонасы деп аталатын жер болып келеді.

Біздің жыл санауымызға дейінгі I-ші мыңжылдықтың ортасында Оңтүстік Қазақстанда әр түрлі мәдени шаруашылық дәстүрлердің көшпелі; сонымен қатар отырықшы-егіншілік этностарға тән синкретикалық құбылысқа интеграциясының күрделі барыстары құрылып, дами бастады.

Жаңа археологиялық мәліметтер осы уақытта егіншілік және мал шаруашылық мәдениеті қайнар көзінің пайда болу бастағандығын көрсетеді. Олар археологиялық тұрғыдан материалдық өрісіндегі типологиялық түрлі-түрлі ескерткіштердің үлкен тобында - қала жұрттарда, қоныстарда, қонымдарда тұрақты жүйелер түрінде белгіленген.

Осы дәстүр жүйелердің шеңберінде белгілер және ерекше белгілер жинағы артефакт түрінде жақсы көрініп тұр, олардың өзгешелігі, сонымен қатар сапалық сипаттама-сы кейбір ақиқатты өзгерістермен мың жылға жуық уақыттан бері сақталып келе жатыр (б.з.б IVғ. - б.з. VIғ.).

Олар мынадан тұрады:

- көбінесе жайылмадан жоғары орналасқан террасалардағы археологиялық объектілер топтары;
- жайылмадан жоғары жерлердің табиғи қорғаныш қасиеттерін барынша пайдалану барысында салынған құрылыстардың дамыған жүйесі;
- өзгеше түрлері мен сәндік элементтері жиынтығы бар өзіндік керамика;
- жерлеу үңгір құрылыстары және тиісті салттар;
- қару және аттың әбзел-тұрмандары;
- зооморфты және антроморфты артефактар;
- тұрмыс, діни және әшекей бұйымдары;
- бірегей артефактар.

Ерекше белгілер мен дәстүрлер жүйесі жинағы ретінде келтірілген артефакт тобы Арыстық деп аталатын археологиялық мәдениеті болып табылады.

Арыс мәдениеті өз дамуында генетикалық байланысы бар үш кезеңнен өтті: б.з.б. IVғ.- IIIғ.- IIғ. (қарауылтөбе кезеңі), б.з.б. Iғ.- б.з. VIғ. (қаратөбе кезеңі), б.з. IVғ.- VIғ. (алтынтөбе кезеңі). Осы кезеңдер Арыс мәдениеті шеңберіндегі оның пайда болғандығын, өзгерістерінің және құлдырауының дәстүрлер жиынтығы дамуын белгілі дәрежеде бейнелейді.

Арыс мәдениетін дәуірге бөлу Оңтүстік Қазақстан территориясында болған саяси және этникалық барыстарды белгілейді. Жазба деректемелерімен қатар этноәкелуші белгілер этникалық атрибуцияны қайта бұруға жағдай туғызады. Ол негізінде көп этникалық, онда келесі қағидалар жатыр: сақ, сармат және сүнни (қарауылтөбе және қарауылтөбе кезеңінің ерте сатылары); канцзюй (қаратөбе және алтынтөбе кезеңдері).

Арыс мәдениетінің деректері осы этносаияси бірлестіктің және оның астанасы, қаласы Битянь ордасымен байланысты кіші иеліктерді жайылтпаушылық мәселелерін, яғни канцзюй проблемасының біраз жақтарын анықтайды. Ескерткіштердің қоғалыларда шоғырлануы, күшті құрылыстармен байланысы бар бекінген аудандардың болуы, сонымен бірге ежелгі жазба деректемелерімен дәлелделген бірегей артефактар Арыс - Бадам ауданындағы негізгі Канцзюй иеліктерін бір шектен шығармауға, ал астанасын Қараспантөбе қала жұртымен байланыстыруға мүмкіндік береді.

Арыс мәдениетінің көрнекті үлгілері оның дәстүрлер жүйесінің егіншілік - мал шаруашылық синкретизмін көрсетеді. Олар Арыс - Қаратау зонасы, яғни негізгі территориялық түйінінен тыс өте сирек кездеседі. Тек қана өзінің дамуындағы соңғы кезеңінде мәдениеттің археологиялық жинағында қауыншы және жетіара мәдениеттерінің ықпалы көрінеді. Ол Сыр - Дәрия ежелгі халқының көшіп-қону барыстарымен байланысты.

Арыс мәдениеті археологиялық және этномәдени болмыс ретінде б.з. VI-ғ. жоқ болады. Бұл уақытта мәдени дәстүрлерінің алмасуы болып, оның көптеген ескерткіштері құлдырауға ұшырайды. Сол заманда Канцзюй этносаияси бірлестік тарихи тұғырдан түседі. Оның ежелгі полиэтникалық халқы Арыс археологиялық мәдениеті дәстүрлер жүйесінің бас иеленушісі болатын.

Реестр памятников IV в. до н.э. – VI в. н.э. Южного Казахстана и прилегающих областей (карта 1)

1 - Могильник Жаман - тогай;	57 - городище Шатыртобе;
2 - поселение Актобе - 2;	58 - городище Кызылтобе;
3 - городище Шаушукумтобе;	59 - поселение Ачисайтобе;
4 - могильник Шаушукумский;	60 - поселение Шеримбеттобе;
5 - могильник Чардаринский;	61 - поселение Каскатобе;
6 - поселение Чардаратобе;	62 - городище Каскатобе;
7 - городище Актобе Узунатинское;	63 - поселение Пельметобе;
8 - могильник Туребай - Тумсык;	64 - Тюлькетобе;
9 - городище Сеиттобе;	65 - поселение Тогайнатобе;
10 - могильник Узуната;	66 - поселение Кайботатобе;
11 - поселение Коктобе;	67 - поселение Кызылканаттобе 1;
12 - городище Сюткентское;	68 - поселение Кызылканаттобе 2;
13 - могильник Шиганаксайский;	69 - поселение Жартытобе;
13а - городище Байиркумское;	70 - поселение Торткультобе;
14 - городище Культобе;	71 - городище Караултобе;
15 - могильник Мынтобе;	72 - поселение Жолбарстобе;
16 - поселение Жуантобе;	73 - могильник Жолбарс;
17 - городище Каратобе;	73а - курган у с. Косагаш;
18 - поселение Культобе;	74 - поселение безымянное;
19 - поселение Актобе;	75 - поселение Керегетастобе;
20 - могильник безымянный;	76 - поселение Тобешик;
21 - могильник безымянный;	77 - поселение Джататобе;
22 - могильник безымянный;	78 - городище Торткультобе;
23 - поселение Аулиетобе;	79 - городище Каратобе;
24 - могильник безымянный;	80 - поселение безымянное;
25 - поселение безымянное;	81 - поселение Кызылбектобе;
26 - могильник безымянный;	82 - поселение Кендиктобе 1;
27 - поселение у с. К. Маркса;	83 - поселение безымянное;
28 - могильник у с. Кызыл - Аскер;	84 - поселение Кендиктобе 2;
29 - могильник безымянный;	85 - поселение Торткультобе;
30 - могильник безымянный;	86 - поселение Майтобе 1;
31 - могильник безымянный;	87 - поселение Майтобе 2;
32 - 34 могильники безымянные;	88 - поселение Джурынтобе;
35 - городище в с. Степное;	89 - городище Каратобе;
36 - поселение у с. Каратас;	90 - 91 - поселения безымянные;
37 - поселение Карабастаутобе;	92 - поселение Гастобе;
38 - городище Алтынтобе;	93 - поселение Ниязбектобе;
39 - могильник безымянный;	94 - поселение Каратобе;
40 - поселение безымянное;	95 - могильник Каратобе;
41 - поселение Тентектобе;	96 - поселение Мартобе;
42 - городище Сынтастобе;	97 - поселение Культобе;
43 - поселение безымянное;	98 - городище Культобе;
44 - могильник безымянный;	99 - городище Нартобе;
45 - поселение Атбулак - тобе;	100 - поселение Актобе 1;
46 - поселение Жартытобе 1;	101 - поселение Актобе 2;
47 - поселение Жартытобе 2;	102 - поселение Торткультобе 1;
48 - поселение Жартытобе;	103 - поселение Торткультобе 2;
49 - поселение Каратасское;	104 - поселение Жартытобе;
50 - 51 - могильники безымянные;	105 - городище Торткультобе;
52 - городище Кызылтан;	106 - поселение безымянное;
53 - поселение Сарытобе;	107 - городище Торткультобе;
54 - городище Торткультобе;	108 - 109 - городища безымянные;
55 - городище Тесиктобе;	110 - поселение Багнинтобе;
56 - поселение Угамское;	111 - 115 - поселения безымянные;

- 115а - городище Канкурбан;
116 - поселение Исатобе;
117 - поселение безымянное;
118 - поселение Кызылкишлактобе;
119 - поселение Хошмуллатобе;
120 - городище Хошмуллатобе;
121 - поселение Актобе;
122 - поселение Каратобе;
123 - 124 - могильник Кумуш;
125 - городище Торткультобе;
126 - могильник безымянный;
127 - поселение Жартытобе;
128 - городище Шольтобе;
129 - поселение Караултобе;
130 - поселение Жартытобе;
131 - поселение Наймантобе;
132 - 133 - поселения безымянные;
134 - 136 - пос. Карабастаутобе 1, 2;
137 - поселение Ельтайтобе;
138 - Кулантобе;
139 - поселение безымянное;
140 - городище безымянное;
141 - 143 - поселения безымянные;
144 - городище безымянное;
145 - поселение безымянное;
146 - 147 - поселения Мурдетобе 1, 2;
148 - 149 - поселения Костобе 1, 2;
150 - могильник Тулебайтобе 1;
150а - могильник Тулебайтобе 2;
151 - городище Тулебайтобе;
152 - поселение Токболаттобе;
153 - поселение безымянное;
154 - 156 - поселения безымянные;
157 - могильник безымянный;
158 - поселение Культобе;
159 - могильник безымянный;
160 - 163 - поселения безымянные;
164 - поселение Алтынтобе;
165 - могильник Алтынтобе;
165а - могильник у с. Панфилово;
166 - могильник Борижарский;
167 - городище Жуантобе;
168 - поселение безымянное;
169 - поселение Караспантобе;
170 - могильник Караспанский;
171 - поселение безымянное;
172 - могильник безымянный;
173 - поселение Шукурбулактобе;
174 - могильник Ордабасы;
175 - могильник безымянный;
176 - 177 - поселения Костобе 1, 2;
178 - городище Культобе;
179 - 180 - могильники Культобе 1, 2;
181 - могильник у с. Бадам;
182 - поселение Чубаровское;
183 - городище Караспантобе;
184 - городище Актобе;
185 - поселение Турактытобе;
186 - городище Жалаутобе;
187 - городище Сыргесалдытобе;
187а - могильник Бугуньский;
187б - могильник у с. Ермоловка;
188 - поселение Актобе;
189 - 190 - могильники Актобе 1, 2;
191 - поселение Актобе;
192 - поселение безымянное;
193 - поселение Боролдайское;
194 - городище Актобе;
195 - городище безымянное;
196 - 197 - поселения безымянные;
198 - поселение Актобе;
199 - поселение Жузумдуктобе;
200 - поселение безымянное;
201 - могильник Чимкентский;
202 - могильник Султанрабат;
203 - 205 - могильники безымянные;
206 - 207 - могильник Акколтык 1, 2;
208 - 209 - поселения безымянные;
210 - могильник Аксумбе;
211 - поселение Аксумбе;
212 - могильник Актау;
213 - могильник Алтынтау;
214 - 216 - могильники 1, 2, 3 в уро-
чище Баба - Ата;
217 - могильник в урочище Ушбас;
218 - 219 - могильник 4, 5 в урочище
Баба - Ата;
220 - могильник в уроч. Сауранбай;
221 - могильник Актобе;
222 - поселение Актобе;
223 - могильник Кенсайский;
224 - 225 - могильники Бакырлы 1, 2;
226 - могильник Жатыртобе;
227 - могильник Жунус - Ата;
228 - могильник Кошкар - Ата;
229 - могильник в урочище Карасай;
230 - поселение Карлыгаштобе;
231 - поселение Коктобе;
232 - могильник Казмолдак;
233 - 235 - могильн. Кызылкольские 1,2,3;
236 - поселение Кызылкольтобе;
237 - могильник Сарыжас;
238 - поселение Сарыжастобе;
239 - поселение Когалантобе;
240 - поселение Актобе Сузакское;
241 - поселение Актобе Жузейское;
242 - могильник безымянный;
243 - 248 - могильники безымянные;
249 - поселение в урочище Балыкчи;
250 - поселение Кошкар - Ата;
251 - могильник Сызганский;
252 - могильник Тасбулак;
253 - 256 - могильник Шага 1 - 4;
257 - поселение Шага;
258 - городище Культобе;
259 - поселение безымянное;
260 - городище Торткультобе 1;
261 - городище Чуйтобе;
262 - поселение Дауленбайтобе;
263 - поселение Гартобе;

- 264 - поселение Уштобе (центральное);
265 - поселение Уштобе (западное);
266 - поселение Уштобе (восточное);
267 - поселение Шаштобе;
268 - городище Жойнек;
269 - поселение Актобе (Ибата);
270 - городище Каратобе (Сауранское);
271 - поселение Корыстобе;
272 - поселение Актобе Текинское;
273 - поселение Шага 1, 2;
274 - поселение Шага 3;
275 - 276 - могильники Шага 1, 2;
277 - городище Садыктобе;
278 - городище Чолтобе;
279 - поселение Кшитобе;
280 - городище Кокмардан;
281 - поселение Костобе (Южное);
282 - городище Пшукмардан;
283 - городище Жаумантобе;
284 - поселение Костобе (Северное);
285 - поселение Сайтмантобе;
286 - поселение Чольтобе;
287 - городище Актобе;
288 - поселение Алтынтобе;
289 - городище Пшакчитобе;
290 - могильник Мардан;
291 - могильник Марданкуик;
292 - поселение Актобе Куикское;
293 - поселение Базарбайтобе;
294 - поселение Бесиншытобе;
295 - поселение Ботайтобе;
296 - поселение Кызытобе;
297 - 298 - пос. Коктобе Утрабатские 1, 2;
299 - городище Маслахаттобе;
300 - поселение Шошактобе;
301 - городище Акайтобе;
302 - поселение Аксеиттобе;
303 - поселение Туртобе;
304 - поселение Оликтобе;
305 - поселение Тостаган;
306 - могильник Кыркескен;
307 - поселение Актобе Тимурское;
308 - могильник Берккара;
309 - городище Кременёвское;
310 - могильник у с. Кременёвка;
311 - поселение Кременёвское;
312 - могильник Жетьтобе;
313 - городище в урочище Кулансай;
314 - поселение Конуртобе;
315 - городище Бурнооктябрьское;
316 - поселение безымянное;
317 - 318 - могильники безымянные;
319 - поселение Мурдалытобе 1;
320 - поселение Кызтобе;
321 - поселение Мурделитобе 2;
322 - могильник на терр. г. Каратау;
323 - 324 - курганы у города Жанатас;
325 - городище Актобе Шабактинское;
326 - могильник Кызсеик;
327 - могильник безымянный;
328 - 329 - поселение Майтобе 1, 2;
330 - поселение Торткольтобе;
331 - могильник Бийликольский;
332 - могильник безымянный;
333 - поселение Нанайтепе;
334 - могильник у с. Богустан;
335 - могильник безымянный;
336 - тепе безымянное;
337 - поселение Джартепе;
338 - поселение Базаркультепе;
339 - поселение Паркуштепе;
340 - городище Торткультепе 5;
341 - поселение Хантепе;
342 - тепе безымянное;
343 - могильник на вост. окраине Ташкента;
344 - поселение Шортепе;
345 - поселение Тугайтепе;
346 - поселение Таукайтепе;
347 - поселение Актепе Ташкентское;
348 - городище Мингурюк;
349 - городище Актепе Сагбанское;
350 - поселение Актепе Чиланзарское;
351 - городище Ханабад;
352 - городище Ногайкурбан;
353 - поселение Чаштепе 1;
354 - поселение Алимбайтепе;
355 - поселение Нишбаштепе;
356 - могильник у с. Нау;
357 - городище Каунчитепе;
358 - могильник Искикаунчи;
359 - могильник Джунский;
360 - городище Караултепе;
361 - городище безымянное;
362 - поселение Мингтепе;
363 - могильник у ст. Вревская;
364 - поселение Ахмадтепе;
365 - поселение Китайтепе;
366 - поселение Бардынкультепе;
367 - поселение Чибинтепе;
368 - городище Чордара;
369 - поселение Пилялтепе;
370 - поселение Чилиянтепе;
371 - поселение Киргизтепе;
372 - поселение Сунчатепе;
373 - поселение Шавкаттепе;
374 - могильник у р. Сукок;
375 - поселение Юмалактепе;
376 - поселение Сангинектепе;
377 - городище Паркент;
378 - городище Намданек (Искитепе);
379 - поселение Караултепе;
380 - поселение Чаллактепе;
381 - могильник у с. Тухумбай;
382 - городище Кыркбуран;
383 - могильник у с. Бешбай;
384 - могильник у с. Ореховское;
385 - мог. Мингтепе Тойтепинский.

Список используемой литературы

1. Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д. Сако - усуньские памятники Таласской долины / Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963.
2. Абрамова М.П. Сарматская культура II в. до н.э. - I в. н.э. // СА, № 1.- М., 1959.
3. Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА, № 2. - М., 1969.
4. Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской // ИМКУ, вып. 2.- Т., 1961.
5. Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик - Ангреной долины I - VIII в. н.э. Автореферат дисс. канд. - Т., 1966.
6. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН Каз. ССР, т. V. - Алма-Ата: изд. АН Каз. ССР, 1958.
7. Алексеева Е.М. Классификация античных бус // Статистико-комбинаторные методы в археологии.- М., Наука, 1970.
8. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, Г 1 - 12.- М., 1982.
9. Алексеева Е.М. Материальная и духовная культура. Серьги, бусы, подвески // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья.- М., 1984.
10. Алипчиев С., Байбосынов К. Свод памятников истории и культуры Джембульской области. - Джембул, 1982.
11. Альбаум Л.И. К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа // ИМКУ, вып. 8. - Т., 1969.
12. Аманжолов А.С. Тюркская руническая графика, часть III.- Алма-Ата: Каз. ГУ, 1985.
13. Аннаев Т.Д. Об одной группе раннесредневековой керамики Северного Тохаристана // ИМКУ, вып. 21.- Т., ФАН, 1987.
14. Аникович М.В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА, № 4.- М., 1989.
15. Археологическая карта Казахстана.- Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1960.
16. Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // СА, М., № 4, 1968.
17. Артамонов М.И. Археологическая культура и этнос // Проблемы истории феодальной России.- Л.: АГУ, 1971.
18. Артамонов М.И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля // ПСА.- М., 1971.
19. Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблемы соотношения // Проблемы типологии в этнографии.- М., 1979.
20. Асылбеков М. О Своде памятников истории и культуры Казахстана // Памятники истории и культуры Казахстана.- Алма-Ата: Онер, 1983.
21. Акишев К.А. Саки Семиречья (по материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 г.г.) // Труды ИИАЭ АН Каз. ССР, т. 7.- Алма-Ата, 1959.
22. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане - Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1973.
23. Акишев К.А. Курган Иссык: искусство саков Казахстана.- М.: Искусство, 1978.
24. Акишев А.К. Костюм "Золотого человека" и проблема катафрактария // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии.- Новосибирск, Наука, 1981.
25. Акишев К. Древнее золото Казахстана.- Алма-Ата: Онер, 1983.
26. Акишев А.К. Искусство и мифология саков.- Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1984.
27. Акишев К.А. Древние авторы о племенах и их расселении в VII - IV в.в. до н.э. / История Казахстана с древнейших времён до наших дней в 4-х томах. Т. 1.- Алма-Ата: Атамур, 1996.
28. Акишев К.А. Хозяйство, быт и общественный строй племён сакской эпохи // История Казахстана (с древнейших времён до наших дней) в 4 - х томах. Т. 1.-Алма-Ата: Атамур, 1996.
29. Акишев К.А. Культура и искусство саков // История Казахстана с древнейших времён до наших дней в 4-х томах. Т. 1. - Алма-Ата: Атамур, 1996.
30. Акишев К.А., Кушаев А.В. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: изд. АН Каз. ССР, 1963.
31. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар.- Алма-Ата: Наука

Каз. ССР, 1972.

32. Акишев К., Акишев А. Саки Жетысу: социум и культура // Новости археологии.- Туркестан, 1998.
33. Акишев А.К. Система "степь-город" и закономерности сложения кочевых культур скифо-сакского времени // Маргулановские чтения, Алма-Ата, 1989.
34. Ашерян Г.Е. Культурно-исторический подход к изучению этнических общностей в археологии // Методологические проблемы исследования этнических культур.- Ереван, 1978.
35. Байпаков К.М. Культ барана у сыр-дарьинских племён // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана.- Алма-Ата: Наука, 1980.
36. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI - начало XIII в.в.) - Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1986.
37. Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис).- Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1990.
38. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шёлковом пути. - Алма-Ата: Гылым, 1998.
39. Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана.- Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1989.
40. Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Новые данные по археологии Отрарского оазиса / ИАН Каз. ССР, серия обществ. наук, № 6.- Алма-Ата: Наука, 1990.
41. Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Кангюй // История Казахстана с древнейших времён до наших дней в 4 - х томах. Т. 1.- Алма-Ата: Атамұра, 1996.
42. Байтанаев Б.А. Гидроним "Арысь" и вопросы локализации Арсубаникета // Маргулановские чтения.- Алма-Ата, 1989.
43. Байтанаев Б.А. К вопросу локализации Арсубаникета (историко-лингвистический анализ) // ИАН Каз ССР, серия археологическая, № 3.-Алма-Ата, 1991.
44. Байтанаев Б.А. К этимологии гидронима Арысь // Ономастика Поволжья, часть II. - М., РАН, 1992.
45. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. - Л., 1927.
46. Баруздин Ю.Д. Кара-Булакский могильник // ИАН Кирг. ССР, сер. обществ, вып. III.- Фрунзе, 1961.
47. Баталов С.Г., Усманова Э.Р. Памятники II в. до н.э. - I в. н.э. в урало-казахстанских степях // Приаралье в древности и средневековье.- М., РАН, 1998.
48. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Труды ГЭ, вып. LI, Л., 1940.
49. Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии.- Фрунзе: изд. Комитета наук при СНК Кирг. ССР, 1941.
50. Берштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН Каз. ССР, серия археологич. вып. 2, № 51. - Алма-Ата, 1949.
51. Бернштам А.Н. Отрарский оазис в раннем средневековье // Отчёт о работах Южно - Казахстанской археологической экспедиции в 1949 г./ Архив ИИАЭ АН Каз. ССР, ф. 1, Д - 58.
52. Бернштам А.Н. Чуйская долина // МИА, Т. 14. - М-Л., 1950
53. Бернштам А.Н. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" // Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1.- М-Л., 1950.
54. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов.- Л., 1951.
55. Бернштам А.Н. Древний Отрар // ИАН Каз. ССР, серия археологич., вып. 3, № 107.- Алма-Ата, 1951.
56. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, Вып. 26. - М., 1952.
57. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I - II.- М-Л., 1950.
58. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III. - М-Л., 1953.
59. Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. - Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960.
60. Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. - Л., 1963.

61. Бочкарёв В.С. К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований.- Л., 1975.
62. Богомолов Г.И., Папахристу О.А. О дастарханах // ИМКУ, вып. 17.- Т., ФАН Узб. ССР, 1982.
63. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии.- М.: Мысль, 1983.
64. Брашинский И.Б. Сокровища скифских царей.- М.: Наука, 1967.
65. Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ. - Л.: Наука, 1979.
66. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса.- Т.: ФАН Узб. ССР, 1982.
67. Буряков Ю.Ф., Касымов М.Р., Ростовцев О.М. Археологические памятники Ташкентской области. - Т.: ФАН Узб. ССР, 1973.
68. Буряков Ю.Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе // ИМКУ, вып. 10.- Т.: ФАН Узб. ССР, 1973.
69. Буряков Ю.Ф., Кошеленко Г.А. Ташкентский оазис (Чач) // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии.- М., 1985.
70. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры.- М.: Наука, 1982.
71. Брыкина Г.А. Культы и культовые места в Фергане // Приаралье в древности и средневековье.- М.: РАН, 1998.
72. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма.- М.: Наука, 1977.
73. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе 2 (I - IV в. н.э.) // Древности Чардары.- Алма-Ата: Наука, 1968.
74. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабадская культура в низовьях Сыр - Дарьи / Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.
75. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабадская культура // Низовья Сыр - Дарьи в древности, вып. I - М., 1993.
76. Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. - М., 1976.
77. Вайнберг Б.И., Горбунова Н.Г., Мошкова М.Г. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана // Степная полоса азиатские части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР.- М., 1992.
78. Воронец М.Э. Отчёт археологической экспедиции музея истории АН Узб. ССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревской в 1947г. // Труды музея истории народов Узбекистана, вып. 1.- Т., 1951.
79. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён.- М-Л.: Наука, 1965.
80. Гайдукевич В.Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943 - 1944 г.г. // КСИИМК, вып. XIV.- М., 1947.
81. Галанина Л.К. Атрибуция двух золотых предметов из Кемерлеса (детали портупей парадного меча) // СА, № 4.- М., 1989.
82. Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953 - 1954 г.г. // ИМКУ, вып. 1.- Т., 1959.
83. Гафуров Б.Г. Таджики (древнейшая, древняя и средневековая история).- М.: Наука, 1972.
84. Генинг В.Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмурдии. Ижевск; 1976.
85. Горбунова Н.Г. Раскопки курганов в Ферганской области // УСА, вып. 3.- Л., 1975.
86. Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) // СА, № 3.- М., 1977.
87. Горбунова Н.Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы) // СА, № 3. - М., 1979.
88. Горбунова Н.Г. Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство Древнего Хорезма.- М.: Наука, 1981.
89. Горбунова Н.Г. О подбойно - катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тыс. до н.э. - первая половина I тыс. н.э.). // СА, № 3.- М., 1991.

90. Горбунова Н.Г., Брыкина Г.А. Ферганские железные наконечники стрел первых веков нашей эры // Древности Евразии в скифо-сарматское время.- М., Наука, 1984.
91. Граков Б.Н. Скифские погребения на Никольском курганном поле // МИА, № 115.- М., 1962.
92. Граков Б.Н. Скифы. - М., 1971.
93. Граков Б.Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы).- М.: МГУ, 1977.
94. Григорьев Г.В. Отчёт об археологической разведке в Янгиюльском районе Узбекской ССР в 1934г.- Т., Комитет Наук Узб. ССР, 1935.
95. Григорьев Г.В. Каунчи-тепа (раскопки 1935г.).- Т.:Уз. ФАН СССР, 1940.
96. Григорьев Г.В. Краткий отчёт о работах Янгиюльской археологической экспедиции в 1937г.- Т., 1940.
97. Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении (к истории культуры древних саков) // ИАН Каз. ССР, серия археол., №46, вып. 1.- Алма-Ата, 1948.
98. Грицина А.А. Каунчинское погребение первых веков нашей эры в Ташкенте // ИМКУ, вып. 17.- Т., ФАН Узб. ССР, 1982.
99. Грицина А.А., Алимов К. Каунчинские печати // ИМКУ, вып. 20.- Т., ФАН Узб. ССР, 1986.
100. Губаев А. Сасанидские буллы из замка Ак-депе // Эпиграфика Востока, вып. XX.- Л., 1971.
101. Гумилёв Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ, № 1. - М., 1959.
102. Гумилёв Л.Н. Эфталиты - горцы или степняки ? // ВДИ, № 3. - М., 1967.
103. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки.- М., 1993.
104. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган.- Л., 1950.
105. Грязнов М.П. История древних племён верхней Оби. // МИА, № 48.- М., 1956.
106. Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. Т.1, Л., 1968.
107. Грязнов М.П. Аржан: царский курган ранне-сакского времени.- Л., 1980.
108. Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района // Труды ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. XXXV.- Сталинабад, 1955.
109. Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до - III в. н. э.) // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., Наука, 1989.
110. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии.- Новосибирск, Государственный Университет, 1990.
111. Дуке Х. О некоторых параллелях тагискенской и карасукской керамики // ИМКУ, вып. 8.- Т., 1969.
112. Железников Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные захоронения Уральской области // СА, № 4. - М., 1978.
113. Завьялов В.А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975-1976 г.г. // СА, № 3.- М., 1979.
114. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области.- Фрунзе, Наука, 1964.
115. Заднепровский Ю.А. К истории кочевников Средней Азии Кушанского периода. // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., Наука, 1979.
116. Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья, Тянь-Шаня, Ферганы и Памира // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., Наука, 1992.
117. Заславская Ф.А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба Кушанского времени // ИМКУ, вып. 1.- Т., 1959.
118. Захарук Ю.М. Проблемы археологично культуры // Археология, XVII.-Киев. 1964.
119. Захарук Ю.М. Об одной концепции археологической культуры // Первобытная археология - поиски и находки. - Киев, Наукова думка, 1980.
120. Зезенкова В.Я. Краниологический материал из Кашкадарьинской области // ИМКУ, вып. 9.- Т., 1972.
121. Зуев Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях усуней и Канцзюй с гуннами и Китаем во II половине I в. до н.э. (поход гуннского шаньюя Чжи - Чжи на Запад) // ИАН Каз ССР, серия общ. наук, вып. 2 (5). - Алма-Ата, 1957.

122. Зуев Ю.А. К вопросу о языке древних усуней // ВАН Каз. ССР, № 5 (146). - Алма-Ата, 1957.
123. Зуев Ю.А. Сармато - аланы Приаралья (Яньцай / Абзойя) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX - XX, XX - XXI). Проблемы генезиса и трансформации. - Алма-Ата, 1995.
124. Зуев Ю.А. Западно-тюркский и тюркешский каганаты // История Казахстана с древнейших времён до наших дней в 4 - х томах. Т. 1. - Алма-Ата: Атамур, 1996.
125. Зуев В.Ю. Ритуал очищения у скифов и массагетов в аспекте проблемы культурно - исторического единства Евразийской Скифии VII - V в.в. // Маргулановские чтения. - Алма-Ата, 1989.
126. Иванов П.П. Сайрам. Историко-археологический очерк // Сборник Туркестанского Восточного Института в честь А.Э. Шмидта. - Т., 1923.
127. Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА, № 1. - М., 1965.
128. Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1992.
129. Исмагилов Р.Б. К этимологии MASSAGETAE и PHYSSAGETAE // Маргулановские чтения. - Алма-Ата, 1989.
130. Исмагулова А.О. Антропология эпохи раннего железа и рубежа нашей эры // История Казахстана с древнейших времён до наших дней в 4- х томах. Том I. - Алма-Ата: Атамур, 1996.
131. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней (под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой). - Алма-Ата: Каз.ОГИЗ, 1943.
132. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН Каз. ССР, т. 7. - Алма-Ата, 1959.
133. Кабанов С.К. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе // ИМКУ, вып. 3. - Т., 1962.
134. Кадыров Э. Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы (по материалам раскопок могильника Гурмирон в 1973 г.) // УСА, вып. 3. - Л., 1975.
135. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской учёной Архивной комиссии, вып. 22. - Оренбург, 1910.
136. Каменецкий И.С. Археологическая культура - её определение и интерпретация // СА, № 2. - М., 1970.
137. Кибиров А.К. Археологические памятники Чаткала // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. - М.: АН СССР, 1959.
138. Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане 1953-1955 г.г. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. - М.: АН СССР, 1959.
139. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. - М.: АН СССР, 1951.
140. Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА, № 2. - М., 1970.
141. Клейн Л.С. Археология и этногенез (новый подход) // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978.
142. Кляшторный С.Г. Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах // СЭ, № 3. - М., 1951.
143. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. - М., Наука, 1964.
144. Кнабе Г.С. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // СА, № 3. - М., 1959.
145. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. - Фрунзе, 1959.
146. Кожомбердиев И.К. Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК, вып. 80. - М., 1960.
147. Кожомбердиев И.К. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963.
148. Кожомбердиев И.К. Комплекс вооружений кенкольского воина // Военное дело древнего населения Средней Азии. - Новосибирск: Наука, 1984.

149. Кожомбердиев И.К. Культура ранних кочевников западного Тянь-Шаня (по материалам курганных могильников VI в. до н.э. - VII в. н.э. долины Кетмень-Тюбе). Автореферат дисс. канд. - Л., 1986.
150. Крашенинникова Н.И. Археологические наблюдения на Чаштепа // Труды Таш. ГУ, вып. V. - Т., 1960.
151. Кудрявцева О.М. К проблеме выделения археологических культур // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск, 1987.
152. Кузнецова Т.М. Скифские зеркала // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1989.
153. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско - Минусинской котловины. - М., 1960.
154. Кюннер Н.В. Работа Н.Я. Бичурина (Иакинфа) над китайскими источниками для "Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена" // Н.Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. - М.-Л., 1950.
155. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: изд. Вост. лит. - 1961.
156. Левина Л.М. К вопросу об антропоморфных изображениях в джетыясарской культуре // История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968.
157. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сыр - Дарьи в I тысячелетие н.э. - М., Наука, 1971.
158. Левина Л.М. Среднеазиатские связи джетыясарской культуры в первой половине I тыс. н.э. // Культура и искусство древнего Хорезма. - М., 1981.
159. Левина Л.М. Об одной группе иранских резных камней из Восточного Приаралья // ВДИ, № 4. - М., 1991.
160. Левина Л.М. Памятники джетыясарской культуры середины I тыс. до н.э. - середины I тыс. н.э. // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1992.
161. Левина Л.М. Джетыясарские склепы // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. II, часть 1. - М., 1993.
162. Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бидаик - асар, Кос - асар // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. III, часть 2. - М., 1993.
163. Левина Л.М. Могильники Алтын-Асар 4 // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. IV., Джетыясарская культура. - М., 1994.
164. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тысячелетие до н.э. - I тысячелетие н.э.). - М., 1996.
165. Левина Л.М. К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции // Приаралье в древности и средневековье. М., РАН, 1998.
166. Левина Л.М., Никитин А.Б. Иранские резные камни из Восточного Приаралья / Культура Востока: проблемы и памятники. С.-П., 1992.
167. Левина Л.М., Довгалюк Н.П. Бусы из джетыясарских памятников // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. V, Джетыясарская культура, ч. 5. - М., 1995.
168. Левина Л.М., Равич И.Г. Бронзовые зеркала из джетыясарских памятников. // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. V, Джетыясарская культура, часть 5. - М., 1995.
169. Левина Л.М., Никитин А.Б. Иранские резные камни из памятников джетыясарской культуры Восточного Приаралья // Низовья Сыр - Дарьи в древности. Вып. V, часть 5. - М., 1995.
170. Левина Л.М., Чижова Л.В. О некоторых зооморфных и антропоморфных изображениях в джетыясарской культуре // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. V, часть 5. - М., 1995.
171. Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел. // СА, № 2. - М., 1965.
172. Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на востоке). // СА, № 4. М., 1966.
173. Литвинский Б.А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА, № 2. - М., 1967.
174. Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. - Душанбе: Дониш, 1968.

175. Литвинский Б.А. Древние кочевники "Крыши Мира".- М, Наука, 1972.
176. Литвинский Б.А. Курганы и курумы западной Ферганы.- М., 1972.
177. Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы.- М., Наука, 1973.
178. Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы.- М, Наука, 1973.
179. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. Вып. IV.- М., Наука, 1978.
180. Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э. (среднеазиатский аспект кушанской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.).- М., 1981.
181. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ, № 3. - М., 1981.
182. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин - Каменное городище (раскопки 1976 - 1978 г.г.) // Культура и искусство древнего Хорезма.- М., Наука, 1981.
183. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии.- М., Наука, 1984.
184. Луконин В.Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961.
185. Луконин В.Г. По поводу булл из Ак - депе // ЭВ, вып. XX.- Л., 1971.
186. Максимова А.Г. Погребальные сооружения скотоводческих племен // Археологические исследования на северных склонах Каратау / Труды ИИАЭ АН Каз. ССР. Т. 14.- Алма-Ата, 1962.
187. Максимова А.Г. Могильник Жаман-Тогай // Древности Чардары. - Алма-Ата, Наука Каз. ССР, 1968.
188. Максимова А.Г. Могильник Актобе // Древности Чардары. - Алма-Ата, Наука Каз ССР, 1968.
189. Максимова А.Г. Шаушукумский могильник // Древности Чардары.- Алма-Ата, Наука Каз. ССР, 1968.
190. Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. - Алма-Ата, Наука Каз. ССР, 1968.
191. Маловицкая Л.Я. Тамдинский могильник III - I в.в. до н.э. // ИАН Каз. ССР, сер. археолог, вып. 2.- Алма-Ата, 1949.
192. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. - Новосибирск, 1989.
193. Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье // СА, № XX.- М., 1954.
194. Мандельштам А.М. О некоторых проблемах изучения истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // УСА, вып. 3. - Л., 1975.
195. Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.
196. Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы / Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.
197. Мандельштам А.М., Горбунова Н.Г. Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., Наука, 1992.
198. Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно - сарматский период на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.
199. Манцевич А.П. Курган Солоха.- Л.: Искусство, 1987.
200. Маргулан А.Х. Оседлые поселения VIII - XIII в.в. на северных склонах Каратау // ИАН Каз ССР, серия археол., вып. I, № 46.- Алма-Ата, 1948.
201. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана.- Алма-Ата: изд. АН Каз. ССР, 1950.
202. Маргулан А.Х. Бегазы - Дандыбаевская культура Центрального Казахстана.- Алма-Ата, Наука Каз. ССР, 1979.

203. Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII - VIII в.в. // ТОВЭ, т. V.- Л., 1961.
204. Мартынов А.И. Современный этап изучения археологических культур скифо-сибирского мира // Маргулановские чтения.- Алма-Ата, 1989.
205. Массон М.Е. Старый Сайрам // Известия Средазкомстариса. Вып. III.- Т., 1928.
206. Массон М.Е. К периодизации древней истории Самарканда // ВДИ, № 4.- М., 1950.
207. Массон В.М. Понятие культура в археологической систематике // Каменный век Средней Азии и Казахстана. - Т.: ФАН, 1972.
208. Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. - Фрунзе, 1990.
209. Мелюкова А.И. Скифы и нескифские племена степи и лессостепи Восточной Европы в VIII - III в. до н.э. Хозяйство, быт, торговля // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.- М, 1989.
210. Мелюкова А.И. Скифская материальная культура. Деревянная и металлическая посуда // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время.- М., Наука, 1989.
211. Мелюкова А.И. Скифское искусство звериного стиля // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1989.
212. Мершиев М.С. Могильник у поселения Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды ИИАЭ АН Каз. ССР, т. 14. - Алма-Ата, 1962.
213. Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.
214. Могильников В.А. Саргатская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М, 1992.
215. Монгайт А.Л. Культура археологическая // СИЭ, № 8.- М., 1965.
216. Монгайт А.Л. Археологические культуры и этнические общности (К вопросу о методике историко - археологических исследований) // Народы Азии и Африки, № 1. - М., 1967.
217. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век.- М., Наука, 1973.
218. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ, вып. Д 1 - 10.- М., 1963.
219. Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1989.
220. Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М, 1989.
221. Мошкова М.Г. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.- М, 1989.
222. Мошкова М.Г, Рындина Н.В. Сарматские зеркала Поволжья // Очерки технологии древнейших производств.- М., 1975.
223. Новгородова Э.А. Периодизация петроглифов Монголии // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье.- М, Наука, 1981.
224. Нильсен В.А. Кызыл - Кыр // ИМКУ, вып. I.- Т., 1959.
225. Никитин А.Б., Согомонов А.Ю. Оттиски печатей и клейма на керамике сасанидского времени из Мервского оазиса // ВДИ, № 4.- М., 1987.
226. Нурмуханбетов Б.Н. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана.- Алма-Ата: Наука, 1970.
227. Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана.- Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1975.
228. Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан - погребальный памятник ранних земледельцев Отрарского оазиса // Прошлое Казахстана по археологическим источникам.- Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1976.
229. Нурмуханбетов Б.Н. Могильник Мардан // КСИА, вып. 154. М., Наука, 1978.
230. Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУ, вып. 2. - Т., 1961.
231. Обельченко О.В. Могильник Акджар - Тепе // ИМКУ, вып. 3. - Т., 1962.
232. Обельченко О.В. Кую-Мазарский могильник // Труды ИИА АН Уз. ССР, вып. 7. - Т., 1967.

233. Обельченко О.В. Миранкульские курганы // ИМКУ, вып. 8. - Т., ФАН Узб. ССР, 1969.
234. Обельченко О.В. Агалыксайские курганы. // ИМКУ, вып. 9. - Т., ФАН Узб. ССР, 1972.
235. Обельченко О.В. Культура древних кочевников долины Зеравшана. Автореферат дисс. докт. - М., 1982.
236. Оболдуева Т.Г. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области. // КСИИМК, вып. 23.- М., 1948.
237. Оболдуева Т.Г. Курганы на арыке Джун // СА, № 4.- М., 1988.
238. Ольховский В.С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА, № 4.- М., 1977.
239. Остроумов Н.П. Археологическая поездка в селение Мамаевку // ПТКЛА, год 4. - Т., 1899.
240. Пацевич Г.И. Памятники междуречья Талас - Арысь // Материалы и исследования по археологии Казахской ССР. Т. 1: Таласская долина. - Алма-Ата, 1949.
241. Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Ещё раз о назначении скифских наверхий / Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье. - М., Наука, 1981.
242. Плетнёва С.А. От кочевий к городам (салтово-маятская культура). - М., Наука, 1967.
243. Подушкин Н.П. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана // ИАН Каз. ССР, серия общественных наук, вып. № 5. - Алма-Ата, 1968.
244. Подушкин Н.П. Ранние оседлые поселения Арыси (I - VIII в.в.) // Автореферат дисс. к.и.н. - Алма-Ата, 1970.
245. Подушкин Н.П. Ранние оседлые поселения Арыси (I - VIII в.в.) // Диссертация на соискание учёной степени к.и.н. - Алма-Ата, 1970.
246. Подушкин Н.П. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховой реки Арысь (I - IV в.в.) // По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, Наука Каз. ССР, 1970.
247. Подушкин Н.П. Гончарные печи раннеземледельческих поселений долины Арыси (Южный Казахстан) // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, Наука Каз. ССР, 1973.
248. Подушкин Н.П. О хозяйстве оседлого населения Арыси в I - IV в.в. н.э. // В глубь веков. - Алма-Ата, Наука Каз. ССР, 1974.
249. Подушкин Н.П. Археологическая разведка в Чимкентской области // АО 1980.- М., Наука, 1981.
250. Подушкин А.Н. О знаках на керамике поселений Южного Казахстана IV - VI в.в. // ИАН Каз. ССР, сер. общ. наук, № 3.- Алма-Ата, 1985.
251. Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана I - VI в.в.н.э. (бассейн р. Арысь, южные склоны Каратау и Каржантау) // Дисс. на соискание учёной степени кандидата исторических наук. - М., 1986.
252. Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана I - IV в.в. н.э. (бассейн р. Арысь, южные склоны Каратау и каржантау) // Автореферат дисс. к.и.н. - М., 1986.
253. Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры I - VI в.в.н.э. бассейна р. Арысь // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата, Наука Каз. ССР, 1987.
254. Подушкин А.Н. Некоторые итоги исследования могильника Тулебайте I // Маргулановские чтения 1990. - М., 1992.
255. Подушкин А.Н. Археологические работы на Ордабасы // Атамур, Чимкент, 1995.
256. Подушкин А.Н. Особенности культурогенеза Южного Казахстана позднего железного века и роль в нём центрально-азиатского фактора // Труды международной научной и научно-методической конференции "Наука и образование 97". - Чимкент, 1997.
257. Подушкин Н.П., Подушкин А.Н. Археологические памятники Чимкентской области. Чимкент, 1990.
258. Позднева Л.Д. Путешествие Чжан Цяня в Среднюю Азию во II - I в.в. до н.э. // Хрестоматия по истории древнего мира. - М., 1950.

259. Попова В.Н. Структурно - семантическая природа топонимов Казахстана (сравнительно историческое исследование) // Автореферат дисс. на соискание учёной степени д.ф.н.- Алма-Ата, 1997.
260. Попова В.Н. Структурно - семантическая природа топонимов Казахстана (сравнительно историческое исследование) // Дисс. на соискание учёной степени д.ф.н., Алма-Ата, 1997.
261. Пшеницина М.Н. Минусинская котловина. Тесинский этап // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., 1992.
262. Пугаченкова Г.А. Работы Мианкальской группы // АО 1982. - М., 1984.
263. Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока.- Т., 1987.
264. Рапопорт Ю.А. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье.- М., РАН, 1998.
265. Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы.- М-Л., 1952.
266. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М - Л, 1953.
267. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М-Л, 1960.
268. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы.- М-Л., АН СССР, 1962.
269. Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно - Казахстанская область, Т. 1. - Алма-Ата, Энциклопедия, 1994.
270. Сенигова Т.Н. Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау. / Труды ИИАЭ АН Каз. ССР, т. 14. - Алма-Ата, 1962.
271. Скалон К.М. Изображения животных на керамике сарматского периода // Труды отдела истории первобытной культуры ГЭ, т. 1.- Л., 1941.
272. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия.- Саратов, 1990.
273. Смагулов Е.А. Находки сасанидских гемм в Отрарском оазисе // Археологические памятники на Великом шёлковом пути. Алма-Ата, 1993.
274. Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА, № 4. - М., 1964.
275. Смирнов А.П. Скифы.- М., 1966.
276. Смирнов А.П. Об археологических культурах Среднего Поволжья // СА, № 2.- М., 1968.
277. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА, № 101.- М., 1961.
278. Смирнов К.Ф. Савроматы.- М., 1964.
279. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья - Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА, № 1. - М., 1972.
280. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
281. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., Наука, 1975.
282. Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время.- М., Наука, 1989.
283. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья.- Киев, 1959.
284. Сорокин С.С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА, № XX. - М., АН СССР, 1954.
285. Сорокин С.С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры // СА, № XXVI.- М., 1956.
286. Ставиский Б.Я. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины / ИМКУ, вып. 1.- Т., 1959.
287. Ставиский Б.Я. О северных границах Кушанского государства // ВДИ, № 1.- М., 1961.
288. Тереножкин А.И. Рецензия на работу Г.В. Григорьева "Каунчи - тепе" // Изв. Узб. ФАН СССР, № 8. Т., 1940.
289. Тереножкин А.И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале / Известия Уз. ФАН СССР, № 3. Т., 1940.
290. Тереножкин А.И. Холм Ак - тепе близ Ташкента // Материалы по археологии Узбекистана, т. 1.- Т., 1948.

291. Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК, вып. 33.- М., 1950.
292. Толстов С.П. К вопросу о датировке культуры Каунчи - тепе // ВДИ, № 1.- М. 1946.
293. Толстов С.П. Города гузов // СЭ, № 3. М., 1947.
294. Толстов С.П. Древний Хорезм. - М., МГУ, 1948.
295. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации.- М.: изд. АН СССР 1948.
296. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта.- М.: Наука, 1962.
297. Тревер К.В. Этнический состав населения Средней Азии в VI - V в.в. до н.э. / СЭ, № 6 - 7. - М., 1947.
298. Трудновская С.А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз - Гыр // Кочевники на границах Хорезма.- М.: Наука, 1979.
299. Трудновская С.А. Предметы вооружения и быта. Украшения // Городище Топрак-Кала.- М., 1981.
300. У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцэн. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзе уезда Туньсинь в Нинься // Китай в эпоху древности.- Новосибирск, Наука, 1990.
301. Филанович М.И. Две находки на Шаштепа в Ташкенте // ИМКУ, вып. 20. - Т. ФАН, УзССР, 1986.
302. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА, № 4.- М., 1963.
303. Хазанов А.М. Сложные луки Евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана.- М., Наука, 1966.
304. Хазанов А.М. Катафрактары и их роль в истории военного искусства // ВДИ 1.- М., 1968.
305. Хазанов А.М. Характерные черты сарматского военного искусства // СА, № 1.- М., 1970.
306. Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ, № 2.- М., 1970.
307. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. - М., 1971.
308. Хазанов А.М, Шкурко А.И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. - М., 1976.
309. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири.- Новосибирск, Наука, 1986.
310. Худяков Ю.С. Аксиологические аспекты выделения археологической культуры / Исторические чтения памяти М.П. Грязнова.- Омск, 1987.
311. Черников С.С. Загадка Золотого кургана.- М., 1965.
312. Членова Н.Л. Скифский олень. // МИА, № 115.- М., 1962.
313. Членова Н.Л. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле / ПСА.- М., 1971.
314. Членова Н.Л. Тагарская культура // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., Наука, 1992.
315. Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.- М., Наука, 1992.
316. Шалекенов У.Х. Актобе - средневековый памятник // История материальной культуры Казахстана.- Алма-Ата: изд. Каз. ГУ, 1980.
317. Шуховцов В.К. Локализация саков-тиграхауда и саков хаумаварга древнеперсидских надписей // Маргулановские чтения. - Алма-Ата, 1989.

Список сокращений

АО	Археологические открытия. М.
ВАН Каз. ССР	Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма - Ата.
ВДИ	Вестник древней истории.
ГИМ	Государственный исторический музей.
ГЭ	Государственный Эрмитаж.
ИАН Каз. ССР	Известия Академии наук Каз. ССР.
ИИАЭ АН	Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
КазГУ	Казахский Государственный университет.
КСИА	Краткие сообщения института археологии.
КСИИМК	Краткие сообщения института истории материальной культуры.
МГУ	Московский Государственный университет.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР.
М-Л	Москва – Ленинград.
ОВГЭ	Отдел истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа.
ОНУз	Общественные науки Узбекистана. Ташкент.
ПСА	Проблемы советской археологии. М.
ПТКЛА	Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
РАН	Российская Академия наук. М.
СА	Советская археология. М.
САГУ	Среднеазиатский Государственный университет.
САИ	Свод археологических источников. М.
САЭ	САЭ Семиреченская археологическая экспедиция.
СЭ	Советская этнография. М.
ТОВЭ	Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа.
Таш. ГУ	Ташкентский Государственный университет.
УСА	Успехи среднеазиатской археологии.
ФАН Узб. ССР	Филиал Академии наук Узбекской ССР. Ташкент.
ХАЭЭ	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЮКАЭ	Южно-Казахстанская археологическая экспедиция.
ЮККАЭ	Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция.
ЦКАЭ	Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция.

Послесловие

Археологические исследования являют собой чрезвычайно насыщенную сферу в контексте концентрации историко-культурных фактов.

Они представляют информацию к размышлению самым различным гуманитарным и прикладным наукам. По этой причине результаты археологических исследований могут иметь неожиданное продолжение.

В какой-то степени аналогичная ситуация произошла с автором данной книги, которому было предложено заняться реконструкцией древней одежды II в. до н.э. - IV в.н.э.

Это предложение поступило от директора Государственного Музея Республики Казахстан Нурсана Алимбая, за что я ему чрезвычайно благодарен.

Одним словом, археолого-реконструктивный проект “Одежда и аксессуары знатной кангюйской женщины II в. до н.э. - IV в.н.э.” успешно реализован.

Он выполнен на основе реконструкции древней одежды по материалам джетыясарской и арысской археологических культур, и ныне занимает достойное место в экспозиции Государственного Музея Республики Казахстан в г.Астана.

Как автор проекта я ручаюсь за его историко-культурную достоверность, поскольку имею полное представление об артефактах, составивших источник базис реконструкции.

Здесь, на страницах моей монографии, представлен книжный вариант-версия упомянутого археолого-реконструктивного проекта.

Что получилось из приложения усилий многих специалистов, создавших этот уникальный костюм, судить уважаемым Читателям.

Автор

Подушкин Александр Николаевич

Ответственный редактор
доктор исторических наук К.А.Акишев

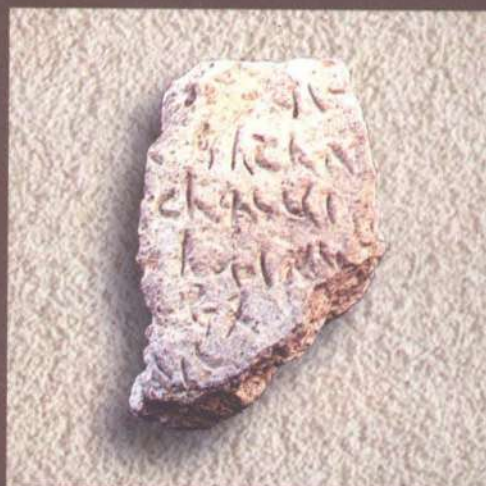
Художник
А.Г.Донец

Фотограф
С.Хайкин

Корректор
С.А.Фёдоров

Дизайн и верстка
Д.В. Гончаров
Р.Ф. Потехин

Текст публикуется в авторской редакции

ГЛАВА V

**Этническая
атрибуция
арысской
культуры**

ГЛАВА VI

**Канцзюй
в свете данных
арысской
культуры**

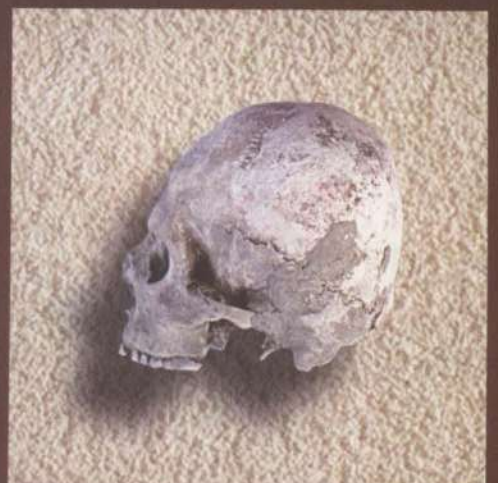
ЗАКЛ

ЧЕНИЕ

**Палеографический
комментарий**

**Антропологическое
заключение**